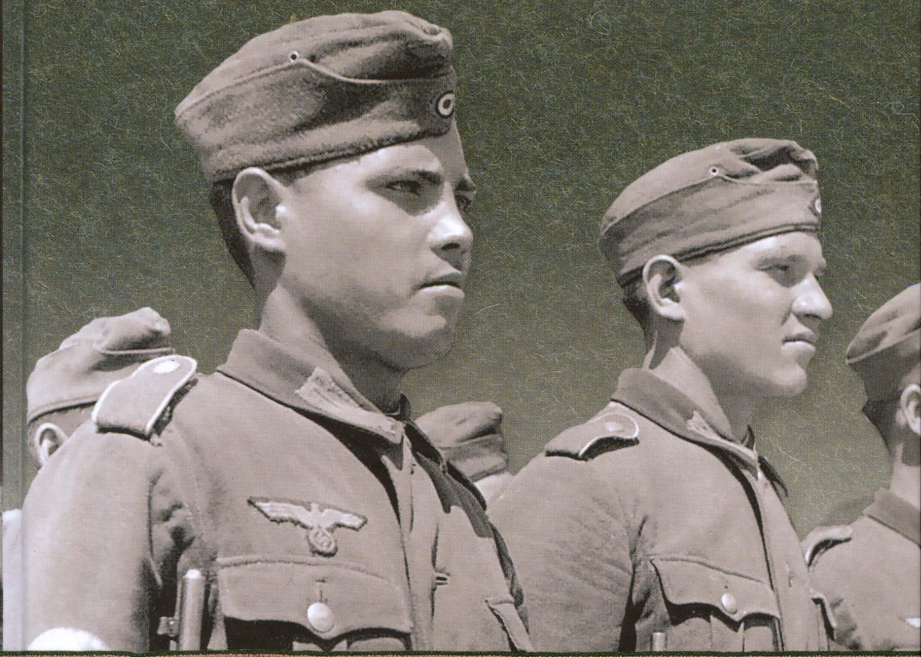
Враги И союзники

И.А. Гилязов

Легион «Идель-Урал»



Osttürkischer Waffen-Verband der SS

Искандер Гилязов

ЛЕГИОН «ИДЕЛЬ-УРАЛ»

Москва
«Вече»
2009

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622
Г47

Издается с информационной поддержкой сайта Reibert.info

Гилязов, И.А.

Г47 Легион «Идель-Урал» / Искандер Гилязов. — М. : Вече, 2009. — 304 с. : ил. — (Враги и союзники).

ISBN 978-5-9533-4272-8

Книга рассматривает феномен советского коллаборационизма на примере представителей тюрко-мусульманских народов. Она стала результатом работы в архивах и библиотеках Германии. Особый интерес представляют документальные материалы различных учреждений национал-социалистической Германии как военных, так и гражданских: материалы Министерства иностранных дел, Министерства по делам оккупированных восточных территорий (Восточного министерства), Главного управления СС, командования Восточных легионов и различных военных соединений вермахта. Имеющийся материал позволяет с достаточной точностью воспроизвести одну из масштабных военно-политических афер Третьего рейха – попытку организовать военное и политическое сотрудничество с представителями тюрко-мусульманских народов СССР. Ее результаты весьма любопытны.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9533-4272-8

© Гилязов И.А., 2009
© ООО «Издательский дом «Вече», 2009

ВВЕДЕНИЕ

Великая Отечественная война постепенно уходит от нас в далекое прошлое. Эта война, одна из самых кровавых в истории человечества, во многом определила ход последующих исторических событий. Она стала грандиозной трагедией для миллионов людей. Ее следы, пожалуй, сохранились и сегодня в душах не только ветеранов войны и тех, кто пережил ужасы войны, работая в тылу, но их, вероятно, можно ощутить в чувствах послевоенных поколений, каждое из которых по-своему пытается понять величие и трагизм этой масштабной катастрофы. Поэтому очевиден неугасающий интерес к военной проблематике современной исторической науки. Казалось бы, тема Великой Отечественной войны изучена исследователями вдоль и поперек. По истории войны опубликованы тысячи монографий и статей, есть и капитальные многотомные исследования.

И все-таки война — это такое многоплановое и многомерное явление, что даже за 60 с лишним лет вряд ли возможно со всей скрупулезностью и объективностью изучить каждый ее нюанс. Есть еще наверняка сюжеты, изученные исследователями мало или недостаточно, так называемые «белые пятна». И действительно, до какого-то времени оставались в истории войны темы, закрытые для изучения. На них в силу политических причин было наложено табу. Историки могли про себя над ними задумываться, но изучать их они не имели ни возможности, ни позволения.

Одной из таких проблем является весьма щекотливая и неоднозначно воспринимаемая тема советского коллаборационизма в годы войны или тема военного и политического сотрудничества определенной части советских граждан с Германией — оккупационными властями, вермахтом и СС, политическими учреждениями Третьего рейха. Очевидно, многие слышали о генерале Андрее Власове и Русской Освобо-

дительной армии, о Восточных легионах, созданных гитлеровцами из военнопленных представителей тюрко-мусульманских народов СССР, в том числе и о легионе «Идель-Урал». В советское время эти темы упоминались в исторической литературе и публицистике, но информация та была, во-первых, очень дозированной, во-вторых, очень недостоверной. У нас должно было сложиться мнение, что такие военные формирования, как РОА или Восточные легионы, являлись жалкими, абсолютно беспомощными придатками вермахта, состоящими сплошь из изменников и отщепенцев. Если уж шли в них честные люди, то только с ясным намерением обратить против врага полученное оружие. Получалось так, что восточные легионеры затем почти все перебежали к партизанам — в Белоруссии, на Украине, во Франции или Голландии, что Восточные легионы изначально противостояли немцам и сопротивлялись всем попыткам использовать их в борьбе против Красной армии или партизан. Но все, оказывается, далеко не так просто и гладко. Даже если обратить внимание только на количественные показатели и вспомнить, что в германских вооруженных силах в годы войны находилось не менее 700 000 советских граждан, в основном из числа военнопленных, то закономерно возникает вопрос: как же так получилось? Неужели могло быть столько «предателей» и «отщепенцев»? Объяснять все это элементарным предательством было бы в значительной степени упрощением и примитивизацией проблемы. На нее, при всей ее болезненности и неоднозначности, следует взглянуть более широко и непредвзято.

В постсоветское время, когда историки получили возможность более свободного изучения прошлого, когда открылись ранее закрытые архивы, темы, на которые ранеее было наложено вето, привлекали и привлекают особый и пристальный интерес. Они вызывают и заинтересованную реакцию у читателей. И проблема советского коллаборационизма в годы Второй мировой войны действительно начала изучаться довольно интенсивно. Особенно много исторической литературы посвящено личности генерала Власова и Русской Освободительной армии — опубликованы уже десятки книг, исследований и собраний документальных материалов. Не обойдена вниманием и история Восточных легионов.

Так что можно с удовлетворением констатировать, что за довольно короткое время в изучении советского коллаборационизма в

годы Второй мировой войны сложилась даже определенная традиция. Наметились в исторической литературе и несколько разные подходы в оценках этого явления. Особенно представительна группа тех исследователей, которые в определенной степени продолжают линию советской историографии и без особого сомнения ставят знак равенства между коллаборационизмом и предательством. Но в то же время налицо в некоторых исследованиях попытка более разностороннего и, на наш взгляд, более объективного освещения этой проблемы.

Данная книга — попытка рассмотрения феномена советского коллаборационизма на примере представителей тюрко-мусульманских народов. Опираясь на имевшиеся в моем распоряжении источники, я постараюсь представить ход исторических событий, связанных с этим сюжетом, и познакомить читателя с разными его сторонами, высказать собственные суждения о феномене коллаборационизма. Задача историка в данном случае — это не выступление в роли обвинителя или защитника, а стремление представить происходившие в прошлом события как можно более беспристрастно и объективно, не впадая в крайности. Понятно, что с высоты сегодняшнего дня довольно легко навешать ярлыки и обрисовать все двумя цветами — черным и белым. А война, тем более такая, как Вторая мировая война, — явление настолько сложное, что двух красок для представления всех ее сторон явно недостаточно. Следует учитывать, что, изучая прошлое, мы должны иметь о нем максимально широкое представление, а не выбирать из него только «выигрышные», героические или удобные сюжеты, которые в данный момент кажутся «политически выдержанными» или «полезными».

Эта книга стала результатом работы в архивах и библиотеках Германии. Особый интерес для меня представляли документальные материалы различных учреждений национал-социалистической Германии, как военных, так и гражданских: материалы Министерства иностранных дел, Министерства по делам оккупированных восточных территорий (Восточного министерства), Главного управления СС, командования Восточных легионов и различных военных соединений вермахта. Идеологическая направленность этой документации при этом никогда не упускалась из вида. Эти документы являлись продуктом жестокого тоталитарного режима, поэтому необходимость строгого критического подхода к ним являлась для меня очевидной. Увы, не все

из источников времен Второй мировой войны сохранились, многие оказались безвозвратно утерянными. И все же имеющийся материал позволяет с достаточной точностью воспроизвести одну из масштабных военно-политических афер Третьего рейха — попытку организации военного и политического сотрудничества с представителями тюркомусульманских народов СССР и ее результаты.

Выражаю свою благодарность фонду имени Александра фон Гумбольдта (Alexander-von-Humboldt-Stiftung), сделавшему мне возможным целенаправленный и углубленный поиск в архивохранилищах Германии. Я очень благодарен всем коллегам, советы которых помогали мне при написании данной работы — сотрудникам Семинара по восточноевропейской истории Кельнского университета: его тогдашнему руководителю профессору Андреасу Каппелеру (в настоящее время Венский университет), доктору Кристиану Ноаку (в настоящее время — Дублинский университет), доктору Гидо Хаусманну (в настоящее время — Фрайбургский университет), а кроме того, профессору Ингеборг Бальдауф (Берлин), профессору Герхарду Зимону (Кельн), профессору Адольфу Хампелю (Хунген), доктору Патрику фон цур Мюлену (Бонн), доктору Себастиану Цвиклински (Берлин). С теплотой и грустью вспоминаю я своих покойных коллег профессора Герхарда Хеппа (Берлин) и доктора Иоахима Хоффманна (Фрайбург). Многие коллеги в России также не остались в стороне — я искренне благодарю писателя Рафаэля Мустафина (Казань), заместителя главного редактора «Книги Памяти» Михаила Черепанова (Казань) и бывшего руководителя Центра общественных связей КГБ Республики Татарстан Ровеля Кашапова. Варианты этого исследования обсуждались на заседаниях в Казанском государственном университете, и ценные замечания по тексту сделали многие коллеги по кафедрам истории татарского народа, истории Татарстана, современной отечественной истории и историографии и источниковедения КГУ — профессор Миркасым Усманов, профессор Индус Тагиров, профессор Алтер Литвин, профессор Рамзи Валеев, профессор Риф Хайрутдинов, профессор Александр Литвин, доцент Валерий Телишев, доцент Завдат Миннуллин, доцент Дина Мустафина. Кроме того, очень важны для меня были и наблюдения профессоров Николая Бугая (Москва) и Ксенофонта Санукова (Йошкар-Ола).

Современники описываемых событий во многом помогли мне, беседы с ними дали возможность более выпукло и образно представить происходившее. С искренним уважением вспоминаю я ныне покойного адвоката Хайнца Унглаубе (Лауэнбург), бывшего руководителя Татарского посредничества. Я желаю крепкого здоровья Гарифу Султану (Мюнхен), бывшему члену «Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала», выдающемуся деятелю татарской послевоенной эмиграции.

Неоценимую помощь мне оказали сотрудники немецких архивов: Федерального архива в Кобленце, Федерального архива в Потсдаме, Федерального военного архива во Фрайбурге, Политического архива Министерства иностранных дел (ранее — Бонн, в настоящее время — Берлин), Бранденбургского земельного архива в Потсдаме, Института современной истории в Мюнхене, Архива федерального уполномоченного по делам Министерства безопасности бывшей ГДР в Берлине.

Глава 1

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вопрос об оценках явления советского военного и политического коллаборационизма в годы Второй мировой войны, несмотря на его остроту, в отечественной историографии по-настоящему только начинает изучаться. В силу известных причин советская историческая литература и публицистика к этим сюжетам обращались очень неохотно, упоминали их лишь очень кратко, скорее как «досадное недоразумение» военных лет. Но если уж они затрагивались, то ответы на поставленные вопросы давались достаточно простые.

Исходя из устоявшегося мнения о малочисленности коллаборационистов, активности коммунистических и прокоммунистических подпольных групп в среде военнопленных, которые насильно были загнаны в состав немецкой армии, считалось, что главной причиной провала планов Германии по привлечению на свою сторону представителей различных народов была верность советских людей своей Родине и коммунистической партии, их высокое чувство патриотизма. В борьбе СССР против нацистской Германии патриотизм действитель-

но сыграл громадную роль, преуменьшать которую непозволительно. Но все же мы считаем, что объяснять разрушение планов гитлеровцев лишь развитым чувством патриотизма «восточных народов» — это искусственное сужение проблемы. Ограничение таким представлением приведет к тому, что в поиске ответа на непростые вопросы мы остановимся на полпути.

Рассмотрим, какие же существуют общие мнения и оценки феномена коллаборационизма в историографии. Довольно просто объявить всех людей, которые оказались на стороне Германии в годы Второй мировой войны, «предателями». При этом во главу угла поставить чисто формальный юридический показатель: если ты перешел на сторону врага, нарушил присягу, надел немецкую форму и дал клятву верности Германии, в том или ином виде оказывал ей содействие, а тем более с оружием в руках сражался против своей родины, совершил вполне доказуемые военные преступления, то тогда ты, бесспорно, предатель. Такой подход существует до сих пор, он совершенно понятен и становится еще более ясным, если добавить к нему эмоциональной окраски. Исходя из такого подхода, после войны во всех странах коллаборационисты были преданы суду и осуждены как предатели национальных интересов. Однако даже в таком случае следует вспомнить юридические нормы многих стран, согласно которым собственно коллаборационизм или сотрудничество с врагом вообще не являются поводом для судебного разбирательства[1]. Человека, который перешел на сторону врага, можно осуждать за конкретно совершенное им преступление или преступления — военные, уголовные, преступления против человечности и др. Коллаборационизм же в данных случаях может выступать лишь фоном, который, естественно, подвергается этическому осуждению.

---

[1] Более того, один из современных белорусских историков, который занимался проблемами белорусского коллаборационизма, утверждает, что «в соответствии с международным правом допускается работа в оккупационных органах и структурах, если она не направлена против своего народа» (*Литвин А.М.* Проблема коллаборационизма и политические репрессии в Белоруссии 40—50-х годов // Политический сыск в России: история и современность. — СПб., 1997. — С. 267). К сожалению, это утверждение не подтверждается сносками. Устные консультации, полученные мной у специалистов по международному праву в Казанском государственном университете, позволяют утверждать, что А.М. Литвин в данном случае несколько преувеличивает.

Если принять во внимание даже чисто количественные показатели и вдруг столкнуться с цифрой, что таких «предателей» из представителей всех народов СССР в годы войны оказалось около одного миллиона, то уже одно это заставляет основательно задуматься над природой такого сложного явления, подойти к его оценке более серьезно.

В истории военных конфликтов немало примеров сотрудничества, военного или политического, представителей одной враждебной стороны с другой. Не стал исключением и период Второй мировой войны — практически во всех оккупированных Германией европейских странах были примеры коллаборационизма.

Мотивацию и характеристику причин перехода определенной части граждан воюющих против Германии или оккупированных вермахтом стран на сторону врага пытались давать уже в годы войны отдельные заинтересованные лица. Одной из первых попыток оценки мотивов перехода граждан оккупированной страны на сторону нацистской Германии в годы войны можно считать мнение генерала Ральфа фон Хайгендорфа, непосредственного участника событий, одного из руководителей Восточных легионов вермахта.

Он очень образно определил состав «восточных добровольцев», несших службу в легионах: «Совершенно ясно, что основным мотивом для перехода к немцам был не идеализм, а материализм». Исходя из этого, состав «добровольцев» разделен им на три части: «материалисты» (имевшие чисто материальный интерес), «оппортунисты» (лица, которые, «поняв силу немецкого оружия», решили поменять свои позиции»), «чистые идеалисты» (численно наименьшая группа боровшихся за «идею»)[1]. Последние, по словам фон Хайгендорфа, либо пострадали сами от большевистского режима, либо имели религиозные, политические, этнические причины бороться против большевизма, либо мечтали об освобождении своей родины (это особенно относилось к представителям кавказских или среднеазиатских народов). Развивая далее свои мысли, немецкий генерал оценивал «оппортунистов» и «материалистов»: «Положение “оппортунистов” было наиболее шатким — как только такой человек понимает, что он поставил не на ту карту, он пытается что-либо предпринять, чтобы спастись — переходит

[1] Institut für Zeitgeschichte (IfZ) — München, Zs 407/I — Heygendorff, Bl.20.

к партизанам, убегает и т.п. "Материалисты" чаще всего спокойно служат до тех пор, пока им лично ничего не угрожает»[1]. Характеристика, как видим, достаточно откровенная.

Однако мнение немецкого генерала — это не мнение исследователя проблемы, это скорее субъективная точка зрения вовлеченного в события и политически ангажированного человека. И все же разделение мотивов коллаборационизма на «материальные», «оппортунистические» и «идеальные» представляется небезосновательным, вполне заслуживая и упоминания, и пристального внимания, тем более что в позднейшей историографии отмеченный тезис получает определенное развитие.

Более детальный и более понятный подход, продемонстрирован в исследовании Ханса-Вернера Нойлена[2]. В основу своей классификации Х.-В. Нойлен положил политические мотивы коллаборационизма в разных странах. Особенно примечательно, на наш взгляд, то, что он очень выпукло представил роль национальной проблемы, развития национальной идеи, национализма в проявлениях коллаборационизма в годы Второй мировой войны. И действительно нельзя в данном случае не учитывать того факта, что национальная идея играла и до сегодняшнего дня играет громадную роль в жизни практически всех европейских стран в XX в., а национализм, особенно после Первой мировой войны, для многих народов стал ощутимой интеграционной идеологией. Эта особенность не могла не проявиться в условиях войны, когда в некоторых странах, особенно в многонациональных, отдельные политические круги и личности считали национальный вопрос нерешенным или решенным несправедливо. В их понимании развитие военных событий давало известный шанс для реализации своих национальных проблем. Особую привлекательность в некоторых случаях приобретала как будто бы открывавшаяся перспектива возрождения или создания национальной государственности, восстановления национально-государственной независимости — это вполне подтверждается на примерах Словакии, Хорватии, Западной Украины, Кавказа, государств Прибалтики и др.

Немецкий историк выделяет следующие модели (группы) мотивов коллаборационизма:

---

[1] Institut für Zeitgeschichte (IfZ) — München, Zs 407/I — Heygendorff, Bl.21.

[2] *Neulen, H.W.* An deutscher Seite, S. 39—49.

«— антиимпериалистические и антиколониальные цели (великий муфтий Палестины, иракский премьер-министр Рашид Али аль-Гайлани, индийский борец за свободу Субхас Чандра Бос);

— осуществление этнических целей в национальной борьбе против доминирующего в государстве народа (словаки, хорваты);

— антикоммунистические — реформаторские идеи установления новых государственных порядков (Власов и находившаяся под его командованием Русская Освободительная армия, казаки и калмыки);

— антикоммунистические устремления к установлению независимости и самостоятельности (эстонцы, латыши, литовцы, украинцы, грузины, народы Кавказа и пр.);

— фашистские и национал-социалистические идеи осуществления нового государственного порядка и превращение континента в германский или европейский союз государств (норвежец Квислинг, голландец Муссерт, валлон Дегрель, французы Деа и Дорио, серб Льотич);

— консервация авторитарно-антикоммунистического статус-кво с надеждой на улучшение ситуации после германской победы (режим Виши во Франции, серб Недич)»[1].

Как видим, декларированные политические цели и мотивы европейских коллаборационистов были различны и во многом зависели от конкретной ситуации, в которой находился тот или иной народ. Большинство коллаборационистов имело свои политические программы, которые почти никогда не предусматривали «тотального» подчинения национал-социалистической доктрине, иначе говоря, их неверно было бы воспринимать как программы национал-социалистические в чистом виде. Они скорее полагались на немецкую поддержку для осуществления своих внутри- и внешнеполитических целей. Но весь трагизм такого политического целеполагания состоял в том, что коллаборационисты надеялись на помощь национал-социалистического режима, не сознавая до конца его сущности или же поняв ее лишь тогда, когда обратного пути уже не было: «Они вскочили на идущий поезд национал-социализма, ошибочно полагая, что они смогут повлиять на его маршрут. Они не знали, что Освенцим и Треблинка являлись этапами этого маршрута. Они не понимали, что поезд не имеет стоп-крана и уже въехал в туннель, в конце которого не было

[1] *Neulen, H.W.* An deutscher Seite, S. 42.

никакого света надежды», — так образно охарактеризовал сложившееся положение Х.-В. Нойлен[1]. Причем германская сторона делала немало с целью полной компрометации своих часто неожиданных «союзников» перед согражданами и мировым сообществом, воспринимая их не как партнеров, а как подчиненных, чтобы как можно крепче и надежнее привязать их к себе. «Если мы этого достигнем, тогда мы получим людей, которые так ощутимо согрешили, что они пойдут с нами через огонь и воду», — так говорил о коллаборационистах Гитлер в феврале 1942 г.[2]

Нойлен также отмечает, что понятие «коллаборационизм» в современном политическом и научном лексиконе означает «все контакты предательского, корыстного характера с врагом», направленные «против интересов собственного народа»; историк, на наш взгляд вполне справедливо, призывает акцентировать внимание на двух моментах: во-первых, явление коллаборационизма относится не только к периоду Второй мировой войны, а повторяется постоянно в истории человеческого общества; во-вторых, следует осторожно относиться к восприятию «коллаборационизма» как синонима предательства[3].

Анализируя разные причины, базис для формирования коллаборационизма в разных странах, Х.-В. Нойлен выделяет и основные формы коллаборационизма в Европе в период Второй мировой войны: экономическая (работа в пользу Германии на оккупированных территориях в сфере промышленности и сельского хозяйства, труд «невольных, вынужденных» коллаборационистов — «восточных рабочих», угнанных в Германию), административная (работа в оккупационных органах власти, служба в полиции и т.п.), политико-идеологическая (создание политических партий и движений, не только лояльных режиму Гитлера, но и оказывавших ему действенную идеологическую поддержку) и военная (служба в военных соединениях национал-социалистической Германии — в вермахте и СС). Вполне правомерно Х.-В. Нойлен считает, что их можно дифференцировать и на основании мотивов и интенсивности коллаборационизма:

---

[1] *Neulen, H.W.* An deutscher Seite, S. 44.

[2] Ibid., S. 44.

[3] Ibid., S. 39.

— нейтральная (коллаборационисты продолжают существовать в условиях оккупации так, как будто ничего в жизни их страны не изменилось, это своеобразное проявление «страусиной» политики);

— тактическая (коллаборационисты сотрудничают с врагом, намереваясь выждать момент, дождаться благоприятных политических обстоятельств, чтобы освободиться от оккупантов);

— условная (коллаборационисты идут на сотрудничество при соблюдении германской строной каких-то политических или военных условий);

— безоговорочная.

Х.-В. Нойлен отмечает, что последняя форма сотрудничества с врагом, предполагающая «абсолютное подчинение оккупационной власти и полное подчинение ей собственно национальных интересов», встречается в истории Второй мировой войны очень редко, являясь исключением[1].

Представляется важным отметить, что приведенные точки зрения и интерпретации военного и политического коллаборационизма в Европе в целом не полностью охватывают мотивации советского коллаборационизма, упуская, на наш взгляд, некоторые важные его причины и мотивы. Отметим только один момент, который в западной историографии, насколько нам известно, не пояснен и не поставлен, а именно вопрос о соотношении формы и содержания коллаборационизма вообще. Совершенно понятно, что многие люди, переходя на сторону Германии, могли в своих официальных заявлениях представать активными противниками политического режима в своей стране, т.е. иметь как будто масштабные политические цели. В то же время, если взглянуть на их реальные действия, на содержание их деятельности через призму широкого круга новых источников, то может выясниться, что все-таки главным мотивом для них был узко корыстный интерес сохранения своего материального положения, реализации исключительно личных политических амбиций, а порой и элементарного выживания в трудных условиях плена. Нам представляется, что в случае советского коллаборационизма указанные моменты приобретают особую значимость и не должны быть упущены из виду.

[1] *Neulen, H.W.* An deutscher Seite, S. 41—42.

Поэтому при оценке советского коллаборационизма необходимо учитывать все обусловившие его факторы, ставшие, хотим мы того или не хотим, политическим фоном, важной политической предпосылкой для возможного сотрудничества с Германией советских граждан. Советский коллаборационизм в годы войны приобрел очень широкий, даже массовый масштаб, захватив тысячи людей (конкретные цифры, с которыми соглашаются и авторитетные отечественные исследователи, будут приведены в тексте ниже). Такое явление, безусловно, являлось внешним выражением глубоких внутренних противоречий советского общества 20—30-х гг. XX в. И по масштабам коллаборационизма, и по остроте его проявлений можно судить о существовавших внутренних противоречиях, степени их напряженности.

Общая политическая основа для проявления коллаборационизма советских граждан в годы войны представляется довольно ясной — тоталитарный режим, аналогичного которому в то время в Европе, за исключением национал-социалистической Германии, не было. Он сам создал условия, при которых среди граждан страны появилось немало его противников, в сложнейшей ситуации сделавших ставку на военного противника своей собственной страны. И их декларированные, заявленные интересы и цели в данном случае являются, очевидно, вполне понятными, объяснимыми и даже справедливыми[1]. Учтем и то, что, объявляя себя противниками сталинского режима и переходя ради этого на сторону Германии, абсолютное большинство коллаборационистов все-таки не имело и не ставило перед собой задачу нанести вред своей родине. Многие из них, напротив, сознательно или неосознанно хотели добиться для своей страны и народа лучшей доли. Почти никто из советских коллаборационистов не был убежденным

[1] Поэтому, вероятно, не случайно, а вполне правомерно немецкий историк Вернер Брокдорф, характеризуя коллаборационизм кавказских народов в годы войны, называет их «честными коллаборационистами» (*Brockdorff, W.* Kollaboration oder Widerstand? Die Zusammenarbeit mit den Deutschen in den besetzten Ländern während des Zweiten Weltkrieges und deren schreckliche Folgen. München, 1986. S. 186). Тот же В. Брокдорф при характеристике советского коллаборационизма в целом довольно уместно выбирает для употребления термины «сознательный» и «неосознанный» коллаборационизм (*Brockdorff, W.* S. 187).

национал-социалистом — идеи национал-социализма для советских граждан оставались малопривлекательными. Потому они и уповали в основном на военную мощь Германии, полагая, что такой союз будет временным, что в скором будущем они смогут избавиться от политического опекунства Третьего рейха. Сегодня любому человеку ясно, что ставка на Германию Гитлера была фатальной ошибкой. Тогда же, вероятно, такой ясности у подавляющего большинства коллаборационистов не было.

Советский коллаборационизм представляется явлением более сложным, многослойным, чем таковой в Европе, вследствие многонациональности состава населения СССР. Помимо общего для всех сотрудничавших с немцами антибольшевизма, как мы можем убедиться, у отдельных советских народов политические, экономические, идеологические, национальные предпосылки коллаборационизма, мотивация и формы сотрудничества были разными, так как они находились в различных условиях. Скажем, русский политический коллаборационизм имеет природу несколько отличную от коллаборационизма других народов — для него на первое место выдвигался фактор борьбы со сталинским режимом. Особняком стоит факт сотрудничества с немцами прибалтийских народов, которые только в 1939 г. оказались в составе СССР и у которых тенденции борьбы за независимое государство были очень сильны. И в этой борьбе именно Советский Союз являлся для них врагом номер один. Для украинцев и белорусов играли роль два таких важных фактора: с одной стороны, национально-государственные стремления отдельных политических лидеров, которые надеялись с помощью Германии создать национальные государства; с другой, сравнительная длительность немецкой оккупации территорий Украины и Белоруссии, когда даже самых пассивных людей время заставляло делать свой выбор: идти в партизаны и бороться против оккупантов, пытаться приспособиться и занять нейтральную позицию или же идти на службу в оккупационные органы власти. А на Украине, особенно на Западной, часть местных сил активно боролась и против немцев, и против советских властей.

С точки зрения обывателя (употребляя слово «обыватель» не в пренебрежительном смысле) коллаборационисты Второй мировой войны — это, безусловно, изменники и предатели, а само явление кол-

лаборационизма, будучи предательством интересов родины, достойно всяческого осуждения. При этом юридическая оценка коллаборационизма, на наш взгляд, должна более строго исходить из четкого понимания понятий «вина» или «невиновность», «военное преступление», всех норм права, основываться на привлечении всех доказательств в пользу того или иного суждения. Лишь такой подход позволит сделать объективные выводы по каждому факту сотрудничества с немцами в годы войны, будет способствовать вынесению максимально объективного вердикта.

С точки зрения исторической науки абсолютно точно и однозначно оценить явление коллаборационизма практически невозможно. Исследователю-историку следует трезво и максимально объективно анализировать каждый реальный случай сотрудничества конкретного лица с немцами в годы войны, выявляя те условия, которые подтолкнули его к такому нелегкому шагу. И сегодня, очевидно, не следует считать всех коллаборационистов из представителей разных народов СССР тривиальными предателями. Безусловно, любой факт предательства в годы войны можно рассматривать как пример коллаборационизма, но не любой случай коллаборационизма есть проявление предательства. В то же время ясно, что объективно коллаборационисты выступали на стороне Гитлера, хотя возможно, что люди, формально вступавшие в националистические антисоветские формирования, на деле не поддерживали цели Гитлера и не разделяли нацистских взглядов.

В ноябре 2003 г. в городе Люнебурге (Германия) состоялась представительная научная конференция, посвященная изучению феномена коллаборационизма в европейских странах. В своем выступлении один из организаторов конференции, доктор Иоахим Таубер, отметил, что коллаборационисты — в историческом смысле это всегда проигравшая сторона. И действительно, если мы осуждаем коллаборационистов и употребляем это слово, вкладывая в него негативное содержание, мы тем самым констатируем тот факт, что они оказались в стане потерпевших поражение. Ибо в противном случае, если бы они оказались в стане победителей, то и мы сегодня определяли бы их иначе, и сама история повернулась бы к ним другой стороной.

Глава 2

ФАКТОРЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ СОТРУДНИЧЕСТВА ГЕРМАНИИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Историю Восточных легионов вермахта и в целом сотрудничества представителей восточных народов СССР с национал-социалистами в период Второй мировой войны необходимо начинать собственно не с факта создания этих военных формирований. Началась она намного раньше и восходит, пожалуй, к предвоенному периоду, когда еще только продумывались планы ведения войны с Советским Союзом. Хотя в то время, конечно, ни о каком сотрудничестве с представителями «низшей расы» и речи быть не могло, и «размышлениям» подобного рода предавались не первые лица государства и партии, а лишь отдельные представители научных, военных или дипломатических кругов. При этом немецкая сторона не упускала из виду языковые и этнические особенности различных народов, своеобразие их исторического развития (особую привлекательность имели тогда сюжеты, в которых другие национальности противоставлялись русскому государству и русскому народу). Что касается поволжских татар, то в использовании их в военном столкновении против СССР актуальность для немецкой стороны приобретали два фактора: во-первых, принадлежность татар к тюркскому миру; во-вторых, исповедание ими мусульманской религии.

Планы нацистов относительно будущего восточных народов СССР, в том числе и тюркских, не были тщательно разработаны, в особенности если сравнивать с планами их относительно будущего Украины, Белоруссии или Прибалтики — территорий, которые немцами были оккупированы или которые они надеялись в самое ближайшее время оккупировать. Представления германской верхушки и рядовых обывателей об этих народах в период Второй мировой войны во многом были идентичны. Они основывались порой на примитивных стереотипах и отличались невежеством и непоследовательностью. Реверансы же некоторых вождей рейха, в том числе и самого Гитлера, в сторону тюркских или мусульманских народов могут быть восприняты лишь как «лозунги дня», вызванные к жизни стечением обстоятельств, которые

препятствовали претворению в жизнь нацистских планов обустройства Европы и мира в целом. Попытки отдельных дипломатов или ученых строить свою политику с учетом политических или этнических реалий, на основе сравнительно трезвого осмысливания национального состава населения СССР, историко-культурных традиций его народов просто-напросто потонули в неслаженном хоре прочих нацистских лидеров и теоретиков.

Фактор тюркский

В первые годы Второй мировой войны во многих официальных актах Германии, на страницах газет и журналов замелькали такие термины, как Туран, пантуранизм (туранизм), пантюркизм. В Министерстве иностранных дел была заведена особая папка документов под грифом «Пантуранизм», включающая десятки актов, в МИДе был назначен ответственный за эти вопросы дипломат, германское посольство в Турции постоянно докладывало о состоянии и перспективах развития пантуранистского движения в этой стране.

Слово «Туран» — это древний иранский термин, как правило, противоставляемый понятию «Иран» (Иран—Туран). Означал он у персов мир кочевых тюрков, соседствовавших с Ираном с севера. Мир этот представлялся персам традиционно враждебным, темным, диким, варварским. Слово «Туран» носило явственно негативный оттенок: в таком смысле оно, например, встречается в поэме Фирдоуси «Шах-наме». Но, как это нередко бывает в истории, в более позднее время термин был принят и учеными (в XIX в. его пропагандировал знаменитый венгерский тюрколог А. Вамбери), и самими тюрками как обобщающее название для тюркских и угро-финских народов.

Туранизмом (или пантуранизмом) в исследовательской литературе обычно называют движение или идею политического, культурного и этнического единства всех тюркоязычных народов, к которым относят также венгров, эстонцев и финнов. Сразу отметим, что среди угро-финнов туранские идеалы особо широкого распространения не получили: разве что в Венгрии, где существовало и Туранское общество, и с 1913 по 1970 г. издавался журнал «Туран». Туранизм (пантуранизм) в широком смысле — понятие более объемное, чем тюркизм или пантюркизм, объединяющий лишь тюркские народы. Но скажем

прямо, что какого-то устоявшегося понимания этих двух терминов нет даже у исследователей, специально занимавшихся этими вопросами. Так, если Чарлз Хостлер понимает под понятием «пантюркизм» движение тюркоязычных народов, то турецкая исследовательница Зехра Ондер, цитируя Хостлера, произвольно заменяет «пантюркизм» «пантуранизмом»[1]. Именно так, по-разному, понимались эти термины на протяжении десятилетий и учеными, и политиками. При этом и сами сторонники тюркского единства часто употребляли эти понятия как синонимы. Следуя такой традиции, и мы будем употреблять эти термины в качестве синонимов. К этому вынуждает нас и цитирование многочисленных источников и литературы.

События Первой мировой войны вдохнули жизнь в надежды туранистов на создание Туранского государства. Они надеялись, что пантуранистские планы Турции будут поддержаны центральными европейскими державами. Одной из наиболее ярких фигур туранистского движения в это время являлся турецкий военный министр Энвер-паша, мечтавший о лаврах Тамерлана и вознамерившийся в реальной жизни осуществить свои мечты[2]. В феврале 1918 г. он возглавил поход на Баку, завершившийся взятием города. Идеи Энвера-паши, однако, не находили понимания и поддержки у нового лидера Турции — Мустафы Кемаля Ататюрка, которому идеи туранизма вообще были чужды. Энвер-паша эмигрировал в Среднюю Азию, где трагически закончил свою жизнь в 1922 г. Мустафа Кемаль — основатель Турецкой республики — в своей внешней политике был, безусловно, прагматиком. Он рассчитывал на мирные отношения со своим северным соседом — Советским Союзом, а потому очень прохладно относился к идеям тюркского единства, сразу заявив, что «туранизм — это вредная концепция»[3]. Как замечает Лотар Крекер, его (Ататюрка) национализм

---

[1] *Hostler, Charles Warren.* Türken und Sowjets. Die historische Lage und die politische Bedeutung der Türken und der Türkvölker in der heutigen Welt. Frankfurt/Main; Berlin, 1960. S. 143; *Önder, Zehra.* Die türkische Außenpolitik im Zweiten Weltkrieg. München, 1977. S. 142.

[2] Наиболее подробную биографию Энвера-паши см.: *Aydemir, Şevket Süreyya.* Makedonya'dan Ortaasya'ya Enver-Paşa. Cilt 1: 1860—1908. Istanbul, 1971; Cilt 2: 1908—1914. Istanbul, 1971; Cilt 3: 1914—1922. Istanbul, 1972.

[3] *Krecker, Lothar.* Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt/Main, 1964. S. 208.

«заканчивался на границах Турции»[1]. При Ататюрке в Турции даже начались гонения против известных туранистов и их печатных изданий. По мнению авторитетного знатока истории Турции Готтхарда Йешке, самым последним выражением туранизма во времена Мустафы Кемаля стал «Тюркский ежегодник», изданный Юсуфом Акчурой в 1928 г.[2]

Турецкая и общетюркская проблематика в принципе всегда привлекала немецких исследователей, даже в период Первой мировой войны и после ее трагического для Германии окончания. Работы аналитического характера, оценивающие потенциал общетюркского национального движения, появлялись часто. Тон их был разным. Известный ориенталист Карл Броккельман, например, отзывался о шансах пантуранизма среди российских тюрков очень пессимистически, так как, по его мнению, среди них широко распространились идеи русской революции[3]. Несколько иначе мыслил другой исследователь — Карл Випперт[4]. Он ясно понимал, что в Европе совсем мало знают о тюркских народах, и когда говорят о европейцах, то, как правило, имеют в виду народы славянского, германского или романского происхождения. Другие же при этом остаются в стороне. Между тем в недалеком будущем они, вероятно, будут играть серьезную роль в судьбах Европы; среди таких народов Випперт на первое место ставит тюрков. Он отмечает их тесную связь с финнами, венграми и эстонцами. По мнению ученого, в настоящее время (т.е. в 1922 г.) туранская идея еще не созрела окончательно и не овладела массами, и вполне возможно в недалеком будущем «извержение народного вулкана» с целью создания великого Туранского государства от Константинополя до Волги и до гор Алтая. Финские народы при этом должны как родственники тюрков оказаться в сфере их влияния. В 20-е гг. XX в., как считал Випперт, представители этой радикальной идеи были немногочисленны, а спектр мнений среди туранистов — еще слишком

---

[1] *Krecker, Lothar.* Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt/Main, 1964. S. 208.

[2] *Jäschke, Gotthard.* Der Turanismus und die kemalistische Türkei, in: *Schaeder, H.H.* (Hrsg.) Der Orient in deutscher Forschung. Leipzig, 1944. S. 251.

[3] *Brockelmann, Carl.* Das Nationalgefühl der Türken im Licht der Geschichte. Halle/S. 1918. S. 22.

[4] *Wippert, Karl.* Der Turanismus, in: Der Neue Orient (Berlin), 6(4) 1922. S. 202—210.

широк: одни из них уповали на слабость Советского государства и на советско-английские противоречия, другие надеялись расширить самостоятельность возникших советских тюркских республик. Завершая свою статью, Карл Випперт говорил о том, что туранизм как движение, как идея находится в детском возрасте, и вполне возможно, вскоре он станет «значительным фактором в борьбе политических сил в Европе». Правда, автор тут же делает оговорку, ибо события могут пойти и по иному сценарию, но менее вероятному: туранизм останется ограниченным в узком круге сторонников, не развиваясь в политическом отношении и бесславно «утонет в теневом царстве мертвых понятий».

Интерес к пантуранизму в Германии заметно возрос в период подготовки и после нападения на Советский Союз, так как, во-первых, стало возможным привлечь многочисленные тюркские народы СССР к «борьбе против большевизма»; во-вторых, разыграв тюркскую карту, можно было оказывать давление и на Турцию. Наиболее активной инстанцией при этом становилось Министерство иностранных дел Германии.

Уже в апреле—мае 1941 г. МИД рассматривал вопросы о будущих кандидатурах, ответственных за работу с различными народами СССР, намечались персоналии для работы с кавказскими, среднеазиатскими народами, крымскими и поволжскими татарами, калмыками. Предусматривалось создание при МИДе так называемого «Комитета по России». 28 апреля, например, согласие на работу в Комитете дали известные специалисты профессор Герхард фон Менде и Оскар фон Нидермайер[1] (правда, с началом войны они будут заметнее в других инстанциях: фон Менде начнет работать в Министерстве по делам оккупированных восточных территорий — Восточном министерстве, а фон Нидермайер позднее будет командовать 162-й тюркской дивизией).

Надо отметить, что достаточно авторитетные дипломаты еще тогда скептически отзывались о перспективах пантуранизма: уже упоминавшийся граф Фридрих Вернер фон Шуленбург, который до 22 июня 1941 г. был послом в Москве, и советник посольства Густав Хильгер предупреждали: «Вызывает сомнение, что в СССР под влиянием немецких военных успехов "автоматически" возникнет пантуранистское движение, так как здесь отсутствуют предпосылки для этого. В ши-

[1] PA AA, Pol.XIII, R 105196.

роких массах мусульманского населения в СССР пантуранистская идея не имеет притягательной силы»[1]. Кстати говоря, тот же Хильгер 25 июля 1941 г. выскажется еще более определенно: среди тюркских народов Советского Союза пантуранизм как идея, по его мнению, никакой перспективы не имел. «Разве что азербайджанцев может привлечь пантуранистская агитация, а казанские и крымские татары, хотя и являются мусульманами, из этой агитации выпадают, потому что соответствующие идеи им чужды»[2].

Но идея была подана, она казалась очень привлекательной и перспективной, потому и началась ее эксплуатация. Очень вероятно, что масла в огонь подливали и весьма субъективные, во многом неточные справки некоторых сотрудников МИДа. Пример тому — материал «Тюрко-татары в России», написанный по поручению Министерства Алимджаном Идриси 25 июня 1941 г. (!) и выдержанный в строго пантюркистском духе[3]. Вот как автор представлял будущее: тюркский народ, насчитывающий в СССР 27—30 миллионов человек, получит наконец возможность создать свое единое государство. В СССР же этот народ был искусственно разделен на отдельные республики — Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Татарстан, Башкирия и др. (в список вошел и Таджикистан, видимо, с учетом большого количества узбеков, проживающих в этой республике).

27 июня 1941 г. другой крупный чиновник германского МИДа — Вернер Отто фон Хентиг — сообщал, что в первые дни после начала войны против Советского Союза он имел встречи с представителями многих тюркских народов — татар, башкир, узбеков, казахов. Он отметил, что тюркские народы до сих пор сохранили свою организацию и имеют надежных людей в России и Турции. Однако в сообщении еще нет речи о сотрудничестве и необходимости поддержки националь-

---

[1] BA-Potsdam, Auswärtiges Amt, Nr. 61174, Bl. 27.

[2] PA AA, Ut.St.S.Panturan, R 29900, Bl. 311698.

[3] BA-Potsdam, Auswärtiges Amt, Nr. 61174, Bl. 42—44. Об Алимджане Идриси более подробно см.: *Гилязов И.А.* Судьба Алимджана Идриси // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 1999. — № 3/4. — С. 158—172. Здесь отмечу только то, что в официальных немецких документах он называется Алимджан Идрис. Я же, следуя традиции, буду именовать его, как принято в татарской периодике, — Алимджан Идриси.

ного движения тюрков. Фон Хентиг, как опытный дипломат, весьма осторожен в выводах[1].

25 июля 1941 г. германский посол в Турции Франц фон Папен обращал внимание МИД, что с немецкими военными успехами в войне против СССР автоматически возрастает и пантуранистское движение (вспомним приведенные выше слова Шуленбурга и Хильгера!). Каждый тюрок, по мнению посла, имеет ясное племенное и расовое самосознание, и все его пожелания в этих сферах связаны не с Англией, а с Германией. Фон Папен предложил по возможности расширить пропагандистскую кампанию среди тюркского населения СССР, подчеркивая при этом единство их национальных целей, а также срочно начать работу по отделению всех военнопленных тюркского происхождения для возможного их будущего участия в военных действиях[2].

Итак, с началом войны возник определенный интерес со стороны Германии к туранистскому движению. Создается впечатление, что руководство во всяком случае германского МИДа считало туранистов влиятельной и авторитетной силой в Турции, чтобы оно смогло оказывать давление на официальную Анкару в деле военной поддержки Германии под видом заботы о судьбе своих тюркских собратьев в СССР. При этом видно, однако, и то, что турецкое правительство проявляло большую осторожность, открыто дистанцируясь от туранистских лидеров. Да, руководство германской дипломатии все-таки явно заблуждалось в оценке потенциала пантуранистского движения в Турции, которое скорее сводилось к деятельности пусть авторитетных, но все же отдельных политиков. Одним из таких политиков являлся Нури Киллигиль, или, как его чаще называют, Нури-паша, брат Энвера-паши.

Его личность, можно сказать, заинтриговала германский МИД уже в первые дни войны с СССР, ибо последний практически сразу же заявил о своей озабоченности судьбами тюркских народов. Он выразил желание отправиться в Берлин, чтобы консультировать германское правительство по тюркскому вопросу. Кстати говоря, такое же желание высказал и Ахмед-Заки Валиди, подавший в июле 1941 г. заявление о выдаче ему германской визы, но ему было в том отка-

[1] BA-Potsdam, Auswärtiges Amt, Nr. 61174, Bl. 48.

[2] *Krecker*, S. 210.

зано[1]. Но Нури-паша с подобным заявлением имел успех и в сентябре месяце прибыл в Берлин. Тогда брату Энвера-паши было за 50 лет, он считался в Турции преуспевающим фабрикантом. 11, 19 и 25 сентября он провел обстоятельные переговоры с государственным секретарем МИД Эрнстом Верманном, после которых Верманн составил очень подробный отчет об их ходе и содержании. Этот отчет в полной мере отражает мнения, которые господствовали в Германии по отношению к пантуранизму, поэтому взглянем на него повнимательнее[2].

Пантуранистское движение имело целью создание самостоятельных государственных образований тюркских народов. Несмотря на то что оно предполагало известное изменение ныне существующих границ, Турция не будет аннексировать их территорию, а окажет лишь политическую поддержку. Речь при этом в первую очередь шла об Азербайджане и Северном Кавказе, затем о Крыме и Поволжье—Приуралье, и лишь затем о Туркестане (Средней Азии). Причем Нури-паша заверял германский МИД, что официальное турецкое правительство придерживается концепции Ататюрка о чисто национальном государстве лишь из практических соображений, что это лишь политика целесообразности, в основе которой лежит страх перед Советским Союзом. Теперь же, когда Германия успешно ведет войну с Советским Союзом, этот страх более не имеет оснований. Но Нури-паша сразу же хотел успокоить германское руководство: турецкие амбиции, по его мнению, никакого территориального характера не носили.

Во время переговоров Нури-паша обратился к Германии с рядом конкретных предложений:

1. Необходимо отделить всех тюркских и мусульманских военнопленных из числа всех советских военнопленных и создать для них особый лагерь, подобно тому, который существовал в годы Первой ми-

---

[1] *Henderson, Alexander.* The Panturanian-Myth in Turkey Today, in: Asiatic Review 41(1945), p. 88.

[2] Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). 1918—1945. Serie D: 1937—1941. Band XIII, 2: Die Kriegsjahre. Göttingen ,1970, Nr. 361. S. 467—470. О переговорах Нури-паши в Берлине см. также: *Корхмазян Р.С.* Указ. соч. — С. 95—96,112. Запись беседы Верманна с Нури-пашой от 25 сентября 1941 г. опубликована на немецком язые: *Садыкова Б.* История Туркестанского легиона в документах. Алматы, 2002. С.135—139.

ровой войны в Вюнсдорфе неподалеку от Берлина (о лагере см. ниже)[1]. Затем предлагалось проверить, насколько возможно использование этих военнопленных в качестве боевых отрядов пантуранистского движения.

2. Управление тюркскими и мусульманскими народами на занятых Германией территориях должно быть сосредоточено в руках самих тюрок — это было, пожалуй, пожелание на перспективу.

3. Нури-паша сам хотел играть заметную роль в туранистском движении, он был готов переехать в Германию, чтобы заняться организацией работы с тюркскими военнопленными. В дальнейшем он полагал возможным создание в Берлине Туранского пропагандистского центра со своим участием.

В конце своего отчета Верманн подчеркнул, что Нури-паша уезжает из Берлина несколько разочарованным, ибо здесь его встречали не с распростертыми объятиями. Сам же дипломат выразил весьма осторожный оптимизм в этом вопросе.

И все же игра началась. В начале октября при поддержке немецкого посла фон Папена была организована поездка двух турецких генералов на советско-германский фронт, а именно на Крымский полуостров[2]. Их сопровождал в поездке бывший еще в то время представителем МИДа при командовании 11-й армии Вернер Отто фон Хентиг. Али Фуад Эрден, начальник Академии Генерального штаба Турции, и Хюсню Эмир Эркилет, уже находившийся на пенсии, по воспоминаниям фон Хентига, меньше интересовались «нашими военными успехами, чем нашими политическими намерениями, прежде всего относительно тюркских народов России». Оба генерала высказали серьезное беспокойство за судьбу тюркских военнопленных. Эрден, как официальное лицо, при этом еще должен был как-то сдерживать свои эмоции и следить за высказываниями, но Эркилет, фактически

[1] Здесь следует отметить, что уже 24 сентября 1941 г. глава Восточного министерства А. Розенберг обратился к высшему командованию вермахта с аналогичной просьбой. Трудно судить, насколько эта просьба была связана с предложениями Нури-паши (ADAP.1918—1945, S.469). Тем более, как мы уже видели выше, посол Ф. фон Папен то же самое предлагал еще в конце июля. Хотя З. Ондер утверждает, что тюрко-мусульманские легионы и были созданы именно по инициативе Нури-паши (*Önder, Z.* Panturanismus... S. 99).

[2] *von zur Mühlen, P.* S. 84.

частное лицо, представляя интересы тюрко-татарской эмиграции в Турции, высказывался совершенно определенно и ясно[1]. Их визит, по мнению Герхарда фон Менде, стал последним толчком к созданию так называемых Восточных легионов[2].

10 октября 1941 г. ответственным специально за пантуранистское движение в МИДе был назначен крупный дипломат, знаток арабского и мусульманского мира в целом Вернер Отто фон Хентиг. При этом предполагалось, что он создаст в МИДе отдельный комитет по пантуранистскому вопросу[3]. Еще до своего назначения, 4 октября, он составил первую справку о туранизме, совершенно четко пояснив, как Германия может использовать враждебные русским пантуранистские силы: через радиопропаганду, листовки, издание журнала для мусульманских военнопленных латинскими буквами на «диалекте Гаспринского», засылка шпионов в области, заселенные тюрками, активная работа с тюркскими военнопленными: отделение их от остальных, большая для них свобода, лучшее обеспечение, применение их вначале на сельскохозяйственных работах, работу с военнопленными постоянно использовать и в пропагандистских целях. Главной целью следовало считать, по Хентигу, военную переподготовку, создание школ для офицеров в особых лагерях и присоединение тюркских военных формирований к немецкой армии. Фон Хентиг отмечал особые заслуги в этой области Алимджана Идриси, с помощью которого он намеревался установить хорошие контакты с лидерами тюркской эмиграции[4].

---

[1] *von Hentig, Werner Otto.* Mein Leben eine Dienstreise. Göttingen; Zürich, 1962. S. 351. Правда, Эрден недвусмысленно заявил о своей позиции еще раньше. 18 июля 1941 г. в беседе с фон Папеном он заявил: «Турция была бы удовлетворена, если бы на Кавказе была установлена федерация местных народов, в большей или меньшей степени зависимая от турок, в то время как образование к востоку от Каспийского моря независимого туранского государства рассматривалось бы как наилучшее решение» (Цит. по кн.: *Корхмазян Р.С.* Указ. соч. С. 95).

[2] *von Mende, Gerhard.* Erfahrungen mit Freiwilligen in der deutschen Wehrmacht während des Zweiten Weltkrieges, in: Vielvölkerheere und Koalitionskriege. Darmstadt, 1952. S. 25.

[3] ADAP. 1918—1945, Nr. 431. S. 578.

[4] BA-Potsdam, Auswärtiges Amt, Nr. 61174. Bl. 154—157.

14 октября фон Хентига посетил предприниматель из Турции Ахмед Вали Менгер, имеющий татарское происхождение, вместе с А. Идриси. По словам германского дипломата, Менгер принадлежал к пантуранистскому движению и работал вместе с Нури-пашой и генералом Эркилетом. На этот раз он выразил желание помочь Германии в работе с тюркскими военнопленными: при их регистрации, установлении личности. Менгер также предложил поставлять для военнопленных через турецкое Общество Красного Полумесяца пищу и одежду[1].

Между тем в преддверии весенне-летнего наступления германской армии 1942 г. возрос общий интерес к пантуранизму в Германии. Обсуждение вопросов выносилось уже на страницы печати, причем не только специализированных «теоретических» журналов, но и газет. Так, здесь мы можем упомянуть и чисто информативный материал «Туранский идеал» за подписью В.ф.Д. в газете «Frankfurter Zeitung» от 17 января 1942 г. и довольно объективную в высказываниях статью «Туран» (без упоминания имени автора) в газете «National Zeitung» (Эссен) от 4 февраля того же года. В последней, например, отмечается, что туранская идея является большей частью фантазией, а современная Турция — это довольно реалистическая власть, чтобы поддаваться этим фантазиям.

В январе 1942 г. министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп проинструктировал своих подчиненных о необходимости в дальнейшем активно поддерживать пантуранистское движение[2]. Но в то время уже явно наметилась тенденция к тому, что вопросы эти все заметнее переходили в ведение главного соперника МИДа — Восточного министерства. В этом ведомстве народами Кавказа, Поволжья, Средней Азии занимался основной эксперт, профессор Г. фон Менде. Соперничество двух ведомств нарастало. По мнению Иоханнеса Глазнека, главным предметом спора между МИД и Восточным министерством в первой половине 1942 г. стал вопрос об их компетенциях, о разумных пределах поддержки пантуранизма с тем, чтобы это не помешало собственно военным, экспансионистским целям[3]. Из сфе-

[1] BA-Potsdam, Auswärtiges Amt, Nr. 61174. Bl. 195.

[2] ADAP.1918—1945. Serie E: 1941—1945. Bd.1: 12.12.1941—28.2.1942. Göttingen, 1969, Nr. 189. S. 348.

[3] *Glasneck, Johannes*; Kircheisen, Inge. Türkei und Afghanistan — Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg. Berlin (Ost)1968, S. 105.

ры чисто дипломатической, в которой большое место занимали сбор информации, различного рода справки о возможности дальнейшего использования пантуранистского движения в интересах Германии, тесные контакты с заинтересованными лицами (так, в январе 1942 г. в Берлине побывали два видных представителя крымско-татарского национального движения — Эдиге Мустафа Кирималь и Мустежиб Улкюсаль — и выразили пожелание создать в Крыму национальное самоуправление крымских татар, но понимания в Берлине не нашли и уехали безусловно разочарованными[1], пантуранистский вопрос переходил в сферу военно-политическую (хотя, конечно, разница между войной и дипломатией тогда и была безусловно символической). Желательного, но остававшегося чисто теоретическим, объединения тюркских народов, тем более под эгидой «дружественной» Турции, явно не получалось. Поэтому Восточное министерство и Высшее командование вермахта перехватили инициативу и начали в первой половине 1942 г. конкретную работу по созданию военных формирований отдельных тюркских народов, так называемых Восточных легионов, история которых уже представляет отдельную проблему.

Но МИД, можно сказать, некоторое время еще сопротивлялся. В июне 1942 г. в Берлине вновь побывал Нури-паша и имел беседы во внешнеполитическом ведомстве. Правда, тон его уже значительно изменился: Турция, по его мнению, была заинтересована лишь в культурном влиянии на мусульманские области СССР и лишь в «независимости» Крыма и Кавказа. Примерно в таком же духе высказывался и генерал Эркилет 24 июля 1942 г. при встрече с послом фон Папеном[2].

Однако все уже было предопределено — пантуранистское движение, так ничего и не показав, становилось для Германии неактуальным. 12 сентября 1942 г. Гитлер предписал, чтобы фон Папен полностью прекратил все контакты с турецкой стороной по поводу будущего Закавказья и Закаспия. Это, пожалуй, можно считать и окончанием попыток использования пантуранистов Германией в своих военно-политических интересах. По крайней мере, толстая папка документов в архиве МИД под грифом «Пантуранизм» завершается бумагами за август 1942 г. В то

[1] *Ülküsal, Müstecib.* Ikinci dünya savasinda 1941—1942 Berlin hatiralari. Istanbul, 1976.

[2] *Glasneck.* S. 109.

же время было бы неправильно утверждать, что интерес к тюркскому фактору с августа—сентября 1942 г. в Германии пропал абсолютно, ибо вплоть до 1944 г. тот же посол Ф. фон Папен в своих донесениях из Анкары непременно упоминал активных пантуранистов и давал отдельные оценки движению в целом. Кроме того, тюркский фактор учитывался и при создании уже упоминавшихся Восточных легионов, и так называемых национальных представительств-комитетов в 1943—1944 гг.

Любопытно, что идея тюркского единства вновь всплыла и обсуждалась в самом конце войны — осенью 1944 г. Некоторые представители Главного управления СС пытались было ее возродить. Особенно активно обдумывал проблему пантуранизма руководитель Отдела Туран-Кавказ доктор Райнер Ольша, который в СС считался крупным специалистом по истории и экономике Средней Азии. Вначале он обратился за советом и помощью к некоторым ученым с просьбой оценить историческую перспективу. Ответы для него были неутешительными: 12 октября 1944 г. два видных тюрколога — Готтхард Йешке и Бертольд Шпулер — представили Ольше свои мнения. Йешке отметил, что «вопрос этот в настоящее время полностью утратил свое значение, впрочем, и в прошлом он играл чисто теоретическую роль: лишь дважды он был достоин упоминания — в 1918 г., когда турецкие войска вступили на Кавказ, и в 1942 г., когда германские войска овладели Ростовом и продвигались на юг». Почти то же самое высказал в своей справке и Б. Шпулер: «Пожалуй, только у азербайджанцев этот вопрос играл определенную роль, в остальном он никакого почти значения не имеет»[1]. И все же Райнер Ольша осторожного энтузиазма в развитии указанной идеи не утратил. К концу октября 1944 г. он подготовил для руководства СС объемную справку о пантуранизме. В ней он дал подробную историю этого вопроса, отметив, что «сейчас такого активного туранистского движения, как в годы Первой мировой войны, нет, но есть тюркские народы и есть тюркский фактор, и это надо обязательно учитывать». Ольша ясно выразил давние чаяния германского руководства: «Хорошо бы создать враждебный русским тюркский блок на южной границе, который стал бы постоянным союзником Германии, чтобы держать славянство в клещах»[2].

[1] BA-Potsdam, NS 31/29, Bl.31—32.

[2] Ibid., Bl. 36.

В подготовительном материале к указанному документу (датирован он 17 октября 1944 г.) Ольша сравнивает два таких понятия, как «тюркизм» и «туранизм», и приходит к выводам, и некоторые из них следует упомянуть. Райнер Ольша видит разницу между этими понятиями, вполне справедливо отмечая, что туранизм — явление более широкого плана, чем тюркизм. Он считал, что лишь некоторые представители тюркской идеи мечтают о создании «великого тюркского государства», которое, по его мнению, вообще было бы нежизнеспособно из геополитических соображений. Основная же часть тюрков желает лишь «более тесного культурного объединения самостоятельных тюркских государств». Идеи тюркизма, по мнению эсэсовского эксперта, могли быть использованы и поддержаны в интересах Германии как противовес русскому влиянию, а вот туранизм — это концепция антиевропейская, правда, не являющаяся реально опасной[1].

Как видим, представления о тюркском (туранском) факторе в Германии к концу войны получили определенное развитие, и мы можем говорить даже о новом подходе к этому вопросу. Однако справка Ольши, как и все предыдущие попытки использования идеи тюркского единства, каких-либо заметных политических последствий не имела, если не учитывать чисто военного мероприятия — создания в самом конце войны Восточнотюркского боевого соединения СС (существует и альтернативный перевод названия — Восточнотюркское войсковое соединение СС. — *Примеч. ред.*), о котором речь еще пойдет ниже. Возрождение пантуранистского мифа в недрах СС можно оценивать, с одной стороны, как попытку показать СС как потенциального спасителя нации и судьбы войны в противоборстве с другими инстанциями рейха, с другой — как вообще одну из попыток нацистов найти средство для осуществления перелома в войне.

Фактор исламский[2]

В отличие от фактора тюркского, так сказать, этнического, исламский фактор, как конфессиональный, был предвоенной Германии более знаком. И все же, вероятно, и здесь следует упомянуть некоторые

[1] BA-Potsdam, Film 2419, A 2696325—2696326.

[2] Этот сюжет рассмотрен в работе: *Гилязов И.А.* Национал-социалисты и ислам в Германии // Мир ислама. — 1999. — № 1/2. — С. 87—108.

факты из далекой и близкой истории и привести примеры из истории проникновения мусульманства в Германию, о контактах немцев с мусульманским миром и о метаморфозах подобных контактов, особенно в период национал-социалистической тирании.

В ходе Первой мировой войны в германском плену оказались многие солдаты российской армии, а также выходцы из африканских и азиатских колоний Англии и Франции, воевавшие на стороне Антанты. Зимой 1914/1915 г. по указанию императора Вильгельма II неподалеку от Берлина, всего в 20 км южнее, между небольшими городками Цоссен и Вюнсдорф, были созданы два специальных лагеря для военнопленных мусульман — «Лагерь на виноградной горе» (Weinberglager) и «Лагерь полумесяца» (Halbmondlager)[1]. В первом лагере были сосредоточены представители мусульман России, кроме того, грузины и армяне. Во втором — военнопленные из французских и британских колоний (Западной и Северной Африки, Индии), арабских стран. Два лагеря находились в тесном контакте, и в последующем было принято именовать оба лагеря одним обобщающим названием — Вюнсдорфский лагерь для военнопленных мусульман. Основания для создания таких специфических лагерей были понятными. Немецкий мусульманин Альберт-Халид Зайлер-Хан считал, что император Вильгельм II с симпатией относился к мусульманам, несмотря на то, что они с оружием в руках сражались против Германии. Именно такая причина создания лагерей и была объявлена и пропагандировалась официально. При этом уточнялось, что Германия желает убедить всех мусульман, которые еще сражаются на стороне Антанты, в своих бескорыстных дружеских чувствах к исламу. Очевидно, однако, что объяснение этих «дружеских чувств» было весьма прозаичным: на религиозной основе расколоть вражеский лагерь, привлечь мусульманские державы на свою сторону. Основной упор в этой политике делался на Турцию, которая в ноябре 1914 г. объявила священную войну — «джихад» — Великобритании, России и Франции и которая должна была объединить

[1] Сюжет об истории Вюнсдорфского лагеря мусульманских военнопленных подробно рассмотрен в исследовании: *Kahleyss, Margot.* Muslime in Brandendurg — Kriegsgefangene im 1.Weltkrieg. Ansichten und Absichten (=Veröffentlichungen des Museum für Völkerkunde. Neue Folge 66). Berlin, 1998. Здесь же приведены многочисленные фотографии, всесторонне иллюстрирующие жизнь этого лагеря.

в этой борьбе всех союзных Германии мусульман и даже «революционизировать» мусульманские народы (этот термин позднее, в годы Второй мировой войны, будет вновь употребляться, и именно в этом же контексте, теоретиками из Главного управления СС!).

В 1918 г. Первая мировая война закончилась. Но лагерь в Вюнсдорфе еще некоторое время существовал, пока шел процесс репатриации бывших военнопленных. История существования этого лагеря очень любопытна. В годы Второй мировой войны она будет упоминаться германскими инстанциями не раз в качестве примера отношения Германии к исламу, поэтому проследим, насколько возможно, за его судьбой.

После войны лагерь продолжал оставаться центром притяжения прежде всего для поволжских татар, волей судьбы оказавшихся в Германии. Финансовое положение бывших военнопленных, проживавших в лагере, было непростым и, очевидно, становилось все напряженнее, о чем, например, красноречиво свидетельствует следующий документ. 1 августа 1921 г. лагерный мулла Камалетдин Бадри (в немецкой документации — Кемаледдин Бедри) направил письмо в МИД Германии с просьбой оказать проживающим в лагере татарам финансовую поддержку в проведении 17 августа Курбан-байрама. Как оказалось, с 1915 г. проведение всех религиозных празднеств в лагере финансировалось Военным министерством, затем помощь оказывал специально созданный благотворительный комитет, но к 1921 г. эти источники иссякли. Мусульмане обратились поэтому в МИД, но здесь их ждало разочарование: уже 4 августа МИД прислал отказ в просьбе[1]. Пришлось им, видимо, что-то придумывать самим.

1 мая 1922 г. Вюнсдорфский лагерь был расформирован и закрыт. На его месте осталась, однако, небольшая татарская колония, объединенная вокруг мечети. Как писал все тот же Зайлер-Хан, «на некоторое время лагерь стал прибежищем для русских эмигрантов, в подавляющем большинстве татар». Проживало здесь, по его мнению, около 200 татарских семей, овладевших в достаточной степени немецким языком[2]. Часть из этих эмигрантов работала на близлежащих промышленных предприятиях, некоторые обучались в Берлинском университе-

[1] PAAA, R 83817. Листы в данном деле, как и в некоторых других делах из этого архива, не пронумерованы, поэтому приводятся лишь их сигнатуры.

[2] *Seiler-Chan, A.-Ch.* S. 113.

те. Алимджан Идриси, остававшийся имамом мечети, создал в 1922 г. одно из первых официально зарегистрированных объединений мусульман в Германии — «Общество поддержки российско-мусульманских студентов», имевшее, очевидно, благотворительный характер, подобно многочисленным русским эмигрантским организациям в этой стране[1]. До 1924 г. финансовое положение колонии было, по-видимому, терпимым, но 11 ноября 1924 г. А. Идриси от имени общества обратился в Министерство внутренних дел, сообщая, что в начале года почти все члены общества остались без работы, у них не осталось средств для уплаты членских взносов и аренды бараков в Вюнсдорфе. Идриси просил определенных финансовых послаблений и льгот, в чем нашел поддержку у представителя МВД Кюнцера. Последний переправил указанную бумагу в Министерство финансов, сопроводив ее собственной просьбой «поддержать дружественное Германии объединение»[2]. Но Министерство финансов, скорее всего, имело свои соображения. Во всяком случае, Общество поддержки российско-мусульманских студентов в архивных материалах больше не упоминается.

Однако А. Идриси на этом не успокоился. К концу того же 1924 г. он заручился поддержкой турецкого, афганского, персидского и египетского посольств и 27 декабря создал под своим председательством еще одно общество — Мусульманское объединение почтения к Аллаху (немецкое название — «Verein für islamische Gottesverehrung»; арабское — «Хайат Ша'аир Исламия»). В руководство данного общества вошли следующие лица: А. Идриси, Зеки Кирам, Осман Токумбет, М. Хасан, Хашем, Й. Баракат (о происхождении и деятельности некоторых из них данных пока не обнаружено).

С 1922 г. в Берлине под руководством профессора Абдул-Джаббара Хайри из Стамбула было создано Исламское объединение Берлина («Islamische Gemeinde zu Berlin»; «Эль-Джама'ат-уль Исламие фи Берлин», ИОБ). Торжественно объявлено было об этом и в вюнсдорфской мечети. Очень скоро в объединении наметились противоречия,

---

[1] См. об этом обществе: *Гилязов И.А.* Общество поддержки российско-мусульманских студентов в Берлине. 1918—1925. // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 1996. — № 3/4 — С. 193—199. Здесь же опубликован Устав общества.

[2] PA AA, Islam; R 78240.

прежде всего по вопросу о строительстве новой мечети в Берлине и о контроле над ее деятельностью. Представители секты «Ахмадия Анджуман Исха'ат-и Ислами» выступили в данном случае инициаторами конфликта. Стали распускаться слухи, что профессор Хайри в 1918 г. побывал в России, где его тепло принимал Ленин. Затем он будто бы с крупной суммой денег вернулся в Германию[1]. В то время представители мусульманской общины Германии активно обсуждали возможности строительства мечети в Берлине. Имелось два проекта ее возведения: один предполагал район вокзала Витцлебен, другой — площади Фербеллинер-платц. По первому проекту, который защищался представителями секты Ахмадия, строительство даже было начато в 1923 г., но затем приостановлено и вообще свернуто вследствие финансовых трудностей. Второй же проект оказался более удачным: 9 октября 1924 г. в берлинском районе Вильмерсдорф на улице Бриннерштрассе был торжественно заложен первый камень новой мечети, сооружавшейся по проекту архитектора Херрманна. Строительство это продолжалось довольно быстро, и здание, напоминавшее по архитектуре знаменитый Тадж-Махал, уже было освящено 26 апреля 1925 г., хотя регулярное богослужение началось только год-два спустя.

Тогда же окончательно решилась и судьба все еще существовавшей вюнсдорфской мечети. Свою роль в распространении и развитии ислама в Германии она, безусловно, сыграла. Как писал упоминавшийся выше Халид-Альберт Зайлер-Хан: «Можно сказать, что тогда почти все мусульмане Берлина и многочисленные мусульманские гости из других частей Германии тянулись в Вюнсдорф, чтобы исполнить свои религиозные потребности и обязанности»[2]. Уже после возведения новой берлинской мечети, 2 июля 1925 г., в честь праздника Курбан-байрам одновременно два мусульманских общества — Мусульманское объединение почтения к Аллаху Алимджана Идриси и Исламское объединение Берлина Абдул-Джаббара Хайри — обратились в Министерство иностранных дел с просьбой о передаче именно в их ведение вюнсдорфской мечети, что, на мой взгляд, является наглядным примером отсутствия взаимопонимания в мусульманских кругах Германии того времени[3].

[1] PA AA, Islam; R 104801.

[2] *Seiler-Chan, A.-Ch.* S. 114.

[3] PA AA, Islam, R 78240.

МИД даже оказалось в затруднении: кого поддержать, и обратилось к мусульманским посольствам с соответствующим запросом. Вероятно, авторитет А. Идриси в дипломатических кругах был достаточно высок, и они высказались именно за него. После этого МИД официально просил местные власти Вюнсдорфа передать ключи мечети, а значит, полный контроль над нею, обществу, возглавляемому А. Идриси.

Следует подчеркнуть, что Министерство иностранных дел в это время практически в любом вопросе выражало полное понимание и поддержку Алимджану Идриси. Однако в финансовом отношении дела мечети и татарской колонии шли все труднее: 17 июля 1925 г. А. Идриси жаловался опять же в МИД на засилье немецких чиновников, которые не дают им нормально существовать. И снова внешнеполитическое ведомство встало на его защиту, письменно поддержав его.

После определенного успеха в борьбе за вюнсдорфскую мечеть А. Идриси включился в борьбу за влияние в новой берлинской мечети: он начал «выбивать» недостающие для ее окончательного строительства деньги. Трижды в 1927 г. — в июле, августе и декабре — он обращался к испытанному им неоднократно ведомству, Министерству иностранных дел, с такой просьбой. Правда, вначале, 25 июля, он получил довольно скользкий ответ в форме ни «да», ни «нет» от представителя Восточного отдела министерства фон Рихтхофена, но в конце концов, а именно 23 декабря, недостающие для строительства 6000 марок были выделены. Это наверняка повысило его авторитет в мусульманских кругах.

Воодушевленный Идриси после этого вновь вернулся к вопросу о вюнсдорфской мечети: он очень хотел ее сохранения. 10 апреля 1928 г. он написал обстоятельную справку-просьбу в Министерство финансов, где описал настоящее ее состояние. По его словам, построенное в 1915 г. здание стало слишком ветхим и нуждается в серьезной и основательной реконструкции. Он предлагал три варианта решения этого вопроса: 1. Разобрать мечеть, увезти ее компоненты и построить в обновленном виде в другом месте, если уж ее существование невозможно в Вюнсдорфе; 2. Разломать здание и продать все материалы; 3. Переделать здание для других целей, но оставить его тем не менее в руках возглавляемого им общества. Министерство финансов и на этот раз отнеслось весьма прохладно к идеям Идриси и уже 3 мая отправило ему отказ в финансировании любого из предлагаемых им проектов. Даже вмешательство МИДа, в который уже раз вставшего на его защиту, не смогло ничего

изменить. 21 августа 1928 г. было официально объявлено, что мечеть в Вюнсдорфе из-за финансовых соображений разбирается, а материал ее продается. На этом и закончилась история первой мечети Германии[1].

Важными факторами исламской жизни в Германии являлись некоторые журналы, а также публикации религиозной литературы. Мусульманские организации проводили действительно активную работу по пропаганде ислама в этой стране. Среди периодических изданий важнейшее место занимал журнал «Moslemische Revue» (издавался в Берлине с апреля 1924 г. по 1940 г.). Его главным редактором и издателем был имам берлинской мечети, генеральный секретарь Немецко-мусульманского общества профессор С. Абдулла. Журнал этот был очень насыщенным по содержанию, в нем публиковались материалы самого различного характера: о сущности ислама, комментарии к сурам Корана, статьи по вопросам мусульманской культуры, истории, литературы. Среди авторов журнала были крупные мусульманские теологи из восточных стран, а также многие немецкие мусульмане. В декабре 1939 г. исполняющий обязанности руководителя НМО и журнала «Мусульманское ревю» Бруно Хиллер объявил читателям, что профессор С. Абдулла уезжает с семьей в Индию, просил читателей сохранять верность журналу и обществу, выразив надежду, что все будет идти, как и прежде. Но именно с отъездом главного редактора «Мусульманское ревю» прекратило свое существование: вероятно, сыграли свою роль и отсутствие настоящего лидера, и финансовые затруднения, и изменения в политической обстановке в связи с началом мировой войны.

Кроме названного журнала в Германии издавалась и другая мусульманская периодика, журналы «Islamische Gegenwart», «Der Islamische Student», «Islam-Echo». Берлинская мечеть в своем издательстве опубликовала на немецком языке в 1938 г. первое немецко-арабское издание Корана в переводе Маулана Садр-уд-Дина. Увидели здесь свет и другие самые различные издания.

С приходом к власти нацистов в Германии положение мусульман, общий характер мусульманской жизни не могли не претерпеть изменений. При тоталитарном режиме заметнее и строже стал контроль над деятельностью всех организаций, они фактически заново должны были зарегистрировать свое существование, свои программные документы.

[1] PA AA, Islam, R 78241.

Мусульманские организации находились под непосредственным контролем Внешнеполитического отдела нацистской партии (НСДАП). Так, в 1936 г. была проверена деятельность Исламского общества Берлина, и 6 марта общество получило «добро» на дальнейшее существование. В 1937—1939 гг. неоднократно проверялись документы Берлинского отделения Всемирного исламского конгресса, один из запросов полицай-президента Берлина мы уже коротко упоминали выше. В 8 августа 1939 г. долгожданное «никаких запретов от НСДАП нет» получил и Исламский институт. А вот по поводу Немецко-мусульманского общества партия выразила «беспокойство», и вот по какому поводу: «Слишком разношерстная компания подобралась в Обществе. Здесь допускаются негативные высказывания о национал-социализме и фюрере. При этом к Обществу принадлежат многие евреи, а в 1933—1934 годах Общество было как бы местом приюта для евреев с Курфюрстендамм (большая улица в центре Берлина. — *И.Г.*) »[1].

В то же время каких-либо серьезных гонений против мусульман и их организаций в Германии периода нацизма не было. Связано это, вероятнее всего, с тем, что нацисты, не имея каких-то притязаний и претензий к мусульманскому миру в целом (по крайней мере в ближайшем будущем) рассчитывали на его поддержку в борьбе против Англии, давнишнего противника арабско-мусульманского Востока (хотя недоверие к «семитским арабам» всегда сквозило в их политике).

Глава 3

ТЮРКСКИЕ ВОЕННЫЕ СОЕДИНЕНИЯ ВЕРМАХТА И СС

На совещании германского высшего руководства с участием Гитлера, Розенберга, Кейтеля, Геринга и Ламмерса 16 июля 1941 г. было заявлено: «Железным правилом должно стать и оставаться: никому не должно быть позволено носить оружие, кроме немцев! И это особенно важно, даже если вначале может показаться легким привлечение

[1] PA AA, Islam,VR 3906(Nr. 513); VR 8769(Nr.1350), Bl.12; VR 12354(Nr.2314), Bl.18.

каких-либо чужих, подчиненных народов к военной помощи — все это неверно! Когда-нибудь оно обязательно, неизбежно будет повернуто против нас. Только немцу позволено носить оружие, а не славянину, не чеху, не казаку или украинцу!»[1]

Появление в составе германского вермахта боевых соединений из представителей разных народов Советского Союза явилось далеко не случайным явлением, а прежде всего следствием тех военных и политических обстоятельств, которые сложились к концу 1941 — первой половине 1942 г.

Основной толчок к созданию Восточных легионов был дан очевидным провалом плана молниеносной войны[2]. К осени 1941 г. стало совершенно ясно, что «блицкриг» захлебнулся, что Германии следует

---

[1] Der Prozeß gegen die Hauptkriegverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg, 1949, Bd. XXXVIII, Dokument 221-L. S. 88. Любопытно отметить, что при цитировании этого документа в переводе на русский язык в нашей исторической и публицистической литературе слово «Kosak» переводилось как «казах», что неправильно. См., например: *Мустафин Р.А.* По следам оборванной песни. — М., 1974. — С. 95. Аналогичный казус случился и при переводе следующей фразы в одном из документов Нюрнбергского трибунала: «Было только получено разрешение на посылку на фронт соединений тюркских и кавказских народов и казахов (как будто казахи — не тюркский народ! Поэтому следует читать: казаков. — *И.Г.*)» (Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сборник материалов в трех томах/Под общей редакцией *Р.А. Руденко*, т. 2: Военные преступления. Преступления против человечности. — М., 1966. — С. 266). Казаки с немецкой позиции рассматривались не как этнографическая группа русских, а как отдельный народ. Сомнительно, что нацистские бонзы, по крайней мере в начале войны, вообще подозревали о существовании такого народа, как казахи.

[2] Однако объяснять создание Восточных легионов исключительно провалом плана «молниеносной войны» является чрезмерным упрощением проблемы. Такая тенденция явственно наблюдается в нашей историографии (см., например: *Абдуллин М.И.* Сражающаяся правда. Критика буржуазных концепций развития социалистических наций Поволжья и Урала. — Казань, 1985. — С. 44). Даже создание комиссий по отбору тюркских военнопленных «подгоняется» к поражению немцев под Москвой, хотя такие комиссии, о которых речь пойдет ниже, существовали уже в августе—сентябре 1941 г. (см., например: *Мустафин Р.А.* Что же двигало Джалилем? // Татарстан. — 1993. — № 12. — С. 73).

готовиться к затяжной войне, в которой многое будет решаться и от состояния резервов: технических, материальных, людских. С этим у Германии дела обстояли далеко не гладко, резервов для длительных военных действий было явно недостаточно. Советский же Союз, который в начале войны оказался фактически в катастрофическом положении в результате политических и военных просчетов сталинского руководства, мог все-таки рассчитывать на постепенное наращивание своей мощи, опираясь на значительные людские и природные ресурсы, на психологический, патриотический подъем населения страны.

В качестве других важнейших обстоятельств, способствовавших созданию Восточных легионов, можно выделить следующее:

1. Наличие огромного количества советских военнопленных в руках Германии;

2. Активная германская пропаганда среди населения оккупированных областей СССР и против передовых частей Красной армии. Это приводило к тому, что многие представители гражданского населения Украины, Белоруссии и Прибалтики сотрудничали с немцами, что на немецкую сторону, особенно в первый период войны, перешло немалое количество солдат и офицеров Красной армии.

3. Позиция некоторых зарубежных стран, требовавших более человечного обращения хотя бы по отношению к тюркским, мусульманским военнопленным. Наибольшую активность проявляли при этом некоторые политики Турции. Сюда же я бы отнес и активность эмигрантских лидеров из представителей народов СССР, которые с началом войны заметно оживились.

Когда план «блицкрига» провалился, три названных фактора оказали свое влияние на позицию германского руководства. И оно, несмотря на различие точек зрения и серьезные противоречия между вождями и высшими государственными и военными учреждениями рейха, решило в своих интересах использовать сложившиеся обстоятельства. Поэтому будет вполне правомерно остановиться на них подробнее.

Военнопленные в Германии

Общеизвестно, что нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. стало шоком для Сталина, для его окружения, для всего населения страны, и оно явилось настоящей катастрофой для тех, кто

встретил врага первыми — для частей Красной армии, располагавшихся в западных военных округах, для пограничников. Данные о потерях, в том числе и военнопленными, в источниках и литературе разных лет приводятся порой различные. Но все они жестоко красноречивы в одном — потери Красной армии в годы войны, особенно в первый год военных действий, были колоссальными.

В середине июля 1941 г. многонациональная Красная армия потеряла уже около миллиона своих солдат и офицеров, из которых 724 тысячи были пленены. В августе 1941 г. в районе Белосток—Минск потери пленными составили 332 тысячи человек, в районе Умани — 103 тысячи, под Смоленском и Рославлем — 348 тысяч, в районе Гомеля — 30 тысяч. В конце лета — начале осени безвозвратные потери советских военнослужащих, т.е. убитыми и плененными, только на Левобережной Украине составили 616 тысяч[1].

К ноябрю 1941 г., по данным министра по делам оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга, в лагерях военнопленных находилось 3,6 миллиона красноармейцев[2].

Авторитетный американский исследователь Второй мировой войны Александр Даллин приводит цифру 3 миллиона 355 тысяч пленных на конец 1941 г.[3] К. Штрайт приводит еще более высокую цифру — 3,9 миллиона человек, из них к февралю 1942 г. осталось в живых чуть более 1 миллиона, около 280 тысяч были из плена освобождены на условии сотрудничества с немцами, а остальные 2,6 миллиона погибли[4].

---

[1] *Пронько В.А.* Цена Победы //Вторая мировая война. Актуальные проблемы / Отв. ред. О.А. Ржешевский. — М., 1995. — С. 314.

[2] См.: *von zur Mühlen, P.* S. 57. С этими данными расходятся сведения, приведенные Джорджем Фишером со ссылкой на секретное письмо А. Розенберга Гитлеру от 28 февраля 1942 г.: до 1 ноября 1941 г. пленено было 2 053 000 красноармейцев, численность же в 3,6 миллиона военнопленных была достигнута к концу февраля 1942 г. (см.: *Fischer, George.* Soviet Opposition to Stalin. A case study in World War II. Cambridge, 1952, p. 3, 44)

[3] *Dallin, A.* S. 440.

[4] *Streit, Ch.* Keine Kameraden.Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945. Stuttgart, 1978. S. 357. Есть второе издание этой книги, которое вышло в Бонне в 1991 г. Она переведена и на русский язык, см.: *Штрайт К.* Они нам не товарищи. — М., 1991. Главы из этой книги публико-

Специально занимавшийся изучением этого вопроса Альфред Штрайм приводит официальные данные на 1 мая 1944 г.: общее число военнопленных красноармейцев на этот день составляло 5 163 381 человек, из них погибло, было казнено в плену 2 420 000 человек. К концу 1944 г. численность военнопленных увеличилась еще на 147 тысяч человек. Исследователь считает, что всего за годы войны в немецком плену погибло или было казнено минимум 2 545 000 советских военнопленных, уточняя, что речь идет именно о людях, которые имели статус военнопленных (т.е. в эту цифру не включены партизаны или гражданские лица)[1].

20 февраля 1945 г. в одной из справок германского учреждения «Fremde Heere Ost» была приведена наивысшая численность официально зарегистрированных на тот день советских военнопленных: 5 734 528 человек[2]. Согласно сведениям немецких историков 60-х гг., общая численность советских военнопленных в 1941—1945 гг. дошла до 5,75 млн человек, из которых 3,3 млн человек погибли[3].

вались в «Военно-историческом журнале»: 1991 — № 1—12; 1993. — № 5—6; 1994. — № 2—6.

[1] *Streim, Alfred.* Sowjetische Gefangene im Hitlers Vernichtungskrieg. Berichte und Dokumente. 1941—1945. Heidelberg 1982, S. 175—176, 178.

[2] Institut für Zeitgeschichte (IfZ) — München, Zs 406/II-Herre, Bl. 39a.

[3] *Hillgruber, Andreas.* HItlers Strategie, Politik und Kriegsführung- Frankfurt/Main, 1965. S. 577; *Jacobsen Hans-Adolf.* Komissarbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangener, in: *Buchheim, Hans.* (Hrsg.) Anatomie des SS-Staates, Bd. 2. Freiburg, 1965. S. 279. Надо сказать, что некоторые отечественные исследователи согласны с приведенными цифрами, некоторые же их оспаривают и считают завышенными (см., например: *Галицкий В.П.* Верните деньги // Военно-исторический журнал. — 1991. — № 8. — С. 28; Гриф секретности снят/Под. ред. *Г.Ф. Кривошеева.* — М., 1993. — С. 337—338). Вообще вопрос о трагической судьбе советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны в последнее время привлекает большое внимание российских историков: *Бичахвост А.Ф.* Проблема советских военнопленных в исторической науке // Проблемы политологии и политической истории. Саратов, 1993, вып. 2. — С. 50—53; *Галицкий В.П.* Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. — 1990. — № 4. — С. 124—130; *Ерин М.Е.* Советские военнопленные в Германии в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. — 1995. — № 11/12. — С. 140—151; *Семиряга М.И.* Судьбы советских военнопленных // Вопросы

В монографии Т.Г. Ибатуллина обобщены многие известные количественные данные о военнопленных красноармейцах[1]. Проанализировав цифры, содержащиеся в публикациях последнего времени, сопоставив их с более ранними сведениями, он пришел к выводу, что относительно количества безвозвратных потерь советской стороны в годы Великой Отечественной войны «мы не располагаем достаточно обоснованными данными». При этом, на взгляд автора, наиболее близкой к истине является показатель 5,7—5,75 млн военнопленных[2].

Эти цифры, бесспорно, производят страшное впечатление. Они становятся страшными вдвойне, если учитывать и другое: люди, переживающие трагедию плена, своей собственной стране оказались не нужны, более того — она фактически бросила их на произвол судьбы, что было связано с известным сталинским представлением, автоматически превращавшим пленных красноармейцев в предателей и дезертиров.

После 1917 г. большевистское руководство официально не присоединилось к решениям Гаагских конференций 1899 и 1907 гг., на которых были приняты конвенции о законах и обычаях войны. Речь в конвенциях среди прочего шла и о режиме военнопленных. Условия содержания военнопленных еще более подробно были рассмотрены и в Женевской конвенции 1929 г. Советский Союз не подписал и этот международный документ[3]. Поскольку нормы международного права в отношении советских военнопленных в годы Второй мировой войны оказались в силу этого недействительными, на них распространились нормы совершенно иные — сталинские. А они были на удивление «просты». Когда к Сталину обратились с предложением разрешить переписку и посылки для военнопленных — советских и немецких одновременно, он ответил: «Русских в плену нет. Русский солдат сражается до конца. Если он выбирает плен, то он автоматически перестает быть русским. Мы не заинтересованы в установлении по-

истории. — 1995. — № 4. — С. 19—33; *Шевардин В.Н.* Судьба советских военнопленных // Вопросы истории. — 1993. — № 8. — С. 182—183.

[1] *Ибатуллин Т.Г.* Война и плен. СПб., 1999. С. 9—19.

[2] Там же. С. 19.

[3] Подход советского руководства к проблеме военнопленных и их юридического статуса в довоенные годы и в первые годы войны детально рассмотрен в работе: *Конасов В.Б., Терещук А.В.* К истории советских и немецких военнопленных (1941—1943 гг.) // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 54—72.

чтовой службы для одних немцев»[1]. Официально же это мнение было сформулировано в Приказе Ставки № 270 от 16 августа 1941 г. Приведу несколько наиболее важных выдержек из этого документа, который был принят с грифом «Без публикации».

Пункт 1. «Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава».

Пункт 2. «Если такой начальник или часть красноармейцев вместо организованного отпора врагу предпочтут сдаться ему в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, (...) семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи»[2].

Итак, истина для красноармейцев была проста: умирай, но в плен не сдавайся, иначе отвечать будешь не только ты сам, но и твои близкие. Обстоятельства, при которых солдат мог оказаться в плену, как видим, высшее руководство не интересовали вообще.

Чувствуя себя обреченными, военнопленные во многих случаях не выдерживали такого положения и предпочитали смерти очень нелегкую перспективу сотрудничества с врагом, становясь впоследствии основой для создания в составе вермахта и СС военных формирований из народов СССР. Среди них были и представители разных тюркских народов, тем более что в лагерях для военнопленных уже в конце лета — начале осени 1941 г. появились и начали активную работу специальные вербовочные комиссии Восточного министерства.

Германская пропаганда и перебежчики из Красной армии

На первом этапе войны пропаганда против Красной армии носила явственный отпечаток эйфории от развивающегося наступления, она использовала больше словесную мишуру, стремясь в первую очередь

[1] Цит. по кн.: *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты. М., 1996. С. 32.

[2] См. об этом: Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 28.

психологически раздавить и без того потрясенных красноармейцев и играя при этом прежде всего на эмоциях. Руководство Германии безусловно понимало, что пропаганда — это мощный инструмент для проведения желаемой политики. По замечанию Ортвина Бухбендера, «зависимость от примата политики на Востоке была особенно сильно заметна»[1]. Тем самым обусловливалось большое внимание к пропагандистской деятельности на фронте. Но за этим крылось и серьезное противоречие, которое в тех условиях устранить было невозможно: поскольку Гитлер при нападении на Советский Союз исходил лишь из колониальной идеи завоевания, порабощения и уничтожения, немецкая пропаганда часто оказывалась в тупике при выборе своей аргументации — проще говоря, ей приходилось объяснять «недочеловекам», что они и есть «недочеловеки», которые должны безропотно подчиняться «истинным арийцам». И все же действенности и результативности немецкой пропаганды на Восточном фронте полностью отрицать нельзя.

Подготовка войны против Советского Союза одновременно означала и подготовку пропагандистской войны, и началась она также задолго до военных событий. 1 апреля 1939 г. при Высшем командовании вооруженных сил — ОКВ (Oberkommando der Wehrmacht — OKW) было создано подразделение «вермахт-пропаганда». Перед самым нападением на Советский Союз при Министерстве пропаганды был организован «генеральный реферат Восточное пространство» (Generalreferat Ostraum) во главе с Эберхардом Таубертом, часто именуемый также «организацией Винета», который в 1943 г. был преобразован в «отдел Восток» («Abteilung Ost»)[2]. Именно эти учреждения и стали основными центрами ведения пропагандистской работы на передовой линии фронта и среди «восточных добровольцев». Я не буду подробнее останавливаться на характеристике всех сторон деятельности этих учреждений. Внимательнее вглянем лишь на результативность немецкой пропаганды, а именно на факты перехода красноармейцев на сторону наступающей немецкой армии.

Воздействие на части Красной армии осуществлялось разными способами — через радио, через громкоговорители, распространение

[1] *Buchbender, O.* S. 12.

[2] Об организации «Винета» см.: *Buchbender, O.*, S. 36—40.

листовок с текстами или изображениями, плакатов, брошюр. Цель в данном случае была одна — морально подавить боевой дух красноармейцев и призвать их к переходу на сторону немцев. За неделю до нападения на СССР, например, на пластинки были записаны подобные обращения, подготовленные на русском, украинском, кавказских и тюркских языках (в подготовке этого мероприятия принимал участие и Алимджан Идриси). Эти обращения многократно зачитывались затем через громкоговорители перед позициями Красной армии[1].

На различных языках народов СССР распространялись и письменные материалы. Таковых было великое множество. Приведу лишь несколько примеров: плакат с шифром Р 61, форматом 56 × 80 см с текстом «Народы Кавказа! Мы несем вам освобождение от большевистского ига! Приступайте теперь к работе! Вы будете трудиться для себя и для вашей родины!» распространялся на русском, грузинском, армянском, азербайджанском, кумыкском, калмыцком, чеченском и татарском языках[2].

Кроме листовок разбрасывались и брошюры, например, с грифом В 93 «Жизнь помощника люфтваффе» или же с грифом В 94 «Слова для молодых людей» (обе брошюры были отпечатаны на русском, немецком, украинском, белорусском, литовском, латышском, эстонском и татарском языках).

На изготовление пропагандистских материалов средств не жалели, они публиковались громадными тиражами в фирме «Войшник» (имевшей монополию на публикацию), специальными поездами доставлялись на фронт и разбрасывались над позициями Красной армии. Например, только за три месяца 1943 г. (с 7 мая до конца июля) самолетами или специальными пушками было разбросано свыше одного миллиарда листовок, а текст приказа ОКВ № 13 от 21 апреля 1943 г., инициирующий переход на сторону немцев и переведенный на разные языки, в том числе и татарский, в июне 1943 г. был распространен тиражом около 200 миллионов экземпляров[3].

Листовочная пропаганда, конечно, активизировалась при подготовке наступательных операций. При этом темы для пропагандистских

---

[1] *von zur Mühlen.* S. 166.

[2] *Buchbender, O.* S.195

[3] Ibid. S. 366.

материалов продумывались вполне серьезно. О. Бухбендер проанализировал тематику немецких листовок на передовой, взяв за основу определенное время (август 1942 г.) и определенное место (район наступления 6-й армии в направлении Сталинграда). Тогда было распространено листовок тиражом около 45 миллионов, и из них: около 24 % по содержанию было посвящено положению на фронте и успехам германской армии, 17 % — антибольшевистской тематике, 15 % призывали бойцов Красной армии переходить на сторону немцев и 11 % описывали благоприятное отношение немцев к военнопленным. Среди прочих тем: антисемитизм, положение Красной армии, лживость советской пропаганды, международное положение, аграрная реформа, национальный вопрос в СССР[1]. Как видим, значительное число материалов, а именно более четверти, было посвящено такой цели, как разложение Красной армии изнутри. При этом почти каждая листовка снабжалась так называемым «пропуском» для перебежчиков, которые разбрасывались также и отдельно. Они также переводились на различные языки: русский, украинский, белорусский, грузинский, азербайджанский, армянский, узбекский, татарский. Первые официальные «пропуски» на кавказских и тюркских языках, по мнению О. Бухбендера, были отпечатаны в первой половине февраля 1942 г., когда немецкая армия развивала наступление в Крыму, после этого численность отпечатанных листовок на этих языках возросла многократно[2].

Отмечу, что «пропуск» на татарском языке был выполнен и на арабской графике, и на кириллице. Если на арабской графике орфография текста ошибок почти не имеет, то текст на кириллице вообще не подчинен никаким правилам.

Несмотря на жесточайший контроль со стороны офицеров и политруков, листовки эти явно читались многими солдатами и офицерами Красной армии. По немецким данным военного времени, почти каждый

[1] *Buchbender, O.* S.182.

[2] Следует однако заметить, что уже в конце августа 1941 г. образцы подобных «пропусков» на азербайджанском, грузинском, узбекском и татарском языках были подготовлены в Министерстве иностранных дел. Поэтому представляется вполне вероятным, что они распространялись намного раньше указанной О. Бухбендером даты. (см.: PA-AA, Pol. XIII, Deutsche antisowjetische Propaganda, Nr. 247993—247994).

перебежчик или пленный имел при себе несколько пропагандистских листовок. Хотя о доверии к немецким листовкам, брошюрам со стороны советских солдат судить опять-таки очень сложно, она имела и желаемые для немцев последствия, что проявлялось в многочисленных фактах перехода красноармейцев, в особенности в критические моменты германского наступления. Даже жестокие сталинские указания относительно судьбы пленных и их семей при этом отходили на второй план.

Наличие тысяч перебежчиков в рядах вермахта заставляло германское командование выработать определенную линию отношения к ним, так как в начале войны задача была понятна — «разложить изнутри Красную армию», способствовать переходу красноармейцев на сторону немцев, но ясного представления о том, что делать с подобными перебежчиками, каков их правовой статус, вообще не имелось. Поэтому в марте 1942 г. и апреле 1943 г. в целях оптимизации работы с перебежчиками были даны необходимые разъяснения.

7 марта 1942 г. был подписан приказ Высшего командования сухопутных войск — ОКХ (Oberkommando des Heeres — OKH) об обхождении с перебежчиками[1]. В приказе речь шла о следующем. Предполагалось, что в самое ближайшее время активная пропаганда против Красной армии еще больше оживится (вспомним, что это был канун немецкого наступления в кавказском направлении). Было обращено внимание на серьезный недостаток: обещания, которые даются перебежчикам, не выполняются. Катастрофические условия содержания военнопленных советских солдат в лагерях стали известны в Красной армии, что резко подрывало доверие к немецкой пропаганде. Для исправления существующего положения в этом документе прослеживались те правила, которыми должны были руководствоваться немецкие солдаты и офицеры при обхождении с перебежчиками: «Каждый из них должен был получить соответствующее удостоверение, и никакая инстанция отобрать у него этот документ не может. В удостоверении должна быть указана национальная принадлежность. (...) Насколько возможно, перебежчику должен быть обеспечен уход, в любом случае он должен быть отделен от остальных военнопленных, и должен иметь перед ними предпочтение в размещении и обеспечении». Перебежчики

[1] BStU-Zentralarchiv, RHE 63/88-SU, Bd. 2, Bl.173—174.

после этого доставлялись в специально созданные лагеря — «дулаги» (от немецкого Durchgangslager — проходной, переходный лагерь), где проводилась их проверка «на безопасность» и выяснялась возможность их дальнейшего «использования» (в качестве вспомогательного персонала или же в качестве легионера). Они могли быть сразу использованы на легких трудовых работах или в качестве надсмотрщиков.

Упоминавшийся выше приказ ОКХ № 13 от 21 апреля 1943 г. окончательно определил позиции немецкой стороны по отношению к перебежчикам, тесно связав их перспективы с формированием Восточных легионов и других «добровольческих» соединений. Многомиллионными тиражами он был отпечатан на русском языке и разбрасывался над позициями советских войск. По содержанию он во многом схож с предыдущим приказом, но все же более конкретен в определении статуса перебежчиков: «Каждого военнослужащего Красной армии (офицера, политработника, бойца и др.), покинувшего свою часть и самостоятельно или в составе группы добровольно являющегося к нам, считать не военнопленным, а добровольно перешедшим на сторону Германской Армии. Всех офицеров и солдат Красной армии, добровольно переходящих к нам, следует рассматривать как противников Советской власти и в соответствии с этим с ними обращаться»[1]. Появление политической мотивации для перехода на сторону немцев в этом документе вполне симптоматично. Положения приказа об обращении с перебежчиками, их обеспечении не дают почти ничего нового по сравнению с предыдущим документом, но об их последующем использовании даны совершенно новые указания: «Добровольно перешедшему предоставляется 7-дневный срок для решения о его вступлении: в Русскую Освободительную Армию, в один из национальных освободительных отрядов (украинский, кавказский, казачий, туркестанский, татарский), добровольцем в тыловую часть или на работу в освобожденных от большевизма областях. При этом принимать во внимание специальную подготовку каждого в отдельности».

Хотя фактор добровольности в этом приказе повторяется чуть ли не в каждой фразе, вряд ли она была полной — судьбу перебежчиков скорее решали немецкие военные и гражданские чиновники в своих конкретных интересах, но в любом случае бесспорно то, что тысячи

[1] *Buchbender, O.* S. 234—235.

перебежчиков из Красной армии составили еще один из потенциальных людских резервуаров для формирования Восточных легионов.

Позиция зарубежных стран и старых эмигрантов

Свою роль в создании Восточных легионов сыграла и позиция некоторых представителей старой эмиграции в Центральной и Западной Европе, и осторожное давление, оформленное в виде пожеланий, со стороны зарубежных стран.

Повторю уже упоминавшийся факт поездки двух турецких генералов — Эрдена и Эркилета — в начале октября 1941 г. на советско-германский фронт, а именно на Крымский полуостров. Оба генерала, как уже упоминалось, высказали свое беспокойство за судьбу тюркских военнопленных, а их визит, как считал Герхард фон Менде, стал последним толчком к созданию Восточных легионов[1]. Более осторожен был в высказываниях относительно судьбы тюркских народов турецкий премьер-министр Сараджоглу, но и он все-таки пожелал облегчения участи военнопленных тюрко-мусульман[2]. О позиции Турции по вопросу о военнопленных постоянно сообщал посол фон Папен: так, 25 июля 1941 г. он призывал германское руководство «в известной мере поддержать старания Турции — обязательно и срочно изолировать тюрко-мусульманских военнопленных». Как перспективу он видел следующее: через надежных людей организовать их переобучение, проводить активную пропаганду, чтобы впоследствии использовать их в военных действиях»[3].

24 ноября 1941 г. и германский дипломат Рудольф Надольны сообщал в МИД фон Хентигу, что и официальные турецкие лица, и представители тюркской эмиграции предлагают облегчить положение военнопленных, разделить их в лагерях по национальному признаку и соответственно улучшить их обеспечение[4].

---

[1] *von Mende, G.* Erfahrungen mit Freiwilligen in der deutschen Wehrmacht während des Zweiten Weltkrieges, in: Vielvölkerheere und Koalitionskriege. Darmstadt, 1952. S. 25.

[2] *Krecker, Lothar.* Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt am Main, 1964. S. 215.

[3] PA AA , Ut.St.S.Panturan, R 29900, N 311699—311700.

[4] BStU-Zentralarchiv, RHE 28/88-SU, Bd.1, Bl. 45—46.

Большую напористость и меньшую осторожность демонстрировали представители старой эмиграции. Но к ним отношение в Германии было весьма неоднозначным. Более подробно о вопросах политического сотрудничества старой эмиграции с нацистским режимом еще будет сказано в специальной главе, поэтому остановлюсь лишь на некоторых моментах, имеющих отношение к судьбам тюрко-мусульманских военнопленных.

Среди крупных лидеров тюркской эмиграции из СССР, которые в начале войны выражали свое пожелание помочь в облегчении судьбы сотен тысяч своих соплеменников, оказавшихся в плену, были Мехмет Амин Расул-заде, Мустафа Чокай-оглу, Гаяз Исхаки, Джафер Сеидамет, Эдиге Кирималь, Ахмет Заки Валиди, Абдул-Гани Усман, Вели Каюм хан и др. Некоторые из них, даже если и имели отрицательное отношение к нацистскому режиму, уже осенью 1941 г. высказывали пожелание приехать в Германию и как-то содействовать в работе с военнопленными; но не было позволено въехать в Германию, например, Ахмеду Заки Валиди и Гаязу Исхаки. За последнего хлопотал перед германским МИДом турецкий генерал Эркилет: 10 октября 1941 г. он направил письмо фон Хентигу, заметив, что Исхаки имеет типографию в Берлине и мог бы тотчас организовать издание газеты для тюркских военнопленных и вообще помочь в налаживании германо-турецких отношений[1]. Более удачной оказалась инициатива предпринимателя Ахмеда Вали Менгера, о чем я уже также упоминал выше — ему было во всяком случае позволено въехать в Германию: он вместе с Алимджаном Идриси посетил в МИДе фон Хентига 14 октября 1941 г. В беседе он выразил настойчивое желание помочь Германии в работе с тюркскими военнопленными: при их регистрации, установлении личности, а также поставлять для военнопленных через турецкое Общество Красного Полумесяца пищу и одежду[2]. В сохранившихся документах, к сожалению, нет более подробных сведений о том, сумел ли реализовать Менгер свои пожелания, известно лишь, что он в годы войны осуществлял крупные коммерческие операции в европейских и восточных странах.

Те же эмигранты, которые уже достаточно давно находились в Германии, по мере сил старались как-то изменить положение тюрко-

[1] PA AA , Ut.St.S.Panturan, R 29900, N 311 734—311735.

[2] BA-Potsdam, Auswärtiges Amt, Nr. 61174, Bl. 195.

мусульманских военнопленных, среди них особенно отмечу Абдул-Гани Усмана, Мустафу Чокай-оглу, Вели Каюм хана, Алимджана Идриси, хотя порой только на условий сотрудничества с режимом. Они входили в состав комиссий Восточного министерства, которые инспектировали лагеря военнопленных и осуществляли их разделение по национальному признаку. Один из известных лидеров среднеазиатской эмиграции Мустафа Чокай-оглу во время пребывания в лагере Ченстохово заболел тифом и скончался в декабре 1941 г.[1]

В продолжение высказанных представлений отмечу и следующее: кроме названных факторов важен для германского руководства был и фактор психологически-пропагандный. Т.е. освобождение из плена и привлечение в качестве союзников представителей тюрко-мусульманских народов СССР, должно было, по мнению немецких официальных лиц, оказать влияние как на эти народы в целом и расколоть советское общество, так и повлиять в какой-то степени на мировое общественное мнение, прежде всего, конечно, на мусульманские страны. Как выяснилось, однако, полностью поставленной таким образом цели добиться не удалось. Большинство мусульманских стран, а в особенности Турция, на которую Германия возлагала определенные надежды, сохраняло в годы войны осторожность и нейтралитет, хотя и высказывало свои симпатии политике Германии по отношению к тюрко-мусульманским военнопленным. О расколе в советском обществе на основе национальных противоречий и говорить не приходится — подавляющее большинство многонационального населения СССР воспринимало гитлеровскую Германию как своего основного врага, и дух патриотизма в стране был очень высок.

Итак, мы проследили те обстоятельства, которые и стали основанием для создания Восточных легионов. Теперь же подробнее рас-

[1] О Мустафе Чокай-оглу см.: *Hidiraliev, D.* Mustafa Çokay. Hayati, Faaliyetleri ve Fikerleri. Ankara, 2001. А. Романов, однако, совсем иначе описал кончину Чокай-оглу: как будто бы «махровый изменник» Вели Каюм-хан, мечтавший о кресле президента Туркестанского национального комитета, убедил немцев, что «Чокаев, связанный в прошлом с англичанами, умышленно тормозит активное использование "туркестанских" кадров и помог последнему перебраться в "лучший мир", дав вместо порошка от головной боли стрихнин» (*Романов А.* Аллах чернорубашечников // Наука и религия. 1964. № 5. С. 33).

смотрим саму их военную историю, обращая наше основное внимание Волго-татарскому легиону или легиону «Идель-Урал».

Создание Восточных легионов

Было бы ошибочно полагать, что создание военных формирований из представителей различных народов Советского Союза было абсолютно случайным и вызванным к жизни исключительно стечением обстоятельств, которые в основном для Германии были неблагоприятны. Оказывается, этот вариант обсуждался и продумывался в самом начале войны против СССР, правда, решения не получил и был отложен на неопределенный срок.

30 июня 1941 г. состоялось специальное заседание Министерства иностранных дел Германии под председательством посла Риттера. На заседании обсуждался вопрос о добровольческих соединениях и возможности их использования в борьбе против СССР. При этом было заявлено, что два соображения имеют значение для создания добровольческих соединений: количество желающих (вероятно, однако, что здесь желаемое выдавалось за действительное — «многих желающих» через неделю после войны еще явно не было, хотя, конечно, на совещании речь шла обо всех европейских странах) и политический, пропагандистский мотив воздействия на население европейских стран. Как видим, те мотивы, о которых мы уже сказали выше, продумывались германской верхушкой еще до того, как они действительно встали во всей своей остроте. На заседании обсуждались возможности создания соединений из представителей европейских стран, в том числе прибалтийских и СССР. МИД идею в целом одобрил, посчитав, что создание подобных соединений может быть осуществлено при ОКВ или же при Главном управлении СС, они будут носить закрытый характер и иметь немецкую униформу[1]. В начале июля этот вопрос был рассмотрен и одобрен также и заинтересованными военными инстанциями — ОКВ и Главным управлением СС — с уточнением, что подобные формирования могут находиться только в резерве, на территории соответствующих стран и под полным контролем немецких дипломатических пред-

[1] PA AA, Pol. XIII, Bd.29, R 105196.

ставительств[1]. И здесь ответственные чиновники МИДа проявили особую осторожность по отношению к эмигрантам, в особенности из народов СССР: 2 июля 1941 г. государственный секретарь Эрнст фон Вайцзеккер ясно заявил официальную позицию: «русские (имеются в виду, конечно, не только этнические русские, а все выходцы с территории Советского Союза. — *И.Г.*) эмигранты заявили о своей готовности воевать против СССР в качестве добровольцев. Их желание надо приветствовать, но регистрировать их в таком качестве нельзя, так как создание таких соединений не предусмотрено. Мы не имеем никакого интереса в подобном представительстве русских эмигрантов»[2]. Итак, вопрос о добровольцах обсуждался уже в самом начале войны, но он так и остался на стадии обсуждения, и никакого решения относительно создания вооруженных формирований, по крайней мере из народов СССР, тогда принято не было. Причина тому — общая установка на военную победу Германии, причем только своими силами.

Военные действия продолжались, в германском плену оказались сотни тысяч красноармейцев, десятки тысяч перебежчиков. Уже тогда в первую очередь командирам наступающих частей вермахта пришлось столкнуться с проблемой: что делать с той частью военнопленных, которые выразили согласие перейти на сторону немцев?[3] Никаких уточнений и директив сверху по этому поводу не было. Поэтому, как это ни удивительно, многие армейские командиры начали действовать на свой страх и риск, создавая из таких людей подразделения так называемых «хивис» (от немецкого Hilfswillige — «желающие помочь»). Конечно, не могло быть и речи о вооружении «хивис», речь шла об

[1] PA AA, Pol. XIII, Bd.29, R 105196.

[2] Ibid.

[3] В данном случае мной не затрагиваются вопросы политического, экономического, военного сотрудничества с немцами жителей оккупированных областей Украины, Белоруссии, Прибалтики или северо-западных районов России (например, в вопросах создания местной администрации, полиции и пр.). Об этом см., например: *Ковалев Б.Н.* Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941—1944 гг.). — Великий Новгород, 2001. Ниже речь идет исключительно о судьбах военнопленных красноармейцев, среди которых было немалое количество и представителей тюркских народов СССР.

использовании их на различных вспомогательных работах: в роли, например, переводчиков, конюхов, подносчиков снарядов, помощников на кухне, ремесленников, возниц и т.п. Отдельные немецкие военачальники, например командующий группой армий «Центр» фон Браухич, даже выступили с инициативой создания из «хивис» специальных русских вспомогательных сил[1]. Инициатива не нашла ответа (и это, кстати, явилось одним из факторов, которые стоили Браухичу карьеры — Гитлер поначалу ни о каких «добровольцах» и слышать не желал), но все же количество «хивис» на Восточном фронте было очень значительным, достигая в некоторых частях до 10—15 % от их состава[2]. Со временем все же реалии жизни взяли свое, «хивис» были признаны официально, был даже установлен конкретный статус «хивис», что проявилось в назначении им денежного жалованья: такие лица подразделялись, видимо, по уровню доверия к ним, на три группы: представители первой группы получали 375 руб. или 30 рейхсмарок в месяц; второй — соответственно 450 или 36; третьей — 525 или 42 (данные марта 1943 г.)[3].

Стихийное возникновение подразделений «хивис» стало одним из первых шагов на пути создания военных формирований из восточных народов. Причем и в этом вопросе довольно долгое время официального соизволения не было. Гитлер и его окружение колебались и не могли отказаться от предвоенной доктрины, тогда как отдельные инстанции, особенно Министерство по делам оккупированных восточных территорий, а затем уже и ОКВ, начали в конце лета 1941 г. мероприятия по отделению тюрко-мусульманских военнопленных от остальных. На начальном этапе в этот вопрос активно вмешивалось и Министерство иностранных дел[4].

---

[1] *Gehlen, Reinhardt.* Der Dienst. Erinnerungen 1942—1971. Mainz-Wiesbaden, 1971. S. 102.

[2] О численности и статусе «хивис» см. также: *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941—1945. — М., 2004. — С. 171—176; *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. — М., 2004. — С. 16—17, 251.

[3] BA-MA, RH III/492, Bl. 77, 198.

[4] Любопытно, что в начале июля 1941 г. в МИД поступали порой совершенно фантастические и непроверенные сведения: например, 11 июля была распространена общая справка по МИДу, что советское руководство направляет

Когда же началось отделение тюрко-мусульманских военнопленных, и когда были составлены комиссии по отделению? Точного ответа на этот вопрос нет, так как многое делалось при этом спонтанно и без официального разрешения.

Первым из крупных германских чиновников, кто заговорил о необходимости отделения тюркских военнопленных, был, как уже упоминалось, посол фон Папен, предлагавший это мероприятие 25 июля 1941 г. Турецкий политик Нури Киллигиль настаивал на этом 17 сентября 1941 г. во время своего визита в Германию: он высказал просьбу отделить всех тюркских военнопленных в особый лагерь по образцу лагеря в Вюнсдорфе в период Первой мировой войны, чтобы впоследствии использовать их как армию пантуранистского движения, союзного Германии (об этом также уже говорилось во второй главе)[1]. Почти в те же дни сентября 1941 г. глава Восточного министерства А. Розенберг обратился к высшему командованию вермахта с аналогичной просьбой, также назвав в качестве образца лагерь в Вюнсдорфе. На это 24 сентября он получил ответ руководителя Отдела по работе с военнопленными ОКВ генерал-полковника Брайера о том, что ОКВ не в состоянии по-настоящему организовать такую работу, так как пленных скопилось неожиданно много. Брайер обещал, что в ближайшем будущем, как только такая возможность предоставится, ОКВ сразу же займется указанным вопросом[2]. 2 октября свою поддержку идее отделения мусульманских военнопленных высказал министр иностранных дел Риббентроп[3]. И именно в октябре 1941 г. под обсуждавшийся долго вопрос была подведена официальная база: 14 октября был дан приказ ОКВ № 6577/41 об отделении тюркских военнопленных от остальных плененных красноармейцев и размещении их в специально отведенных лагерях на территории Прибалтики, Украины и Польши. Одним из

на фронт национальные соединения «кавказцев и азиатов», а украинцев же из-за их «ненадежности» включают только в национально смешанные части. (PA AA, St.S.Rußland, Bd.6, N 113715—113717). Это свидетельствует не только о некомпетентности авторов подобных справок, но и о возможности неверной оценки военной и политической ситуации в МИДе вообще.

[1] Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). 1918—1945. Serie D: 1937—1941. Band XIII, 2: Die Kriegsjahre. Göttingen, 1970, Nr. 361, S. 467—470.

[2] PA AA, Ut.St.S.Panturan, R 29900, N 311680.

[3] Ibid., N 311654.

крупных сборных пунктов мусульманских военнопленных стал тогда шталаг (от немецкого Stammlager — основной лагерь) 1 Ц Хайдекруг (Восточная Пруссия). Для Восточной Пруссии при этом скорее всего делалось исключение, так как на территорию Третьего рейха ввозить военнопленных из оккупированных областей запрещалось, на этот счет существовало строгое указание Гитлера — они могли размещаться только на оккупированных территориях, например, на Украине или в Польше. Особенно строгим такой запрет был относительно пленных «азиатского происхождения». «Попадание азиатов (или монголов) для работ в рейхе должно быть абсолютно исключено», — такие слова Гитлера от 4 июля 1941 г. приводил один из высших германских чиновников доктор Круль впоследствии на заседании Нюрнбергского международного трибунала[1]. Правда, в ходе войны такой строгий запрет был, очевидно, снят. Известны многочисленные случаи транспортировки военнопленных на территорию Германии уже в начальный период войны. В военном дневнике германского Генштаба за 16 ноября 1942 г. есть запись: «Фюрер решил, что Восточные легионы, включая и предварительные лагеря, должны быть переведены из генерал-губернаторства на территорию рейха»[2]. Возможно, что тем самым предполагалось усилить контроль за военной подготовкой и пропагандистской обработкой будущих легионеров, оторвать их от возможной на территории Польши «вражеской» пропаганды.

Сборных лагерей осенью 1941 — весной 1942 гг. вблизи передовой линии фронта было создано немало. К сожалению, наши сведения об этом далеко не полны, но можно привести некоторые данные о пунктах сбора нерусских военнопленных конца весны — начала лета 1942 г.: туркестанцы собирались в лагере Ромны (с 8 июня 1942 г.), грузины — в Гадяче (с 18 июня 1942 г.), азербайджанцы — в Прилуках (с 20 июня 1942 г.), армяне — в Лохвице (с 24 июня 1942 г.), представители северокавказских народов — в Миргороде (с 14 июня 1942 г.), а лагеря Хорол (дулаг 160, с 29 мая 1942 г.) и Лубны (дулаг 132, с 11 июня 1942 г.) являлись смешанными — в них доставлялись все военнопленные, которых затем разделяли по национальному признаку. Обратим внимание на то,

[1] Der Prozeß gegen die Hauptkriegverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg, 1948, Bd. XXVII, Dokument 1199—99, S. 63

[2] BA-MA, RH 2/824, Bl.108.

что для удобства дальнейшей транспортировки военнопленных лагеря, как правило, располагались на крупных железнодорожных станциях. Большинство из размещенных на территории Украины военнопленных составили основу создаваемой 162-й тюркской дивизии. Хотя на тот момент еще не было приказа о создании Волго-Татарского легиона, татары также отделялись от остальных пленных, среди них уже тогда проводилась вербовка в легион: комендант всех указанных лагерей сообщал 20 июня 1942 г., например, что в лагере Хорол из 9450 пожелавших записаться в легионеры татар было 1043 человека[1].

31 октября 1941 г. ОКВ докладывал о первых итогах работы, и это важно подчеркнуть, именно в МИД: число зарегистрированных военнопленных из тюркских народов на тот день доходило до 55 тысяч, из них около 5 тысяч — в Восточной Пруссии. Из зарегистрированных военнопленных комиссиями Восточного министерства уже было отобрано для сотрудничества 5600 человек (особенно в качестве пропагандистов)[2].

И все же работа эта была организована из рук вон плохо: вопросы размещения, обеспечения пленных не были улажены, так что положение отделенных мало чем отличалось от положения остальных, и в специальных лагерях пленные умирали сотнями и тысячами от голода и холода, о чем с определенной тревогой говорилось в указанном докладе ОКВ. Свое неудовлетворение организацией работы выражали и представители МИДа. 15 ноября 1941 г. уже знакомый нам Гросскопф сообщал своему шефу Риббентропу о первых итогах деятельности комиссий в лагерях. Серьезную ошибку он видел в том, что из директивных документов совершенно неясно, представители каких восточных народов должны целенаправленно отделяться от других военнпленных, «поэтому, например поволжские татары и узбеки остаются вне этого приказа». Гросскопф выражал недоумение по поводу того, что «директива ОКВ оперирует термином “азиаты”», а это, по его мнению имело «определенный оттенок пренебрежения». Он предлагал уточнить это название и употреблять либо общепринятые этнонимы, либо обобщающие термины вроде «тюркские народы СССР» или «мусульмане»[3].

---

[1] BA-MA, RH 19 V/109, Bl. 109.

[2] PA-AA, Ut.St.S.Panturan, R 29900,N 311648.

[3] Ibid., Pol. XIII, Bd. 14, R 105181, N 219004.

Похожие трудности для немецкой стороны, связанные прежде всего с организацией этого мероприятия, имели место и позднее: например, 18 сентября 1942 г. ОКХ сетовало на них в справке, отправленной в Восточное министерство. Представитель министерства Отто Бройтигам в своем ответе призвал военные власти активизировать эту работу, учитывая ее «огромное политическое значение»[1].

Собственно же комиссии по работе с военнопленными начали свою работу в лагерях в конце августа 1941 г. Всего, по данным Патрика фон цур Мюлена, было создано от 25 до 30 комиссий общей численностью состава от 500 до 600 человек[2]. Возможно, более точная цифра — 25 комиссий, функционировавших в начале ноября 1941 г., приведена в справке по МИДу, составленной Эрнстом Вёрманном[3]. В комиссии входили вначале исключительно немецкие чиновники от Министерства Розенберга и многократно проверенные старые эмигранты, впоследствии в них начали включаться и согласившиеся на сотрудничество бывшие военнопленные. Задачи комиссий были довольно расплывчаты: посещение лагерей и составление списков тюрко-мусульманских военнопленных. Конечно, такие списки позже нашли свое практическое применение при организации Восточных легионов. Комиссии «должны были проверять отобранных военнопленных с точки зрения их благонадежности и определять, куда следует направлять каждого в отдельности. Для достижения этой цели после тщательнейшей проверки были назначены лица из эмигрантов, а наиболее надежным из них доверено руководство отдельными комиссиями». По мнению Арно Шикеданца, «будущего», но так и не состоявшегося «рейхскомиссара» Кавказа, «комиссии проводили значительную работу в смысле обеспечения и сохранения рабочей силы военнопленных и оказали большую помощь комендантам лагерей»[4]. Однако с этим мнением соглашались далеко не все.

---

[1] BA-Potsdam, R 6/66, Bl. 80—81.

[2] *von zur Mühlen, P.* S. 58. См также: *Bräutigam, Otto.* So hat uns sich zugetragen. Ein Leben als Soldat und Diplomat. Würzburg, 1968. S. 390—392.

[3] PA AA, Ut. St. S. Panturan, R 29900, N 311648.

[4] Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сборник материалов в трех томах/Под общей редакцией *Р.А. Руденко*, т. 2: Военные преступления. Преступления против человечности. М., 1966. С. 222.

Проиллюстрировать работу комиссий можно на основании воспоминаний татарского эмигранта Ахмета Темира[1]. К началу войны он, как известно, уже успел защитить диссертацию в Гамбургском университете, и немецкое руководство сочло возможным привлечь его к работе с татарскими военнопленными.

27—28 августа 1941 г. в качестве члена комиссии А. Темир посетил два лагеря, расположенных неподалеку от Ганновера, в округе Фаллингбостель-Орбке (шталаг XI Д) и Берген-Бельзен (шталаг XI Ц). В первом из них находилось 60 военнопленных татар, 5 башкир и 5 чувашей, во втором — 135 татар, 4 башкира и 54 чуваша. В Орбке А. Темир побеседовал со всеми тюркскими военнопленными по отдельности, в Берген-Бельзене — с большинством. Какие вопросы выяснялись во время таких бесед?

1. Взаимоотношения между самими тюркскими народами. Темир замечал, что когда военнопленным задавались подобные вопросы, они — и татары, и башкиры — были удивлены и заявляли, что это фактически один и тот же народ, что нельзя отделять одного от другого. Подчеркивались и дружеские взаимоотношения татар с чувашами (об этом говорил, например, военнопленный Анатолий Казаков, 1922 г. рождения, из деревни Аксу Буинского района Татарстана).

2. Отношения тюркских народов к русским. В этом вопросе проверяющий оказался в затруднительном положении, потому что, на его взгляд, «почти 98 % военнопленных происходят из сельской местности, а 95 % процентов деревень этих военнопленных этнически однородны, поэтому трудно сказать что-либо ясное и определенное об отношении тюрко-татар к русским». Он считал, что большинство из пленных вообще не желает говорить на эту тему из чувства страха и неопределенности, хотя и отметил, что некоторые из пленных высказались недружески по отношению к русским. По наблюдениям А. Темира, и в самих лагерях военнопленных сложилась недружественная и напряженная атмосфера, которая приводила даже к дракам

[1] Ниже приводятся сведения из воспоминаний А. Темира, в которые в качестве приложения включены и ксерокопии документов периода Второй мировой войны, в том числе и рапорты о посещении различных лагерей военнопленных с августа по октябрь 1941 г. (*Temir, Ahmet.* Altmiş yil Almanya, S. 223—261). Здесь же приведены некоторые отрывки из составлявшихся комиссиями списков военнопленных.

на национальной почве. При этом как будто русские военнопленные пренебрежительно относились к представителям других национальностей, называя их «нацменами и предателями» и заявляли, что немцы их повесят. Поэтому некоторые из пленных предпочитали скрывать свою национальную принадлежность и при составлении списков называли себя русскими. Из всего сказанного А. Темир делал вывод, что «вражда между русскими и тюрко-татарами в Поволжье является вечным законом жизни».

3. Отношение к земельным вопросам и экономическое положение. В данном вопросе А. Темир отмечал общую негативную оценку колхозной системы, которая привела к слому привычного уклада жизни, обнищанию и бесправию основной массы сельского населения.

4. Отношение к большевизму. В рапорте подчеркивается, что «большинство относится к большевизму отрицательно, а многие даже выражают свою ненависть к нему».

5. Религиозный вопрос. Отмечалось, что молодое поколение тюрко-татар уже успело отдалиться от религии и не соблюдает всех религиозных обычаев. Но все военнопленные заявляли во время бесед, что их родители очень религиозны. Так что, по мнению А. Темира, религиозная традиция продолжает жить в народе.

Кроме указанных моментов в рапорте обращалось внимание и на внешний вид военнопленных. По наблюдениям автора, в основной массе это были молодые и трудоспособные люди 1915—1922 гг. рождения. Уровень их образования довольно низок, только 3—4 человека имели высшее образование, но практически все умели читать и писать. Многие отмечали, что они добровольно сдались в плен. А. Темир выражал мнение, что «их легко можно будет привлечь к борьбе за их собственное национальное дело и тем самым противопоставить московскому большевизму».

В заключение автор рапорта привел пожелания военнопленных быть отделенными от русских, получить работу, а также лучшее обеспечение, одежду и пропитание.

Примерно в том же направлении велись беседы с военнопленными и в других лагерях на территории Восточной Пруссии, в которых побывал А. Темир:

6—7 сентября 1941 г. — лагерь Торн (шталаг 312, 35 татар и башкир, 10 чувашей, 5 марийцев);

10 сентября — лагерь Просткен (офлаг 56, 76 татар и башкир, 3 чуваша, 6 удмуртов);

12—16 сентября — лагерь Сувалки (офлаг 68, 637 татар и башкир, 8 чувашей, 6 марийцев, 25 удмуртов, 4 мордвина);

18—19 сентября — лагерь Ширвиндт (офлаг 60, 700 татар и башкир, 115 чувашей, 16 марийцев, 32 удмурта, 27 мордвы);

21 сентября — лагерь Матцикен (шталаг 331, 37 татар и башкир, 7 чувашей, 1 мариец, 2 удмуртов, 3 мордвина);

22 сентября — лагерь Погеген (302 татар и башкир, около 100 чувашей и представителей финно-угорских народов).

С 10 октября по 31 ноября А. Темир посещал лагеря на территории Западной Украины: Львов (шталаг 328), Ярослав (шталаг 327 А и 327 Д), Кохановка, Деба, Замощь (офлаг 325), в которых находилось 797 татар и башкир, 86 чувашей, 22 марийца, 12 удмуртов, 17 мордвы. В общей сложности за указанное время Ахмет Темир посетил 14 лагерей для военнопленных.

Как видим, и график посещений лагерей у членов комиссий был довольно напряженный, и сведения о количестве представителей тюркских и финно-угорских народов собирались ими довольно точные.

Интересно, что в лагере Замощь А. Темир встречался с пленным генерал-майором Красной армии Ибрагимом Бикжановым, который родился в 1895 г. в Касимове. Здесь же он отметил, что, по словам Бикжанова, в Красной армии был еще только один татарский генерал — генерал Салихов. Это имя встретится нам еще в дальнейшем, но позднейшую судьбу генерала Бикжанова выяснить не удалось.

В результате пребывания комиссий в лагерях составлялись подробные списки военнопленных, в которых отмечались следующие данные: полное имя, год рождения, место рождения, образование, партийность, профессия, военное звание, социальное происхождение, национальность и домашний адрес. В списке особо выделялись лица с высшим и полным средним образованием — на них следовало обращать внимание в плане возможного привлечения их на сторону немцев. В тех фрагментах из списков, которые включены в книгу Ахмета Темира, отмечены, например, Каюм Халиуллин (1907 г. рождения из Казани), закончивший ветеринарный институт; Сагит Саидгараев (1911 г. рождения из Актанышского района), закончивший педагогический техникум; Габдулвахид Исмагилов (1920 г.

рождения из Азнакаевского района), имевший среднее образование и работавший учителем.

В некоторых случаях, правда, составлялись сокращенные списки, в которых отмечались лишь имя и фамилия военнопленного, его лагерный номер и год рождения. Но и здесь в списках имелись своеобразные рекомендации к использованию: «для пропаганды и административной работы» или «для полиции».

В ходе работы комиссий осенью 1941 — зимой 1942 гг. явственно наметился один из первых серьезных конфликтов между германскими официальными учреждениями — между Министерством иностранных дел и Министерством по делам оккупированных восточных территорий (Восточным министерством). Вызвано это, на мой взгляд, не только тем, что полномочия, функции их по отношению к оккупированным территориям не были четко определены и разделены изначально, но и тем, что в Третьем рейхе с его возникновения шла непрерывная борьба за власть между отдельными «вождями», жестокая конкуренция между учреждениями. Война не смогла положить конец этим разногласиям, в отдельных случаях они даже еще более обострились. Два указанных министерства не являлись исключением: они постоянно бомбардировали высшее руководство просьбами придать им больше полномочий, обвиняя своих соперников в некомпетентности и вмешательстве в их дела. Упомяну один очень красноречивый документ: 25 февраля 1942 г. фон Хентиг докладывал Риббентропу о работе комиссий ведомства Розенберга: «Татарским вопросом занимаются и Восточное министерство и МИД. Если в уже занятых областях (например, около Вильны) есть татарские поселения, то это правомерно. А вот другими татарами пусть Восточное министерство не занимается — это прерогатива МИДа. Восточное же министерство создало свои комиссии, занимается пропагандой среди военнопленных. А эти комиссии в конечном счете только устанавливают, кто из военнопленных мусульманин. А ведь важно не только констатировать, что он Мустафа или Мухаммед, важно установить его способности, выяснить его прошлое, его готовность к сотрудничеству. (...) Восточное министерство уже делит портфели для незахваченных еще территорий, у них уже есть кандидат на пост ректора Казанского университета!»[1]. Фон Хентиг отмечал, что он об-

[1] PA AA, Auswärtiges Amt, Nr. 61174, Bl.167.

ращался в Восточное министерство с просьбой прояснить ситуацию, но никакого положительного ответа не получил. Он выразил мнение, что именно МИД — наиболее компетентный орган в решении судеб других народов, мотивируя это тем, что эти вопросы влияют на отношения Германии с Ираном, Афганистаном, Китаем, Индией и Турцией. Но и противоположная сторона в долгу не оставалась. «Шаги, предпринятые МИД, прекратили нормальное развитие нашей деятельности. Уже один факт вызова представителей старой эмиграции в Берлин для политических переговоров привел к волнению среди эмиграции. (...) Кроме того, Министерство установило связь между этими лицами и кавказскими легионами, находящимися на стадии формирования, в результате чего возникли сомнения и беспокойство в этих легионах в отношении политических целей империи. Предупреждения Восточного министерства остались безрезультатными», — так уже от имени Восточного министерства оценивал ведомственные противоречия осени 1941 г. Арно Шикеданц на допросах в Нюрнберге[1].

Несколько забегая вперед, отметим, что одно из первых противостояний закончилось поражением МИДа, который осенью 1941 г. проявлял особую активность в работе с тюрко-мусульманскими военнопленными: министерство было отстранено от этой практической работы и вообще от формирования национальных воинских частей в составе вермахта и СС. Этому, вероятнее всего, способствовали и фиаско с розыгрышем пантуранистской карты, и то, что Розенберг сумел в конечном счете предстать перед Гитлером в наиболее выгодном свете.

Своим путем осенью 1941 г. пошли абвер и командование отдельных военных частей. 6 октября 1941 г. генерал-лейтенант Вагнер (ОКХ) дал директиву командующим тылами в районах действий групп армий «Север», «Центр» и «Юг» в порядке опыта создать из военнопленных казачьи добровольческие сотни и использовать их в борьбе против партизан. Этот факт И. Хоффманн считает «днем рождения восточных отрядов»[2]. Опыт этот, вероятно, германское командование удовлетворил, так как 16 ноября уже каждая дивизия в указанных об-

[1] Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Т. 2. С. 223.

[2] *Hoffmann, Joachim.* Die Ostlegionen 1941—1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. Freiburg, 1976. S. 25.

ластях получила приказ о создании при них кавалерийских казачьих сотен. А за день до этого в приказе конкретно были упомянуты и представители нерусских народов.

15 ноября 1941 г. ОКХ дало приказ командующему тылом группы армий «Юг» создать при каждой дивизии по одной сотне из «военнопленных туркестанской и кавказской принадлежности». Путаница в этнонимах в приказе была удивительна. К «кавказцам» были причислены: адыгейцы, анварцы (так в тексте приказа; речь, может быть, идет об аварцах. — *И.Г.*), азербайджанцы, осетины, башкиры (!), лезгины, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, грузины, дагестанцы, тичинцы (?); к «туркестанцам» — калмыки, монголы, татары, туркмены, турки, узбеки, киргизы, эстонцы (!?), казахи и опять-таки башкиры (!). Созданные сотни были объединены затем при 444-й дивизии под Запорожьем в «туркестанский полк» (позднее переименован в «тюркский 444-й батальон»), командовал им обер-лейтенант фон Таубе. Это соединение упоминалось на охранной службе в районе устья Днепра и на Перекопе. Называя это одно из первых в составе германской армии подразделений, составленных из военнопленных представителей тюркских народов, следует согласиться с И. Хоффманном, который не переоценивает значения его создания, замечая, что «речь шла здесь о "диких" формированиях, которые по своей организации существенно отличались от позднейших Восточных легионов»[1].

Более заметными и известными стали два других подразделения из кавказских и среднеазиатских народов, также сформированные осенью 1941 г., — это 450-й туркестанский пехотный батальон под командованием майора Андреаса Майер-Мадера и батальон «Бергман» («Горец») под командованием обер-лейтенанта Теодора Оберлендера[2]. Не буду слишком подробно говорить об этих соединениях, но некоторые моменты из их истории считаю важным упомянуть. А. Майер-Мадер, бывший в свое время военным советником Чан Кай-ши, владевший многими восточными языками, выдвинул перед командованием абве-

---

[1] *Hoffmann, Joachim.* Die Ostlegionen 1941—1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. Freiburg, 1976. S. 26.

[2] См. об этом: *Hoffmann, J.* Die Ostlegionen... S. 26—28, 30—32; *Raschhofer*, S. 97—99; *von zur Mühlen, P.* S. 58; *Романько О.В.* Указ.соч. С. 142—144, 211—212.

ра чисто утопический план — подготовить из военнопленных целое боевое соединение, которое можно будет впоследствии десантировать с воздуха в Средней Азии, и поднять там восстание с целью отделения от СССР и создания независимого Туркестанского государства. При содействии одного из лидеров среднеазиатской эмиграции, Вели Каюмхана, с 18 октября 1941 г. он создавал свой батальон на территории Польши, и к концу года неподалеку от Рембертова уже были подготовлены одна азербайджанская и шесть туркестанских рот. В состав батальона, судя по позднейшим косвенным данным, входили также поволжские татары (об этом можно судить по тому, что практически в любом батальоне, входившем позднее в состав Туркестанского легиона, были и поволжские татары). Что примечательно, почти все командные должности в 450-м батальоне Майер-Мадер доверил представителям самих народов — позднее в Восточных легионах на это не решились, и существовали строгие ограничения в этом вопросе. Весной 1942 г. батальон был направлен на борьбу против партизан в район Ямполя и Глухова (в настоящее время Сумская область Украины). По мнению немецкого командования, он проявил себя в деле не с лучшей стороны.

Представители военного руководства выражали недовольство самим Майер-Мадером за его терпение к «азиатским отношениям» в подразделении. Его план восстания в Средней Азии в вермахте был воспринят как авантюристический. В итоге Майер-Мадер был заменен другим, более покладистым командиром, чтобы позднее вновь появиться при создании Восточных легионов и 1-го Восточно-мусульманского полка СС.

Подразделение Т. Оберлендера начало формироваться под Полтавой и насчитывало поначалу 700 чел. К весне 1942 г. его численность достигла 2900 чел. Состояло оно в подавляющем большинстве из представителей северокавказских и закавказских народов. Поэтому история его к теме настоящей книги имеет лишь опосредованное отношение.

В любом случае мы должны отметить, что формирование таких единиц, как 450-й батальон или подразделение «Бергман», стали первыми реальными мероприятиями в организации Восточных легионов, хотя они, собственно, в состав легионов и не вошли, существуя в 1943—1944 гг. вполне автономно.

Таким образом, к концу 1941 г. и военно-политическая ситуация, и накопленный опыт привели руководство Германии к созданию Восточных легионов.

Если до поздней осени 1941 г. военные и политические руководители и в центре, и в действующей армии в этом вопросе действовали во многом произвольно, то в середине ноября они получили официальную директиву: Гитлер одобрил создание Тюркского легиона[1]. После этого, по-видимому, под влиянием Розенберга, который все-таки опасался тюркского (читай: туранистского) объединения, решение было уточнено и оформлено в виде конкретного приказа ОКВ от 22 декабря 1941 г. о создании четырех легионов из восточных народов — Туркестанского, Армянского, Грузинского и Кавказско-мусульманского (позднее был разделен на азербайджанский и северокавказский)[2]. Это еще не означало, что все стороны практического решения вопроса были тогда же предусмотрены, эти нюансы разрабатывались еще довольно долгое время — почти до осени 1942 г. Таким образом, 1942 — первую половину 1943 г. можно считать вершиной германской активности по созданию военных соединений из нерусских народов СССР.

Хочу обратить внимание еще на один важный факт. Параллельно с созданием Восточных легионов на территории Польши почти аналогичные мероприятия проводились на территории Украины. Весной 1942 г. легионы из восточных народов начали создаваться при 162-й пехотной дивизии под командованием известного ориенталиста, профессора Оскара фон Нидермайера. В составе дивизии было организовано пять легионов — Грузинский (с центром в Гадяче), Северокавказский (Миргород), Армянский (Лохвица), Азербайджанский (Прилуки), Туркестанский (Ромны). С мая 1942 до мая 1943 г. в ее рамках возникли 25 походных батальонов, два усиленных полубатальона, семь строительных батальонов, три запасных батальона. Легионы в составе указанной дивизии не следует, таким образом, путать с Восточными легионами, созданными на территории Польши. В апреле 1943 г. дивизия получила статус полевой и состояла наполовину из немцев, наполовину — из представителей народов СССР. Это соединение принимало участие в карательных операциях против партизан на оккупированных территориях СССР, а в январе 1944 г.

[1] *Dallin, A.* S. 554.

[2] PA-AA, St.S.Rußland, Bd.7, N 114197—114198; см. также: *von zur Mühlen, P.* S. 58—59.

было переведено в Северную Италию[1]. Волго-татарского легиона в 162-й дивизии не было, но возможно, что поволжские татары входили в состав, например, Туркестанского легиона. В данной книге история этой дивизии подробно не рассматривается. Но некоторые из цитируемых мной документов немецкого командования имеют отношение и к Восточным легионам, и к легионам в составе 162-й дивизии. Кроме того, некоторые примеры из общей истории соединений вермахта из восточных народов также касаются 162-й дивизии.

Очередную попытку высказать свое мнение предприняло в январе 1942 г. Министерство иностранных дел — 17 января фон Хентиг, исходя из своих взглядов, выдвинул инициативу о несколько иной структуре Восточных легионов: «Необходимо создать один Татарский (читай: Тюркский. — *И.Г.*) легион, но не называть его Туркестанским. Необходимо создание также одного Кавказского легиона (из трех национальных батальонов)»[2]. Мнение представителя МИДа, судя по всему, никого не заинтересовало.

Более точные указания о Туркестанском и Кавказско-мусульманском легионах последовали 13 января 1942 г., а о Грузинском и Армянском легионах — 8 февраля 1942 г. Штаб по созданию Восточных легионов был с 18 февраля 1942 г. размещен в Рембертове, летом этого же года под названием Штаб Восточных легионов переведен в Радом, получив 23 января 1943 г. наименование Командование Восточных легионов[3].

Когда были даны все указанные предписания о Восточных легионах, соответствующие разъяснения получили и все воинские подразделения действующей армии, которым и поручалось в сотрудничестве с комиссиями Восточного министерства проводить первичное разделение военно-

---

[1] История 162-й тюркской дивизии рассмотрена очень подробно в следующих работах: *Hoffmann, J.* Die Ostlegionen... S. 58—76; *Seidler, Franz.* Oskar Ritter von Nidermayer im Zweiten Weltkrieg. Ein Beitrag zur Geschichte der Ostlegionen, in: Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1970. S. 168—174, 193—208; *Seidler, F.* Zur Führung der Osttruppen in der deutschen Wehrmacht im Zweiten Weltkrieg, in: Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1970. S. 683—702. См. также: *Дробязко С.И.* Восточные легионы и казачьи части в вермахте. — С. 9; *Романько О.В.* Указ. соч. — С. 140—142, 208—210.

[2] PA-AA, Ut.St.S. Panturan, N 311 629.

[3] *Hoffmann, J.* Die Ostlegionen... S. 30—31. Волго-татарский легион был создан позже всех остальных. О нем будет рассказано в специальном разделе книги.

пленных. Вот один из образцов подобных документов, который очень ясно показывает и военно-политические соображения немецкой стороны при создании Восточных легионов, и весьма приблизительные представления о народах, которые в них привлекались. Тюрками и мусульманами стали в приказе армяне и грузины; «более мелкими народностями» — иранцы (персы) и татары: 19 мая 1942 г. командующий группой армий «Юг» дал приказ о создании тюркских батальонов[1]. Он объяснял своим подчиненным: «Разрешено создание легионов из военнопленных туркестанцев, кавказцев, грузин, армян. Религиозно-политические настроения тюркских народов, их хорошие солдатские качества, напряженное положение с резервами для германских соединений, недостаток в соединениях, прикрывающих тыл, принуждают к тому, чтобы использовать пленных тюркских национальностей в борьбе против большевизма на германской стороне». Создание тюркских соединений объяснялось не как самоцель, оно должно было «сберечь немецкую кровь, служить привлечению восточных народов как союзников, разложению противника, а следовательно, быстрейшему успокоению в оккупированных восточных областях и привлечению восточных народов как союзников». Приказом предписывалось отделять в специальные лагеря представителей разных национальностей и уточнялось, о каких национальностях идет речь, — кроме уже упомянутых названы в качестве «более мелких народностей»: белуджи, дунгане, иранцы (персы), кашгарцы, таранчинцы, шугнанцы и татары (! — *И.Г.*). Сказано, как видим, вполне откровенно. Особо показательно, что командующий уловил и передал в приказе вынужденность «союзнических» отношений с восточными народами, знания о которых страдали явными пробелами, и которым было прежде всего предназначено «сберечь немецкую кровь», превращаясь на деле не в союзника, а в обычное «пушечное мясо».

Вопросы общей истории Восточных легионов: их статус, внутренняя структура и организация

Как уже было сказано, немецкая сторона проявила наибольшую активность в деле создания Восточных легионов в 1942 г. Развернутый план этого мастшабного мероприятия содержался в конкретном приказе, в приказе ОКХ № 6953/42 от 24 апреля 1942 г.[2]

[1] BA-MA , RH 22/109, без указания листа.

[2] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.3, Bl. 25—37.

Вербовка в легионы проводилась среди военнопленных в специальных переходных лагерях — дулагах. Описать сам процесс вербовки довольно сложно, конкретных документов об этом в моем распоряжении нет. Но понятно, что ее проводили члены комиссий Восточного министерства, подготовленные пропагандисты. Понятно, что проводилась она с использованием разных методов, с помощью «кнута и пряника»: военнопленным наглядно давалось понять, какие прежде всего материальные «блага» сулит им переход на немецкую сторону — лучшее обеспечение, обмундирование, более свободные условия содержания в лагерях. Пропагандисты из комиссий выступали с речами, делая при этом основной упор на национальную самобытность военнопленных, на их противоположность русским, на те гонения, которым подвергались религия и национальные языки в Советском Союзе[1].

В отечественной публицистике бытует такое представление, можно его назвать штампом, что военнопленные в подавляющем большинстве случаев загонялись в Восточные легионы насильно[2]. На мой взгляд, такое мнение требует корректировки и является не совсем верным. Зададимся вполне логичными вопросами: зачем было немцам брать на свою службу, силой ставить под ружье десятки тысяч людей, которые хотя бы формально с этим были не согласны? Какой был им смысл создавать внутри своей же армии подразделения изначально ненадежные, созданные лишь с помощью насилия? Объяснение этого факта лишь возможным пропагандистским эффектом мне кажется слишком натянутым. Оружие, пусть его было мало, пусть оно было несовершенным, все-таки было выдано легионерам, оно в любой момент могло быть повернуто

[1] Определенное представление о том, как проводилась вербовка в легионы в лагерях для военнопленных, дают, например, воспоминания татарского писателя-фронтовика Анаса Галиева (*Галиев Э.* Коршау // Идел. № 2. 1993. С. 35—37.

[2] Можно привести, например, такие цитаты из книги Ю. Карчевского и Н. Лешкина, в которых описывается создание Восточных легионов: «Работа продвигалась медленно, пленных приходилось буквально загонять в них (в легионы. — *И.Г.*)»; «И когда пленные теряли человеческий облик, надломленных, обезволенных, их насильно зачисляли в легион»; «Гитлеровцы продолжали делать свое дело — насильно загоняли военнопленных в "Волго-татарский легион", жестоко расправляясь с теми, кто сопротивлялся этому» (*Карчевский Ю., Лешкин Н.* Лица и маски. Уфа, 1982. С. 44, 49, 75).

против самих же немцев, если бы создание Восточных легионов было основано только на насилии. Мне кажется вполне точным замечание немецкого дипломата Ханса фон Херварта по этому поводу: «Армия хотела иметь добровольцев, на которых можно было бы положиться и которые не перебежали бы при первой возможности»[1]. Другое дело, что желаемого добиться все-таки не удалось. Примечательно и наблюдение Х. Рашхофера, который также ставит вопрос о применении насилия при формировании соединений из восточных народов и ссылается на ряд юридических документов военной поры: весной 1942 г. при проведении вербовки в батальон «Бергман» в лагере под Полтавой, где содержались военнопленные и перебежчики из кавказских народов, «изъявило желание настолько много людей, что необходим оказался строгий отбор, и было отобрано до 700 молодых, годных для военной службы кавказцев»[2]. Точность подобных сведений проверить не так легко, но совершенно очевидно, что о насилии в данном случае следует говорить с большой осторожностью, как, впрочем, также и о «добровольности», которая зачастую была вынужденной.

Но вернемся к конкретным фактам.

Изъявившие согласие перейти на немецкую службу в большинстве своем проходили следующий путь:

1. Начальный, первый лагерь (Auffangslager), с лета 1942 г. располагался в Острове-Мазовецком.

2. Предварительный лагерь (Vorlager) — Седльце Б (для татар — Седльце А, его комендантом некоторое время был бывший советский полковник Шакир Алкаев).

3. Основной лагерь легионов (Stammlager):

для Азербайджанского легиона — Едлино под Радомом;

для Армянского легиона — Пулавы;

для Волго-татарского легиона — Едлино;

для Грузинского легиона — Крушина;

для Северо-кавказского легиона — Весёла;

для Туркестанского легиона — Легионово под Варшавой[3].

---

[1] *von Herwarth, Hans.* Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. Frankfurt/Main-Berlin-Wien, 1982. S. 252.

[2] *Raschhofer, H.* S. 97—98.

[3] BA-MA , RH 53—23/51, Bl.28—29.

Прием военнопленных в легион. На переднем плане (в советской форме) полковник Шакир Алкаев

Надо сказать, что такое подразделение не было абсолютно строгим: татарские военнопленные оказывались, например, в лагерях и среди туркестанцев, и среди азербайджанцев. Названными пунктами, конечно, дело не ограничивалось — пленные нерусских национальностей концентрировались и в других лагерях.

Несколько забегая вперед, упомянем, какие еще лагеря имели значение при создании Восточных легионов в последующем и играли роль предварительных, начальных пунктов сбора. Это были лагеря,

расположенные на территории Польши: Беньяминов (среднеазиатские и северо-кавказские народы), Бяла Подляска (грузины), Малкиня (азербайджанцы), Демблин-Заезерце (армяне), Кильце (общий), Конски (общий). Польский историк и публицист Шимон Датнер считает, что подобное выделение лагерей для одной национальности объяснялось лишь интересами безопасности, поэтому гитлеровцы избегали «смешивания» военнопленных[1]. Такая точка зрения мне представляется слишком суженной и не совсем логичной. Создание таких «национальных» лагерей в первую очередь и напрямую было связано с формированием Восточных легионов, на что Ш. Датнер внимания не обращает. В 1943 г. и на территории Германии были созданы центры, в которых собиралось пополнение для будущих легионов, строительных и саперных соединений или же лица, специально отобранные для пропагандистской работы. Многие из военнопленных, судя по справке для Восточного министерства от 7 мая 1943 г., вначале направлялись в лагерь Кильце в Польше общей вместимостью всего в 1000 человек, где проводилась «перепроверка лиц, отобранных комиссиями в оккупированных областях для предотвращения бесполезной транспортировки их в рейх»[2]. Обитатели этого лагеря еще не лишались статуса военнопленных. Отсюда они могли быть направлены в специальные центры подготовки пропагандистов или же в легионы, на трудовые работы и т.п. На территории же Германии заслуживает упоминания лагерь Ринлух. Он делился на четыре части: Цитенхорст для русских, Вустрау-1 для украинцев, Вустрау-2 для кавказских, среднеазиатских народов и татар, Вутцец для белорусов и украинцев. Все они находились в ведении вермахта и имели главной задачей подготовку пленных для отправления в так называемый «свободный лагерь» Вустрау, о котором речь пойдет в следующей главе. Шварцзее и Тешендорф являлись лагерями для раненых, а лагерь Дабендорф — центром подготовки пропагандистов для Русской Освободительной армии и для прочих национальных соединений в составе германской армии.

Даже после того, как Восточные легионы были переведены во Францию, на территории Польши остались специальные пункты для

---

[1] *Датнер, Шимон.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963. С. 46.

[2] BStU-Zentralarchiv, RHE 63/88-SU, Bd.4, Bl. 62—64.

сбора военнопленных из тюрко-мусульманских народов. На 30 марта 1944 г. это были следующие лагеря: Седльце Б (шталаг 366) и Нехрыбка (шталаг 327) — так называемые «предварительные лагеря легионов для представителей всех тюркских народов» (в первом из них на тот момент было 3200 военнопленных, во втором — 4000). В шталаге 355 Ольховце собирались пленные, которые «временно не были готовы к несению службы» (3500 человек), в шталаге 367 Петркув находился лазарет для больных и раненых тюркских военнопленных[1].

В основных лагерях формировались сами легионы, и прибывшие в них военнопленные причислялись к так называемым дополнительным (запасным) ротам. Приказ от 24 апреля 1942 г. предписывал, чтобы после прибытия они обеспечивались как немецкие солдаты, при этом обращалось внимание на национальные особенности будущих легионеров (например, в питании). Они получали старое немецкое или же трофейное советское обмундирование. Военнопленные должны были как минимум один месяц находиться при таких дополнительных ротах под обязательным строгим контролем и проходить соответствующую подготовку. Исходя из степени их военной, политической и физической подготовленности решалась их дальнейшая судьба: наиболее подходящие с точки зрения германских командиров солдаты причислялись уже к создающимся полевым батальонам. Совершившие серьезные проступки или же те, кто проявил себя «политически неблагонадежным», по решению командования Восточных легионов могли быть отправлены обратно в лагеря для военнопленных. Лица, которые подходили по «характеру», но не были готовы физически, причислялись к так называемым «взводам выздоравливающих», здесь они могли использоваться для выполнения легких физических работ. Только после причисления к регулярным походным соединениям статус военнопленных с легионеров снимался, на них начинали распространяться следующие правила, которые были приняты Командованием Восточных легионов отдельно:

1. Общие направления о положении и обеспечении легионеров.

---

[1] BStU-Zentralarchiv, RHE 63/88-SU, Bd.2, Bl. 143. Лагерь в Петркуве, по данным Ю. Карчевского и Н. Лешкина также являлся сборным шталагом для народов Поволжья и Приуралья (см.: *Карчевский Ю.В., Лешкин Н.И.* Лица и маски. Уфа, 1982. С. 27). Однако, это не подтверждается архивными сведениями.

2. Положения о чинах, должностях и назначении на должности.
3. Положения о дисциплинарных взысканиях.
4. Правила принятия присяги.
5. Правила финансирования и обеспечения.
6. Правила обмундирования.

Наиболее крупным воинским подразделением для легионеров были батальоны, состоявшие из рот, взводов и отделений. Согласно апрельскому 1942 г. документу, командиры взводов в батальонах назначались из представителей самих народов, командиры рот частично немцы, частично «националы». Уточнялось при этом: так должно быть в переходный период, а позднее большинство командиров рот должно было назначаться из «националов», но одна рота обязательно должна руководиться немцем.

В одном из более поздних документов перечислялось, сколько немецкого персонала должно было быть в каждом восточном батальоне: три офицера, один чиновник, девять унтер-офицеров, шесть рядовых и два переводчика, итого 21 человек[1]. В памятке командующего Восточными легионами генерала фон Хайгендорфа от 1 сентября 1943 г. приводятся такие цифры: в восточном батальоне из немцев должны были быть командир батальона с адъютантом и офицером по особым поручениям, два командира рот, пять командиров взводов, пять фельдфебелей. Количество рядовых не упоминалось[2]. Но такой довольно жестко установленный порядок почти никогда не соблюдался, так как в большинстве случаев немецкое командование не устраивали национальные офицерские кадры, их «боевая и политическая» готовность. Выход в таких случаях был один — на вакантное место назначались

[1] BA-MA, R 2/1422, Bl. 23. Ссылаясь на «Постановление для формирования восточных легионов» от 24 апреля 1943 г. (вероятно, все-таки 1942 г.), О.В. Романько называет цифру в 37 человек немецкого персонала в каждом батальоне Восточных легионов (4 офицера, 1 военный чиновник, 7 зондерфюреров, 15 унтер-офицеров и 10 рядовых) (*Романько О.В.* Мусульманский легион. С. 80, 142). В той же книге автор приводит и другую цифру — до 60 человек немецкого кадрового персонала в батальоне (4 офицера, 1 военный чиновник, 32 унтер-офицера и 23 рядовых) (Там же. С. 138). Здесь речь идет, по-видимому, отдельно о батальонах на территории Польши (Восточные легионы) и Украины (батальоны в составе 162-й дивизии).

[2] Ibid., RH 58/62, Bl.22.

опять немцы. Поэтому число немцев в восточных батальонах практически всегда доходило минимум до 50—60 человек, причем речь идет более о командных должностях. Отмечу также, что немецкий персонал в легионы попадал не добровольно, а назначался[1]. Это означало, что сослуживцами восточных легионеров становились люди, которые имели самые смутные представления о своих «союзниках», и не только об их целях, но и об их психологии, жизненных ценностях, обычаях, не говоря уже о языке. Это создавало основу для, мягко говоря, нестабильной внутренней обстановки в большинстве батальонов.

Вернемся к тексту приказа от 24 апреля 1942 г.

Уже при создании Восточных легионов было обращено повышенное внимание вопросу о внутренних отношениях в этих соединениях. Большую роль в развитии этих взаимоотношений играл, понятно, политический мотив. Немецкое руководство как бы предчувствовало, что это еще создаст для него немало проблем в будущем, так как политическая мотивация для легионеров и их немецких сослуживцев на бумаге была очень важна, в реальной жизни многое получалось совсем наоборот — немецкие офицеры и солдаты часто никак не желали видеть в легионерах своих равноправных союзников. О внутренних отношениях в легионах будет еще говориться особо, здесь же приведу эти правила:

«1. Легионы — это соединения добровольных борцов за освобождение своей родины от большевизма и за свободу своей веры, они не являются чуждыми соединениями. Через пробуждение идеализма, чувства ответственности и чести легионы могут превратиться в пригодные военные формирования. Поэтому отношение к ним со стороны немецкого персонала при строгом соблюдении справедливости, порядка и дисциплины в соответствующей для легионеров форме. (...)

2. Легионеры ни в коем случае не выступают как начальники по отношению к немецкому персоналу.

3. Немецкие офицеры в основном являются начальниками всех легионеров, немецкие унтер-офицеры являются начальниками всех легионеров до заместителя командира отделения включительно, (...) немецкие солдаты являются начальниками для легионеров, которые подчинены им по службе.

[1] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.3, Bl. 59.

4. Порядок привествия — тот, кто ниже по чину приветствует вышестоящего вне зависимости от того, немец он или легионер (обратим внимание: о том, "как приветствует", в документе не сказано, но по другим источникам известно, что немцы не должны были отдавать честь офицерам и унтер-офицерам из восточных народов. — *И.Г.*).

5. Контроль за легионерами осуществляют при возможности вышестоящие начальники из легионеров, за немцами — только немцы.

6. Особое внимание уделять духовному и конфессиональному воспитанию и руководству легионеров, при осуществлении свойственных им обычаев и ритуалов не должно быть никаких ограничений.

7. Немецкий персонал следует ознакомить с особенностями культурных, географических и этнических отношений легионов.

Регулярно проводить занятия по языку[1]».

Проблема внутренних отношений в легионах еще будет рассматриваться, но заметим сейчас, что изначально создатели легиона оказались перед сложной и так до конца и не решенной дилеммой: с одной стороны, легионеры — это вроде бы союзники, поэтому к ним необходимо относиться как к равным, с другой стороны — они представители «низших» народов, потому к ним как к равным относиться нельзя. Мне представляется, что данное противоречие, явно существовавшее на практике, пусть и в завуалированном виде, вполне прослеживается и в приведенной выше цитате.

В документе определялись чины и должности, которые определялись для легионов: рядовой, заместитель командира отделения, командир отделения, заместитель командира взвода, командир взвода, командир роты[2]. Строго предписывалось на эти должности назначать

---

[1] В данном случае речь идет о занятиях, на которых немецкий персонал должен был получать элементарные знания по соответствующему восточному языку. Для этих целей составлялись краткие словники или словари.

[2] О.В. Романько приводит сведения другого документа (приказ Главного командования сухопутных сил № 2380/42 от 2 июня 1942 г.), согласно которому для легионеров было установлено 8 званий (от рядового до командира батальона) (*Романько О.В.* Указ. соч. С. 83). В мае 1943 г. введенные ранее звания были заменены на персональные, а в декабре 1942 г. к ним прибавилось три генеральских чина. С февраля—марта 1944 г. на личный состав Восточных легионов распространялась германская система воинских званий (Там же. С. 84—85).

только «подходящих» лиц без учета их прежних регалий в Красной армии.

Для того чтобы распознать «подходящих», определялся испытательный срок: для заместителя командира отделения — один месяц, для командира отделения и заместителя командира взвода — два месяца, для командира взвода и командира роты — три месяца. При необходимости срок этот мог быть продлен.

После прохождения испытательного срока проводились назначения:

— заместителя командира отделения и командира отделения назначал командир легиона или немецкий офицер, которому командиром легиона даны соответствующие полномочия;

— заместителя командира взвода — командир легиона;

— командира взвода — командование Восточных легионов;

— командира роты — высшее германское командование (командующий военным округом в «генерал-губернаторстве»).

В специальном приложении № 3 определялась и величина жалованья, которое должны были получать ежемесячно легионеры:

— рядовой — 30 рейхсмарок или 90 злотых или 375 рублей.

— заместитель командира отделения — соответственно 36 РМ или 108 зл. или 450 руб.

— командир отделения — 42 РМ или 126 зл. или 525 руб.

— заместитель командира взвода — 45 РМ или 135 зл. или 564 руб.

— командир взвода — 54 РМ или 162 зл. или 675 руб.;

— командир роты — 72 РМ или 216 зл. или 900 руб.[1]

В заключение в документе шла речь о знаках различия: легионеры должны были носить униформу германского вермахта и иметь кроме официальных знаков и свои национальные знаки — на правой стороне каски, на правом рукаве кителя или шинели, на воротнике кителя на месте двойного галуна[2].

---

[1] Размеры жалованья, судя по всему, оставались неизменнными: во всяком случае, в документах осени 1942 г. названы те же самые цифры (BA-MA, RH 22/135, без указания листа).

[2] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 3, Bl.101. Национальные знаки всех легионов проиллюстрированы в книге: *Hoffmann, J.* Die Ostlegionen...

Многие положения приказа от 24 апреля 1942 г. были впоследствии повторены в другом приказе ОКХ за подписью тогдашнего начальника Генштаба сухопутных войск Ф. Гальдера в августе 1942 г., который был размножен в виде брошюры «Вспомогательные силы из местного населения на Востоке» и распространен в войсках: здесь также объяснялось, в чем суть привлечения тюркских народов на сторону Германии, кто относится к тюркским народам, как проводить отделение военнопленных, их проверку, переобучение, как формируются полевые батальоны, правила их организации. Был приведен и текст, принимавшейся будущими легионерами присяги. Текст присяги со временем менялся, но вначале он выглядел следующим образом:

«При Боге я клянусь этой святой клятвой, что я в борьбе против большевистского врага моей родины буду беспрекословно верен высшему главнокомандующему германского вермахта Адольфу Гитлеру и как храбрый солдат готов в любое время пожертвовать своей жизнью ради этой клятвы». Присяга приносилась в присутствии немецких офицеров, сначала по-немецки, затем — на соответствующем национальном языке. В конце легионер должен был на родном языке произносить фразу: «Я клянусь!»[1]

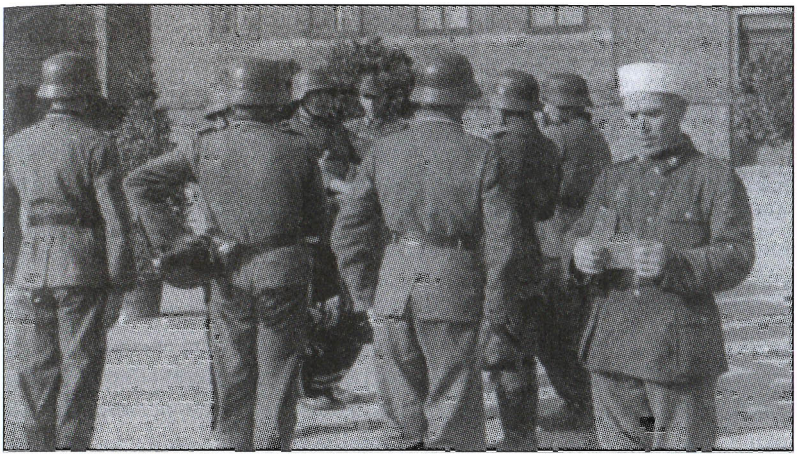
Некоторое время спустя последовало уточнение: вступающие в легионы представители восточных народов до принятия присяги должны были давать подписку о добровольности своего вступления и о своих обязанностях (этого требовала директива Генштаба от 22 ноября 1942 г.)[2].

Итак, подробные правила для Восточных легионов были приняты. Летом—осенью 1942 г. оформление их на территории Польши было фактически закончено. Были созданы:

S. 36. Примеры символики и униформы восточных соединений вермахта и СС даются также в книге: *Дробязко С.И.* Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М., 1999.

[1] BA-MA, RH 19 V/79, Bl. 26. В некоторых соединениях восточных народов присяга имела несколько иной текст: в батальоне «Бергман» в тексте отсутствовали слова верности персонально Гитлеру (См.: *Raschhofer, H.* S. 99). Это не только доказывает известную автономность этого соединения, но и говорит об определенной политической линии.

[2] BA-MA, RH 2/824, Bl. 114.



Присяга легионеров, крайний справа — мулла

1. Туркестанский легион. Согласно немецким предписаниям, к нему приписывались узбеки, казахи, туркмены, таджики, киргизы, белуджи, дунгане, иранцы, кашгарцы, шугнанцы, таранчинцы, курамины и восточные татары (?).

2. Кавказско-мусульманский (позднее — Азербайджанский) легион — азербайджанцы.

3. Северо-кавказский легион — абхазцы, адыгейцы, черкесы, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, кумыки, ногайцы, аварцы, ахвахи, андийцы, багулалы, ботлихи, хваршины, дидойцы, годоберийцы, каратинцы, тиндалы, чамалинцы, даргинцы, кайтаги, кубачинцы, лаки, лезгины, агульцы, цахурцы, рутульцы, табасаранцы, удины, курды, талыши, таты, северные осетины.

4. Грузинский легион — грузины, аджарцы, гурийцы, имеретинцы, кахетинцы, лазы, мингрельцы, сваны, южные осетины.

5. Армянский легион — армяне (преимущественно из Карабаха).

6. Волго-татарский легион — уфимские и казанские татары, башкиры, говорящие по-татарски чуваши, марийцы, удмурты, мордва[1].

[1] *Hoffmann, J.* Die Ostlegionen..., S.33. Данные И. Хоффманна о формировании Восточных легионов в основном легли в основу изложения этого сюжета в монографии С.И. Дробязко (*Дробязко С.И.* Под знаменами врага. Антисо-

В сентябре 1942 г. командующий военным округом в «генерал-губернаторстве» (Польше) генерал фон Гинант дал указания, где подробно расписывались правила непосредственной организации полевых батальонов. Вся ответственность при этом ложилась на командование Восточных легионов. По указанию командования батальоны формировались командирами легионов. Устанавливались следующие сроки подготовки: первый этап — в легионе, индивидуально и в группах — 4 недели; второй этап подготовки полевых батальонов — в отделении, взводе или роте — 6—8 недель. Командир должен был составить общий план по всем направлениям: отработка таких тем, как «марш», «индивидуальная подготовка», «ближний бой», «метание гранат», «бег», «скачки», «уход за лошадьми» и пр. При каждом батальоне создавалась специальная боевая школа. Подготовка проводилась вначале во дворе казарм, а затем и на местности. Во время проведения занятий легионеры должны были делиться на учебные группы из немецкого обучающего персонала и учебные взводы из немцев и легионеров. Все командиры обязаны были присутствовать на занятиях. Учения батальонов проводились только при разрешении командира Восточных легионов, при этом по возможности учениями руководил он сам[1].

Довольно долгое время проходило становление военного командования Восточных легионов. В зависимости от отношения к этим соединениям, в зависимости от конкретного опыта их использования менялись и статус, и структура этого командования. В целом же оно выглядело так.

Военное руководство легионами осуществлялось из Высшего командования сухопутных войск (ОКХ), а именно из ведомства шефа по поставке вооружений и командующего запасными (дополнительными) частями — Chef des Heeresrüstung und Befehlshaber des Ersatzheeres. Это была высшая инстанция, которая осуществляла руководство через командующего военным округом в «генерал-губернаторстве» — Militärbefehlshaber im Generalgouvernement. Одним из главных организаторов и инициаторов привлечения восточных народов на сторону Германии был руководитель организационного отдела ОКХ майор Кла-

ветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941—1945. М., 2004. С.150—157).

[1] BA-MA , RH 53—23/38, Bl. 190.

ус фон Штауффенберг, который, как известно, осуществил 20 июля 1944 г. неудачное покушение на Гитлера. Его вряд ли можно было именовать открытым противником режима, однако его взгляды на восточную политику Германии в нацистской верхушке по-своему выделялись: он выступал за человечное отношение к советским военнопленным, стремился придать более политический характер войне на Востоке. По мнению Иоахима Крамаржа, Штауффенберг, как представитель более молодого поколения немецкого офицерского корпуса, стремился в идеале к созданию «Русской освободительной армии», к превращению войны против СССР в русскую гражданскую войну. Но поскольку его мнение не совпадало с мнением гитлеровской верхушки, ему пришлось ограничиться работой с «восточными добровольцами». И он действительно многое сделал для разработки статуса «добровольца», стремясь видеть в лице восточных народов прежде всего союзников[1].

Клаус фон Штауффенберг — один из главных организаторов и инициаторов привлечения восточных народов на сторону Германии. Фото 1930-х гг.

Другим крупным персонажем в организации соединений восточных народов стал опытный дипломат генерал кавалерии Эрнст фон Кёстринг. Его имя в известных нам документах впервые встречается в связи с Восточными легионами 31 августа 1942 г. Военный дневник германского Генштаба сообщал в этот день, что ОКХ предложило генералу посетить Восточные легионы на территории Польши в качестве инспектора, а организационный отдел Генштаба высказался за придание ему статуса уполномоченного от ОКХ по решению этих вопросов, ссылаясь на его опыт и компетентность. С этим предложением

[1] *Kramarz, Joachim.* Claus Graf Stauffenberg. 15. November 1907 — 20. Juli 1944. Das Leben eines Offiziers. Frankfurt/Main, 1965. S. 101—111; см. также: *Dallin, A.* S. 557.

Генерал от кавалерии Эрнст Кёстринг посещает раненых восточных добровольцев

согласился и Гитлер, после чего Кёстринга стали именовать специально уполномоченным генералом по кавказским вопросам[1], а с 13 июня 1943 г. и «инспектором тюркских и кавказских соединений» (с задачей «следить за созданием, качеством подготовки легионеров, их вооружением, снабжением, дисциплиной"[2]). Кёстринг действительно имел значительный военный и дипломатический опыт[3]. По своим взглядам он был близок к бывшему послу Шуленбургу, который активно поддерживал генерала при назначении на должность[4].

Как уже упоминалось выше, непосредственную работу по созданию легионов на территории Польши вел штаб по созданию Восточных легионов с 18 февраля 1942 г. в Рембертове. Летом этого же года под названием Штаб Восточных легионов он был переведен в Радом. 23 января 1943 г. этот штаб получил наименование Командование Восточных легионов (командир — генерал-майор Ральф фон Хайгендорф). Со стороны ОКХ было налицо стремление придать значительный вес этой должности: 22 апреля 1943 г. командир Восточных легионов получил полномочия командира дивизии[5], хотя не все считали, что фон Хайгендорф — самая подходящая фигура на этом посту. Так, один из

[1] BA-MA, RH 2/824, Bl. 29.

[2] Ibid., RH 22/135, без указания листа.

[3] Э. фон Кёстринг работал в немецком посольстве в Москве в 1932—1941 гг. в качестве военного атташе. Любопытно, что в конце 20-х гг. он побывал в Казани — в то время здесь располагалась секретная советско-германская военная школа («Кама»), где проходили подготовку многие будущие военачальники вермахта. Одно время школу инспектировал небезызвестный Хайнц Гудериан (тогда бывший подполковником и начальником автомобильных войск рейхсвера). Личность Э. фон Кёстринга была достаточно давно известна советским спецслужбам. Вот как он характеризовался в одной из справок ГУГБ НКВД СССР от июня 1940 г.: «Кёстринг в совершенстве владеет русским языком. При малейшем удобном случае старается войти в доверие к людям. Одновременно в нем проглядывает опытный и хитрый человек, приехавший со специальными заданиями от разведки. Обладает огромным тактическим кругозором, подкрепленным богатым практическим опытом» (информация любезно предоставлена подполковником ФСБ Ровелем Кашаповым).

[4] General Ernst Köstring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion. 1921—1941 (=Profile bedeutender Soldaten, Bd.1). Frankfurt/Main, 1966. S. 323—324.

[5] BA-MA , RH 53—23/41, Bl. 97.

военных инспекторов в январе 1944 г. дал ему очень нелицеприятную характеристику: «Он военный без каких-либо политических установок по отношению к тюркским и кавказским проблемам. Очень мягок, в нем нет необходимой твердости. Проявляет удивительное равнодушие по отношению к случаям бегства легионеров, которые всё учащаются. До недавнего времени он вообще занимался лишь разработкой немецко-русского военного словаря. Теперь же, когда многие проблемы встают очень остро, когда они должны решаться очень энергично, им должно уделяться гораздо больше внимания, чем это делает генерал фон Хайгендорф. Рекомендую поэтому генерала с этой должности убрать»[1]. Эта рекомендация была учтена: 5 февраля 1944 г. Хайгендорф был переведен в Берлин на одну из «почетных» должностей при ОКХ[2].

К концу 1942 г. появились новая специфическая должность, чему в немалой степени способствовал К. фон Штауффенберг, — генерал Восточных отрядов при Генштабе и Высшем командовании сухопутных войск — General der Osttruppen[3]. Этот пост в январе 1943 г. занял генерал-лейтенант Хайнц Хельмих. Как это часто случалось в Третьем рейхе, и он впоследствии вызвал недовольство руководства, поэтому был заменен. С 1 января 1944 г. последовали структурные изменения — должности генерала Восточных отрядов и инспектора тюркских и кавказских соединений были ликвидированы, но учреждена должность генерала добровольческих соединений при шефе Генштаба — General der Freiwilligenverbände, на которую был назначен все тот же фон Кёстринг. Его функции в соответствующем приказе ОКХ от 28 декабря 1943 г.были определены очень туманно:

«1. Консультации высшего руководства по всем вопросам;

2. Оценка опыта по руководству, воспитанию, переобучению и разделению добровольческих соединений;

3. Пропаганда и духовное руководство добровольческими соединениями»[4].

Как видно, генералу добровольческих соединений придавались скорее декоративные, чем реальные функции; он являлся больше

[1] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.3, Bl.57.

[2] IfZ(München), Zs 407/I-Heygendorff,Bl. 51.

[3] Об его задачах см.: *Романько О.В.* Указ.соч. С. 23—24.

[4] BA-MA , RH 2/1422, Bl. 26.

Смотр одного из батальонов Волго-татарского легиона

консультантом, чем командиром. Этот приказ, казалось бы, должен был укрепить статус и положение «добровольческих соединений» вермахта, но он, на мой взгляд, явственно констатирует всю противоречивость создания этих военных формирований, кризис, который переживала в целом эта идея к началу 1944 г. 29 января 1944 г. было подписано более подробное описание функций генерала добровольческих соединений, явно не прибавившее ему реальных военных полномочий:

«1. Генерал добровольческих соединений в военных делах находится в подчинении шефа Генерального штаба и является его советником по всем вопросам касательно соединений добровольцев и "хивис", включенных в армию. (...)

2. Главная задача его — оценка опыта по воспитанию, обхождению, военному руководству добровольцев с Востока, а также обобщение опыта их боевых действий, разделения, вооружения и обеспечения этих соединений. Он должен посещать войска, инспектировать и сообщать о результатах в Генеральный штаб». На генерала также возлагалось разработка основных положений статуса добровольцев, их подготовки, снабжения и пр.; формирование офицерского корпуса для добровольче-

ских соединений. Он имел право делать запросы в различные военные и гражданские учреждения относительно своих подопечных[1].

Каков же был результат описанной организационной, военно-политической работы всех занятых германских инстанций в 1942—1943 гг.? Наиболее точно на этот вопрос помогают ответить конкретные цифры. В документах военного времени, послевоенных мемуарах, исторических исследованиях таких цифр можно найти великое множество.

10 сентября 1942 г. ОКХ предлагало до конца 1942 г. закончить создание так называемой первой волны тюркских батальонов, предполагалось создание 25 батальонов из разных народов (т.е. речь идет примерно о 25 тысячах человек, уже включающихся в состав вермахта)[2]. Но это был еще только план.

14 января 1943 г. ответственный за работу с военнопленными в «генерал-губернаторстве» сообщал в ОКВ о количестве людей в лагерях, согласившихся записаться в легионы. Речь здесь шла только о резервах, а не о количестве легионеров вообще. Такие люди распределялись по лагерям:

— Беньяминов — 10 000 туркестанцев и северо-кавказцев;

— Бяла Подляска — 5000 грузин;

— Малкиня — 4000 азербайджанцев;

— Демблин-Заезерце — 3000 армян;

— Седльце А — 12 000 поволжских татар;

— Седльце Б — 6000 туркестанцев и кавказцев;

— Остров-Мазовецкий — 10 000 азербайджанцев и туркестанцев (штрафной лагерь);

— Кильце — 1600 чел.;

— Конски — 1900 чел. (два последних лагеря являлись резервными лагерями для легионеров, которые временно не могли исполнять службу).

Итого насчитывалось 53 500 человек[3].

2 февраля 1944 г. военный инспектор гауптман Дош сообщал в штаб-квартиру сухопутных войск общие цифры (это хронологически

[1] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.3, Bl.112—114.

[2] BA-MA, RH 2/824, Bl. 47.

[3] Ibid., RH 53—23/52, Bl.151—152.

первое из имеющихся в моем распоряжении обобщений о легионах): на фронте или по пути на фронт, по данным автора, на тот день находилось 37 тюркских батальонов. Их число должно было возрасти в ближайшее время до 80 (т.е. около 80 000 легионеров). Инспектор подытоживал: значит, вскоре будет на стороне Германии 80 000 легионеров, 140 отдельных рот добровольцев — также около 80 000 чел., занятых в службе охраны порядка (Ordnungsdienst) — 60 000—70 000 чел., «хивис» — около 400 000 чел., итого — до 750 000 человек[1].

В апреле—июле 1944 г. ответственный за работу с военнопленными в «генерал-губернаторстве» регулярно подавал общие сведения о военнопленных из восточных народов, которые заявили о готовности вступить в легион и находились в предварительных лагерях:

на 25 апреля — 12 306 чел. из кавказских, среднеазиатских и поволжских народов (из них татар — 1974 мусульманина, 629 немусульман — вероятно, под немусульманами подразумевались чуваши, марийцы, мордва и удмурты, которые нигде не учитывались отдельно);

на 25 мая: всего 6159 чел. (из них татар — 1042 мусульманина и 266 немусульман);

на 25 июня: всего 5278 чел. (из них татар — 773 мусульманина и 435 немусульман);

на 10 июля: 5222 чел. (из них татар 988 мусульман и 239 немусульман)[2]. Всего на 26 мая 1944 г. официально числилось в «генерал-губернаторстве» 11 966 восточных легионеров (учтем при этом, что большинство восточных батальонов к тому времени уже были передислоцированы на Запад)[3].

10 октября 1944 г. имеющиеся сведения о восточных добровольцах и рабочих обобщил руководитель Татарского посредничества в Восточном министерстве Хайнц Унглаубе. Он еще тогда наметил проблему, которая, пожалуй, остается актуальной и по сей день: «Точные данные о численности добровольцев найти очень сложно, не установлено, сколько добровольцев не вернулось из Франции, в сборных лагерях еще заявляются новые люди». Унглаубе выражал мнение, что единственный человек, который располагает точными цифрами, — это генерал

[1] BA-MA, RH 2/2728, Bl.6.

[2] Ibid., RH 53—23/52, Bl.130—145.

[3] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.4, Bl.236.

добровольческих соединений, но и из его ведомства он сведения получить не смог. Поэтому автору справки пришлось удовлетвориться теми данными, которые он получил в национальных посредничествах и которые он назвал предварительными, оценочными:

1. Поволжские татары:

добровольцев в полевых батальонах — 11 000 (12 батальонов),

в других соединениях — 4000,

в рабочих батальонах — 8000,

среди восточных рабочих — 5000,

в лагерях для военнопленных — 15—20 000

(Сделано примечание: «Очень много татар находится и в Русской Освободительной армии»);

2. Туркестанцы: в целом около 75 000,

среди восточных рабочих — около 10 000.

(Сделано примечание: «Более конкретных данных нет»);

3. Крымские татары (официально в состав Восточных легионов не входили, имея отдельные формирования. — *И.Г.*):

в батальонах — 12 000,

в охранном соединении на территории Венгрии — 1200;

4. Азербайджанцы:

в батальонах — 20 000,

среди восточных рабочих — 200,

военнопленных — 8000;

5. Армяне:

в батальонах — 18 000,

среди восточных рабочих — 7000,

военнопленных — 8000;

6. Грузины:

в батальонах — 20 000,

среди восточных рабочих — 4000,

военнопленных — 8000;

7. Народы Северного Кавказа:

в батальонах — 20 000,

среди восточных рабочих — 1000,

военнопленных — 10 000;

8. Калмыки (также официально не входили в состав Восточных легионов):

в батальонах — 6000,
среди восточных рабочих — 500,
военнопленных — 1500[1].

Для более позднего времени приведу сведения только о поволжских татарах: 14 декабря 1944 г. руководитель отдела «Восток» Главного управления СС Фриц Арльт сообщал своему коллеге Райнеру Ольше: по его данным, татар в вермахте служит около 20 000, в качестве «хивис» и в Русской Освободительной армии — около 20 000[2]. В самом конце войны, 20 марта 1945 г., тогдашний руководитель Татарского посредничества Л. Стамати насчитывал татар в полевых батальонах, в основном легионе, в отдельных боевых и строительных соединениях — 19 300 чел., среди восточных рабочих — 4000, среди военнопленных — около 20 000 человек. В итоге цифра «людского резерва» достигала, по мнению Л. Стамати, 43 000 человек (без учета соединений СС и РОА)[3].

Примерно такие же цифры приведены и в послевоенной рукописи «Волго-татарский легион», но с несколько иным подразделенеием: в легионе и полевых батальонах 12 000 чел., в батальоне поволжских финнов и чувашей — 1000, в Восточно-тюркском боевом соединении СС — 1000, в девяти строительных батальонах — 10 000, в отдельных соединениях и группах — 16 000, итого — 40 000 человек. Причем здесь же приведены и не поддающиеся проверке сведения о том, что «в конце 1944 г. в ведомстве ответственного за военнопленных было зарегистрировано 15 000 идель-уральцев, из которых 10 000 добровольно заявили о своем желании служить в запланированной идель-уральской дивизии, среди них находилось до 150 бывших советских офицеров»[4].

Очень скрупулезно подсчитал цифры, связанные с Восточными легионами, Иоахим Хоффманн. К так называемой «первой волне»

---

[1] BA-Potsdam, NS 31/41, Bl.5.

[2] Ibid., NS 31/28, Bl.25.

[3] Ibid., NS 31/31, Bl.47.

[4] Wolgatatarische Legion (Privatarchiv Dr. J.Hoffmann), S. 1 (далее в сносках: Wolgatatarische Legion). Рукопись, в которой охвачены основные события истории легиона, написана, судя по содержанию, в послевоенное время (кроме того, на полях от руки приписана дата 12 марта 1953 г.), хранилась в личном архиве Иоахима Хоффманна.

он относит 15 батальонов, созданных до поздней осени 1942 г., среди них шесть туркестанских — 450, 452, 781, 782, 783, 784; два азербайджанских — 804, 805; три северокавказских — 800 (черкесский), 801 (дагестанский), 802 (осетинский); два грузинских — 795, 796 и два армянских — 808, 809. Эти батальоны были отправлены на Восточный фронт, но, судя по всему, их боевые качества оказались для немцев неудовлетворительными, поэтому сроки подготовки последующих соединений увеличились. До весны 1943 г. были сформированы батальоны «второй волны» (всего 21): пять туркестанских — 785, 786, 787, 788, 789; четыре азербайджанских — 806, 807, 817, 818; один северокавказский — 803; четыре грузинских — 797, 798, 799, 822; четыре армянских — 810, 811, 812, 813 и три волго-татарских — 825, 826, 827. Во второй половине 1943 г. было создано 17 батальонов «третьей волны»: три туркестанских — 790, 791, 792; два азербайджанских — 819, 820; три северокавказских — 835, 836, 837; два грузинских — 823, 824; три армянских — 814, 815, 816 и четыре волго-татарских — 828, 829, 830, 831. Таким образом, всего на территории «генерал-губернаторства» в 1942—1943 гг., по мнению И. Хоффманна, было создано не менее чем 14 туркестанских, 8 азербайджанских, 7 северокавказских, 8 грузинских, 9 армянских и 7 волго-татарских батальонов, общей численностью около 53 тысяч человек[1]. Эти сведения, как мы еще увидим, не охватывают все восточные батальоны периода Второй мировой войны. В своей монографии немецкий историк учел только соединения, созданные до конца 1943 г. и только под эгидой командования Восточных легионов.

---

[1] *Hoffmann, J.* Die Ostlegionen... S.38—39. Те же сведения повторены, например, в отечественных публикациях последних лет: *Дробязко С.И.* Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М., 1999. С. 6—7; *Романько О.В.* Указ. соч. С. 138—140. Интерес представляет публикация справки о Туркестанском легионе, составленной в VII отделе Политуправления Закавказского фронта в ноябре 1942 г. на основании допросов туркестанских легионеров, перебежавших на сторону Красной армии: Туркестанские легионеры. О «свободном» казахстанском государстве мечтал еще Гитлер... / Публикация *Г.Н. Взваровой* // Военно-исторический журнал. 1995. № 2. С. 39—46. Справка содержит ценные данные о формировании и состоянии отдельных батальонов Туркестанского легиона. Подзаголовок публикации, касающийся «мечтаний» Гитлера, правда, вызывает определенное недоумение.

Существовали также соединения в составе 162-й тюркской дивизии на Украине, отдельные подразделения в составе действующей армии в Крыму. И после этого, несмотря на все разочарования германского руководства, восточные батальоны продолжали формироваться. В документах нам встречаются, например, батальоны, номера которых в приведенной классификации И. Хоффманна не упомянуты.

Легионеры в момент формирования легиона. Национальные отличия отсутствуют

Приведем и некоторые обобщающие данные, которые характеризуют феномен советского коллаборационизма. Обратимся к сведениям человека, который являлся непосредственным участником событий и, возможно, самым компетентным свидетелем по этому вопросу — генерала добровольческих соединений Эрнста фон Кёстринга. В своих послевоенных воспоминаниях он приводит такие цифры: «На лето 1944 г. общее число восточных добровольцев в вермахте составило 700 тысяч человек. Позднее, вследствии деятельности генерала Власова, оно возросло минимум до 800—900 тысяч» (речь при этом идет не только о тюркомусульманских или кавказских народах, но и о русских, украинцах, белорусах, народах Прибалтики и др. — *И.Г.*)[1]. Герхард фон Менде, также весьма информированный специалист, считал, что во время войны число восточных добровольцев на германской стороне доходило до одного миллиона[2].

Примерно такие же цифры фигурируют и в большинстве опубликованных позднее мемуаров (например, Р. Гелен, П. Кляйст, Х. фон

[1] IfZ (München), Zs 85 -- Köstring, Bl. 50.

[2] *von Mende, G.* Erfahrungen mit Freiwilligen.., S. 25.

Херварт)[1] и исследований (например, А. Алексиев, О. Каро, Дж. Фишер, Э. Хессе)[2]. Соглашаются с цифрой в один миллион Михаил Геллер и Александр Некрич: «Остается фактом, что в военных формированиях вермахта к концу войны находилось более миллиона советских граждан различных национальностей, в том числе и несколько сот тысяч русских»[3]. Приводит цифры от 0,7 до 1 млн советских граждан, служивших в германских вооруженных силах, без комментария и без выражения своего мнения, но скорее соглашаясь, и авторитетный отечественный исследователь А.О. Чубарьян[4]. В результате анализа работ зарубежных авторов Н.М. Раманичев пришел к выводу, что «число советских граждан, служивших в вооруженных формированиях вермахта и полиции, колебалось в пределах 900 тыс. — 1,5 млн человек»[5]. Цифры, приведенные в исследовании С.И. Дробязко, несколько отличаются от названных. Он приводит данные о численности тюркских и кавказских народов и казаков в рядах германской армии в 1941—1945 гг.: «Казахи, узбеки, туркмены и другие народности Средней Азии — около 70 тыс., азербайджанцы — до 40 тыс., северокавказцы — до 30 тыс., грузины — 25 тыс., армяне — 20 тыс., волжские татары — 12,5 тыс., крымские татары — 10 тыс., калмыки — 7 тыс., казаки — 70 тыс.». По мнению историка, это составляло примерно четверть от общего числа представителей народов СССР, служивших в вермахте, войсках

---

[1] *Gehlen, R.* S. 101; *Kleist, Peter.* Zwischen Hitler und Stalin. 1939—1945. Bonn, 1950. S. 205; *von Herwarth, H.* Zwischen Hitler und Stalin, S. 305.

[2] *Alexiev, Alex.* Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941—1945. Santa Monica, 1982, p.27; *Caroe, Olaf.* Soviet Empire. The Turks of Central Asia and Stalinism. London-Melbourne-Toronto-New York 1967, p. 246; *Fischer, George.* Soviet Opposition to Stalin. A case Study in World War II. Cambridge, 1952, p. 45; *Hesse, E.* Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfanweisungen und Befehle. Göttingen-Zürich-Frankfurt/Main, 1969. S. 123—124; *Neulen, Hans Werner.* An deutscher Seite. S. 342

[3] *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. London: Overseas Publications Interchange Ltd 1989. С. 471.

[4] *Чубарьян А.О.* Дискуссионные вопросы истории войны //Вторая мировая война. Актуальные проблемы. К 50-летию Победы /Отв. ред. *О.А. Ржешевский.* М., 1995. С. 12.

[5] *Раманичев Н.М.* Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 311.

СС и полиции (1,2 млн)[1]. Гораздо более осторожен С.В. Кудряшов, разграничивая «пассивный и активный военный коллаборационизм». Он считает, что «даже если сознательно делать самые высокие допуски, доля активного (вооруженного) военного коллаборационизма не могла превышать 250—300 тысяч человек»[2].

П. фон цур Мюлен в своем специальном исследовании подытожил сведения многих источников и исследований: «В середине 1943 г. восточных добровольцев насчитывалось более 300 000 чел., через год оно удвоилось и почти достигло одного миллиона. Число кавказцев среди них почти по единодушному мнению считается 110 000 чел., поволжских татар от 35 до 40 000, туркестанцев от 110 до 180 000 чел. Поскольку здесь не учтены снабженческие и строительные соединения, особые подразделения (...), то эти цифры можно увеличить и дальше»[3].

Ясно, что с абсолютной уверенностью утверждать, что цифры эти точны и заслуживают полного доверия, нельзя. Сомневаться в них заставляют два момента.

Во-первых, обобщались эти сведения в Берлине на основании справок нижестоящих чиновников и учреждений, которые по понят-

---

[1] *Дробязко С.* Восточные легионы и казачьи части в вермахте. С. 4. В данном случае автор не сделал ссылок, поэтому не совсем ясно, на основании каких источников появились такие цифры. В своей более поздней монографии С.И. Дробязко также приводит разные мнения историков о численности формирований восточных добровольцев в вермахте и подытоживает, что за все время войны «через восточные формирования вермахта (без полиции и войск СС) прошло от 800 тысяч до 1 миллиона советских граждан, из которых до 300 тысяч служили в боевых и тыловых формированиях действующей армии (включая восточные легионы, казачьи части, восточные батальоны и роты) и в отрядах вспомогательной полиции в зоне военного управления, а остальные — в рядах добровольцев вспомогательной службы, состоявших в рядах германской армми индивидуальным порядком или в составе небольших групп» (*Дробязко С.И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германского вермахта. 1941—1945. М., 2004. С. 196).

[2] *Кудряшов С.В.* Предатели, «освободители» или жертвы войны? Советский коллаборационизм (1941—1942) // Свободная мысль. № 14. 1993. С. 91.

[3] *von zur Mühlen, P.* S. 60; точно такие же цифры о количестве восточных легионеров в вермахте дает и Б.Ф. Шрёдер (*Schröder, Bernd Philipp.* Deutschland und der Mittlere Osten im Zweiten Weltkrieg. Göttingen-Frankfurt-Zürich, 1975. S. 215—216).

ным причинам желали предстать перед начальством в лучшем свете и, очевидно, приукрашивали итоги своей деятельности. Реальные документы показывают, что, например, некоторые восточные батальоны, упомянутые как сформированные, по существу оказывались фантомами, созданными только на бумаге (например, под эгидой Восточных легионов было реально создано только 7, а не 12 батальонов поволжских татар, упоминаемых в справке Х. Унглаубе).

Во-вторых, германская военная статистика, особенно в последние годы войны, явно имела серьезнейшие пробелы, и это следует учитывать при характеристике ее данных (в соответствующих документах можно найти свидетельства подобных серьезных недостатков, вспомним опять цитированную выше справку Х. Унглаубе от 10 октября 1944 г.).

Поэтому осторожность в оценках приведенных цифр можно считать вполне уместной[1].

Но если соглашаться даже с самыми осторожными цифрами, то они, безусловно, впечатляют. Десятки тысяч советских граждан в годы войны перешли на сторону немцев, что заставляет очень серьезно задуматься о причинах, мотивах их действий.

Задачи Восточных легионов, их оценки и характеристики германской стороной

Созданием национальных военных формирований из народов СССР Германия преследовала вполне четкую цель, пыталась решить свои конкретные задачи, имела для того определенные военные и политические мотивы. Попытаемся теперь осветить этот важный момент. Сформулируем дополнительно и следующий вопрос: как и с какой точки зрения оценивались Восточные легионы в период созда-

[1] В публицистике можно встретить и такую цифру: в легионе «Идель-Урал» служило до 60 000 татар (*Эйди Т.* Озелеп сагыну // Мирас. № 5—6. 1995. 140 б). Это явное преувеличение, тем более, что автор без сомнений заявлял, что все они погибли. Абсолютной журналистской фантазией являются и последующие рассуждения Т. Айди, что вследствие «трагедии легионеров» татарский народ на сегодняшний день лишился по меньшей мере миллиона (!) своих сыновей и дочерей, поскольку эти 60 000 не смогли создать семьи, родить детей, не появились их внуки и пр.

ния и позднее? Такие наблюдения и обобщения делались немецкими военными чиновниками разного ранга и во время войны, и позднее в многочисленных мемуарах. Попытаемся найти ответ на поставленные вопросы.

Вслед за появлением соответствующего приказа о формировании Восточных легионов 28 марта 1942 г. был подписан меморандум (своеобразные директивы) А. Розенберга, в котором он вполне откровенно высказался о целях и задачах германской стороны[1]. Составитель особо подчеркнул, что первичное значение при создании национальных частей играли политические мотивы, а вторичное — военные. На его взгляд, «использование кавказских воинских частей великогерманской империей произведет глубочайшее впечатление на эти народы, в частности, когда они узнают, что только им и туркестанцам фюрер оказал эту честь». Рейхсминистр здесь явно лукавил: политико-пропагандистский момент в создании Восточных легионов, конечно, присутствовал, но играл далеко не главенствующую роль. Прав О.В. Романько, отмечавший, что «большинство батальонов Восточных легионов готовилось именно как фронтовые формирования, и применять их собирались соответствующим образом»[2].

Для подтверждения этой мысли вспомним вновь цитировавшийся выше приказ командующего группой армий «Юг» от 19 мая 1942 г. — он объяснял своим войскам, что национальные части создаются в первую очередь из-за недостатка резервов, недостатка прикрывающих (тыловых) соединений, с целью «сбережения» немецкой крови. Говоря об этих проблемах, командующий явно говорил о вынужденности этого мероприятия. Политический его эффект упоминался в последнюю очередь.

И Розенберг в меморандуме уделил немалое внимание военной стороне дела: национальные воинские части должны были быть дислоцированы на оккупированной территории с таким расчетом, чтобы углубить противоречия между народностями в целях господства над ними. Главными условиями для военно-политического успеха Восточных легионов он считал следующие:

---

[1] Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Т. 2. С. 214—216.

[2] *Романько О.В.* Указ. соч. С. 201.

«1) Желательно, чтобы офицерские должности во всех воинских частях занимали только немцы. Тем самым германская армия приобретает огромные преимущества, как это имеет место у англичан в Индии;

2) желательно, чтобы воинские соединения путем вербовки на десять—двадцать лет могли бы обеспечить себе замену выбывающих, которые обеспечивались бы должностями в их органах управления;

3) желательно предопределить численность каждого формирования в отдельности. Численность формирований должна быть такой, чтобы они ни в коем случае не могли оказывать давление на немецкие оккупационные части».

Итак, в данном документе нашло отражение одно из важнейших противоречий, которое при создании легионов присутствовало изначально и которое никогда не было преодолено, — противоречие в военной и политической мотивации их существования. С военной точки зрения употребление Восточных легионов было, по существу, необходимо для немцев, но тут же ограничивалась их численность, назначением на командные посты только немцев подчеркивалась их несамостоятельность, что могло задевать и задевало самолюбие самих «восточных добровольцев». С политической точки зрения, немцы вроде бы должны были нарисовать перед восточными добровольцами радужную картину их будущего, но радужности в рамках национал-социалистической идеологии никак не получалось.

То же самое мы можем обнаружить и в материалах обсуждений интересующего нас вопроса в ставке Гитлера. Во второй главе уже упоминалось, что Гитлер 12 декабря 1942 г. высказал «высочайшее доверие» тюркским, мусульманским народам, призывая своих подчиненных при создании восточных соединений быть очень осторожными и называя эту затею рискованной[1]. Наиболее подробно вопрос о Восточных легионах рассматривался в ставке Гитлера 8 июня 1943 г.[2]

---

[1] Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942—1945. S. 73—74.

[2] Ibid., S. 260—268; на русском языке этот важный документ впервые опубликован в книге: *Двинов Б.* Власовское движение в свете документов (с приложением секретных документов). Нью-Йорк, 1950. С. 89—102. Текст стенограммы включен также в издание: *Коняев Н.М.* Власов. Два лица генерала. М., 2003. С. 399—409. Очень любопытно, что, по мнению Э. Хессе,

В общем, привлечение на немецкую сторону солдат противника, местного населения, усиление пропаганды в этом направлении (но без лишних обещаний) было одобрено. Однако Гитлер и здесь проявил просто маниакальную подозрительность во всех вопросах касательно военного сотрудничества с народами СССР, призывая своих подчиненных «различать между пропагандой, которую мы делаем "там" (т.е. на Восточном фронте, против советских войск. — *И.Г.*) и тем, что мы в конце концов сами делаем», чтобы вдруг привлеченные на немецкую сторону украинцы, прибалтийские народы, народы Кавказа не повернули оружие против самих немцев. Генерал Цейцлер доложил, что на тот момент имелось 78 добровольческих батальонов, 1 полк и 122 роты, кроме них около 220 тысяч «хивис». На совещании эти цифры вновь пробудили опасения Гитлера, особенно в отношении объединения их друг с другом, объединения в более крупные соединения, даже в «национальные армии». Поэтому было строжайшим образом заявлено: «Батальоны — это наибольшее соединение» (Цейцлер); «Привлечение батальонов к борьбе на фронте или использование эмигрантов или вождей старой интеллигенции остается строжайше запрещенным» (Кейтель). Бросается в глаза, что руководители рейха очень хотели использовать «восточных добровольцев» в значительно более широком масштабе. Но они же сами этого очень сильно страшились. Этот документ — наглядное свидетельство метаний высшего германского руководства в попытке разрешить возникшую проблему, его стремления сделать трудный выбор между двумя полюсами.

Такого рода наблюдения делались уже в ходе войны отдельными инспекторами и командирами. Поначалу тон лиц, изучавших опыт создания легионов, был весьма оптимистичен. Например, 2 февраля 1944 г. гауптман Дош в объемном отчете в штаб-квартиру сухопутных войск делал промежуточные итоги и давал рекомендации по этому поводу[1]. Два фактора, на его взгляд, стали решающими для создания легионов: во-первых, величина территорий на Востоке, а значит, сложности в проведении здесь германской политики; во-вторых, людские

цифра в 220 тысяч «хивис» Цейцлером была умышленно занижена, чтобы реальными, более высокими цифрами не напугать подозрительного фюрера (*Hesse, E.*, S.124).

[1] BA-MA, RH 2/2728, Bl. 2—17.

потери вермахта. Дош считал, что для работы с военнопленными и перебежчиками на первый план выходит политический момент. Причем получалось, что трудность в этой сфере основывалась на самой национал-социалистической идеологии — ей было невозможно признать русских, славян своими союзниками. Поэтому главное внимание должно быть обращено на тюркские народы, «с ними легче работать, их мы вполне можем считать своими равноправными союзниками, и они могут поддержать и сражающиеся на фронте части и быть использованы в борьбе против партизан». Очень ясно отмечены в документе те колебания, которые были присущи руководству Германии при обсуждении возможностей военного сотрудничества с восточными народами: «ОКХ имеет соображение, что с одной стороны важно использовать население России в общей борьбе, но с другой — в этом таится очень серьзная психологическая опасность. Невозможно сразу отправлять против Красной армии солдат, так как они 20 лет воспитывались в большевистском духе, в них была уничтожена всяческая связь с народом, семьей и землей». Автор справки отметил те трудности, с которыми приходилось сталкиваться организаторам легионов: проблема военного переобучения тюркских легионеров, нехватка кадров переводчиков. Но он считал эти трудности преодолимыми в случае, если правильно будут поставлены политические цели: борьба с большевизмом и «пробуждение естественных национальных чувств народов». Хотя гауптман Дош и вспомнил о происходящей уже в те месяцы передислокации Восточных легионов на Запад, тон его справки достаточно оптимистичен.

Гораздо более сдержан тон другой справки о состоянии легионов, составленной неким гауптштурмфюрером (подпись его на документе неразборчива) примерно в то же время, что и отчет Доша (отложился в архиве среди документов января—февраля 1944 г.)[1]. Вначале в справке приведены общие сведения обо всех легионах и их подразделении. Автор не сомневался в боевых качествах легионеров: «Тюркские и кавказские народности хорошо готовы к борьбе на Востоке, в особенности в борьбе против бандитов (партизан. — *И.Г.*). Они надежнее, чем русские или украинцы, которые в Советской Армии составляют большинство и противостоят остальным. (...) Они должны составить

[1] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 3, Bl. 56—62.

основу действенной вооруженной силы...» Он считал, что перед ними необходимо поставить ясную политическую перспективу, а при этом уже есть повод для оптимизма — «фюрер как будто высказался за определенную форму государственности татарского, туркестанского и кавказского пространств». Последнее было абсолютной выдумкой, слухом, и об этом уже шла речь во второй главе настоящей книги. Наиболее «надежными» в документе назван был Туркестанский легион, так как среднеазиатские народы «мало что связывает с Советским Союзом», и «они как мусульмане враждебно настроены не только к большевикам, но и к русским».

Но выводы инспектора, опирающиеся не на предположения, а на реальную практику, оказались совсем неутешительными: налицо была явная конкуренция между Восточными легионами, тюркским соединением СС и 162-й тюркской дивизией фон Нидермайера; легионеры были очень восприимчивы к «вражеской пропаганде», совсем не умели хранить военную тайну, часты были случаи дезертирства. Дальнейшее существование Восточных легионов в той форме в итоге он назвал бессмысленным и опасным. Как оказалось, генерал Хелльмих вообще предлагал распустить Восточные легионы, но это предложение поддержки не нашло. Фриц Заукель, ответственный за трудовую повинность в Третьем рейхе, предложил привлечь 10 000 легионеров к трудовым работам в Германии. И автор справки в итоге посчитал наиболее приемлемым вариантом использования восточных добровольцев направление их на трудовые работы в Германию. Этим легионеры в понимании германского эксперта были бы оторваны от пресловутой «вражеской пропаганды», которой в Польше они избежать не могли, уменьшился бы риск дезертирства. Но тут же высказан «серьезный» контраргумент: после передислокации тюркских легионеров на территорию рейха может возникнуть проблема «кровосмешения». И теперь, как видим, когда речь идет даже не об отправлении на фронт, а о гораздо более беспроблемном использовании легионеров в качестве рабочей силы, все равно находится повод для сомнений и колебаний.

Два упомянутых отчета начала 1944 г. вряд ли были единственными и основными для решения судьбы Восточных легионов; скорее всего, они были одними из многих подобных документов. Но им присуще то общее, что характеризовало отношение германской стороны к сотрудничеству с восточными народами: есть доводы для использования

восточных добровольцев в каких-либо акциях — военных или цивильных, но всегда находятся и очень веские контраргументы. Постоянная непоследовательность — характерная черта этого отношения — очень ярко прослеживается в цитированных отчетах.

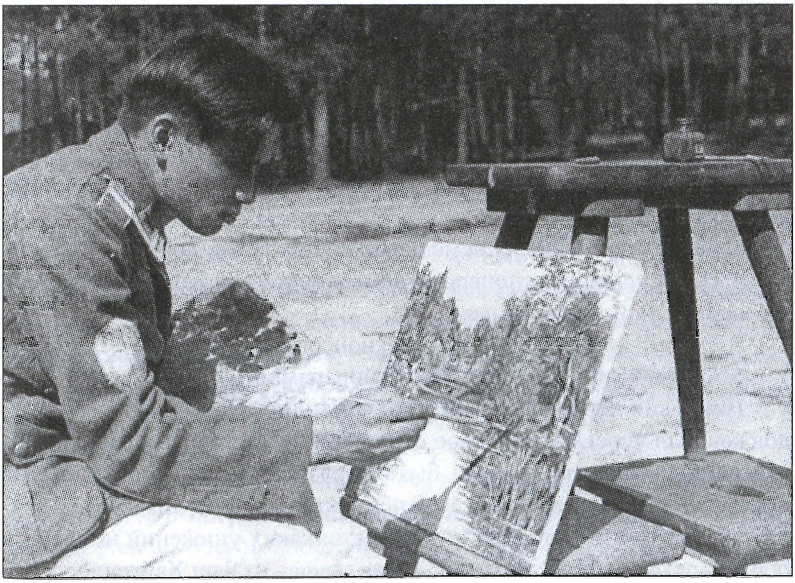
Теперь обратимся к очень важному вопросу: как же немецкому командованию представлялись Восточные легионы в идеале, какими оно хотело их видеть? Ответить на этот вопрос помогает целый ряд очень своеобразных источников, подписанных командиром Восточных легионов генералом Р. фон Хайгендорфом весной—осенью 1943 г. — это так называемые «памятки» (Merkblätter), отпечатанные в виде брошюр. Эти документы помогают довольно зримо воспринять атмосферу внутри всех легионов, взаимоотношения между легионерами и немецким персоналом, основные проблемы, которые пыталось решить германское командование и которые стояли перед рядовыми легионерами. В какой-то мере памятки генерала фон Хайгендорфа отражают так и не сбывшиеся надежды нацистской Германии на успех акции с Восточными легионами. Поэтому вполне возможно более подробно остановиться на содержании ряда этих любопытных источников[1].

Памятка № 1 от 1 июля 1943 г. обращена к немецкому персоналу легионов и касается проблемы взаимоотношений с легионерами. Фон Хайгендорф выступает здесь в роли тонкого «психолога», «аналитика», подробно объясняя своим соотечественникам особенности характера и привычки восточных народов. Очевидно, что он опирался в своих «теоретических изысках» не только на свой опыт, у него получилось своеобразное обобщение немецкой позиции. В его объяснениях явно чувствуется оттенок пренебрежения. На что же он обращает внимание?

Своим немецким подчиненным генерал сразу заявляет: «Тюркские легионеры очень восприимчивы к чужому влиянию, поэтому воспитание их — задача очень важная, и в случае успеха они будут с нами до конца. Важно не допустить влияния на легионеров извне — со стороны враждебно настроенного населения, со стороны вражеских агентов изнутри». Он призывал немецкий персонал видеть в восточных добровольцах «равноправных союзников»: «Следует забыть, что это бывшие

[1] Все эти документы находятся в Федеральном военном архиве во Фрайбурге: BA-MA, RH 58/62, Bl. 6—32, 58—61. Отдельные сноски при цитировании «памяток» ниже не делаются.

военнопленные, нельзя видеть в них людей, которые по моральным, расовым, культурным качествам ниже немецкого солдата». Понимая, что немецкий персонал, который прислан был служить в легионы, не имеет никаких знаний о народах СССР, генерал объяснял: «Восточные добровольцы очень различны даже по своей географической принадлежности: частью это чистые азиаты, частью — примитивные горские народы Кавказа или южного Туркестана, частью — обитатели степей из областей между Волгой и Уралом. Они преимущественно дети природы с простейшими потребностями — голод и любовь. Среди них можно встретить и много образованных и интеллигентных людей, 25 лет воспитывавшихся в большевистском духе, поэтому настроенных к нам очень критически». Автор особо останавливается на жизненных привычках и представлениях легионеров: «Их жизненные привычки примитивнее, чем наши. Гигиена, чистота, порядок — о многих таких вещах они и не слышали. У них нет понимания бережливости, пунктуальности, живут они "от руки до рта", неторопливо, не зная даже порой деления времени. Также отличаются и их моральные качества.



Унтер-офицер легиона рисует пейзаж

Долг, ответственность — это выглядит для них дико и примитивно. Они склонны к воровству, мести, разбою. Тяжело давит на них воспоминание о плене (воспоминания о голоде, о пережитом духовном унижении)».

Таковы размышления представителя «высшей расы» — в легионерах он видит не обычных людей, которые волей судьбы стали «союзниками» немцев, а примитивных «детей природы», обуреваемых лишь низменными страстями, которых немцы должно терпеливо перевоспитывать. Даже допущенные легионерами ошибки (неизвестно, правда, о каких ошибках идет речь), автор памятки объяснял «недисциплинированностью примитивных детей природы».

Если фон Хайгендорф явно не преуспел в психологических характеристиках, занявшись развешиванием ярлыков, то в рассмотрении внутренних взаимоотношений немцев и легионеров он гораздо более точен. Точен он, на мой взгляд, уже в определении мотивов перехода красноармейцев на немецкую сторону: «Основной их мотив для сотрудничества с нами — материальный. Немаловажен и идеальный момент — речь идет о тех, кто переходит к нам из внутренних побуждений, ненавидит НКВД, хочет мстить. Другими же движет желание хорошего обеспечения, одежды, размещения, тоска по свободе». Очень важным представляется перечисление конкретных конфликтных ситуаций, которые вызывали недовольство легионеров:

«1. Неодинаковое обхождение в бою и после него.

2. Различное отношение фельдшеров к немецким солдатам и легионерам в лазаретах.

3. Запрет пользования немецкими солдатскими домами.

4. Недопущение легионеров в немецкие железнодорожные вагоны и отправка их польскими вагонами.

5. Разный уход за немцами и легионерами.

6. Слабый уход за ранеными легионерами».

Немецкий персонал, по мнению командира Восточных легионов, должен был пересмотреть свое отношение к восточным легионерам. «Немецкие солдаты должны быть образцом: никакого пьянства в присутствии легионеров, никакой непунктуальности, никакого обсуждения приказов вместе с легионерами, никаких унижений немецкого персонала перед легионерами», — так поучал их фон Хайгендорф. Но жизнь вносила свои коррективы: столь желаемого взаимопонимания не

было. В данном конкретном документе приведено лишь несколько примеров таких «образцовых» взаимоотношений: как немецкие солдаты грубо отчитывали легионеров, как «ради смеха» одному легионеру за шиворот забросили горячую картофелину. Призывы к справедливости, к человечным отношениям на таком фоне выглядят, конечно, не очень убедительно. Тем более что «удачная» психологическая характеристика легионеров сама по себе уже во многом перечеркивает такие призывы.

Вопросы дисциплины стали основными для памятки № 2 от 25 мая 1943 г., которая требовала выявлять все случаи ее нарушения, предусматривала конкретные штрафные санкции к нарушителям.

Памятка № 3, датированная 1 июля 1943 г., посвящена вопросам духовного воспитания легионеров и обращена к немецким офицерам Восточных легионов. Генерал ставит перед ними три цели политического образования:

«1. Оторвать легионеров от большевистского мышления;

2. Убедить их в необходимости совместной борьбы против большевизма, капитализма и русского империализма;

3. Пробудить национальное самосознание».

Далее приводятся рекомендации, как лучше организовать работу по достижению таких целей. По мнению фон Хайгендорфа, «легионеры к любой пропаганде относятся с определенным недоверием, поскольку уже имеют опыт с советской пропагандой, с армейской пропагандой». Поэтому он считал нецелесообразным проведение «занудных лекций и нравоучений», лучше было провести разговор по поводу какого-либо события, личную беседу по конкретному вопросу. Одним из важных средств пропаганды генерал считал «пропаганду делом», что включало организацию ознакомительных поездок легионеров по Германии, их знакомство с жизнью немцев; в конечном итоге «германская победа» стала бы решающим фактором для «духовной победы». Более подробно о том, как ковалась эта «духовная победа», будет рассказано в следующей главе книги.

Памятка № 4, также от 1 июля 1943 г., посвящена вопросам военной подготовки легионеров и вновь адресована немецким офицерам. Поскольку степень боеготовности восточных добровольцев для немецкой стороны приобретала особо актуальный характер, то повышенное внимание фон Хайгендорфа этому вопросу понятно. Его рекоменда-

ции в документе довольно точны и конкретны. Он отмечал сильные стороны легионеров: исходя из своего умозаключения, что «тюркские народы — это дети природы», он делал вывод, что они легко свыкаются с обстановкой, осваиваются на новом месте, физически хорошо подготовлены, имеют острый глаз, наблюдательность, охотно изучают военную технику. Но он предупреждал своих немецких подчиненных и об их явных «слабостях»: «солдаты различны по уровню знаний, не любят индивидуальную воспитательную подготовку. Они любят общие военные игры, но у них нет фантазии, они ограничены. Кроме того, у них слаба воинская дисциплина».

Памятки № 5 и № 6 датированы 1 сентября 1943 г. Первая из них обращена к врачам Восточных легионов и утверждает среди прочего, что такие понятия, как чистота и гигиена, чужды для восточных добровольцев. Вторая же затрагивает целый комплекс вопросов руководства и воспитания легионеров Восточных легионов. Генерал полон оптимизма в оценке боевых качеств своих подразделений: «Добровольческие соединения на фронтах Востока и Запада, в борьбе с бандитами на внутреннем фронте показали ясно, что создание их было правильным и целесообразным». (Так было заявлено тогда, когда уже встал вопрос о передислокации Восточных легионов на Западный фронт из-за их «ненадежности»!) Он ставит четыре вопроса, которые, на его взгляд, являлись наиболее актуальными при руководстве легионами:

Юный легионер после получения снаряжения

1. Какие народы представляют восточные добровольцы?

2. Какие качества имеют тюркские солдаты?

3. Какова боеспособность легионеров?

Полковник Ральф фон Хайгендорф беседует с легионером

4. На что следует обращать внимание при работе с добровольцами?

Фон Хайгендорф объясняет, что представляют из себя «хивис», что такое «Русская добровольческая армия», «Украинская освободительная армия», Восточные легионы. При характеристике последних он уже избегает столь категоричных суждений о тюркских народах, которые встречались в первой памятке. По-видимому, учитывалось, что настоящий документ может быть прочитан не только немецкими офицерами, но и представителями самих народов при штабах легионов, которые могли бы счесть себя оскорбленными из-за вышецитированных откровений командующего. Здесь тюрки — «это старые культурные народы, которые на основе своего своеобразия, связи с прежними своими достижениями, религии и обычаев отрицали большевизм и поднимали восстания против большевиков. (...) Они не военнопленные, они по своему желанию перешли на нашу сторону и после принятия присяги будут иметь все права и обязанности немецкого солдата». Все это, по Хайгендорфу, необходимо было постоянно объяснять немецким солдатам, ибо «добровольцы не чужие для нас и не солдаты второго сорта. Они сражаются за свою родину, за ее освобождение».

Совсем иной тон документа и при перечислении качеств легионеров. При том подчеркивается лишь сильное восточное, мусульманское

влияние на их мироощущение и делается «глубокомысленный» вывод: «Никогда, конечно, из тюрков не удастся сделать немцев или же превратить их в прусских гренадеров». Об их недисциплинированности генерал уже не распространяется, ссылаясь на свою же памятку № 2, в которой он уже давал пояснения об этом.

Боевой потенциал легионеров оценен им так: «В тяжких боях они показали себя достойно, их боевые качества очень высоки». Автор памятки рекомендовал: «При подключении легионеров к боевым действиям следует сначала применять их на более легких участках, а в тяжелых же ситуациях обязательно перемешивать их с немецкими войсками. Батальоны более приспособлены к задачам обороны и несения охраны, чем для активных наступательных действий. Они особенно хороши для проведения разведывательных мероприятий, борьбы в лесу, в условиях плохой видимости. Со временем их можно применять в составе немецких соединений и для решения более сложных боевых задач, особенно если они показали свою боеспособность». Фон Хайгендорф, правда, не преминул указать: «Во время боевых действий легионеры всегда должны быть вместе, так как восточные народы имеют стадное чувство — вместе они ощущают себя сильнее, а поодиночке теряются».

В памятке вновь обращено внимание на проблему взаимоотношений между немецким персоналом и восточными легионерами: «Любое оскорбление, физическое или моральное, может привести к серьезным неудачам, поэтому таковые строго запрещаются! В подобных случаях виновные могут быть привлечены к военному суду», — предупреждал генерал и обращался к командованию немецких частей с просьбой: «Заботиться о тюркских легионерах так же, как и о немецких солдатах. Раз тюркские легионеры борются на нашей стороне, проливают за нас кровь и погибают, то они должны иметь такие же права и привилегии, как и немецкие солдаты».

Итак, в памятках генерала фон Хайгендорфа, как мне представляется, налицо своеобразная смесь из вполне здравых, точных наблюдений и надуманных, фальшивых заключений, которые, безусловно, восходят к высокомерным общегерманским стереотипам того времени, к требованиям национал-социалистической теории и, наконец, к обычному невежеству. Тем не менее они действительно позволяют нам лучше понять общее отношение немецкой стороны к созданным

и создаваемым соединениям восточных народов, хотя реальность была довольно далека от пожеланий и стремлений командира Восточных легионов. Это сказывалось во всем: во взаимоотношениях в легионах, в общей дисциплине, в участии легионеров в отдельных военных операциях.

Не на пустом месте возникли увещевания и запреты фон Хайгендорфа к немецкому персоналу относительно их отношений с сослуживцами. Эти отношения так и не стали не то чтобы дружескими, но даже, по-видимому, и терпимыми. Некоторые примеры таких «дружеских» отношений уже были приведены выше. Упомянем еще некоторые (неясно, правда, о каких легионах идет речь): адъютант батальона заставил многократно «лечь-встать» обер-муллу, который опоздал на парад по случаю принятия присяги; то же самое проделал батальонный врач с другим муллой, который из-за свершения религиозных обрядов опоздал к медицинскому осмотру; третьему мулле отрезали бороду, когда он потерял сознание в стоматологическом кресле[1].

Легионеров крайне задевало откровенное неравноправие их с немцами: на железнодорожных вагонах на территории Польши стояла надпись: «Поляки, евреи, легионеры — в последний вагон!», они изгонялись порой из бомбоубежищ во время воздушных налетов, им не разрешалось посещать немецкие солдатские дома, немецкие солдаты не обязаны были отдавать честь офицерам и унтер-офицерам из восточных народов, а должны были только «приветствовать» их[2]. В источниках даже есть сведения о том, что любой приказ идель-уральского офицера легиона мог быть оспорен немецким солдатом, а любой доброволец по заявлению представителя немецкого персонала без проведения следствия мог быть отправлен в штрафной лагерь (в том же источнике, правда, отмечено, что с осени 1943 г. во взаимоотношениях немцев с восточными добровольцами был наведен определенный порядок)[3]. Обращение немцев с восточными рабочими, с которыми легионеры поддерживали контакты, также

[1] BA-MA, RH 58/62, Bl. 51—52.

[2] *Neulen, Hans Werner.* An deutscher Seite. S. 329—330; *Reitlinger, Gerald.* Ein Haus auf Sand gebaut Hitlers Gewaltpolitik in Rußland. 1941—1944 Hamburg, 1962. S. 361; BA-MA, RH 58/62, Bl. 61.

[3] Wolgatatarische Legion. S. 2.

оказывало свое влияние на настроение последних: восточные рабочие должны были носить специальные значки, им было вообще запрещено пользоваться железными дорогами и трамваем, гостиницами и почтой, посещать кино и пр.[1]

Очень ясно проблема взаимоотношений легионеров с немецкими сослуживцами раскрыта в памятной записке упоминавшегося уже майора Майер-Мадера, человека в этих вопросах куда более сведущего, чем генерал фон Хайгендорф. «Немцы воспринимали мусульман не как таковых, а как большевиков, как бывших военнопленных. Исходя из этого строились их взаимоотношения. (...) В ротах было около 150 мусульман и 8—15 немцев, которые из-за противоречий и незнания языка составляли два лагеря. До осени 1943 г. пропасть между лагерями стала такой глубокой, что недовольство тюрков начало проявляться активно, и они стали совсем беспомощны перед лицом вражеской пропаганды. (...) Проявления недовольства наказывались строго, а причины его практически не изучались», — очень точно констатировал Майер-Мадер одну из острейших проблем Восточных легионов[2].

Проявления протеста в легионах и реакция немецкой стороны

Недовольство легионеров существующим положением дел проявлялось по-разному: как в элементарном виде — в нежелании их далее воевать на немецкой стороне, так и на более серьезном уровне — многие легионеры при возможности перебегали к партизанам, другие же готовились к масштабным вооруженным выступлениям. Отмечу, что проявления протеста и «нарушения дисциплины» легионерами не всегда носили политический характер или являлись следствием действий подпольных групп (как бы ни хотелось некоторым исследователям ограничиться исключительно подобным толкованием, хотя таких случаев было немало), — иногда они приобретали даже характер

[1] IfZ(München), Zs 85-Köstring, Bl. 40.

[2] BA-Potsdam, NS 31/43, Bl. 29. Полный текст докладной записки А. Майер-Мадера на немецком языке опубликован в книге: *Садыкова Б.* История Туркестанского легиона в документах. Алматы, 2002. С. 175—178.

обычных уголовных преступлений. «Проступки» легионеров были вызваны различными причинами, поэтому, очевидно, правильнее поразному характеризовать каждый случай отдельно. При этом такие проявления имели место почти с самого создания легионов: 15 мая 1943 г. генерал фон Хайгендорф отмечал в особом приказе наиболее серьезные «нарушения дисциплины»[1]: армянский легионер изнасиловал 16-летнюю польскую девушку и военным судом был приговорен к семи годам тюрьмы; азербайджанский легионер публично критиковал Гитлера — был приговорен к смертной казни; в одном из легионов имела место массовая пьянка; в Северокавказском легионе было отмечено проявление кровной мести; из Грузинского легиона сбежало несколько легионеров; почти во всех легионах имелись случаи совершения разбоев и мародерства. Но самый серьезный «проступок» в декабре 1942 г. был зафиксирован в Волго-татарском легионе. Тогда здесь была раскрыта «подрывная коммунистическая группа». К ней принадлежали один командир роты, один заместитель командира роты и один командир взвода, которые «пытались распространять среди легионеров коммунистические идеи, чтобы поднять их в подходящий момент против германского вермахта». В документе отмечалось, что «в кругу товарищей они делали критические замечания о вооружении германских солдат, ругали обеспечение в армии, распространяли листовки с мыслями о том, что немецкая военная сила заметно ослабла, при этом преувеличивая якобы имевшие место советские успехи». Командир роты обвинялся и в том, что он заставлял командиров взводов избивать легионеров, чтобы они лучше познакомились с «немецкой палочной дисциплиной». «Таким образом, — делался вывод, — они должны были подстрекаться и возвращаться к пролетарским идеалам коммунизма». Одного из переводчиков как будто специально заставляли переводить неправильно высказывания легионеров, которые лояльно относились к Германии: «Их высказывания сознательно переводились неправильно, чтобы вызвать к ним недоверие со стороны немецких представителей, чтобы они предстали предателями в их глазах». 27 марта 1943 г. состоялся военный суд, который решил судьбу арестованных. Имена осужденных участников этого первого в Волго-татарском легионе заговора, к сожалению, неизвестны. Командир роты, его заместитель и

[1] BA-MA, RH 58/62, Bl. 46—47.

командир взвода «за подрыв обороноспособности» были приговорены к шести годам каторжной тюрьмы каждый. Относительно приговора фон Хайгендорф подытожил: «Приговор по третьему случаю представляется мне слишком мягким, поэтому легионеров о нем извещать не следует. Устрашающего воздействия на соответствующий походный батальон, который перед объявлением приговора был отправлен на фронт, не получилось. Батальон оказался не готовым к решению боевой задачи»[1]. Речь здесь идет о первом из сформированных татарских батальонов — 825-м, о котором будет рассказано ниже.

Таким образом, мы видим, что противоречия, переходившие в настоящее противостояние, не только на бытовом уровне, но и на идейном, имели место в Волго-татарском легионе уже осенью 1942 г. Трудно сказать, была ли связана эта первая группа с более известной группой Мусы Джалиля или нет, данных об этом не имеется[2]. Однако знаменательно, что уже до раскрытия и ареста Джалиля и его соратников в легионе существовала довольно активная подпольная организация, которая вела пропаганду против Германии. Деятельность группы Мусы Джалиля в историографии, а еще более в публицистике, представлена очень подробно, поэтому в данном случае не будем останавливаться на этом сюжете, тем более что каких-либо принципиально новых документов об этом в немецких архивах мне обнаружить не удалось.

«Нарушения дисциплины» в Восточных легионах понятным образом очень беспокоили германское командование. Но выход ему виделся не в кардинальных изменениях внутренней атмосферы, политических установок или в чем-то подобном, а лишь в обыкновенном усилении штрафных санкций против «нарушителей».

Система штрафных лагерей и наказания проштрафившихся легионеров начала складываться уже с лета 1942 г., хотя уже в цитировавшемся выше приказе от 24 апреля 1942 г. речь шла о «совершивших серьезные проступки» или «политически неблагонадежных» лицах, выявленных в период формирования легионов. Таких людей предпо-

[1] BA-MA, RH 58/62, Bl. 47.

[2] Такое предположение было сделано журналистом из ГДР Леоном Небенцалем в письме Р.А. Мустафину от 28 июня 1988 г. (см.: *Мустафин Р.А.* «Идель-Урал»: взгляд из Германии. Документы и комментарии // Гасырлар авазы — Эхо веков. Май 1995. С. 135—136).

лагалось отправлять обратно в лагеря для военнопленных. О специальных же штрафных лагерях речь зашла впервые в приказе командующего округом в «генерал-губернаторстве» от 1 августа 1942 г. — тогда при шталаге-333 в Острове-Мазовецком было создано «особое отделение», куда должны были отправляться все «штрафники» из тюркских народов[1]. Этот лагерь был разделен на две части: одна для сбора будущих легионеров, другая — для «нарушителей дисциплины». По статусу «штрафники» приравнивались к советским военнопленным (т.е. становились фактически бесправными), их предписывалось использовать на трудовых работах. По-видимому, нарушений не только дисциплинарных становилось все больше и больше, поэтому в документах от декабря 1942 г. уже упоминается и специальный лагерь для «политически неблагонадежных» — шталаг-307 в Демблине (он еще именовался «У-лагерь Демблин»). В него направлялись «бывшие тюркские офицеры и солдаты, которые не совершали штрафных проступков, но вследствие своей политической неблагонадежности не могут быть зачислены в легион». При этом решение о направлении в тот или иной лагерь принималось ответственным за работу с военнопленными в Люблине, куда вначале прибывали «нарушители». На сопроводительных документах заключенных в лагерь Демблин обязательно ставился штамп «Политически неблагонадежен». И в том и в другом лагере офицеры и солдаты содержались отдельно[2]. «Штрафников» во всех легионах было явно немало: выше цитировался документ с цифровыми данными по лагерям на территории Польши от 14 января 1943 г. — тогда в штрафном лагере Остров-Мазовецкий находилось 10 тысяч легионеров.

Указанные два лагеря являлись основными штрафными центрами для восточных добровольцев. Такой статус они сохранили по крайней мере до конца лета 1943 г. (они упоминаются, например, в приказах генералов Хелльмиха и Хайгендорфа от 18 и 25 марта, 20 апреля, 22 июня[3]). 28 июня 1943 г. ответственный за работу с военнопленными в «генерал-губернаторстве» Виттас дал подробные указания по «особым»

[1] BA-MA, RH 53—23/38, Bl. 2.

[2] Ibid., RH 53—23/51, Bl.37; RH 53—23/52, Bl. 166.

[3] Ibid., RH 19 III/492, Bl. 41,43; RH 53—23/51, Bl. 88; RH 53—23/52, Bl. 168.

лагерям Остров и Демблин. Согласно указаниям, все бывшие легионеры, отправленные в эти лагеря, считались исключенными из вермахта. Кто до легиона был военнопленным, тот вновь получал статус военнопленного, остальные же в лагере Остров именовались «заключенными», в Демблине — «интернированными». Снабжались, однако, все по нормам военнопленных. Каждый из лагерей делился на два отдела — «проверочный» и «постоянный». Все прибывшие поступали в «проверочный отдел», и те, кто признавался » неспособным измениться к лучшему» переводились в отдел «постоянный» или же в какой-либо иной лагерь для военнопленных красноармейцев. В «постоянных отделах» заключенные находились под строжайшим контролем и применялись на самых тяжелых работах. В редких случаях, если провинность «штрафника» считалась не такой «серьезной», дело его могло быть пересмотрено. Из документа не совсем ясно, что ждало его при благоприятном исходе пересмотра. А самым обычным итогом для заключенных в этих «особых» лагерях являлся перевод в иной лагерь для военнопленных. Офицеров, например, отправляли, как правило, в лагерь Ченстохово[1].

В сентябре 1943 г. в системе лагерей Восточных легионов в целом были произведены некоторые перемены. Это коснулось и штрафных лагерей: лагерь Остров был расформирован, а заключенные в нем распределялись по лагерям Седльце-А, Демблин, Демблин-Цитадель[2]. Лагерь Седльце (шталаг-366) с 6 октября 1943 г. стал именоваться «лагерем для исключенных» (там же находился и предварительный лагерь всех легионов). Несколько туманный термин «исключенный» заменил ранее употреблявшийся «политически неблагонадежный»[3].

Одной из самых распространенных форм протеста и фактически одним из главных показателей «ненадежности» становилось бегство легионеров из своих соединений, т.е., по немецким понятиям, — «дезертирство», и, как правило, переход их на сторону партизан, отрядов Сопротивления в той или иной стране. Такие случаи происходили часто и повсеместно: уходили легионеры и по отдельности, и целыми

---

[1] BA-MA, RH 53—23/52, Bl.178, 182—186.

[2] Ibid., Bl. 187. Более подробно о системе лагерей для военнопленных в Польше и Германии, а также о шталаге-307 Демблин см.: *Датнер, Ш.* Указ. соч. С.41—51, 361—364.

[3] BA-MA, RH 58/62, Bl.32; RH 53—23/43, Bl. 163.

группами. Общие показатели «дезертирства» в 1943 г. колебались от 8 до 10 % от численности состава, до 1945 г. цифра эта уменьшилась на 2—3 %[1]. По мнению Х.-В. Нойлена, уменьшение относительного числа «дезертиров» в последние годы войны было не в последнюю очередь связано с некоторым улучшением статуса легионеров, так как теперь они именовались «восточными добровольцами», были приравнены к немецким солдатам в униформе, в правилах награждения и солдатского жалованья[2].

Не совсем верным было бы представление, что кроме штрафных санкций германское командование не предпринимало никаких иных мер, чтобы изменить в положительную сторону внутреннюю ситуацию в Восточных легионах. Оно использовало не только «кнут», но и «пряник». Попытки к тому, конечно, делались. Сюда можно отнести и цикл «памяток» генерала фон Хайгендорфа, направленных прежде всего на улучшение общей атмосферы и взаимопонимания в легионах, и проведенную реорганизацию командования Восточных легионов, и установленную систему поощрений и наград для восточных добровольцев. Еще 14 июля 1942 г. была учреждена специальная медаль для восточных добровольцев двух степеней — «знак за храбрость и заслуги»[3], в последний период войны восточных легионеров усилиями генерала добровольческих соединений Кёстринга начали награждать даже Железными крестами[4]. Такие награды, как правило, вручались публично, в торжественной обстановке: например, сообщения об этом регулярно публиковались в газете Волго-татарского легиона «Идель-Урал». В на-

---

[1] *Baumeister, Rudolf.* Erfahrungen mit Ostfreiwilligen im II.Weltkrieg, in: Wehrkunde, 1955. S. 155; *von zur Mühlen, P.* S. 65. Однако Отто Бройтигам эту цифру уменьшает очень сильно — до 2,5 % (*Bräutigam, Otto.* Überblick über die besetzten Ostgebiete während des Zweiten Weltkrieges. Tübingen, 1954. S. 86). Г. фон Менде называл этот показатель незначительным (*von Mende, G.* Erfahrungen... S. 32).

[2] *Neulen, H.W.* An deutscher Seite. S. 330.

[3] *Absolon, Rudolf.* Wehrgesetz und Wehrdienst. 1935—1945. Das Personalwesen in der Wehrmacht. Boppard/Rhein, 1960. S. 222. См. также: *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941—1945. М., 2004. С. 185. Правда, С.И. Дробязко датирует указанный приказ не 14 июля, а 14 июня.

[4] *von Herwarth, Hans.* Zwischen Hitler und Stalin. S. 307.

Награждение отличившихся в боях легионеров

чале августа 1943 г. командир легиона майор фон Зеккендорф вручил медали шести легионерам за участие в борьбе против партизан, а 10 сентября на праздновании годовщины легиона различные награды были вручены уже 60 легионерам (газета без особых подробностей перечисляет некоторых награжденных: Галлямов, Сабитов, Хусаинов, Батыршин, Алкин, Зайнетдинов, Шамиев, Исмагилов, Галимов, Лутфуллин и др.)[1]. 30 марта 1944 г. для обобщения положительного опыта генерал Кёстринг приказал улучшить информированность легионеров обо всех «достижениях»[2]. Для этого предусматривалось: давать более подробную информацию в его ведомство о каждом «достижении» соединения или отдельных добровольцев, минимум раз в месяц отправлять в Берлин краткие сообщения с обобщением положительного опыта, подчеркивая и указывая при этом совместные боевые действия, проявления храбрости, награды, примеры проведения досуга, спортивные достижения, успехи в изучении немецкого языка, примерное поведение вне службы, спасение раненых и т.п.

Однако и штрафные санкции, и создание особых лагерей, и награждение «отличившихся» легионеров, и прочие организационные мероприятия изменить ситуацию с Восточными легионами коренным образом не смогли. Большинство батальонов так и не стало по-настоящему боеспособными соединениями. Это показывают случаи конкретного подключения их к военным операциям.

---

[1] Idel-Ural: Idel-Ural legionьnьn atnalьq gazetasь, N 37(43), 12.09.1943; N 38(44), 19.09.1943.

[2] BA-MA, RH 11V/v.2, без указания листа.

Восточные легионы в военных операциях на Востоке

Было бы все же заблуждением и крайностью считать, что создание Восточных легионов привело к абсолютному краху. Вероятно, правильнее говорить, что во многом и в силу разных причин эта идея оказалась невыполнимой и не выполненной. Но необходимо также учитывать, что определенная и немалая часть восточных легионеров перешла на немецкую сторону и пошла в легионы вполне осознанно. Среди них были и подлинные противники советской власти. Поэтому, видимо, следует сказать и о тех примерах, когда некоторые из таких соединений оправдали в глазах немецкой стороны свое предназначение[1].

В ноябре 1941 г., т.е. еще до создания Восточных легионов, принимал участие в боевых действиях упоминавшийся выше 444-й тюркский батальон (в районе Перекопа и устья Днепра). Летом 1942 г. на фронт было отправлено соединение «Бергман» («Горец»), батальоны которого позднее, осенью 1943 г., отмечались германским командованием как «особо отличившиеся» в боях на Крымском полуострове[2].

Ответственный германский чиновник Ханс фон Херварт, который очень много ездил с инспекционными целями по частям, отмечал, что в каждом немецком соединении на Восточном фронте от 10 до 15 % составляли восточные добровольцы[3].

По данным Олафа Каро, три туркестанских батальона принимали участие в боях на сталинградском направлении, при этом большинство легионеров погибло; а шесть батальонов уже в самом конце войны были задействованы в обороне Берлина[4].

---

[1] Наиболее подробно эта сторона истории Восточных легионов рассмотрена в исследованиях Иоахима Хоффманна (*Hoffmann, J.* Die Ostlegionen 1941—1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. Freiburg 1976; *Hoffmann, J.* Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion. Freiburg 1991). Здесь же приводятся в качестве иллюстрации лишь некоторые примеры участия восточных добровольцев в военных действиях на германской стороне. Конкретнее о судьбе волго-татарских соединений будет сказано ниже.

[2] *Beher, H.* Erinnerungen an den Sonderverband, drei Bataillone und an die Kameradschaft Bergmann. Krailling, 1983. S. 80.

[3] *von Herwarth, H.* Zwischen Hitler und Stalin. S. 312.

[4] *Caroe, O.* Soviet Empire, p. 251.

По меньшей мере шесть туркестанских, три северокавказских, пять азербайджанских, четыре грузинских и два армянских батальона участвовали в наступлении германской армии на Кавказ в 1942—1943 гг.[1]

836-й северокавказский батальон участвовал в боях под Харьковом, а азербайджанские батальоны привлекались к подавлению Варшавского восстания в сентябре—октябре 1944 г.[2]

С сентября 1942 по январь 1943 г. в зоне действий групп армий «А» и «Б», в составе различных военных подразделений вермахта было задействовано 25 полевых батальонов Восточных легионов. В направлении Туапсе наступали 452, 782-й туркестанские, 796-й грузинский, 800-й северокавказский и 808-й армянский батальоны. В районе Нальчика и Моздока действовали 805, 806-й азербайджанские, 795-й грузинский и 809-й армянский батальоны[3].

Начальник штаба группы армий «А» генерал-лейтенант Грайфенберг довольно высоко оценивал боевой потенциал некоторых восточных батальонов. Он, например, отмечал, что 804-й и 805-й азербайджанские и 809-й армянский батальоны «действовали в крупных лесных районах часто полностью самостоятельно, успешно боролись с бандами и отрядами противника и внесли большой вклад в дело обеспечения умиротворения этих районов»[4]. В приказе командования 16-й моторизованной дивизии от 7 января 1943 г. отмечались заслуги 450, 782 и 811-го туркестанских батальонов, завоевавших «почетное право носить немецкую форму»[5].

---

[1] *Hoffmann, J.* Kaukasien 1942/43, S. 156—183, 184—211, 212—253, 254—309, 310—345.

[2] *von Heygendorff, Ralph.* Freiwillige aus den Völkern Osteuropas, in: Zeitschrift für Geopolitik, (XXIV)1953. S. 213.

[3] *Романько О.В.* Указ. соч. — С. 203.

[4] *Дробязко С.И.* Восточные легионы и казачьи части в вермахте. С. 10. В новой монографии С.И. Дробязко в отдельной главе довольно подробно рассмотрены примеры использования формирований восточных добровольцев в боевых операциях на Восточном фронте. См.: *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германского вермахта. 1941—1945. — М., 2004. — С. 197—219).

[5] Там же.

Но далеко не все из задействованных на фронте восточных батальонов оправдали надежды германского командования. Поэтому в течение 1943 г. их чаще стали применять в тыловых областях — для борьбы против партизан, для охраны железных дорог и населенных пунктов, для несения таможенной службы и т.п. Такое их применение оказалось гораздо более масштабным; к подобным мероприятиям были привлечены и батальоны Волго-татарского легиона.

Одно из первых упоминаний об этом относится к 24 апреля 1943 г., когда командующий военным округом в «генерал-губернаторстве» приказал выделить до 500 тюркских легионеров для несения таможенной пограничной службы. Из них 300 человек направлялось на восточную границу «генерал-губернаторства» а 200 — на границу Украины с Венгрией[1]. Весной—летом 1943 г. на Украину прибыло также несколько азербайджанских, волго-татарских, грузинских и туркестанских батальонов, которые предполагалось использовать и для борьбы против партизанского движения. И к середине августа 1943 г. общее число восточных легионеров в районе Львова уже составляло 31 тысячу[2]. Падение дисциплины, откровенное нежелание воевать, учащающиеся факты перехода легионеров на сторону партизан, усиливающееся влияние «вражеской пропаганды» заставляли немецкое командование убирать наиболее «ненадежные» части, присылая на их место новые. Вновь прибывшие, однако, демонстрировали те же качества. Поэтому с Украины Восточные легионы постепенно начинают убираться вообще. Численность их в этом районе колебалась, но неуклонно сокращалась: на 17 сентября 1943 г. легионеров в районе Львова насчитывалось, по военным сводкам, 17 202 человека, на 18 октября — 26 267; на 20 ноября — 13 514; на 17 декабря — 10 325; на 18 января 1944 г. — 12 796; на 20 февраля — 10 876[3]. Летом 1944 г. заметных по численности соединений восточных легионеров на Западной Украине не осталось — они либо были передислоцированы на Запад, либо расформированы, либо им были приданы другие, небоевые функции.

Но уже намного раньше, в конце 1943 г., существовавшая было поначалу эйфория у некоторой части германских политиков и военных

[1] BA-MA, RH 53—23/41, Bl. 235.

[2] Ibid., RH 53—23/42, Bl. 284.

[3] Ibid., RH 53—23/43, Bl. 75, 195,197,265; RH 53—23/44, Bl. 43, 164.

по поводу создания легионов сменилась недоумением, а затем и вовсе разочарованием. Во всей остроте вставал вопрос: что же делать с этими соединениями дальше, поскольку возлагавшихся на них функций они в целом не выполнили? Успешное наступление Красной армии оказывало серьезное влияние на «боеспособность» Восточных легионов и приводило германское руководство к идее отдаления восточных легионеров от этой военной и идеологической «опасности». В итоге было принято поистине «соломоново» решение: раз уж легионы на Востоке сделать по-настоящему ничего не смогли, попадали под влияние советской пропаганды,» коммунистических агентов», местного населения, то следует перевести их подальше, а именно на западный театр боевых действий, на защиту так называемого Атлантического вала. Как будто авторы этой идеи не понимали: если уж на Востоке идея «борьбы с большевизмом», за «освобождение родины» оказалась для многих легионеров призрачной целью, то на Западе почва из-под их ног и вовсе уходила. За что они должны были проливать кровь на Западном фронте?

Восточные легионы во Франции

События этого последнего периода войны и последнего этапа в истории Восточных легионов в источниках отражены еще более отрывочно и неполно, чем предыдущие. Тем не менее в общих чертах они выглядят примерно так.

29 сентября 1943 г. Гитлер отдал распоряжение о переводе всех восточных добровольцев с Востока на Запад[1], и это нашло отражение в приказе германского Генштаба от 2 октября 1943 г. (№ 10570/43) о переводе Восточных легионов с территории Польши во Францию в распоряжение командующего группой армий «Запад» в городе Нанси[2]. Передислокацию полагалось осуществлять в следующем порядке:

1. Грузинский легион; 2. Северокавказский легион; 3. Командование Восточных легионов; 4. Офицерская школа в Легионово; 5. Волго-татарский легион и школа переводчиков; 6. Армянский легион; 7. Туркестанский легион; 8. Азербайджанский легион. Речь шла,

[1] *Neulen H.W.* An deutscher Seite. S. 331.

[2] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 3, Bl. 91.

Строй легионеров

таким образом, не об абсолютно всех восточных батальонах, часть из них оставалась на месте несения службы. Переводились во Францию все структуры командования Восточных легионов, так называемые основные лагеря, и часть батальонов.

Для осуществления этого масштабного мероприятия был создан специальный ликвидационный штаб под командованием полковника Мёллера, который в Едлино создал временный предварительный лагерь, где и решались все вопросы передислокации. Вначале все отбывающие соединения и структуры прибывали именно сюда. Ликвидационный штаб проверял «надежность и годность» соединения и принимал решение: отправлять его далее во Францию или расформировать. В последнем случае бывшие легионеры приписывались к отдельным строительным или саперным соединениям[1]. Впоследствии, в феврале 1944 г., ликвидационый штаб, выполнивший свои функции, был переименован в «командование восточных отрядов в генерал-

[1] BA-MA, RH 53—23/51, Bl.100.

Один из батальонов легиона во Франции. Впереди — оркестр

губернаторстве», поскольку, как уже было сказано, часть батальонов еще оставалась в Польше и на Украине[1].

Порядок, предусмотренный приказом, в целом соблюдался: например, основной лагерь и командование Волго-татарского легиона покинули Едлино 19 октября 1943 г., а командование и штаб Восточных легионов отправились в путь 24 октября[2]. Транспортировка осуществлялась специальными военными эшелонами и очень поспешно: полевая комендатура-225 сообщала 21 октября, что «транспортировка Восточных легионов создает большие сложности, огромное количество легионеров скопилось в Варшаве»[3]. И все же в первой половине ноября 1943 г. передислокация была в основном завершена: на 1 марта 1944 г. в распоряжении командующего группой армий «Запад» находилось, по официальным данным, 61 439 иностранцев и восточных добровольцев[4].

---

[1] BA-MA, RH 53—23/51, Bl.114.

[2] Ibid., RH 53—23/43, Bl.36.

[3] Ibid., Bl.54.

[4] *Neulen H.W.* An deutscher Seite. S. 331.

Командование Восточных легионов во Франции в октябре 1943 г. находилось в г. Нанси (Восточная Франция), но уже в конце ноября было переведено далее на юг в г. Мийо: на 21 ноября в Мийо кроме штаба находились все шесть легионов (т.е. их командование и основные лагеря), офицерская школа и школа переводчиков — общая численность легионеров составляла 10 500 человек (сюда явно не включена численность отдельных батальонов, которые находились в отдельных районах Франции, Голландии и Бельгии)[1]. Скорее всего, в связи с неблагоприятным для немцев развитием военной ситуации 15 марта 1944 г. командование восточными соединениями из Мийо вновь вернулось в Нанси (речь идет именно о бывшем командовании Восточных легионов, а не о командовании всеми соединениями добровольцев)[2].

В начале 1944 г. во Франции произошла серьезная реструктуризация соединений из восточных народов, которая, вероятнее всего, имела целью усилить контроль за ними и добиться их максимальной боеготовности[3]. Здесь в феврале 1944 г. была сформирована новая структура, названная Основной добровольческой дивизией (Freiwilligen Stamm Division) с центром в Лионе и под командованием сначала полковника Хольсте (генерал фон Хайгендорф,как уже упоминалось, был отозван в распоряжение ОКХ в Берлин). В конце марта 1944 г. Хольсте заменил генерал-майор фон Хеннинг. Названная дивизия делилась на ряд полков по национальному признаку, включая соединения из русских, украинцев и казаков. Волго-татарский легион, командование которого расположилось в городе Ле Пюи, относился ко 2-му полку, и соединение продолжало именоваться и Волго-татарским легионом в составе 2-го полка. К этому же полку относились Азербайджанский и Армянский легионы. Численность легионов, по констатации генерала фон Хайгендорфа, к тому времени уже не возрастала, она даже начала неуклонно сокращаться[4].

Возможно, что параллельно и на территории Германии создавались командные инстанции некоторых легионов. Так, автор рукописи

---

[1] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 3, Bl. 98.

[2] Ibid., Bl. 101.

[3] См. об этом также: *Романько О.В.* Указ.соч. С. 204—206.

[4] Ibid., AB 1494; Bl. 8; IfZ (München), Zs 407/I — Heygendorff, Bl. 51.

Легионеры в минуты отдыха

«Волго-татарский легион» сообщал, что он «с ноября 1943 по июль 1944 г. находился во Франции (хронологические рамки не совсем понятны. — *И.Г.*), и включительно до января 1945 г. — в Нойхаммере»[1].

Дислоцированные в разных странах и районах Западной Европы восточные батальоны предназначались не только для обороны Атлантического вала, но и так же, как и на Востоке, для борьбы против партизан. Так, например, в немецкой акции против французских маки в департаменте Шанталь в начале июня 1944 г. принимали участие три роты из Волго-татарского легиона, в начале августа подразделения Волго-татарского легиона участвовали в таких же акциях в районах

[1] Wolgatatarische Legion. S. 1. В Нойхаммере располагался учебный полигон, на котором собирались остатки разбитых на Западном фронте восточных батальонов. На их основе здесь, например, зимой 1944/45 г. было сформировано 12-е Кавказское истребительно-противотанковое соединение, а также некоторые другие подразделения, в том числе и строительные (*Дробязко С.И.* Восточные легионы и казачьи части в вермахте. С. 12; *Романько О.В.* Указ. соч. С. 207).

населенных пунктов Иссуар и Рошфор (в районе города Клермон-Ферран)[1].

Восточные легионы во Франции в целом продемонстрировали те же самые качества, что и раньше на Украине: некоторые из них немецким командованием были отмечены как «прекрасные, боеспособные соединения» (грузинский батальон 795 при обороне Шербура от войск союзников), другие же воевать больше не желали, переходили на сторону партизан (например, грузинский батальон 797 оказался абсолютно недееспособным и фактически распался; из северокавказского батальона 800 только за один день боев под Брестом убежали 203 человека). По сведениям Х.-В. Нойлена, только во Франции войсками союзников было пленено около 30 000 восточных добровольцев[2]. Крупнейшим событием стало восстание грузинского 822-го батальона против немцев на голландском острове Тексель в ночь с 5 на 6 апреля 1945 г., когда грузинские легионеры попытались с оружием в руках перейти на сторону союзников. Восстание стоило жизни 565 грузинам, 117 голландцам и около 800 немцам. Немецким войскам понадобилась неделя для подавления восстания и возвращения острова под свой контроль[3].

Стабильную «ненадежность» демонстрировали подразделения Волго-татарского легиона. 13 июля 1944 г. полевая комендатура 588 в Клермон-Ферране явно с горечью констатировала в своей сводке: «Разведывательная группа татарского легиона не смогла добиться ничего большего, чем поймать нескольких ранее сбежавших армянских легионеров»[4]. В ночь с 29 на 30 июля 1944 г. один русский офицер и 78 легионеров Волго-татарского легиона, по сообщению той же комендатуры, перебежали к партизанам, а оставшиеся были тут же возвращены в казармы[5]. Таких примеров, когда восточные легионеры

---

[1] BA-MA, RH 36/509, Bl.8.

[2] *Neulen H.W.* An deutscher Seite. S. 331.

[3] Ibid. S. 332.

[4] BA-MA(Freiburg), RH 36/509, Bl. 46.

[5] Ibid., Bl. 61. По сведениям М. Черепанова, например, только в департаменте Верхняя Луара на сторону французских партизан — маки перешло до полутора тысяч бывших легионеров (не только из Волго-татарского легиона). Здесь из них был даже сформирован 352-й батальон макизаров, несший службу

Учения легионеров во Франции

перебегали к партизанам в последний период войны, известно множество. Некоторые из них еще будут упомянуты при более подробном рассказе о волго-татарских батальонах, многие такие случаи стали уже широко известны по публикациям в нашей печати[1].

Большинство батальонов восточных добровольцев на Западном фронте было разделено и распределено по разным районам и придано более крупным немецким соединениям. Эта оторванность друг от друга, бесспорно, еще заметнее усиливала чувство растерянности, подавленности среди большинства легионеров. Так что в целом использование

в Ле-Пюи до августа 1945 г. (*Черепанов М.В.* Две жизни капитана Утяшева // Татарстан. 1993. № 10. С. 60).

[1] Назову лишь некоторые из таких публикаций: *Бронштейн Б.* Пенсионер французского значения // Известия. 23 декабря 1995 г.; *Кашапов Р.* Из плена — с военным крестом де Голля // Республика Татарстан. 13 августа 1994 г.; *Он же.* Герой сопротивления из Татарстана // Казанские ведомости. 16 апреля 1992 г.; *Он же.* Якташларыбыз — макилар // Әллүки. — 16 сентябрь 1994 сл; *Мустафин Р.* Письмо из Франции. Казанские ведомости. 15 февраля 1992 г.; *Черепанов М.В.* Две жизни капитана Утяшева // Татарстан. 1993. № 10. С. 50—61; *Он же.* Преданные Родиной // Посев. 1995. № 5. С. 86—93. Хотя подобные публикации часто содержат немалое количество неточностей касательно общей истории Восточных легионов, тем не менее они сообщают важные данные о военной и послевоенной судьбе многих бывших легионеров Волго-татарского легиона.

Восточных легионов и в Западной Европе желаемых для немцев результатов не принесло. Многие из легионеров очень боялись оказаться в плену наступающих советских войск, предпочитая в конце концов оказаться в плену у союзников. Но и у последних судьба оказалась незавидной: по соглашениям между СССР и союзными державами, все советские граждане, оказавшиеся в руках английских и американских войск, впоследствии были переданы советской стороне. Они возвращались на родную землю, где в большинстве случаев их ожидало суровое наказание[1].

Волго-татарский легион — легион «Идель-Урал»

Как было показано выше, определенный интерес к поволжским татарам в Германии намечался еще в довоенные годы. После начала войны против СССР татарских военнопленных начали отделять в специальные лагеря почти одновременно с военнопленными из других тюркских народов. Тем не менее Волго-татарский легион (или легион «Идель-Урал») был создан позже всех остальных[2].

Фактически представителей народов Поволжья отделяли в специальные сборные лагеря уже осенью—зимой 1941/42 г. Впервые же в имеющихся в нашем распоряжении документах о создании Волго-татарского легиона речь идет 1 июля 1942 г. — в этот день были разосланы в разные инстанции сведения о формирующихся легионах, среди которых упоминался и Волго-татарский[3]. 1 августа 1942 г. из штаб-квартиры Гитлера был дан приказ, подписанный начальником штаба Кейтелем, о создании в дополнение к существующим легиона, состоящего из

[1] Судьба большинства бывших легионеров и вообще всех советских граждан, находившихся на стороне Германии и оказавшихся в союзническом плену, по-настоящему трагична. Об этом см. подробнее: *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты. М., 1996. По мнению автора, в 1944—1947 гг. союзники выдали СССР два с лишним миллиона советских граждан (среди них заключенные в лагерях, военнопленные, остатки различных «добровольческих соединений», восточные рабочие и т.п.). Нетрудно представить, что ожидало большинство этих людей на родине.

[2] Как объясняет С. Цвиклински, ссылаясь на Гарифа Султана, подобная задержка с созданием легиона была связана с нехваткой подходящих кадров (*Cwiklinski, S.* Wolgatataren in Deutschland. S. 42).

[3] BA-MA , RH 19 III/492, Bl. 232.

Легионер на посту

поволжских(казанских) татар, башкир, говорящих по-татарски чувашей, марийцев, удмуртов и мордвы[1]. Приказом предписывалось отделить представителей названных народов в специальные лагеря, активизировать работу с вербовкой военнопленных. Отмечалось, что статус Волго-татарского легиона точно такой же, как и у прежде созданных подобных соединений, что применение легиона предусмотрено в областях военных действий, но особенно в районах действия партизан.

Приказ Кейтеля явился как бы указанием сверху, а практический приказ ОКХ был подписан 15 августа 1942 г. (с него было изготовлено 110 копий, разосланных по всем инстанциям). В нем уже содержались более конкретные указания:

«1. Создать легион из татар, башкир и говорящих по-татарски народов Поволжья;

2. Татар, приписанных к Туркестанскому легиону, перевести в Волго-татарский легион;

3. Военнопленных татар срочно отделять от остальных и направлять в лагерь Седльце (на железнодорожной линии Варшава—Брест). Передать их в распоряжение Военного командующего в генерал-губернаторстве (Militärbefehlshaber im General-Gouvernement);

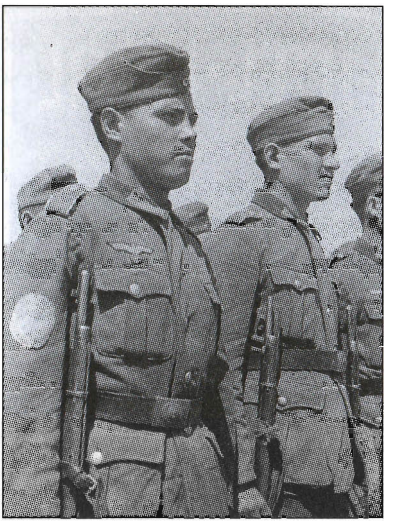
4. Созданный легион использовать прежде всего в борьбе против партизан»[2].

Практическая работа по созданию Волго-татарского легиона началась 21 августа 1942 г.: местом его формирования был избран лагерь в Едлино под Радомом, куда поступали обмундирование и оружие для

[1] BA-Koblenz, NS 19/2523 (номера листов в деле не указаны).

[2] BA-MA, RH 19 III/492, Bl. 172 oder RH 19 V/79, Bl. 8.

легиона. Сюда же прибывал немецкий ответственный персонал. Лагерь Седльце, расположенный близ Едлино, уже раньше стал сборным пунктом для военнопленных из тюркских народов. Он был разделен на две части: Седльце-А и Седльце-Б — именно первая часть была предназначена для сбора татарских военнопленных. Известно, что к концу июля 1942 г., т.е. еще до появления приказа о создании легиона, татар в лагере было уже 2550 человек[1].



Построение волго-уральских легионеров

Знамя Волго-татарскому легиону было вручено 6 сентября 1942 г., поэтому сами легионеры считали именно этот день датой окончательного формирования соединения[2].

8 сентября 1942 г. Волго-татарский легион был передан под командование штаба Восточных легионов и командующего военным округом в «генерал-губернаторстве».

Военнопленные татары концентрировались в основном в лагере Седльце-А, откуда их и направляли для подготовки в легион в Едлино. Впоследствии роль предварительного лагеря играл также лагерь в Демблине (шталаг-307), где, например, на 1 сентября 1943 г. находилось 1800 татарских военнопленных. Кроме татар здесь собирались также азербайджанцы и представители северокавказских народов[3]. А в начале 1944 г., уже после перевода Восточных легионов во Францию, общий предварительный лагерь был в Легионово под Варшавой[4], с

[1] BA-MA, RH 53—23/38, Bl.55, 57.

[2] Idel-Ural, № 36(42), 5.05.1943. Дату 6 сентября 1942 г. называет и автор рукописи «Волго-татарский легион» (Wolgatatarische Legion. S.1)

[3] BA-Potsdam, NS 31/55, Bl. 12.

[4] BA-MA, RH 53—23/44, Bl. 136.

Нарукавная нашивка легиона «Идель-Урал». Первый вариант

марта 1944 г. — вновь и в Седльце-Б (шталаг-366), и в лагере Нехрыбка (шталаг-327)[1].

Первые статистические сведения от командующего военным округом в «генерал-губернаторстве» о Волго-татарском легионе поступили в середине сентября. Сведения эти были следующими: на 8 сентября 1942 г. «изъявили желание» записаться в легион в туркестанском лагере Беньяминов — 135 татар, Бяла Подляска — 27, Заезерце — 152, Седльце — 2315, всего — 2629 человек (из общего числа заявившихся в Восточные легионы 12 130 чел.). Кроме того, из оперативных районов в Польшу было направлено 7370 военнопленных татар. Всего же, по официальным данным, в пути находилось до 100 транспортов с представителями разных народов СССР. На 11 сентября 1942 г. к легиону были приписаны первые немецкие представители: один офицер, двое служащих, 54 унтер-офицера, 18 солдат. С 15 сентября начали функционировать курсы переводчиков для легионеров. Начиная с 1 октября 1942 по 1 января 1943 г. планировалось полностью сформировать два первых татарских батальона (этот план был выполнен с небольшим опозданием)[2].

Командиром Волго-татарского легиона был назначен уже довольно пожилой и опытный военный, майор Оскар фон Зеккендорф. Родился он 12 июня 1875 г. в Москве, хорошо говорил на русском, английском, французском, китайском; похуже владел украинским и испанским языками[3].

---

[1] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.2, Bl. 143.

[2] BA-MA, RH 53—23/38, Bl.192—194.

[3] Отрывочные биографические сведения о фон Зеккендорфе см.: BA-Potsdam, NS 31/45, Bl. 237; NS 31/55, Bl.27. В книге С. Дробязко его фамилия искаженно передана как Зикердорф (*Дробязко С.И.* Под знаменами

Позднее он был произведен в подполковники[1]. Конкретных документов об его деятельности в архивах сохранилось немного. Трудно даже сказать, как долго он оставался в должности командира легиона. Сведения об этом не совсем ясны. 12 мая 1944 г. фон Зеккендорф дал приказ по легиону, поясняя, что его переводят в штаб Восточных легионов и он передает командование легионом ротмистру Келле[2]. В то время фон Зеккендорф был назначен командиром школ восточных соединений — тюркской школы офицеров и переводчиков (находилась вначале в Рорбахе, затем — в Ордруфе, в конце войны — в Нойхаммере); школы офицеров и переводчиков для восточных народов (сначала в Конфлане и Сен-Минеле, затем — в Графенвёре, в конце войны — в Мюнзингене)[3]. Известно также, что 17 ноября 1944 г. представитель Главного управления СС Р. Ольша выступил с поддержкой фон Зеккендорфа, которого, судя по его данным, командование вермахта с 1 января 1945 г. собиралось отправить в отставку со ссылкой на его возраст. Однако в справке не указано, с какой должности хотели убирать подполковника Зеккендорфа. Р. Ольша, ссылаясь на опыт, знания и желания самого Зеккендорфа, рекомендовал не отправлять его в отставку, а перевести в Главное управление СС, в Восточный отдел. 9 декабря 1944 г. в справке штандартенфюрера Шпаармана вновь упоминалась перспектива перевода фон Зеккендорфа в СС: «Для боевой группы "Идель-Урал" (о ней будет говориться ниже. — *И.Г.*), которая состоит из татар и финно-угров, имеется лишь один специалист, знающий Восток, а

врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941—1945. М., 2004. С. 151).

[1] В одной из публикаций документов на русском языке фон Зеккендорф назван обер-лейтенантом, что является ошибкой переводчика: немецкое Oberstleutnant (а не Oberleutnant!) на русский язык переводится как «подполковник» (см.: *Мустафин Р.А.* «Идель-Урал»: взгляд из Германии. С. 138.)

[2] Idel-Ural, N 21 (78), 27.5.1944. Важную роль в жизни легиона играл также адъютант фон Зеккендорфа капитан Ленц (в довоенное время священник). По некоторым данным, после перевода легиона во Францию последним его командиром был капитан Хёли (в довоенное время адвокат) (возможно, это чуть искаженное имя упомянутого ротмистра Келле. Об этом упоминал в своих воспоминаниях руководитель Татарского посредничества Хайнц Унглаубе — *Unglaube, H.* Erinnerungen. S. 36). О татарском посредничестве, Хайнце Унглаубе и его воспоминаниях подробнее будет сказано в следующей главе.

[3] BStU-Zentralarchiv, AB 1494, Bl. 8.

также понимающий язык и менталитет людей. Речь идет в данном случае о подполковнике фон Зеккендорфе, который с 1 января 1945 г. согласно календарю будет уволен из вермахта и который прекрасно подошел бы для организационной работы в боевой группе»[1]. Сведений о дальнейшей судьбе первого командира Волго-татарского легиона найти не удалось[2].

По имеющимся документам можно судить, что Зеккендорф, несмотря на свой возраст, довольно энергично взялся за дело, более всего уделяя внимание вопросам боевой подготовки легионеров. Пожалуй, одной из самых серьезных проблем для него (как и для прочих немецких организаторов Восточных легионов) стала проблема подготовки национальных офицерских кадров, которая, кстати говоря, так и не была решена до конца войны, хотя не раз поднималась. Поэтому представляет интерес подробный аналитический документ, подготовленный фон Зеккендорфом 25 января 1943 г., в котором рассматривается эта проблема[3]. Она фактически являлась общей для всех Восточных легионов, но идеи фон Зеккендорфом реализовывались именно в Волго-татарском легионе.

Вначале командир легиона ставит вопрос: из кого могут быть выбраны будущие офицеры? И сам же отвечает: из бывших офицеров Красной армии, из рядов простых легионеров или из интеллигенции. Для перевоспитания в немецком духе самым трудным «материалом» являлся, по Зеккендорфу, простой легионер: на него легко оказать политическое влияние, но он «приносит с собой так мало интеллигентности и образованности, что его переформирование в офицеры сопровождается неимоверными сложностями: или же он оказывается полностью неспособным, или же он превращается в невежественного кровавого деспота, который наносит гораздо больше вреда, чем приносит пользы». Немногим «лучше» были кандидатуры интеллигента и бывшего советского офицера, так как они «в силу своего возвышенного в СССР положения подавлены в мировоззренческом отношении». Но все же бывший офицер имеет преимущество: он имеет военный опыт, тактические знания, какое-то образование. Поэтому, считал фон Зеккендорф, оставалось «наименьшее зло», с которым и надо было ра-

[1] Личный архив Ровеля Кашапова.

[2] BA-Potsdam, NS 31/55, Bl.27.

[3] BA-MA, RH 58/62, Bl. 41—42.

ботать, — бывшие офицеры Красной армии. Для их «перевоспитания» были сделаны вполне конкретные предложения, которые, очевидно, учитывались в реальной практике Волго-татарского легиона:

«1. Офицеры, от лейтенанта до капитана, приходящие из предварительного лагеря, в легионе с самого начала размещаются отдельно от солдат и даже в служебном отношении не имеют с ними ничего общего.

2. Офицерский взвод подчиняется более опытному и старшему по возрасту офицеру легиона, отвечавшему за воспитание под контролем командира легиона.

3. Подготовка проводится по следующим направлениям: осторожное мировоззренческое воздействие; тактическая перепроверка и дальнейшая переподготовка; тесный личный контакт между офицерами; ежедневное интенсивное обучение на немецком языке; при возможности — знакомство со страной, поездки в Германию». Офицеры, признанные «непригодными», отправлялись обратно в лагеря. После окончания школы унтер-офицеров (т.е. низшего офицерского состава) при легионе офицеры командировались в Легионово, где существовала общая офицерская школа. Фон Зеккендорф обращал особое внимание на психологический момент в подготовке будущих офицеров легиона: на сохранение дистанции между солдатами и офицерами, на развитие их честолюбия и уверенности в себе. Он сетовал, что способных офицеров в Волго-татарском легионе не хватает, поэтому считал необходимым работу эту активизировать.

Мне представляется, что этот документ не только показывает остроту проблемы подготовки офицерских кадров в конкретном легионе, но позволяет примерно представить внутреннюю психологическую атмосферу этого соединения. Фон Зеккендорф — человек старой, прусской выучки — пытался по-своему распространить

Нарукавная нашивка легиона «Идель-Урал». Второй, наиболее распространенный вариант

Нарукавная нашивка легиона «Идель-Урал». Последний вариант нашивки для легиона по приказу от 1 июля 1944 г. Практически не употреблялся легионерами

свой опыт среди поволжских татар, в конкретном деле подготовки пригодных для вермахта военных кадров. Попытки эти явно закончились неудачей, так как даже в конце войны почти все командиры легионов постоянно жаловались на отсутствие «пригодных» офицеров. К чему это приводило? К тому, что на место отсутствующих назначались офицеры немецкие, что означало отступление от первоначальных принципов комплектования Восточных легионов. Немецкие офицеры ни русского, ни тем более других языков народов СССР не знали, психологии своих подчиненных зачастую вообще не понимали. В итоге получался совсем неожиданный для немцев эффект: даже те представители восточных народов, которые действительно добровольно перешли на сторону Германии, начинали от этого испытывать психологический дискомфорт, замечая в факте назначения немецких офицеров проявление недоверия к легионерам. И из этого замкнутого круга германскому военному руководству также не удалось найти выхода.

Но не будем отвлекаться. Проследим далее историю Волго-татарского легиона.

Согласно плану, первый из батальонов Волго-татарского легиона, получивший номер 825, должен был быть создан к 1 декабря 1942 г., но его сформировали даже чуть раньше — 25 ноября. Сроком формирования 826-го батальона было установлено 15 декабря 1942 г., 827-го — 1 января 1943 г. Фактически же это произошло, соответственно, 15 января и 10 февраля 1943 г.[1] Впервые же все три первых номера

[1] Ibid., RH 19 V/110, Bl. 254; RH 53—23/38, Bl.218; RH 53—23/51, Bl. 18; RH 58/42, Stammtafel der Wolgatatarischen Legion.

батальонов в сохранившихся документах упоминаются 3 ноября 1942 г. в качестве создающихся[1].

Татарские батальоны, которые создавались в Польше, в Едлино, под контролем и юрисдикцией командования Восточных легионов в германских вооруженных силах, и о которых подробно рассказывается на основании имеющихся документов, не были единственными. Вероятнее всего, при отдельных армиях или группах армий параллельно или же позднее, например, в течение 1944 г., создавались и другие татарские соединения. Среди них были и боевые, и строительные, и снабженческие подразделения. О них в источниках мы можем найти только отрывочные сведения, которые все-таки дополняют наши представления.

825-й батальон

Это самый известный из всех созданных татарских батальонов. При формировании каждого соединения в вермахте составлялся конкретный документ — Stammtafel (можно перевести как «родословная»). В «родословной» 825-го батальона было записано: «Создан как Волго-татарский 825-й пехотный батальон в следующем составе: штаб, штабная рота, четыре роты. Номер полевой почты 42683A-E. Находится в распоряжении командующего военным округом в генерал-губернаторстве. Войсковое подразделение. Запасное место расположения в Радоме (лагерь Едлино). Для немецкого персонала — гренадерский запасной батальон 304, Плауэн»[2]. Командиром батальона был назначен майор Цек. Точное число татарских легионеров в этом батальоне в сохранившихся документах не указано, но, сравнивая его с другими подобными соединениями, можно считать, что в нем находилось примерно 900 человек.

Известен 825-й батальон прежде всего своим вооруженным выступлением против немцев в конце февраля 1943 г. Факт этот широко известен и в отечественной публицистической литературе[3]. Это произошло следующим образом.

---

[1] Ibid., RH53—23/51, Bl. 28—29.

[2] Ibid., RH 58/42, Stammtafel der Wolgatatarischen Legion.

[3] *Забиров И.* Джалиль и джалильцы. Документальные очерки и этюды. 2-е издание. Казань, 1990. С. 57—59; *Мустафин Р.А.* По следам поэта-героя:

Судя по всему, 14 февраля 1943 г. батальон торжественно был отправлен на фронт: «Перед отъездом батальона на борьбу с партизанами в с. Едлино из Берлина для доклада прибыл профессор, фамилия которого неизвестна. Доклад был сделан на иностранном языке. В своем докладе докладчик призывал легионы к уничтожению большевиков, (говорил) о создании Гитлером "татарского государства", о создании новой прекрасной жизни», — сообщал о проводах источник из среды белорусских партизан[1]. 18 февраля ночью батальон прибыл в Витебск, после чего был направлен в сторону деревни Белыновичи по Суражскому шоссе. Затем основная часть его была расположена в деревне Гралево на левом берегу Западной Двины. 21 февраля представители легионеров связались с партизанами. По данным М. Гараева, это происходило следующим образом. Четверо парламентеров от легионеров отправились для переговоров, причем они заявили партизанам, что они действуют от имени и по заданию подпольной оранизации, созданной в легионе. Партизаны поставили легионерам свои условия. Во-первых, они потребовали, чтобы батальон перед переходом уничтожил не только немецких офицеров, но и немецкий гарнизон в деревнях Сеньково, Гралево и Сувары. Во-вторых, чтобы легионеры начали переход, разделившись на три группы. В-третьих, после перехода легионеры должны были сложить оружие и сдать боеприпасы.

Книга-поиск. М., 1971. С. 124—141. В последние годы найдены некоторые новые архивные материалы об этом батальоне и о переходе легионеров на сторону белорусских партизан. Интересно, что в найденных документах содержатся и неполные списки перешедших к партизанам легионеров, и некоторые данные об их дальнейшей судьбе. См. об этом подробнее: *Ахтамзян А.* Провал операции «Кугельблиц» // Татарстан. 2008. № 2. С. 59—61; *Он же.* Кто они, неизвестные герои? // Татарстан. 2008. № 4. С. 47—49; *Гайнетдинов Р.Б.* Переход 825-го батальона легиона «Идель-Урал» на сторону белорусских партизан // Гасырлар авазы — Эхо веков . 2005. № 1. С. 23—30; Он же. Новые документы о переходе 825-го батальона Волго-татарского легиона на сторону партизан // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2009. № 1. С. 58—72.

[1] Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944 гг.). Документы и материалы в трех томах. Т. 2: Развитие всенародного партизанского движения во второй период войны. Книга первая (ноябрь 1942 — июнь 1943 гг.). Минск, 1973. С. 230.

Последние условия были поставлены явно для обеспечения большей безопасности для партизан[1].

В результате переговоров была достигнута договоренность о том, что 22 февраля в 23 часа будет поднято общее восстание легиона и он перейдет с оружием на сторону партизан. Очевидно, немцам стало известно о планах подпольщиков, и за час до запланированного выступления были произведены аресты и схвачены руководители восстания Жуков, Таджиев и Рахимов. Тогда инициативу принял на себя командир штабной роты Хусаин Мухамедов. Был подан сигнал почти во все подразделения батальона, расположенные в разных населенных пунктах по соседству — началось восстание. Известить, согласно источнику, не удалось два взвода второй роты.

Командир бригады Бирюлин в своем донесении в штаб партизанского движения, написанном в ту же ночь, сообщил о том, что на их сторону перешли 506 человек, имея с собой три 45-мм пушки, шесть станковых пулеметов, четыре батальонных миномета, 22 ручных пулемета, 430 автоматов, 76 пистолетов, 26 лошадей и «много военного имущества». Перешедшие легионеры были распределены в партизанских бригадах, которыми командовали Захаров и Бирюлин[2]. Некоторое сомнение вызывает большое количество автоматического оружия, упомянутого в донесении, так как восточные легионеры никогда не вооружались автоматами. Если сведения источника верны, то можно предположить, что повстанцам удалось отобрать вооружение у немцев или же перевезти к партизанам немецкий обоз.

Согласно более поздним данным — сообщению ответорганизатора Витебского обкома КП(б) К. Шемялиса секретарю Витебского обко-

---

[1] *Гараев М.* Наши! Переход татарского батальона на сторону белорусских партизан // Татарстан. 2003. № 8.

[2] *Мустафин Р.А.* По следам поэта-героя. С. 134. Партизанское движение в Белоруссии в то время развивалось в очень сложных условиях: по партизанским данным, например, известно, что именно в феврале 1943 г. 6000 партизан были окружены в районе Витебска отрядами противника общей численностью до 28 000 человек, имевших артиллерию, танки и авиацию. Командовал первой витебской партизанской бригадой М.Ф. Бирюлин, коммисаром ее был В.А. Хабаров, начальником штаба — Л.П. Корнеев (см.: *Гараев М.* Наши! Переход татарского батальона на сторону белорусских партизан // Татарстан. 2003. № 8).

ма КП(б) И. Стулову от 30 марта 1943 г., был уничтожен немецкий штаб, немецкий персонал в количестве 60—70 человек и на сторону партизан перешло 930 человек с тремя 45-мм пушками, около 100 ручными пулеметами, одним станковым пулеметом, около 550 винтовками, патронами, лошадьми и т.д. Данные, как видим, значительно отличаются от данных предыдущего документа: не упомянуты автоматы, зато есть винтовки, количество ручных пулеметов вдруг выросло до ста, а станковых уменьшилось до одного, не упомянуты и минометы.

Восстание 825-го батальона довольно подробно описано в документальных книгах Р.А. Мустафина. В одной из них приведено и сообщение партизанского командира Бирюлина (процитировано выше), но делается не совсем понятный вывод: «Таким образом, из фашистской неволи вырвалось более 900 человек, которые принесли с собой до тысячи винтовок, автоматов и пистолетов (? — *И.Г.*), двенадцать (? — *И.Г.*) станковых и более ста (? — *И.Г.*) ручных пулеметов, несколько орудий и минометов, одну грузовую автомашину (? — *И.Г.*) и двадцать шесть подвод с боеприпасами и амуницией»[1]. Возможно, у автора были дополнительные сведения для того, чтобы настолько увеличить и без того противоречивые цифровые данные двух партизанских сообщений, но, к сожалению, никаких ссылок в публикации Р.А. Мустафина нет.

Любопытно теперь взглянуть на то, как описывается это событие в источниках немецкой стороны.

Операция против партизан в районе Витебска, проводившаяся с 22 февраля до 8 марта 1943 г., в немецких военных планах носила кодовое название «Kugelblitz» («Шаровая молния»)[2]. Общее командование операцией осуществляли генерал-майор Якоби и генерал-майор фон Вартенберг. В то время при всех армиях и группах армий, особенно где были задействованы восточные батальоны, вводилась должность командира восточных отрядов, как раз фон Вартенберг и исполнял его обязанности. Задействовано было четыре немецких полка 201-й дивизии, казачья часть 631 и 825-й татарский батальон. Переход татарских легионеров на сторону партизан в самом начале запланированной операции явился неожиданной неприятностью для

[1] *Мустафин Р.А.* По следам поэта-героя. С. 135.

[2] *Hesse, E.* S. 204.

немецкого командования. В результате был полностью оголен на некоторое время правый фланг немецкого наступления по берегу Западной Двины: «Наступление 601-го полка было осложнено и ослаблено переходом части Волго-татарского батальона на его правом фланге на сторону бандитов непосредственно перед началом наступления», — так записал Якоби в дневнике боевых действий 12 марта 1943 г. И здесь же он стремится представить, что ущерб от восстания татарских легионеров был минимален: «С помощью быстрого энергичного броска полка в направлении Буево и его присоединения к группе Биккеля волго-татарский батальон был исключен из боевых действий и возникшая прореха была ликвидирована»[1]. Почти сразу же после восстания легионеров специальный отряд абвера провел расследование случившегося. В материалах расследования отмечалось: «Батальон после полугодовой подготовки впервые вступил в бой. В составе его было около 900 человек, из них около 60 немцев. Он был очень хорошо вооружен — три противотанковые пушки, пулеметы, легкие и тяжелые гранатометы. Командир батальона майор Цек высказал в разговоре мнение, что идейное воспитание легионеров в результате недостатка времени оказалось слабым. Когда отряды прибыли на опорные пункты, расположенные далеко друг от друга, и оказались лицом к лицу с сильным противником, они стали легкой добычей советской пропаганды. Насколько известно, отдельные интеллигентные татары принимали участие как руководители мятежа, который начался ночным нападением на немецкий персонал». 14 марта отделение полевой полиции уточнило, что к партизанам ушло 557 легионеров, они «сдались руководителю бригады Бирюлину на торфяной фабрике, затем перебрались в северном направлении, а позднее в район озера Козловичи. Их встретили с недоверием, поэтому разделили на группы в 20—30 человек по отрядам бандитов»[2]. Татарские легионеры упоминаются еще раз в цитировавшемся выше дневнике боевых действий, когда речь идет о потерях в ходе операции «Кугельблиц», — было убито

[1] BA-MA, RH 26—201/10, Bl. 37.

[2] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.1, Bl.95,97,100. Материал частично опубликован Р.А. Мустафиным (*Мустафин Р.* Под грифом «совершенно секретно». Новые документы из немецких военных архивов // Республика Татарстан. 3 февраля 1996 г.).

252 партизана, из них два татарина в немецкой форме, в плен было взято девять партизан, из них один татарский легионер. В сообщении полевой полиции, однако, было отмечено, что точное число убитых неизвестно.

Итак, первый ввод в бой первого подразделения Волго-татарского легиона закончился провалом для немецкой стороны. В указанных документах, пусть и в завуалированной форме, ясно видны причины этого: во-первых, бесспорно сказалась деятельность «отдельных интеллигентных татар» среди легионеров, которые и организовали переход батальона на сторону партизан. Возможно, речь идет или о деятельности группы Мусы Джалиля, или его предшественников, но в любом случае выступление легионеров было заранее организовано и подготовлено. Во-вторых, несмотря на все-таки длительную идеологическую обработку, немцам действительно не удалось по-настоящему привлечь татарских легионеров на свою сторону, — не зря майор Цек сетовал на «недостатки идейного воспитания». Чувство советского патриотизма в них оказалось сильнее — немцы вопреки их усилиям так и остались «чужими» для татарских легионеров, «своих» они видели в белорусских партизанах.

Несколько слов о приведенных выше цифрах. В первом партизанском сообщении говорится о перешедших на их сторону 506, во втором — о 930 легионерах. Вторая цифра представляется чрезмерно завышенной. Немецкие данные — 557 человек — и данные партизанского командира Бирюлина — 506 человек — кажутся более близкими к истине. Элементарный расчет позволяет прийти именно к такому выводу. Всего в батальоне было чуть более 900 человек (из них около 60 немцев). В самом партизанском сообщении говорится о том, что два взвода (т.е. около 60—70 человек) предупредить о восстании не удалось. Примем во внимание, что до восстания были произведены аресты части легионеров; очевидно, что кто-то из легионеров к восстанию не примкнул и остался в стороне, что часть восставших погибла во время боя в первую ночь и во время перехода к партизанам. Поэтому цифра в 930 человек, перешедших на сторону партизан, предстает, понятно, оптимистичной, но все-таки сомнительной.

Те бывшие легионеры, которые перешли на сторону партизан, судя по всему, практически сразу же приняли участие в боях против немецкой армии — особенно интенсивными они были 28 февраля 1943 г. и

имели целью прорыв блокады. Впоследствии и советская контрразведка СМЕРШ провела свое расследование описанного выше эпизода. В конце июня 1943 г. заместитель начальника отдела контрразведки спецлагеря-174 (г. Подольск) майор Кирсанов и начальник отделения контрразведки того же лагеря капитан Сизов отправили в Белорусский штаб партизанского движения, находившийся в Москве, отчет о переходе на сторону партизан 825-го батальона. В этом документе они отметили, что «в Подольском лагере спецназначения содержится группа бывших военнослужащих Красной Армии, по национальности татары, которая, находясь в плену у противника, перешла на службу в созданный немцами "Волго-Татарский легион", предназначенный для ведения борьбы с партизанами»[1]. Можно полагать, что часть бывших легионеров в то время проходили процедуру фильтрации. Другая же часть, по-видимому, продолжала оставаться в составе партизанских соединений в Белоруссии. Это подверждается, например, данными письма Белорусского штаба партизанского движения от 2 июля 1943 г.: «После перехода батальона к партизанам личный состав его действительно был рассредоточен по партизанским бригадам, принимал участие в боевых действиях против немецких оккупантов, показал себя с положительной стороны. Некоторая часть личного состава батальона и до настоящего времени находится в партизанских бригадах»[2].

Оставшиеся на стороне немцев легионеры 825-го батальона были после этих событий немедленно отправлены в тыл, причислены к другим соединениям. Георг Тессин, составитель капитального справочника обо всех подразделениях вермахта и СС в годы Второй мировой войны, упоминает, что впоследствии (не указано, когда) часть 825-го батальона была приписана к 3-й танковой армии и дислоцировалась в Померании[3].

Восстание 825-го батальона стало холодным душем для германского командования. Это событие сыграло далеко не последнюю роль в дальнейшей судьбе Восточных легионов.

---

[1] Цит. по: *Гараев М.* Указ. соч.

[2] Там же.

[3] *Tessin, Georg.* Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg. 1939—1945. Bd. 13: Die Landstreitkräfte 801—13400. Osnabrück, 1976. S. 32.

826-й батальон

Запланированная на 15 декабря 1942 г. организация 826-го батальона не состоялась — он был сформирован в Едлино 15 января 1943 г. Судя по его военной «родословной», организация его ничем не отличалась от других восточных батальонов: штаб, штабная рота, четыре роты. Номер полевой почты батальона — 42935А. Командиром батальона являлся капитан Шермули.

Об этом, как, впрочем, об остальных татарских батальонах, сведений в источниках сохранилось немного. В марте 1943 г. после восстания 825-го батальона 826-й «от греха подальше» был переведен на территорию Голландии в район города Бреда[1]. Здесь, судя по всему, он нес охранную службу, привлекался и к другим работам: 15 июля 1943 г. он упомянут в одном из донесений генерала фон Хайгендорфа. «Как прекрасное пропагандистское средство была оценена здесь организованная батальоном отправка отдельных групп легионеров в рейх для помощи в сборе урожая. При размещении в деревнях у крестьян достигается гораздо больше пропагандистского эффекта, чем при ознакомительных поездках или кратких экскурсиях по городам. Легионеры обращали очень большое внимание на те мелочи, которые нам кажутся само собой разумеющимися: забота Красного Креста во время поездки по железной дороге, реальные отношения к собственности и условия жизни простых работающих людей», — писал умиленный генерал о батальоне[2]. К каким-то реальным военным операциям 826-й батальон привлечь явно не решились.

На 1 сентября 1943 г. батальон, возможно, находился во Франции (более точного указания нет)[3], а 2 октября 1943 г. был передислоцирован вновь в Голландию — в район монастыря Тетеринген (северо-восточнее города Бреда)[4]. На 18 декабря 1943 г., судя по военным картам, батальон

---

[1] *Tessin, Georg.* Verbände und Truppen... S. 33. Впрочем, в книге Ю. Карчевского и Н. Лешкина отмечено, что 826-й батальон 2 апреля 1943 г. был «торжественно» отправлен во Францию. Источник для таких сведений мне неизвестен (*Карчевский Ю.В., Лешкин Н.И.* Указ.соч. С. 83).

[2] BA-MA , RH 58/62, Bl.52.

[3] BA-Potsdam, NS 31/55, Bl. 8; эти сведения, скорее всего, неточны; батальон вероятно так и оставался на территории Голландии, а не переводился из страны в страну.

[4] Die geheimen Tagesberichte... Bd.8, S.168.

переместился чуть на запад, в район города Влаардинген западнее Роттердама[1]. Военные карты от 1 января, 12 и 26 февраля, 11 и 25 марта 1944 г. подтверждают, что 826-й батальон нес охранную службу в Голландии, к северо-западу от Роттердама вблизи населенного пункта Воорнс. Но уже на карте от 8 апреля 1944 г. это соединение здесь не указано[2].

По данным Г. Тессина, 19 апреля 1944 г. он был включен в состав 723-го гренадерского полка 719-й пехотной дивизии вермахта[3], однако, по другим источникам, батальон входил в указанный полк уже в конце января 1944 г. — он упоминался уже как «бывший 826-й», имеющий номер IV/723[4]. Вероятно, в конце октября 1944 г. батальону был возвращен его прежний номер. Г. Тессин отмечает, что после отступления 719-й дивизии 826-й батальон в качестве «самостоятельной боевой единицы был придан к 25-й армии», этот факт подверждается картами от 31 октября и 4 декабря 1944 г. — находился батальон на прежнем месте на побережье Голландии, к западу от Роттердама[5].

10 марта 1945 г. 826-й батальон с численностью около 750 человек был упомянут как еще существующий и дислоцированный на Западном фронте (к вопросу о качестве немецкой статистики конца войны: в том же документе Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала **отдельно** упомянут и 723-й татарский батальон, что, как уже отмечалось, являлось неточностью — это был лишь временный номер 826-го батальона в течении нескольких месяцев 1944 г.)[6].

21 марта 1945 г. 826-й батальон с побережья вновь был переведен во внутренний район Голландии и вновь дислоцировался в монастыре

---

[1] Die geheimen Tagesberichte... Bd. 9: Karte.

[2] BA-MA, RH 19 IV/32K. По сведениям Р. Мустафина, на мой взгляд неточным, 826-й батальон летом 1943 г. был направлен во Францию, затем в сентябре 1943 г. переведен в Голландию на остров Остворне (*Мустафин Р.А.* По следам оборванной песни. С. 199).

[3] Tessin, G., Bd.13, S. 33.

[4] BA-MA, RH 2/2728, Bl.12.

[5] Die geheimen Tagesberichte... Bd.11: 1.9.44 — 31.12.44. Osnabrück. 1984, Karte.

[6] BA-Potsdam, NS 31/31, Bl.47.

Тетеринген. А конец войны батальон встретил в Голландии в районе г. Родрехт (карта от 7 мая 1945 г.)[1].

Р.А. Мустафин связывает с историей 826-го батальона и такой красноречивый факт — в соединении было подготовлено восстание, однако немецкой контрразведке удалось сорвать планы подпольщиков. 26 членов подпольной организации после этого были расстреляны, двести человек переведены в штрафной лагерь[2]. Документов об этом мне обнаружить не удалось.

827-й батальон

Батальон был создан 10 февраля 1943 г. в Едлино по знакомой нам схеме. Номер полевой почты его был 43645А-Е. Командиром батальона являлся капитан Прам.

По данным Г. Тессина, он уже в июле 1943 г. якобы был направлен в Бельгию — Северную Францию, а в конце войны в составе 176-й дивизии находился в районе упорных боев у города Ахена (на стыке границ Германии, Бельгии и Голландии)[3]. На поверку сведения Г. Тессина оказываются неточны.

Взглянем на источники.

На 22 июня 1943 г. 827-й батальон, явно отправленный на борьбу с партизанами, находился в г. Дрогобыч (Западная Украина) в распоряжении полевой комендатуры 365[4]. Там же, скорее всего, он был и в начале июля: во всяком случае, 1 июля был подписан приказ фон Хайгендорфа о при-

---

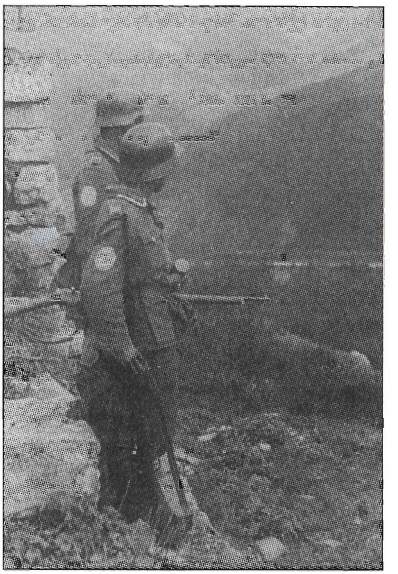
[1] Die geheimen Tagesberichte... Bd.12: 1.1.45 —9.5.45, Karte.

[2] *Мустафин Р.А.* По следам оборванной песни. С. 199—200. М. Черепанов, будто дополняя сведения Р. Мустафина, пишет: «826-й батальон в 1944 г. тоже поднял восстание и пытался перейти на сторону французских(? — *И.Г.*) партизан» (*Черепанов М.В.* В кривом зеркале справедливости // Татарстан. 1991. № 7. С. 41). Но и об этом сведений в источниках я не нашел. Но в отечественной публицистике зато удалось обнаружить еще одно любопытное замечание отнсительно этого батальона. Г. Кашшаф в своей книге сослался на дневник немецкого офицера Вальтера Хайзена, в котором сообщалось о полном разоружении остатков 826-го батальона из-за его ненадежности 6 сентября 1944 г. (*Кашшаф Г.* По завещанию Мусы Джалиля. С. 184).

[3] *Tessin, G.*, Bd.13, S. 34.

[4] BA-MA , RH 53—23/51, Bl. 88.

своении чинов по легионам: среди прочих в приказе упоминались Сагит Мифтахов и Николай Сибгатуллин, назначенные командирами взводов в 827-й батальон[1].



Легионеры наблюдают за обстановкой в горах Франции

В то время, как известно, немцы вели на Западной Украине активные действия против партизан Ковпака, и сюда перебрасывались и отдельные национальные батальоны: в том числе и 827-й татарский батальон. 27 июля 1943 г. он прибыл в город Надворна. После этого, по сообщению полевой комендатуры 365, партизаны были окружены, но после серьезных боев им удалось из окружения вырваться в районе населенных пунктов Крыжовка и Чарна Клева. 10 и 11 августа произошли столкновения разведгруппы батальона 827 с партизанским отрядом примерно в 50 человек в районе Зеленицы, во время столкновения двое легионеров были убиты, трое ранены[2].

28 августа штаб батальона, располагавшийся в Стрые, был переведен в город Станислав (в настоящее время Ивано-Франковск), при нем находилась штабная рота. 1-я рота на тот день находилась в городе Долина, 2-я в Надворне, 3-я и 4-я — в Станиславе. На следующий день батальон был собран в населенном пункте Радзихов[3]. И только через месяц, 28 сентября 1943 г., на место 827-го на Западную Украину прибыл 828-й батальон[4]. Но из Станислава 827-й батальон ушел только 10 октября — он переводился на Запад[5]. 13 октября 1943 г. батальон

[1] BA-MA , RH 53—23/51, Bl. 92.

[2] Ibid., RH 53—23/42, Bl. 166—167.

[3] Ibid., Bl. 158, 228.

[4] Ibid., Bl. 267.

[5] Ibid., RH 53—23/43, Bl.22.

прибыл в г. Ланьон во Франции и был передан в распоряжение 7-й армии. 16 октября началось его развертывание в районе к юго-востоку от Ланьона[1].

В действиях против партизан на Западной Украине 827-й батальон разочаровал немецкое командование. Более того, пребывание батальона на этой территории усилило партизанские отряды, так как многие легионеры перебежали к ним: «Положение южнее Долины очень неспокойно, и, по-видимому, здесь останутся зимовать очень сильные банды. Эти банды получили подкрепление около 50 человек из татарского батальона 827, которые перебежали к ним, и их можно считать очень боеспособными», — с беспокойством констатировала полевая комендатура 365 в записи от 18 октября 1943 г.[2]

Р. Мустафин пишет, что в июле 1943 г. в 827-м батальоне было подготовлено восстание, во главе которого встал старший лейтенант Мифтахов[3]. Двум взводам штабной роты удалось перейти к партизанам, но Мифтахов позднее был схвачен и казнен. Побеги же продолжались, что в итоге оказало серьезное влияние на решение о передислокации соединения[4].

Но и после перевода батальона во Францию он так и не стал для немцев «надежным» соединением.

18—20 октября 1943 г. командир 266-й дивизии, которой был придан 827-й батальон, приказал провести тщательную проверку боеготовности соединения. Вот какие результаты она принесла: итоговый документ проверки сообщал, что легионеры являются бывшими военнопленными и перебежчиками, перед которыми поставлена цель

---

[1] Die geheimen Tagesberichte der deutschen Wehrmachtführung im Zweiten Weltkrieg 1939—1945. Bd.8: 1.September 1943 — 30.November 1943. Osnabrück, 1988. S. 233, 248.

[2] BA-MA, RH 53—23/43, Bl.75.

[3] С. Чуев приводит этот факт, допуская при этом курьезную неточность: современный писатель и журналист Рафаэль Мустафин назван им «бывшим военнослужащим» (*Чуев С.* Проклятые солдаты. М., 2004. С. 505).

[4] *Мустафин Р.А.* По следам оборванной песни. С. 196—199. Несколько иначе интерпретирует это событие М. Черепанов: «В июне 1943 г. под Станиславом 827-й батальон предпринял попытку восстания», в результате чего, по мнению автора, к партизанам удалось уйти половине батальона (*Черепанов М.В.* Две жизни капитана Утяшева. С. 51).

«освобождение родины и борьба с большевизмом», но поскольку этот довод на Западном фронте звучал по меньшей мере неубедительно, то добавлялось: «Это должно быть достигнуто через победу над "плутократами" — союзниками большевиков». Многие легионеры не говорили по-русски, только по-татарски. Средний их возраст составлял 23—25 лет. Большого военного опыта батальон не имел. Уже после прибытия во Францию сбежали к партизанам командиры штабной и второй рот, вместе с ними по одним данным — 13, по другим — 28 человек (расследование еще не было начато). В содействии побегу подозревался и командир третьей роты. Боевые навыки легионеров — умение обращаться с оружием, стрелять, тактическая подготовка — считались удовлетворительными. О настроении легионеров документ умалчивает, отмечая, что «серьезные выводы сделать еще невозможно, так как прошло слишком мало времени после их прибытия». В документе упоминалось и намерение командира 266-й дивизии отобрать у легионеров радиоприемник «из-за опасности иностранной пропаганды». В конце документа сделано примечание: «Легионеры имеют лишь по одной паре обуви. В результате часть людей, чья обувь находится в ремонте, вынуждена ходить босыми». Вспомним, что речь идет о второй половине октября. Документ, как мне кажется, очень красноречив в передаче состояния одного из татарских батальонов как духовного, так и материального[1].

Буквально через день, 20 октября 1943 г., был составлен еще более подробный отчет о состоянии 827-го батальона, который содержит и важные цифровые данные.

Итак, во Францию в составе 827-го батальона должны были прибыть: штаб — 32 человека; 1, 2 и 3-я роты — в каждой по 191 человеку; 4-я рота — 194 человека. На тот день прибыли: штаб, четыре роты, всего: 6 офицеров, 1 служащий, 40 немецких унтер-офицеров, 23 немецких солдата и 661 легионер. Отсутствовала штабная рота, которая должна была прибыть только через 8 дней. Состав штабной роты: противотанковый взвод с тремя 45-мм пушками и одним пулеметом, один саперный взвод с тремя пулеметами, один пропагандистский взвод (Nachrichtenzug), имеющий только телефонный аппарат. Отсутствовали также два татарских офицера и 115 легионеров (часть из

[1] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.1, Bl.104.

них были еще в пути, но часть сбежали в оккупированных районах. Обмундирование легионеров находилось в плачевном состоянии, «унизительным для носящих немецкую форму» называет его документ: «Брюки большей частью рваные со многими дырами. Обувь, по одной паре на человека, многократно разорвана. Отсутствует материал для заплаток и кожа для починки обуви. Каждое подразделение не может выставить по 20—25 человек, поскольку их обмундирование и обувь находятся в столь жалком состоянии, что их появление на людях становится невозможным». Батальону были приданы лошади — всего 215, хотя должно было быть 225. Немецкий персонал в ходе проверки был оценен как удовлетворительный, хотя, как отмечалось, «перед ним в легионе стоят очень сложные задачи». Одна из них — элементарное непонимание друг друга немцами и татарскими легионерами — в батальоне было всего пять переводчиков, по одному в штабе и при каждой роте. Командир батальона считал, что численность немцев в батальоне должна была быть увеличена до 92 человек, а переводчиков — до 17. В качестве примечания на этот раз дана характеристика легионеров: «Происходят в основном из областей Казани и Уфы, а также и других местностей России. Примерно с февраля 1943 года служат в легионе, частично служили короткое время до этого в русской армии. Возраст — от 18 до 41 года, в основной массе 23—33 года. Коренастые, здоровые, крепкие, выглядят молодо, частью имеют выраженные азиатские черты. Эпидемий не было».

Автор документа стремился, по всей видимости, не завершать свой труд на пессимистической ноте, поэтому отметил: «Если верно руководить и обходиться с легионерами, они имеют хороший настрой. Солдатскую деятельность предпочитают жизни и работе в лагере военнопленных. Около 30 % из них — настоящие борцы против большевизма»[1]. Но все это было очень далеко от реальности, это было только желаемое.

---

[1] Ibid., Bl. 105—106. Материал этот частично опубликован Р.А. Мустафиным (*Мустафин Р.* Под грифом «совершенно секретно». Новые документы из неемцких военных архивов // Республика Татарстан. 3 февраля 1996 г.) Правда, в статье имеются некоторые неточности: 827-й батальон на 20 октября 1943 г. представлен как «прибывший на Западную Украину». Однако, как показывают документы, в это время батальон уже был передислоцирован во Францию. Что касается двух татарских офицеров и 115 легионеров, о которых упоминается в

19 ноября 1943 г. из 266-й дивизии 827-й батальон был оттранспортирован в распоряжение командующего группой войск Бельгия/Северная Франция, где и находился по крайней мере еще в феврале 1944 г.[1] Судя по военным картам, на 18 декабря он располагался в Бельгии, в местности севернее Льежа и восточнее Антверпена, возможно, в населенном пункте Кодиль, выполняя охранные функции[2]. 15 февраля 1944 г. на картах он отмечен там же.

827-й батальон был переведен в район г. Монса 25 февраля 1944 г., где и отмечен на картах 29 февраля, 25 марта, 22 апреля и 26 июня 1944 г.[3]

Последний раз в имеющихся документах батальон упомянут как существующий 10 марта 1945 г. в справке Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала[4].

828-й батальон

Этот батальон создавался в период с 1 апреля 1943 г. и был окончательно сформирован 1 июня 1943 г. по образцу предыдущих в Едлино. Номер полевой почты — 43895А. Командиром батальона был назначен капитан Гаумиц[5].

В нашей публицистике встречаются мнения, что батальонов Волго-татарского легиона было сформировано всего четыре, и 828-й батальон (или четвертый) являлся этим последним и почему-то еще назывался «штабным» (а штабными в Восточных легионах были только роты, но никак не батальоны)[6]. Все это далеко от истины: 828-й батальон не был ни штабным, ни последним.

документе, Р. Мустафин однозначно считает, что они перебежали к партизанам, тогда как в документе речь идет о тех легионерах, которые еще не прибыли к месту расположения в Ланьон и только часть из них убежала по дороге.

[1] BA-MA, RH 2/2728, Bl. 12; Die geheimen Tagesberichte... Bd.8, S.429.

[2] Die geheimen Tagesberichte... Bd. 9, Karte.

[3] BA-MA, RH 19 IV/42K; Die geheimen Tagesberichte... Bd.9: 1.12.43 — 29.2.44 Osnabrück, 1987. S. 372, Karte.

[4] BA-Potsdam, NS 31/31, Bl.47.

[5] С. Чуев искаженно передал его фамилию как «Гаулинц» (*Чуев С.* Проклятые солдаты. М., 2004. С. 506).

[6] *Мустафин Р.А.* По следам оборванной песни. С. 200.

После формирования батальон довольно долгое время находился в самом Едлино — по крайней мере на 1 сентября 1943 г. (в этот день в нем насчитывалось 890 человек)[1].

28 сентября 1943 г. соединение было направлено на Западную Украину взамен оказавшегося «ненадежным» 827-го батальона[2]. Надежды немцев на вновь прибывших легионеров оказались тщетными.

20 ноября полевой комендатурой сообщалось, что к партизанам перебежали даже двое командиров рот, а к дисциплинарным штрафам за истекший месяц было привлечено 25 татарских легионеров (тогда как по другим восточным батальонам, находившимся там же, эта цифра была значительно меньше — от трех до пяти «штрафников»)[3].

Дисциплина в 828-м батальоне расшатывалась все больше и больше:

на 17 декабря 1943 г. «штрафников» в нем было 37 человек; в период с 7 по 9 января к партизанам перебежали 8 легионеров;

на 18 января 1944 г. 51 легионер был привлечен к дисциплинарной ответственности; с 14 по 17 января перебежали к партизанам 9 легионеров[4].

А 27 января 1944 г. произошел и вовсе обескураживающий для немцев инцидент: довольно большая группа татарских легионеров (около 30 человек), которая несла охрану таможенного поста, после дежурства не вернулась в свой сборный пункт (Стоянов в 75 км к северо-востоку от Львова), а, застрелив своего командира отделения и тяжело ранив другого, перебежала к партизанам[5].

Пять легионеров были взяты в плен партизанами 31 января 1944 г. в деревне Павельце (в 10 км северо-западнее Станислава); то же самое произошло 24 февраля в Беднарове (в 17 км северо-западнее Станислава), где татарские легионеры охраняли мост; 25 февраля — в Завое, где в плену оказалось 20 татар[6].

---

[1] Ibid., NS 31/55, Bl.8.

[2] BA-MA, RH 53—23/42, Bl.267.

[3] Ibid., RH 53—23/43, Bl.195,197, 203.

[4] Ibid., Bl. 271; RH 53—23/44, Bl. 19, 31, 51.

[5] Ibid., RH 53—23/44, Bl. 40.

[6] Ibid., Bl. 91, 155.

Подобных сообщений содержится в немецких военных дневниках множество:

на 20 февраля (за истекший месяц) — 62 легионера привлечено к взысканиям;

26 февраля несколько татарских легионеров ограбили своих немецких сослуживцев и перебежали к партизанам в Павельце;

27 февраля опять несколько легионеров разоружили немецкого командира взвода и бежали к партизанам в Долине;

2 марта партизаны напали на Беднаров — 9 легионеров пропали без вести;

на 20 марта (за истекший месяц) наказан был 31 легионер, официально было зарегистрировано 50 случаев бегства;

28 марта опорный пункт Голынь (40 км к юго-востоку от Стрыя) подвергся нападению партизан, многие немецкие солдаты погибли или были ранены, а татарские легионеры с поля боя бежали;

19 апреля командованию сообщалось, что за прошедший месяц перебежал к партизанам 21 татарский легионер[1].

Вероятно для того, чтобы помешать оставшимся легионерам связываться с партизанами, немецкое командование перемещало подразделения из одного населенного пункта в другой: 15 апреля 1944 г. штаб и две роты 828-го батальона были переведены из Станислава в Комарово, одна рота — в Остров, 20 апреля — четвертая рота в Вышков[2].

Ничего, по-видимому, не помогало: уже четвертый из татарских батальонов Волго-татарского легиона демонстрировал свою «ненадежность». Обеспокоено было не только руководство батальона и легиона, но и «высокое руководство» в центре. Поэтому в 828-й батальон из Берлина приехали с инспекцией представители Восточного министерства руководитель Татарского посредничества Хайнц Унглаубе и член Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала Гариф Султан. Это произошло 20—22 апреля 1944 г. По возвращении, 5 мая, Х. Унглаубе предоставил подробный отчет со своими соображениями о состоянии 828-го батальона, который можно рассматривать как общий отчет по состоянию всех почти восточ-

[1] Ibid., Bl.158, 168, 211, 249, 261, 343.

[2] Ibid., Bl. 318, 327.

ных батальонов к тому времени, ибо сама идея эта по-настоящему трещала по швам[1].

Что же, по мнению Х. Унглаубе, являлось причиной для неудач? Таких он видит немало:

1. Введение в бой легионеров против партизан было неправильно — «совершенно не учтены были особый характер и особая ситуация, в которой сейчас находятся подобные соединения».

2. Легионеры были разделены на группы примерно по 10 человек и поставлены на охранные пункты на общем фронте в 250 км — они не имели связи друг с другом, не было никаких возможностей оказать влияние на их психологическое состояние.

3. Батальон был организован очень поспешно, к тому же к нему было присоединено около 200 человек из ранее распущенного соединения.

4. Свою роль играла плачевная для немцев ситуация на фронте.

5. Партизаны превосходили батальон в силе (Унглаубе даже замечает: в десять раз), у них было лучшее вооружение, а у легионеров имелись только винтовки и очень мало амуниции.

6. Активную пропагандистскую работу проводили украинские партизаны.

7. «Легионеры стали свидетелями беспорядочного отступления немецких и венгерских частей, грабивших даже склады, которые должны были охранять легионеры. Но дисциплина в батальоне осталась на высоком уровне, о чем извещало немецкое командование и ставило

---

[1] BA-Potsdam, R 6/165, Bl. 128—131, ниже приводятся данные из этого отчета без дополнительных ссылок. Добавлю, что Р.А. Мустафин в одной из своих публикаций приводит такую цитату, ссылаясь на указанный документ: «Эти люди (военнопленные) сами по себе полностью находятся под влиянием враждебной пропаганды и абсолютно лишены противоположного воздействия. И как раз поэтому они представляют большую опасность для татарской будущности» (*Мустафин Р.А.* «Идель-Урал»: взгляд из Германии. Документы и комментарии// Гасырлар авазы — Эхо веков. Май 1995. С. 146). Однако соответствующего этому переводу текста нет в оригинале документа. Ту же цитату, но уже датированную мартом—апрелем 1943 г. и отнесенную к инспекционной поездке Унглаубе в лагерь Седльце (шталаг-366), Р. Мустафин приводит в одной из своих книг, причем вместо слово «враждебной» употреблено слово «польской» (*Мустафин Р.А.* По следам оборванной песни. С. 149).

себе это в заслугу». Последнее наблюдение явно не соответствовало действительности.

8. «Легионеры сами объясняли: они все могли бы перебежать, а те, кто считается убежавшим, просто попали в плен на своих позициях из-за численного перевеса врага и где в силу моральной неустойчивости они не могли сопротивляться».

Судя по всему, в батальоне к тому времени господствовали абсолютно пессимистические настроения: «Легионеры выглядят разочарованными в своих надеждах вновь увидеть родину. Они боятся мести Сталина, боятся за своих родственников и за себя. Вражеская пропаганда советует им перебегать к партизанам, чтобы потом не оказаться в их плену в качестве легионера. Будущее кажется легионерам безнадежным. Они не знают, как они будут приняты в Германии, если не смогут вернуться домой (...). Очень сильно задевает легионеров общее отношение к ним со стороны солдат, которые не относятся к их соединению. Как должны поступать легионеры, если им запрещено даже входить в солдатские дома (Soldatenheim)? Потому они и попадают в руки враждебного населения». Несмотря на такую в целом безрадостную картину, Унглаубе пытался сделать все-таки оптимистические выводы: «Я уверен, что любой другой батальон с представителями любой другой страны в такой ситуации, как батальон 828, выглядел бы так же. Ни в коем случае нельзя говорить о непригодности татар, наоборот, надо стараться поднять их дух, из-за таких ошибок нельзя сбрасывать их преждевременно со счетов. Татары вообще, как и грузины, превосходные солдаты, когда для этого есть моральные предпосылки». По мнению Унглаубе, 828-й батальон выглядел в смысле дисциплины куда предпочтительнее 818-го азербайджанского батальона, дислоцированного в том же районе, который «уже в первые дни имел более 10 перебежчиков». С учетом приведенных выше данных комментарии здесь представляются излишними.

Небезнадежным в изложении Унглаубе были выводы Г. Султана, который преимущественно говорил с легионерами: «Оставшаяся часть легионеров может быть рассмотрена как вполне надежная, они противостоят всем попыткам их привлечь. Ошибкой является единообразное представление обо всех, под одну гребенку. Легионеров задевает, когда им не доверяют.

Офицеры легиона на учениях

Если обрисованную картину психологического состояния легионеров можно считать вполне правдоподобной, то с оптимистичными выводами инспекторов согласиться очень трудно: следует учитывать, что оба берлинских эмиссара являлись сотрудниками Восточного министерства, которое несло свою долю ответственности за Восточные легионы. Признание их полностью недееспособными (что на тот момент уже было реальностью) означало бы автоматически и признание краха своей работы. И Унглаубе, и Султану, которые татарам явно симпатизировали, не хотелось, чтобы по отношению к этому конкретному батальону, а значит, и Волго-татарскому легиону в целом, немецким командованием были предприняты решительные меры. Они оставляли возможность для надежды, которая была тщетной.

После посещения батальона Х. Унглаубе и Г. Султаном в имеющихся документах и на военных картах 828-й батальон больше не встречается, за исключением упоминания о нем в уже цитированном выше отчете Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала от 10 марта 1945 г. Возможно, он был убран с территории Западной Украины, или же ему могли быть приданы другие функции. Г. Тессин приводит данные о том, что в 1944—1945 гг. 828-й татарский батальон уже именовался строительно-саперным и находился в Западной Пруссии в распоряжении 2-й армии[1].

[1] *Tessin, G.* Bd.13, S. 35.

Если принять точку зрения Ю. Карчевского, Н. Лешкина и Р. Мустафина о том, что именно 828-й батальон являлся «штабным», то можно привести еще один пример из его истории: батальон этот в августе 1944 г. будто бы находился во Франции и 17 августа на пути из Ле-Пюи в Сент-Этьенн поднял восстание, в результате которого он фактически перестал существовать: большинство легионеров перешло к французским партизанам, оставшиеся были рассредоточены по другим соединениям вермахта[1]. Документальных свидетельств об упомянутом факте в моем распоряжении, однако, нет.

829-й батальон

Был создан 24 августа 1943 г. в Едлино по прежней схеме. Номер полевой почты 44547. Командиром батальона являлся капитан Рауш. На 1 сентября 1943 г. в нем насчитывалось 874 чел. Скорее всего, под воздействием неудач с первыми батальонами, 829-й довольно долгое время оставался в Едлино (упомянут он, например, в справке от 26 октября 1943 г.)[2]. Но впоследствии батальон также был перемещен на Западную Украину, и 15 февраля 1944 г. он находился в населенном пункте Скавина[3]. В следующий раз в официальной документации он упоминается только 27 июля 1944 г. в числе соединений, «не способных вести боевые действия», — тогда он находился в распоряжении полевой комендатуры 829 в населенном пункте Мурована (на Западной Украине?)[4].

Финал для 829-го батальона наступил довольно скоро: приказом командующего военным округом в «генерал-губернаторстве» от 29 августа 1944 г. он был распущен[5]. По этому приказу батальон должен был прибыть в Краков, все его военнослужащие оставались в подчинении командира восточных отрядов (командование Восточных легионов к тому времени уже находилось во Франции), а

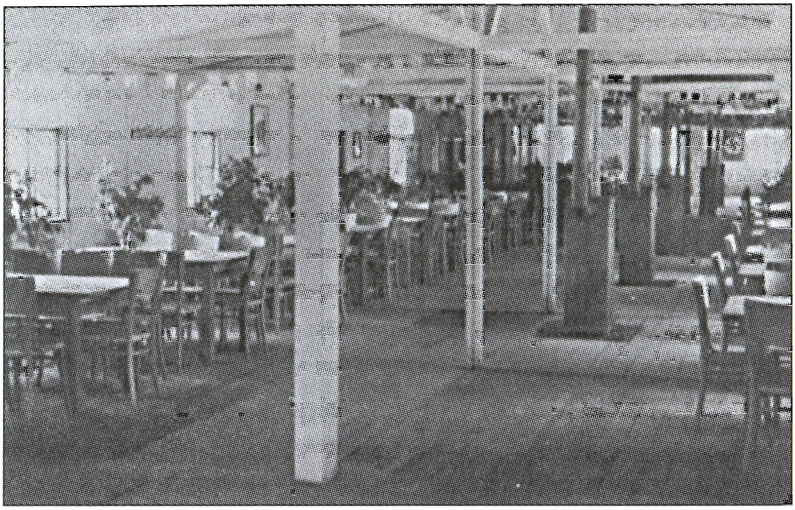
[1] *Карчевский Ю.В., Лешкин Н.И.* Указ.соч. С. 128.

[2] BA-MA , RH 53—23/51, Bl. 100.

[3] Ibid., RH 53—23/44, Bl.136.

[4] Ibid., RH 53—23/45, Bl.103.

[5] Ibid., Bl.164.



Внутренний вид столовой в лагере легиона в Едлино

территориально — в подчинении военного коменданта Кракова. По прибытии в Краков командир батальона должен был провести тщательное расследование по всем случаям нарушения дисциплины, всем случаям бегства и «разлагающей деятельности». Он должен был индивидуально проверить всех легионеров и составить списки, подразделив их на:

«1) тех, кто имел намерение убежать;

2) тех, кто знал о готовящихся побегах, приветствовал их и не сообщил о них командованию;

3) ненадежных, неустойчивых в политическом отношении;

4) негодных физически;

5) надежных и подходящих». При необходимости командиру батальона предписывалось соответствующим образом наказать всех виновных. О судьбе оставшихся должен был последовать приказ, но предполагалось, что батальон будет использован как саперное или снабженческое подразделение. Отдельно следовало ожидать приказа и относительно немецкого персонала батальона. Все эти мероприятия должны были быть проведены до 18 сентября 1944 г.

На этом история 829-го татарского батальона закончилась.

830-й батальон

Точных данных о дне формирования 830-го батальона нет. Хотя он и упоминается уже в документах от 1 сентября 1943 г.[1], существование его на тот день сомнительно, поскольку даже в документе от 26 октября он упоминается как «формирующийся»[2].

4 декабря 1943 г. 830-й батальон из Едлино был переведен в населенный пункт Конски, где он находился несколько месяцев (во всяком случае, до конца февраля 1944 г.)[3].

Использовать батальон против партизан немцы уже не решились: он нес охранную службу в разных населенных пунктах Западной Украины и Польши: в начале мая 1944 г. — в Каменна, 10 мая частично был переведен в Радом, Белобжеги и Томашов (известно, что в те дни вторая рота батальона охраняла железнодорожный перегон Каменна—Радом—Демблин). Переводы эти были осуществлены для проверки «надежности» и боеспособности батальона, которые у немцев вызывали подозрения, и не без основания.

В июне 1944 г. отделению гестапо в Радоме удалось выйти на одного из унтер-офицеров 830-го батальона, который искал связи с «коммунистическими бандами». Он, судя по всему, сумел организовать 20 человек легионеров, чтобы в ночь с 17 на 18 июня убить людей из немецкого персонала, вскрыть склад оружия, захватить автомобили и с оружием бежать к партизанам — но 12 и 15 июня инициаторы заговора, всего более 20 человек, были арестованы. 17 человек из них из-за отсутствия доказательств были впоследствии освобождены военным судом. Представители тайной полиции посчитали, что юридически это решение обосновано, но его последствия могут быть непредсказуемыми, поэтому рекомендовалось ситуацию подробно обсудить с командиром восточных отрядов[4].

Отделение гестапо беспокоилось вовсе не зря: уже 24 июня часть легионеров, захватив с собой ручной пулемет, пять автоматов, ручные

---

[1] BA-Potsdam, NS 31/55, Bl.8.

[2] BA-MA , RH 53—23/51, Bl. 100.

[3] Ibid., RH 53—23/43, Bl. 241; RH 53—23/44, Bl. 136.

[4] BA-Potsdam, Film 56636, A 196; отрывки из документа опубликованы Р.А. Мустафиным (Гасырлар авазы — Эхо веков. Май 1995. С. 142—143).

гранаты и амуницию, сбежали во время транспортировки с вокзала в Каменна.

Еще раз 830-й батальон уже в качестве строительно-саперного упомянут в справочнике Г. Тессина: вероятно, из-за нехватки людей к нему 24 октября 1944 г. были присоединены некоторые подразделения из 791-го туркестанского батальона[1].

Дальнейших сведений об этом батальоне у меня нет. Опять-таки в справке Союза борьбы тюрко-татар от 10 марта 1945 г. он упомянут как еще существующий, а Г. Тессин приводит сведения, что на заключительном этапе войны 830-й батальон существовал как строительно-саперный в составе 2-й армии, в начале 1945 г. дислоцировался в излучине Вислы, а позднее — в Померании[2].

831-й батальон

Был сформирован осенью 1943 г. в Едлино. Подтверждается его существование во второй половине октября — в одном из документов-справок он упомянут в качестве охранного соединения (или обеспечения охраны, прикрытия) — Sicherungsbataillon. Он, насколько можно судить по тексту документа, обеспечивал охрану основного лагеря Волго-татарского легиона в Едлино[3]. Примерно то же самое пришлось делать соединению в феврале 1944 г., когда оно находилось в Легионово под Варшавой (здесь был предварительный лагерь тюркских легионеров и офицерская школа)[4].

Других упоминаний о 831-м батальоне в источниках я не встретил. Г. Тессин отмечал, что в конце войны он находился в г. Бауцен (в Восточной Германии, на р. Шпрее), и в военных документах определяется как «тюркский 831-й батальон» (поэтому можно предполагать, что на последнем этапе войны он был переформирован или объединен с другими частями из тюркских народов)[5].

Создание батальонов Волго-татарского легиона за порядковыми номерами 832, 833, 834 было запланировано на осень 1943 г. В цити-

[1] *Tessin, G.* Bd.11. Osnabrück, 1975. S. 398.

[2] Ibid., Bd.13, S. 38.

[3] BA-MA , RH 53—23/51, Bl. 100.

[4] Ibid., RH 53—23/44, Bl.136.

[5] *Tessin, G.* Bd.13, S. 39.

ровавшемся выше документе от 1 сентября 1943 г. отмечено, что эти соединения создаются, но сведений о них еще нет. Скорее всего, они так и не были сформированы, и Г. Тессин также замечает, что формирование их «находится под вопросом, так как присвоенные им номера полевой почты уже в декабре 1943 г. были снова стерты»[1]. Каких-либо упоминаний, которые реально подтверждали бы существование этих татарских батальонов, мне найти не удалось[2].

Общий вид солдатского дома в лагере легиона в Едлино

Прочие татарские формирования в составе вермахта

627-й батальон — об этом соединении сохранилось несколько очень любопытных документов, показывающих, что и здесь перед немецким командованием стояли те же проблемы, что и в подразделениях, относящихся юридически к Волго-татарскому легиону. Г. Тессин сообщает, что он был сформирован в конце 1942 г. при группе армий «Центр» (т.е. еще на Восточном фронте), как восточный батальон 627. В октябре 1943 г. был переведен во Францию в распоряжение 7-й армии, и с декабря 1943 г. именовался в военных документах Волго-татарский батальон 627. 1 июля 1944 г. в соединении произошло восстание, во время которого был ранен его командир. После этого инцидента батальон был передвинут с передовой в тыл, но распущен не был. В конце войны он находился в распоряжении 15-й армии и дислоцировался в Голландии, на нижнем Рейне[3].

Расследование происшедшего с 627-м батальоном проводили и генерал Оскар фон Нидермайер, командир 162-й тюркской дивизии,

[1] Ibid., S.40—42.

[2] Автор рукописи «Волго-татарский легион», современник событий, правда, также называет 832—834-й батальоны в качестве созданных (Wolgatatarische Legion. S. 1).

[3] Ibid., Bd.14, S. 198.

Выступление ансамбля легиона «Идель-Урал»

одновременно инспектор восточных добровольческих соединений на Западном фронте, и по поручению Татарского посредничества корреспондент газеты «Идель-Урал» Г. Ямалиев[1].

Батальон, по мнению фон Нидермайера, в период подготовки отличался высокой дисциплиной, хорошей обученностью и боеготовностью, и его можно было считать чуть ли не образцовым добровольческим подразделением. Все эти «достижения» считались заслугой командира батальона, «свежего и энергичного человека», так как «от татар в целом не ждали каких-либо боевых качеств». Но выдвижение татарских легионеров на передовую против американцев привело к плачевным для немцев результатам: «Один из татарских постов, стоявший в ста метрах от американских позиций, своего оружия не применил, другой — просто потерял». Один из немецких командиров рот сообщил инспектору: «Офицеры моей роты криками просили американцев не стрелять. Страх татар был удивительно велик, поведение несолдатским. Большей частью они были пьяны, они покинули свои места. На обратном марше они опять напились, воровали, насиловали». Командование

[1] BA-Potsdam, Film 13747, A 578, 582.

7-й армии подтверждало эти печальные сведения: «Брожение среди татар началось уже при приближении к фронту. Муллы были среди первых, кто начал двигаться назад, а первые перебежчики появились уже тогда, когда батальон еще даже не имел серьезных столкновений. Когда командир батальона был ранен и покинул свой пост, это убрало последний барьер с их пути». Немецкое командование было очень удивлено тем, что после передвижения батальона в тыл с передовой он, как и раньше, стал дисциплинированным и управляемым.

После указанных событий батальон в военных действиях уже не применяли. Он был дислоцирован южнее населенного пункта Кутанс и занимался строительством укреплений. Фон Нидермайер был немногословен в заключительной части своего отчета: «Недееспособность этого соединения основывается на трусости. Сейчас я не знаю ни одного восточного батальона, который я мог бы считать подготовленным к решению любой боевой задачи». Очень красноречивое малословие: если уж на Восточном фронте, где все-таки впереди была родная земля, которую надлежало «освобождать от большевиков», большинство восточных батальонов особого рвения не проявило, то

Волго-уральские легионеры в перерыве между боями

на Западном фронте, во Франции, Бельгии или Голландии для них уже не существовало вообще никаких стимулов — ни национальных, ни политических, ни военных. Непонятный для легионеров лозунг борьбы против союзников большевиков — «плутократов», естественно, никого увлечь не мог.

Если фон Нидермайер констатирует факты и даже его малословная оценка боеспособности восточных батальонов явно негативна, то Ямалиев по-своему пытается объяснить ситуацию с точки зрения татарских легионеров и Татарского посредничества, оправдывая их провал в военной кампании. Его доводы таковы:

1. При 627-м батальоне не было ни одного пропагандиста со стороны «Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала» или Татарского посредничества. И вообще Союз борьбы не имел никаких сведений об офицерах и солдатах батальона, в котором не проводилось никакой пропагандистской и воспитательной работы.

2. Батальон в национальном отношении был неоднороден: в его составе были татары, узбеки, киргизы, украинцы, русские и др. Поэтому, как считал Ямалиев, не совсем верно было определять его как только Волго-татарский, хотя татары в нем и составляли большинство.

3. Ямалиев считал, что представление о татарах как о трусах в корне неточно, так как один татарский лейтенант и трое унтер-офицеров были награждены за мужество Железными крестами 2-й степени, а некоторые добровольцы имели также и другие награды. Проблема была, на его взгляд, скорее в недостаточном количестве национальных офицеров. Унтер-офицер Сайфуллин, награжденный железным крестом, якобы заявил Ямалиеву, что он предупреждал командира батальона о «просоветских» настроениях командира взвода первой роты Рахматуллина. На это, однако, реакции не последовало. А Рахматуллин между тем стал «подстрекателем» бегства 102 добровольцев.

4. Немецкие офицеры и унтер-офицеры не знали языка, не понимали менталитета своих подчиненных, и они сами открыто говорили об этом Ямалиеву.

5. Отношения между немецким персоналом и татарами в батальоне, судя по всему, были очень напряженными. Последние имели ощущение, что к ним относятся как к «унтерменшам», и особенно их задевало, например, что кухня для немцев и для татар была раздельной.

Награждение отличившихся добровольцев

Ямалиев приводил услышанные им в батальоне слова: «Вместе воевать мы можем, а вместе есть — нет».

Ямалиев в итоге предложил осуществить основательную чистку соединения от «неблагонадежных» элементов и активизировать пропагандистскую работу с помощью «подготовленных и проверенных» пропагандистов.

К мнению Ямалиева присоединился и руководитель Татарского посредничества граф Л. Стамати, который высказал точку зрения, что на татарские соединения при определенных условиях вполне можно положиться: «Оба татарских батальона, которые вновь сформированы сейчас в Ордруфе (неясно, о чем конкретно идет речь. — *И.Г.*), показали свою боеспособность в действиях в Южной Франции. Как сообщил мне обер-лейтенант Бенц, командующий генерал выразил им свою благодарность за храбрость. Даже из этого можно заключить, что суждение о неспособности татар к боевым действиям — неверны».

Сопоставим теперь два документа на одну тему. Даже если считать, что Г. Ямалиев старается представить своих соплеменников в благоприятном свете и поэтому, вероятно, что-то преувеличивает или недоговаривает, становится ясным, что не только трусость стала

основанием для «недееспособности» татарского 627-го батальона, и даже далеко не она. Дело, значит, не только в отсутствии стимула к борьбе: легионеров очень задевало и отношение со стороны немецкого персонала — офицеров и солдат, которые вроде бы должны были воспринимать их как союзников, но комплекс «сверхчеловеков» оказался очень живучим.

Если в 627-и батальоне, как констатировал Ямалиев, были не только татары, но и украинцы, русские, узбеки, киргизы, то надо отметить, что и татары входили в состав прочих военных соединений восточных народов, еще до формирования собственно татарских батальонов. Приведу лишь некоторые примеры.

В справке от 26 ноября 1942 г. о состоянии туркестанского батальона I/370 приводятся и статистические данные: в соединении насчитывалось немцев — четыре офицера, один служащий, 20 унтерофицеров, 11 солдат; тюрков — семь командиров рот, 164 командира взводов и отделений, 757 солдат. Подразделялся батальон на две роты узбеков, одну роту киргизов, одну роту татар и одну смешаннную роту (казахи, туркмены, таджики и каракалпаки)[1]. Известно дополнительно об этом батальоне, что в конце апреля 1943 г. он находился на Восточном фронте в районе Херсона, и в нем считалось 650 туркестанских легионеров и 100 поволжских (идель-уральских) татар[2].

На 18 марта 1943 г., по сообщению командования группой армий А, в составе туркестанского походного батальона 11 находилось 361 человек (явный недостаток): 109 узбеков, 71 грузин, 55 армян, 34 казаха, 25 осетин, 23 азербайджанца, 7 татар, 7 киргизов, 3 туркмена и др.[3]

3 апреля 1943 г. в туркестанском батальоне 811, находившемся на Восточном фронте в районе Керчи, насчитывалось 350 человек: 150 туркестанцев, 130 поволжских татар, 60 представителей северокавказских народов, 10 грузин и др.[4]

---

[1] BA-MA , RH 19 V/7, Bl. 221.

[2] Ibid., RH 19 V/5, Bl. 21; Более подробно об этом батальоне см.: *Hoffmann,J.* Kaukasien 1942/43. S. 170—183.

[3] BA-MA , RH 19 V/5, Bl. 51.

[4] Ibid., Bl. 23; см. об этом батальоне подробнее: *Hoffmann, J.* Kaukasien 1942/43. S.161—163.

После формирования Русской Освободительной армии генерала Власова в конце 1944 — начале 1945 г. определенная часть татарских военнопленных, вне сомнения, оказалась и в ее составе: в марте 1945 г., по данным Татарского посредничества, в РОА было около 1 тысячи поволжских татар. Посредничество настойчиво пыталось перевести их в национальные военные формирования[1].

Указанные факты позволяют полагать, во-первых, что даже те приблизительные данные о численности татарских легионеров в составе вермахта, которые были приведены выше, неточны и могут дополняться; во-вторых, что не только азербайджанцы и представители среднеазиатских народов все-таки направлялись немцами на Восточный фронт — в составе их соединений находилось определенное количество легионеров и других национальностей; в-третьих, можно предполагать, что и в состав татарских батальонов кроме представителей народов Поволжья и Приуралья входили и другие[2].

Учитывая конкретный опыт с подразделениями Волго-татарского легиона, с 627-м батальоном, германское командование приходит к мысли, что использование татарских легионеров (как в общем и представителей остальных народов) в боевых действиях к ожидаемому результату не приводит. В последний период войны неоднократно делались попытки оживить идею Восточных легионов. При этом предлагались некоторые новые варианты, порой самые фантастические. Например, весь комплекс мероприятий с целью оживления активной деятельности по созданию Восточных легионов с учетом уже имеющегося опыта вновь обсуждался на нескольких совещаниях у генерала фон Вартенберга 21—24 октября 1944 г. в гг. Гота и Ордруф. Новым в них

[1] BA-Potsdam, NS 31/31, Bl.47.

[2] Из беседы с бывшим членом Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала Гарифом Султаном (6 декабря 1994 г.) удалось установить, что в Волго-татарском легионе действительно были и представители других национальностей, в том числе, например, и несколько евреев, которых легионеры выдавали за татар, тем самым спасая их от неминуемой смерти. Это подтверждается и конкретными фактами, приведенными в газетной публикации Ровеля Кашапова: в 825-м батальоне под фамилией Каримов служил солист Киевской филармонии Борис Попов, а также скрипач Розенштейн из Ленинграда, носивший фамилию Хабибуллин (*Кашапов Р.* Джалиля предали, а евреев не выдали // Восточный экспресс. № 41 (100). 20—26 декабря 2002 г.)

было то, что теперь идее военного сотрудничества пытались придать более значительный политический характер. Поэтому в этих совещаниях принимали участие представители национальных комитетов от азербайджанцев, армян, поволжских татар (их на совещании представлял Г. Султан), среднеазиатских и северокавказских народов[1].

Просто удивительными, учитывая реальную военную ситуацию, кажутся предложения военных мероприятий со стороны «Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала», датированные 20 марта 1945 г. (!) и подписанные руководителем Посредничества Л. Стамати[2]. Предложения эти были следующими:

1. Создать идель-уральскую дивизию, тем более что численность татарских добровольцев в вермахте и военнопленных в лагерях позволяет это сделать.

2. Абсолютно всех военнопленных идель-уральцев собрать в одном переходном лагере и только в нем проводить с ними политическую работу и вербовку в создающуюся дивизию. «Без такой подготовительной работы вербовка будет давать незначительные результаты, так как настроения в лагерях военнопленных не очень хорошие».

3. Все татарские соединения предлагалось подчинить татарскому генералу (за основу явно взят случай с генералом А. Власовым). Для этой должности предполагался полковник на немецкой службе, бывший советский генерал-майор Салихов[3]. Как полагал Стамати, «этим будет

---

[1] BA-Potsdam, NS 31/55, Bl. 20, 23.

[2] Ibid., NS 31/55, Bl. 41.

[3] Достоверных сведений о личности генерала Хасана Салихова не так уж много. Он упоминается, например, в нескольких интервью проживавшего после войны в Германии Минхаджа Исмагила, которые отличаются сумбуром и курьезными неточностями (см., например: *Филиппов А.* Сагыш // Ажаган. № 2. 1992. 41—45 б.; Татарга мин нэрсэ телэр идем? // Мирас. № 11—12. 1994. 181 б.). Из этих интервью следует, что после окончания войны Х. Салихов, которого татары называли Хасан Мирходжа-Арали, проживал в Турции и принимал активное участие в политической и культурной жизни татарской эмиграции. В новейшей газетной публикации Ровеля Кашапова содержится больше сведений. Согласно этим данным, генерала на самом деле звали Маркез Бикмуллович Салихов. Родился он в 1894 г. в деревне Тавлино Нурлатского района. Военную службу начал еще до революции, в царской армии. Затем даже был у Колчака, и впоследствии перешел на сторону Красной армии. Перед

поднят боевой дух идель-уральцев, они перестанут себя чувствовать денщиками на немецкой службе, будут видеть в своем командире олицетворение своей национальной идеи.

4. Активизировать подготовку национальных офицерских кадров.

5. Стамати понимал, что объединение разбросанных татарских подразделений не может последовать моментально, но считал, что об этом по крайней мере надо объявить и начать первые мероприятия. Он выражал сожаление, что генерал добровольческих соединений не оказывает содействия поволжским татарам, «относится к ним с пренебрежением». По мнению Стамати, проведение в жизнь указанных мероприятий резко поднимет боевой дух татарских добровольцев.

Трудно полагать, что и члены «Союза борьбы», и сам граф Л. Стамати были настолько оторваны от реальности, чтобы в конце марта 1945 г. со стопроцентной серьезностью выдвигать и воспринимать приведенные предложения. Поэтому этот документ можно представлять скорее как акт отчаяния, как желание найти утешение в составлении таких бессмысленных прожектов. Вместе с тем он отражает общие стремления некоторых лидеров татарских коллаборационистов в годы войны.

Предложениями и обсуждениями подобные попытки и ограничились, иначе и быть не могло в тех условиях. В заключительный период войны легионеров, вначале предназначенных для полевых батальонов,

---

войной проживал в Уфе. В первые дни войны командовал 60-й стрелковой дивизией Южного фронта. Когда его подразделение отступило, как и многие другие военачальники, Салихов был предан суду и осужден на 10 лет лишения свободы «с отбытием срока наказания после войны». Он стал командиром 980-го стрелкового полка 275-й стрелковой дивизии Южного фронта. 14 августа 1941 г. в районе Киева был контужен и пленен. Военной коллегией Верховного суда СССР заочно был приговорен к расстрелу. Понимая безвыходность своего положения, генерал Салихов перешел на сторону немцев. Вначале работал в разведшколе в Варшаве, в 1943 г. стал начальником отдела разведшколы под Кенигсбергом. Как сообщает автор статьи, в 1944 г. генералу было предложено возглавить политическое руководство комитета «Идель-Урал», но он отказался. Советской контрразведке впоследствии он был известен под разными именами: Осман Булатович Османов, Ислам Каримович Зелимханов, Ослан Абдуллович Абдуллов, Керим Исламович Керимов. (*Кашапов Р.* Джалиля предали, а евреев не выдали // Восточный экспресс. № 41 (100). 20—26 декабря 2002 г.)

Репетиция ансамбля легиона «Идель-Урал»

начали использовать на строительных, саперных работах, формируя из них строительные, саперные или снабженческие соединения, причем чаще уже не батальоны, а более мелкие единицы. Хотя история татарских строительных подразделений в составе вермахта началась все же почти параллельно с историей Волго-татарского легиона.

Уже в приказе от 24 апреля 1942 г. была предусмотрена возможность использования тех легионеров, которые по тем или иным причинам не могут нести полноценную военную службу, в «рабочих целях». Эта идея приобрела реальные очертания в начале осени 1942 г.: 9 сентября командующий военным округом в «генерал-губернаторстве» подписал приказ о создании строительных и снабженческих соединений из тюркских народов. В приказе отмечалось, что это осуществляется по особому требованию ОКХ. Основная комиссия была составлена в Рембертове в составе: гауптман Мюллер из штаба Восточных легионов, штабной врач Дростек и обер-врач Венцель из 522-го батальона. Она собралась в полном составе 15 сентября и 16 сентября уже начала работу по отбору военнопленных[1]. Вначале предполагалось, что, на-

[1] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.2, Bl. 138.

пример, из поволжских татар будет создано 12 строительных рот и 12 рот снабжения[1]. Однако со временем эти цифры возросли: свою роль сыграли и необходимость подобных соединений, и фактический провал с использованием восточных народов в военных операциях. Поэтому легионеров из походных батальонов начинали использовать в иных целях, на более «безопасных» участках.

Еще более широко развернулась деятельность немцев в этом направлении с начала 1943 г. 14 января 1943 г. Генштаб ОКХ отдал приказ № 15285/43 о создании на территории Польши татарских строительных и снабженческих соединений[2]. Все это предполагалось осуществлять в лагере Седльце и включать в них представителей тех же национальностей, что и Волго-татарский легион (правда, в списке «поволжские татары» и «казанские татары» почему-то упомянуты отдельно). В строительные соединения записывались только лица до 45 лет, прошедшие медицинское освидетельствование. При этом особо разыскивались среди военнопленных те, кто имел рабочие специальности. Понятно, что к строительным соединениям могли быть приписаны и те легионеры, которые в боевых условиях, в составе походных батальонов проявили свою «ненадежность». Статус «строительных», как мы уже увидели выше, мог быть придан и бывшим походным соединениям.

В этот же день, 14 января 1943 г., для координации всех действий в Седльце был сформирован Штаб волго-татарских строительных рот общей численностью 27 человек (почти все немцы, за исключением двух переводчиков, двух шоферов и шестерых возниц). 24 мая штаб был переведен в лагерь Крушина и функционировал до 30 ноября 1943 г., когда был распущен, по-видимому, в связи с переводом Восточных легионов на Запад[3]. Создаваемые строительные соединения не находились в прямом подчинении командира Восточных легионов — они руководились специально назначенным офицером при командовании Восточных легионов. По правилам в создающихся строительных вос-

[1] BA-MA, RH 2/824, Bl.114.

[2] Ibid., RH 53—23/51, Bl.50—52.

[3] Ibid., Stammkarten Allgemeines Heeresamt-AHA. Эта картотека в архиве не имеет ни сигнатур, ни нумерации листов. См. также: BA-MA, RH 52—23/41, Bl. 163.

точных батальонах должно было быть следующее число немецкого персонала: три офицера, один служащий, девять унтер-офицеров, шесть рядовых и два переводчика[1].

Создаваемые татарские строительные (или саперные) соединения занимались ремонтом и строительством военных укреплений, дорог, мостов, разминированием; снабженческие соединения поставляли в действующие части различное военное оборудование, питание. Они, как правило, приписывались к более крупным немецким соединениям. Так, например, 20 июля 1943 г. по одной татарской строительной роте было приписано к следующим строительным батальонам — 80-му в Брянске, 214-му в Городке и 523-му штрафному в Конотопе[2].

Первые из имеющихся статистических данных, которые включают сведения о строительных, снабженческих соединениях поволжских татар, относятся к 1 сентября 1943 г.[3] На этот день существовали:

— 18-й волго-татарский строительный батальон, номер полевой почты 42683, командир батальона майор Деккерт, дислоцирован был на Восточном фронте, более точного указания об этом нет;

— 522-й снабженческий батальон под Варшавой общей численность 3411 человек (1220 туркестанцев, 1061 поволжских татар, 425 грузин, 352 азербайджанца, 242 армянина, 111 представителей северокавказских народов);

— 2-й тюркский рабочий батальон, общей численностью 7144 человек (большинство туркестанцы), в его составе четыре роты поволжских татар: в Деба (под Краковом) — 637 чел., в Воланове — 713 чел., в Радоме — 621 чел., в Кильце — 303 человека;

— 3-й тюркский рабочий батальон общей численностью 6153 чел. (подавляющая часть из них — грузины и армяне), в его составе три роты поволжских татар во Львове, имеющих соответственно по 637, 860, 982 человека.

Как видим, последние «батальоны» и «роты» по своей численности явно не соответствовали своим названиям, поэтому, вероятно, позднее эти «батальоны» стали именоваться «тюркскими рабочими

[1] BA-MA, R 2/1422, Bl. 23.

[2] Ibid., RH 53—23/42, Bl. 40.

[3] BA-Potsdam, NS 31/55, Bl. 8—10.

бригадами». Командиром всех строительных (рабочих) батальонов (бригад) являлся полковник Боллер[1].

Осенью 1943 г. командование Восточных легионов переводилось во Францию. При этом была решена, как уже упоминалось, и судьба штаба по созданию татарских строительных рот в Польше — он был распущен. Восемь татарских рот, которые в конце октября 1943 г. находились под его командованием, были приписаны к тюркским рабочим батальонам или же к строительным ротам под Минском[2].

Татарские и тюркские рабочие соединения не обязательно выводились с территории Польши. 15 января 1944 г., например, командир тюркского рабочего батальона 2/IV сообщал, что его батальон располагается в г. Радоме и имеет в составе 735 поволжских татар (из них 120 христиан), что 8 декабря мусульмане дружно отметили праздник Курбан-байрам[3].

В сообщении от 2 февраля 1944 г. упоминаются мелкие татарские строительные, саперные и снабженческие подразделения, находившиеся тогда на Южной и Северной Украине и в Белоруссии: на Южной Украине: татарская строительная рота 1004 и снабженческая рота 6/562; на Северной Украине — строительно-саперные роты: 4/18, 3/214, 4/523, 4/306, 3/306, 2/108, 3/108 и 11/100; роты снабжения 3/47, 5/144. В центре (в Белорусии) — рота снабжения 1/825 (вполне может быть, что это один из остатков походного батальона 825, поднявшего восстание), строительные роты 1002, 1003 и строительно-саперная рота 4/78[4].

Очевидно, что подобные татарские соединения существовали до самого конца войны. В справке Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала от 10 марта 1945 г., которая выше уже неоднократно цитировалась, упоминаются следующие татарские роты: 3/78, 4/100, 5/144, 4/214, 4/806, 4/523, 4/562, 4/677, 4/786, 1/825, 1001, 1002, 1003, 3/592, 2/314,

---

[1] В воспоминаниях Хайнца Унглаубе отмечается, что татарские рабочие батальоны полковника Боллера, численностью более 10 000 человек, были очень слабо вооружены. Во время наступления Красной армии под Краковом они были рассеяны и почти все оказались в плену, теперь уже советском (*Unglaube, H.* Errinnerungen S. 36).

[2] BA-MA, RH 53—23/51, Bl. 100.

[3] Ibid., RH 53—23/44, Bl. 72.

[4] Ibid., R 2/2728, Bl. 13,15,17.

3/314, 2/862, 4/18, 2/14. Считалось, что в каждой из них в среднем по 200 человек, итого, значит, в них находилось 3800 человек. В тюркских же рабочих бригадах, как отмечено, «перед отступлением» насчитывалось 6000 татар.

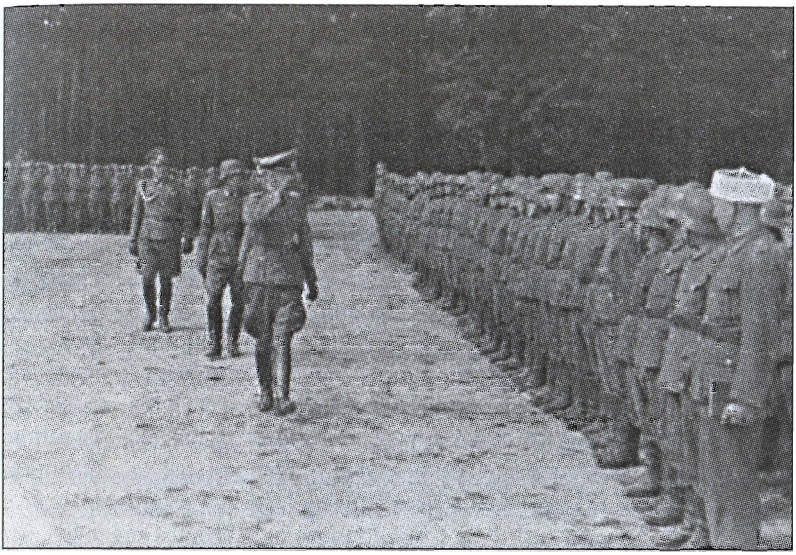
В рукописи «Волго-татарский легион» содержатся следующие статистические данные о татарских строительных подразделениях: 9 строительных батальонов в составе тюрко-кавказских строительных бригад, около 45 рот в составе немецких и национальных соединений[1].

Как мы уже убедились, это были не обязательно вновь завербованные лица, это, скорее всего, люди из той же «обоймы» — из прежних расформированных, распущенных соединений, бывшие легионеры Волго-татарского легиона и т.п. Но в любом случае не вызывает сомнений, что и в строительных, саперных, снабженческих соединениях в ходе войны на стороне Германии кроме представителей других народов служили и тысячи поволжских татар.

Итак, мы рассмотрели на основании имеющихся источников известные факты из истории Восточных легионов в целом, и Волго-татарского легиона в частности. Как уже говорилось, этим не исчерпывается история советского коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны: была Русская Освободительная армия, были соединения украинские, белорусские, из представителей прибалтийских народов, была 162-я тюркская дивизия и другие соединения. Каждое из них имеет свою историю, которую при желании можно представить и изучить, опираясь на архивные материалы (которых, несмотря на значительные пробелы, сохранилось все-таки немало), на специальную историческую литературу (к сожалению, больше на западную, хотя в последние годы и в отечественной историографии наметился серьезный интерес к запретной ранее теме).

В данной книге при характеристике военного сотрудничества тюрко-мусульманских народов, в том числе и поволжских татар, с Германией представляется важным кроме истории Восточных легионов рассмотреть еще одну сторону этого сотрудничества, а именно историю Восточнотюркского боевого соединения СС. Этот сюжет в нашей историографии и публицистике не изучался, и даже почти не

[1] Wolgatatarische Legion, S. 1.



Утреннее построение легиона, крайний справа — батальонный мулла

упоминался. «Восточная политика» СС, как оказывается, имела и свои особенности: например, в понимании предпосылок сотрудничества с восточными народами, в методах и мотивах его осуществления. Однако финал и в том и в другом случае оказался абсолютно одинаковым — и Восточные легионы вермахта, и Восточнотюркское боевое соединение СС оказались в реальности соединениями, которые надежд немцев не оправдали.

Восточнотюркское боевое соединение СС (ВТБС)

Данная глава книги была начата с цитаты из выступления Гитлера, которая позволяет представить, насколько резко под давлением обстоятельств изменилась политика руководства Германии по отношению к восточным народам уже в первое военное полугодие. В этом разделе речь пойдет об организации, которая в национал-социалистическом государстве занимала особое место и имела порой свое представление о происходящих событиях и проводимой политике, в том числе

также по указанному вопросу — я имею в виду СС. И вначале также приведу цитату.

14 октября 1943 г. рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер заявил: «Господин Власов начал высказывать чрезмерную гордость, присущую русским и славянам. Он заявляет, что Германия не может завоевать Россию, что Россия может быть завоевана русскими. Осторожнее, господа, в этой сентенции таится смертельная опасность... У германской армии может быть только одна молитва — утром, днем и вечером: мы победили врага, мы, немецкая пехота, победили всех врагов в мире. И если вдруг появляется какой-то русский, дезертир, который позавчера, может, был подручным мясника, а вчера — сталинским генералом, и читает нам лекции с чисто славянским высокомерием, утверждая, что Россия может быть завоевана только русскими, то я вам скажу, что уже по одной этой фразе видно, какая он свинья»[1]. Итак, высказывания Гиммлера, одной из самых страшных фигур Третьего рейха, как видим, звучат в унисон с известными мыслями Гитлера. Но не прошло даже и года, однако Гиммлер, автор и ярый проповедник теории «недочеловеков», принимал генерала Власова и, вежливо выслушав его, пообещал ему свое содействие в создании независимой русской армии.

Итак, и здесь налицо резкий, удивительный поворот со стороны СС по отношению к русским, к славянам, к которым вообще гитлеровское руководство относилось с особой ненавистью. С чем же связано такое изменение на этот раз? А как в таком случае СС относился к тюркским народам? Так же, как к славянам, или же иначе? Проследим за всем этим по порядку.

СС — почти государство в государстве, и его шеф рейхсфюрер Гиммлер очень ревниво и внимательно относился к деятельности всех властных структур Третьего рейха, находясь с большинством из них в откровенном соперничестве. Когда Германия начала войну против СССР, когда было создано Восточное министерство и первые рейхскомиссариаты, СС в процессе разделения власти на Востоке как-то остался в стороне. Самолюбие эсэсовского начальства было задето — началось серьезное противостояние. Летом 1943 г. эта настоящая тихая война между ведомствами Гиммлера и Розенберга достигла своего апогея — в итоге усилиями СС из Восточного

[1] Цит. по кн.: *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты. С. 320—321.

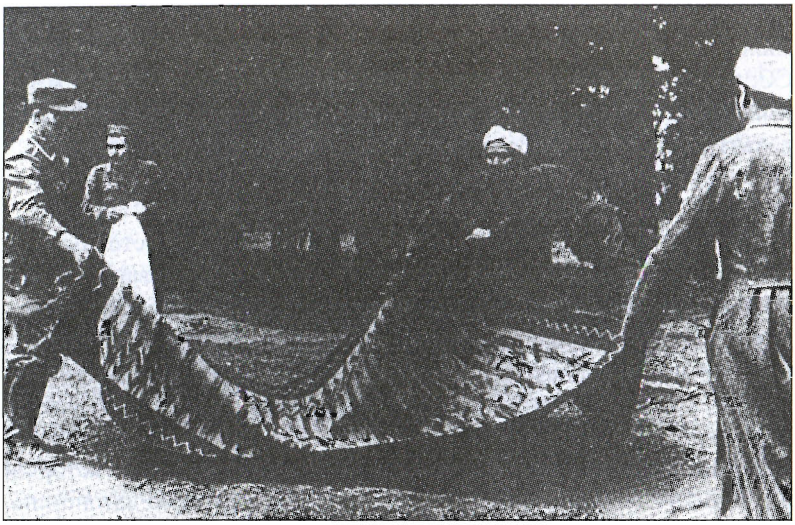
министерства был удален шеф Главного отдела «Политика» Георг Ляйббрандт и на его место Розенберг назначил обергруппенфюрера СС, руководителя Главного управления СС Готтлоба Бергера, который тут же провел реорганизацию вновь подчиненного ему отдела, назвав его по-своему «Ведущий штаб — «Политика»[1]. Это был успех Гиммлера в сфере политической, административной, но что же происходило в сфере военной?

СС внимательно следил за процессом создания Восточных легионов, параллельно проводя свою политику рекрутирования и привлечения восточных народов, которая по времени почти совпадала с деятельностью вермахта в этом направлении. Как оказывается, свое «добро» на появление «русской армии» Гиммлер дал Власову уже после того, как СС сформировал свои подразделения из прибалтийских народов и украинцев. В мае 1942 г. было дано позволение на создание соединений СС из латышей, литовцев и эстонцев, которым в конце 1943 г. Гиммлер даже пообещал политическую автономию. Весной 1943 г. около 30 000 украинцев были объединены в дивизию СС «Галиция»[2]. Примерно в то же время появились и планы относительно тюркских народов.

И все это бесспорно являлось свидетельством того, что политика СС на Востоке меняется. Этому способствовали многие факторы: соперничество между руководящими фигурами и учреждениями Германии (в данном случае — особенно Восточного министерства и СС); неудачный для Германии ход войны, в которой после Сталинградской битвы уже наметился коренной перелом; явная неудача вермахта с созданием и применением Восточных батальонов. В такой сложной ситуации Гиммлеру очень хотелось сыграть роль спасителя, который сможет изменить ход событий в благоприятную для Германии сторону. Положительные результаты создания в рядах СС соединений из восточных народов должны были укрепить нацию и фюрера именно в таком мнении. Т.е., если для создания Восточных легионов одной из основных предпосылок военно-политического плана стал провал «молниеносной войны», то для СС, пожалуй, более важную роль играл провал мероприятий по формированию Восточных легионов.

[1] *von zur Mühlen, P.*, S. 139—140.

[2] *Dallin, A.*, S. 611—613.



Подготовка к намазу в Восточнотюркском боевом соединении СС

Хотя, конечно, военные неудачи Германии на Восточном фронте свое влияние на политику СС оказали.

Кроме того, существовала для СС и несколько иная, чем в случае с вермахтом, идеологическая предпосылка. Вспомним, что для Восточных легионов вермахта в качестве основного политического мотива предлагалась «борьба с большевизмом». Совершенно прав С. Цвиклински, который подчеркивал, что «тот факт, что теперь представители советских тюркских народов боролись на немецкой стороне, имел для вермахта меньше идеологическое, а гораздо больше конкретное военное значение»[1]. В политике же СС по отношению к тюркским и мусульманским народам на первый план выдвигалась идея их «революционизации», «фанатизации»[2]. Заключалась эта идея в том, что по

[1] *Cwiklinski, S.* Die Panturkismus-Politik der SS: Angehörige sowjetischer Turkvölker als Objekte und Subjekte der SS-Politik, in: Fremdeinsätze. Afrikaner und Asiaten in europäischen Kriegen, 1914—1945. Hrsg. Gerhard Höpp und Brigitte Reinwald. Berlin, 2000. S. 150.

[2] См. об этом подробнее: *von zur Mühlen, P.* S. 143—147. Причем термин «революционизация» был далеко не нов в лексиконе немецких военных и политиков. Он использовался именно в том же смысле и во время Первой

представлениям эсэсовских теоретиков, создание тюркского военного соединения в рамках СС должно было привести «к постепенному притягиванию на сторону Германии всего мусульманского мира», с конечной целью «внешнего развала СССР». Такое соединение виделось к концу 1943 г. как «единственная платформа для фанатизирования восточных тюрков в борьбе против большевистской России»[1]. Рассмотрим вначале, как же представлялось в СС достижение этой «революционизации».

В основу «идеи» были положены еще предвоенные изыскания двух ученых: Георга Кляйнова и Райнера Ольши.

Р. Ольша родился в 1912 г., медик по образованию, в 1936 г. защитил диссертацию о системе советского здравоохранения в Средней Азии. Одновременно он учился в Берлинском университете на факультете изучения зарубежных стран и стал ассистентом у востоковеда Г. Кляйнова, который в том же 1936 г. скончался. Впоследствии Р. Ольша подготовил к печати монографию «Туркестан — политико-исторические и экономические проблемы Центральной Азии», увидевшую свет в 1942 г.[2] В сентябре 1941 г. он был призван в СС и получил чин унтерштурмфюрера, занимаясь на первых порах исключительно санитарными и хозяйственными делами. Только в 1944 г. уже в чине гауптштурфюрера СС (это звание он получил 1 сентября 1944 г.), он смог заняться осуществлением своих политических идей, возглавив в Главном управлении СС отдел «Туран-Кавказ». Несколько забегая вперед, скажу, что он был арестован после окончания войны и в 1947 г. скончался в советском плену. Находясь в плену, Ольша составил объемное письменное из-

мировой войны, когда мусульманские военнопленные из армий стран Антанты концентрировались в специальных лагерях на территории Германии и Австро-Венгрии. Предполагалось, что эти военнопленные через пропагандистские мероприятия будут «революционизированы», станут надежным военным союзником Германии и основой для создания будущих армий колониальных народов (см. об этом подробнее: *Kahleyss, Margot.* Muslime in Brandendurg — Kriegsgefangene im 1.Weltkrieg. Ansichten und Absichten (=Veröffentlichungen des Museum für Völkerkunde. Neue Folge 66). Berlin, 1998).

[1] BA-Potsdam, NS 31/27, Bl. 3; 31/43, Bl.7; NS 31/44, Bl. 16.

[2] *Cleinow, Georg*; *Olzscha, Reiner*. Turkestan — die politisch-historischen und wirtschaftlichen Probleme Zentralasiens. Leipzig, 1942.

ложение своей деятельности[1]. По вполне справедливому замечанию П. фон цур Мюлена, в СС он сыграл примерно такую же роль, что и профессор фон Менде в Восточном министерстве[2].

В понимании Р. Ольши «тюрко-татары или восточные тюрки являются сильнейшим неславянским и нехристианским меньшинством в СССР, которых следует воспринимать в единстве». Из «этнических, культурных, религиозных причин они издавна противостоят русским», поэтому считалось, что их легче всего использовать в сепаратистском движении». Ольша признавал, что «чувство общности у восточных тюрков развито не очень сильно, и все же они чувствуют себя близкими по крови, языку и религии и осознают свою враждебность русским». В работе с тюрко-мусульманскими народами, которая проводилась в

---

[1] Факты биографии Р. Ольши см.: Bundesarchiv (Abteilungen Berlin-Zehlendorf)(далее — BA-Zehlendorf), Personalakten Olzscha. О его смерти и составленной в плену рукописи, которая, судя по всему, в настоящее время хранится в архиве ФСБ под актовым номером 17680, см.: BStU-Zentralarchiv, RHE 63/88-SU, Bd.2, Bl.5. Несколько иные сведения о судьбе Ольши дает В.П. Ямпольский. По его данным, Р. Ольша был приговорен к высшей мере наказания 16 марта 1946 г. военным трибуналом Группы советских оккупационных войск в Германии. В.П. Ямпольский опубликовал также протокол допроса Р. Ольши от 27 ноября 1945 г. («Мусульманская плаха» для России //Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 27—31). Не совсем понятно, почему Р. Ольша в одной из статей Р. Мустафина назван «одним из высших чинов СС», ибо его чин «гауптштурмфюрер» соответствовал чину капитана в вермахте. (*Мустафин Р.А.* Что же двигало Джалилем? // Татарстан. № 12. 1993. С. 74.) Можно согласиться с тем, что фигура Ольши в работе СС именно с тюркскими народами была действительно самой крупной, но понятно, что в целом деятельность СС этим не ограничивалась. В книге Ю. Карчевского и Н. Лешкина представлено, что Р. Ольша как «матерый разведчик» уже с 1942 г. принимал участие в создании Восточных легионов (*Карчевский Ю.В., Лешкин Н.И.* Указ.соч. С. 43, 65—67). Такое представление документально не подтверждается, а Р. Ольша вплоть до августа 1943 г. вообще находился в СС на санитарной, а затем на хозяйственной (комендантской) должности и, судя по всему, к восточным народам никакого отношения не имел. Сомнительно также то, что Ольша имел прямое отношение к расследованию по делу группы Мусы Джалиля. Только с общим поворотом руководства СС в отношении нерусских народов в 1943 г. к этой работе и был привлечен Р. Ольша.

[2] *von zur Mühlen, P.* S. 141.

первые годы войны против СССР, эсэсовский теоретик видел немало изъянов: «Проводилось не объединение, а разделение их, (...) германской стороной тюркские народы рассматривались не как единое целое, они были сгруппированы по региональному принципу на туркестанцев, поволжских татар, крымских татар и т.д.»; «немецкая политика была корыстолюбива, поэтому разочарованные лидеры тюрко-татарской эмиграции тянулись в сторону Турции»; к сотрудничеству привлекались «совсем неподходящие фигуры» (особенно отмечалась «негативная роль» президента Туркестанского национального комитета Вели Каюм-хана); «деятельность ОКВ в тюркских добровольческих соединениях исходит из чисто военных моментов, опирается на пропаганду, которая не дает резонанса, (...) в полной мере не используются ни внешнеполитический, ни военный сектор возможностей». Ольша считал, что поскольку линия фронта постепенно удаляется от основных территорий проживания тюркских народов, то необходимость в соблюдении политического принципа их разделения, группировки отпадает. Поэтому «настает момент использовать всех восточных тюрков как единый в расовом и языковом отношении блок против русских», причем «еще более усилить его возможно через исламский фактор»[1]. Единственной инстанцией, которая до того времени не участвовала в решении указанных вопросов и могла бы принять на себя руководство восточными тюрками и была наиболее приспособлена для этого, являлся, по мнению Ольши, СС.

Итак, как видим, стараниями Райнера Ольши вновь появлялась на свет уже раз опробованная, но эффекта не давшая и явно нежизнеспособная идея тюркского единства (об этом упоминалось во второй главе этой книги). В то же время обратим внимание на то, что СС в отличие от вермахта с самого начала рьяно взялся за разработку теоретической, политической базы «сотрудничества» с тюркским народами.

По поручению Главного управления СС в конце 1943 — начале 1944 г. своими мыслями по поводу создания ВТБС поделились и другие специалисты, которые имели дело с тюркским народами. Это упоминавшийся выше майор А. Майер-Мадер и профессор Г. фон Менде. Майер-Мадер в специально написанной памятной записке от 15 декабря 1943 г. обобщал накопленный с Восточными легионами опыт. Он отмечал как одно из главных требований на будущее: «активизирвать пропаганду, чтобы

[1] BA-Potsdam, NS 31/42, Bl. 8—9.

совсем не потерять наших союзников». Лучшим средством для привлечения мусульманских военнопленных и мусульманского мира в целом на сторону Германии он считал создание тюрко-мусульманской дивизии с собственными офицерами до командиров батальонов включительно. Эта дивизия, по Майер-Мадеру, должна была стать «для тюрко-мусульман родиной до тех пор, пока собственно родина для них закрыта. Каждый из них должен знать, что есть в Германии место, где он будет иметь все права, где в чужой стране он не будет чувствовать себя чужим. Он уже не будет рассматривать Германию как чужую страну, в которой он не имеет никаких прав, кроме одного — права проливать за нее кровь. Дивизия должна стать полем накопления сил, чтобы воздействовать на всех тюрко-мусульман, охватывая и мусульман России». В этом Майер-Мадер видел «глубокий смысл» создания тюрко-мусульманской дивизии СС[1].

В начале февраля 1944 г. свои «политические направления» для всех тюркских военных соединений, в том числе и в рамках СС, разработал и Г. фон Менде, который в целом придерживался точки зрения Р. Ольши о единстве тюркских народов, хотя и был более осторожен в формулировках. Он выразил мнение, что создание Восточномусульманского соединения СС (так поначалу планировалось его назвать) требует изменения проводимой до сих пор политической линии. Тюркские народы должны были прийти к мысли, что «объединение их в мусульманское военное образование должно с германской стороны означать поддержку их общетюркских устремлений». Фон Менде, который хорошо понимал, что пропаганда тюркской идеи среди различных народов (среди туркестанцев, азербайджанцев и поволжских татар) будет иметь сложности, все же считал ее плодотворной и реалистичной. Пропаганда «объединяющих основ тюркских народов» могла, по фон Менде, привести к такому «положительному результату», как «создание мощной неславянской группировки численностью до 20 миллионов человек, которая противостояла бы русским на востоке». На первый план пропаганды такой тюркской идеи должны были быть поставлены связи тюркских народов Туркестана и Идель-Урала, но без упоминания Турции, «учитывая отношение к этому нетюркских народов Кавказа и будущую германскую политику в этом регионе»[2].

[1] BA-Potsdam, NS 31/43, Bl. 30.

[2] Ibid., NS 31/42, Bl. 4—5.

Для реализации изначально неосуществимого проекта и задумывалось создание в рамках СС Восточнотюркского боевого соединения СС, которое, по мнению его руководителя штандартенфюрера СС Харуна эль-Рашида (о нем еще будет сказано ниже), должно было стать не чисто военной единицей, а скорее носителем указанной идеи, «местом сбора и формирования политического мышления с целью последующего военного применения». Основной лозунг соединения должен был гласить: «Мусульманские восточные тюрки, живущие в советском пространстве, объединяйтесь при поддержке Германии, помогайте друг другу в достижении национальной свободы». Харун эль-Рашид довольно ясно понял, что большинство легионеров в вермахте ощущают себя в качестве «пушечного мяса», поэтому он настойчиво предлагал, чтобы тюркские солдаты имели собственное руководство и ясную цель — борьбу за национальную свободу[1].

Кроме «теоретического» обоснования создания ВТБС в СС была проведена и заметная организационная работа, созданы специальные структуры для осуществления идейного руководства и практического осуществления задуманного.

В январе 1944 г. в Дрездене было создано «Рабочее объединение Туркестан» («Arbeitsgemeinschaft Turkestan») во главе с Райнером Ольшей, подчиненное Главному управлению СС[2]. Это было фактически научно-исследовательское учреждение с девятью отделами: страноведение, транспорт, геология и полезные ископаемые, сельское хозяйство, климатология, этнография и фольклористика, ислам, медицина, литература.

Для работы в объединении привлекались научные силы из многих университетских центров Германии. Оно должно было разрабатывать в целом все проблемы, связанные с тюрко-мусульманским миром[3].

---

[1] BA-Potsdam, NS 31/44, Bl. 16.

[2] На допросе 27 ноября 1945 г. арестованный Р. Ольша, однако, назвал датой основания «Рабочего объединения Туркестан» сентябрь 1943 г. Возможно, он имел в виду начало подготовительной работы по организации «объединения» («Мусульманская плаха» для России. С. 31).

[3] *von zur Mühlen, P.* S. 140—141. См. также: *Брентьес Б.* Использование востоковедов фашистскими шпионскими службами // Вопросы истории. 1986. № 2. С. 171—173. «Рабочее объединение Туркестан» интерпретируется в некоторых исследованиях как «высшая разведывательная школа, прикрытая

Организационные изменения были проведены и в самом Главном управлении СС. В конце весны — начале лета 1944 г. был создан специальный отдел «Руководящий отдел — восточные добровольцы» («Freiwilligen Leitstelle Ost»), который к концу 1944 г. получил следующее оформление: он делился на четыре подотдела — русский, украинский, казачий и «Туран-Кавказ» (шифр Д 1/5к). Подотдел «Туран-Кавказ» в свою очередь подразделялся на отдельные «рефераты» (из них упомяну лишь некоторые):

Рабочее направление «Политика»:

— реферат 1 «Тюркские народы» (руководитель оберштурмфюрер Северин Шия),

три отделения: а) Туркестан (Шия); б) Идель-Урал (Хайнц Унглаубе); ц) Крым (Гогартен);

— реферат 2 «Кавказ» (Штойервальд),

четыре отделения: а) Азербайджан (Штойервальд); б) Северный Кавказ (Орт); ц) Грузия (Хорстманн); д) Армения (Хорстманн).

Рабочее направление — «Добровольческие соединения»:

— реферат 6 «Восточнотюркское боевое соединение СС» (обершарфюрер Вольф);

— реферат 7 «Кавказское боевое соединение СС» (Вольф).

Рабочее направление «Наука, пресса, пропаганда»:

— реферат 11 «Ислам» (Ольша);

— реферат 12 «Буддизм»;

— реферат 13 «Пресса и пропаганда» (Шефер)[1].

Впервые в точно датированных документах вопрос о Восточнотюркском боевом соединении мне встретился в справке по Главному управлению СС от 14 октября 1943 г.[2] В документе оно называется еще «мусульманским легионом СС». Поскольку, согласно справке, созданные вермахтом Восточные легионы оказались «недееспособными в военном отношении и недостаточно ориентированными политически», создавалась новая военная единица. Для нее предназначались:

вывеской «научно-исследовательского института», что вряд ли далеко от истины («Мусульманская плаха» для России. С. 31; *Романов А.* Аллах «черно-рубашечников» // Наука и религия. 1964. № 5. С. 32).

[1] BA-Potsdam, NS 31/27, Bl. 18; NS 31/170, Bl.1.

[2] Ibid., NS 31/43, Bl. 7—8.

«начальный контингент» в 300 человек, небольшой отряд майора Майер-Мадера, около 30 000 военнопленных в лагерях и восточных рабочих. Как отличие от вермахта отмечалось, что немецкий персонал будет использоваться меньше, так как предполагалось воспитание собственных офицерских кадров. Другим отличием считалось то, что представителей тюркских народов планировалось назначать на офицерские должности, вплоть до командиров батальонов, и они должны были по правам быть полностью приравненными к немцам. Особо подчеркивалась необходимость привлечения для ВТБС «особо ценного специалиста» майора Майер-Мадера, который «не прижился в вермахте, оказавшись там чужаком».

На следующий день, 15 октября 1943 г., Г. Бергер обратился к Гиммлеру с просьбой дать ему «возможность составить мусульманскую дивизию из представителей тюркских народов», уточняя, что речь идет о процессе «всего развития ее до полного создания». Начальник Главного управления СС пожаловался, что еще не все должностные лица осознают в полной мере «политическую ответственность и важность» происходящего. Бергер обещал, что в случае успеха проекта отношения Германии с исламским миром улучшатся, и считал немаловажным, что появится новая, хорошая боевая единица, «несмотря на то, что она составлена из диких народностей»[1].

Еще в одном из документов явственно заметно стремление представить СС как спасителя ситуации с восточными добровольцами, что будто бы выгодно отличало его от вермахта — 24 ноября 1943 г. Г. Бергер сообщал в адъютантуру Гиммлера: «Мне стало известно, что вермахт одним махом объявил все тюркские батальоны ненадежными и решил их распустить и использовать только на трудовых работах. Все это неверно, так как это мужчины, и они должны быть солдатами. Их использование на работах успеха иметь не будет. Вопрос тюркских батальонов имеет чрезвычайную важность. Если мы сможем поставить рядом с западномусульманским дивизионом (имеется в виду соединение СС из боснийских мусульман. — *И.Г.*) и восточных мусульман, то это подействует на 220 миллионов мусульман в мире как сигнал»[2].

---

[1] BA-Potsdam, NS 31/43, Bl. 12.

[2] Ibid., Bl. 16. О боснийских соединениях войск СС см.: *Романько О.В.* Указ. соч. С. 55, 114—122.

Осенью 1943 г. началось осуществление практических мер по реализации указанных планов. Специально подобранные люди отправлялись в лагеря для военнопленных, в батальоны Восточных легионов, к восточным рабочим для проведения вербовки. Сценарий при этом был практически тот же, что и в случае организации Восточных легионов. Для примерного представления о том, как проводилась такая деятельность, приведу документ с соображениями по этому поводу представителя Азербайджанского посреднического штаба (национального комитета) майора Або Фаталибейли-Дудангинского[1]. Каждый национальный комитет (речь о них пойдет в следующей главе) создавал специальные комиссии по вербовке. Комиссии отбирали людей, которых затем перемещали в предварительный лагерь. А. Фаталибейли-Дудангинский предлагал создать два таких пункта — один на востоке, другой на западе, чтобы избежать потерь времени и не загружать транспорт. Но фактически такой предварительный лагерь существовал только один — в Вене[2]. Здесь осуществлялись прием завербованных, дезинфекция, врачебный осмотр, устаналивалась «годность к боевым действиям или вспомогательной деятельности». Тут же проводилась первичная пропагандистская «обработка» с разъяснением целей тюркских народов и конкретных задач, стоявших перед тюркским подразделением СС. В лагере создавались так называемые маршевые соединения, которые отправлялись в установленное место — город Капошвар в Венгрии. Здесь уже должно было происходить окончательное оформление ВТБС, подразделявшегося на четыре полка или, согласно эсэсовской терминологии, «боевые группы» (Waffengruppe) — Туркестан, Идель-Урал, Крым, Азербайджан,

---

[1] Ibid., NS 31/44, Bl. 9—12. А. Фаталибейли-Дудангинский являлся одним из лидеров азербайджанского национального представительства при Восточном министерстве, а в послевоенные годы — важной фигурой антикоммунистической, антисоветской эмиграции в Западной Европе. Был убит в 1954 г. в Мюнхене, как предполагается, советским агентом. В одной из недавних публикаций его имя, к сожалению, искажено до неузнаваемости — он назван майором Руданчинским и к тому же «представителем Русской Освободительной армии» (*Мустафин Р.А.* «Идель-Урал»: взгляд из Германии. Документы и комментарии // Гасырлар авазы — Эхо веков. Май 1995. С. 140, 142). См. о нем подробнее: *von zur Mühlen, P.* S. 111—116, 231—232).

[2] BA-Potsdam, NS 31/27, Bl. 3.

которые в свою очередь планировалось делить на батальоны. В перспективе же считалось, что ВТБС вырастет до тюркской дивизии СС, состоящей из нескольких полков или бригад. Как уже упоминалось, в отличие от вермахта большинство офицерских чинов должны были занять представители тюркских народов: по крайней мере, имелись в виду все офицерские должности от командира рот и ниже, но на посты от командиров батальонов и выше в этом документе предлагалось назначать только немцев, но обязательно с заместителями из тюрков. Заместителей должны были предлагать национальные комитеты, в их компетенцию входили бы все вопросы «национально-политического воспитания» солдат соединения. В представлении А. Фаталибейли-Дудангинского ВТБС имело бы свою символику: общее тюркское знамя — с полумесяцем и пятиконечной звездой на голубом фоне, что означало бы: «голубой цвет — цвет тюркской крови, полумесяц и звезда — исторические символы тюркских народов, пятиконечная звезда — пять тюркских государств — Туркестан, Азербайджан, Идель-Урал, Северный Кавказ и Крым».

Несколько иное мнение об организационном устройстве ВТБС имел Харун эль-Рашид. Он также считал, что соединение будет подразделяться на полки, а те, в свою очередь, на батальоны, но батальоны в каждом полку должны были быть смешанными, т.е. представлять три разных народа. Такое «смешивание, — как считал эсэсовский офицер, — необходимо, чтобы осложнить вражескую пропаганду, и чтобы предотвратить возможную измену». Полки же не должны были иметь тяжелое вооружение и опять-таки больше употребляться в борьбе против партизанского движения. Чувствовалось, что неудачный опыт вермахта в СС в какой-то мере был учтен, и это особенно заметно в указаниях офицерскому корпусу соединения, данных Харуном эль-Рашидом. Как отмечал автор, «весь менталитет и настрой восточных тюрков (прежде всего у выходцев из Центральной Азии) настолько чужд и далек от нас, что немецкие офицеры должны быть в первую очередь не великолепными тактиками, а в состоянии понять и разобраться в особенностях характера тюркских солдат». И он же не преминул показать себя «знатоком» этого характера, отмечая такие особенности: «отсутствие у тюрков пунктуальности во времени; постоянное стремление к преувеличениям и фантазированию (что проявляется и в составлении донесений, сообщений и пр.); невероятно большая радость

от речей, разговоров, от официальных вознаграждений и поощрений (некоторые из них носят не соответствующие их чину знаки различия); высокая чувствительность (туркестанцы, которые чувствуют себя задетыми или оскорбленными, могут тут же залиться слезами); гордость; небоеспособность поодиночке, но удивительные качества в группе». «В силу своего характера, — подытоживал штандартенфюрер, — восточные тюрки не приспособлены к большим сражениям, но по физической подготовленности, находчивости, непритязательности, живости и ловкости они лучше могут быть использованы в небольших боях и борьбе с партизанами»[1].

Это были, однако, только наметки. Как же осуществлялись реальные мероприятия по созданию ВТБС?

В основу тюркского соединения СС лег 450-й тюркский батальон майора А. Майер-Мадера — в январе 1944 г. его приписали к СС, сам майор получил чин штурмбаннфюрера. Батальон был переименован в 1-й Восточномусульманский полк СС, который тогда планировалось превратить в дивизию «Новый Туркестан»[2]. Именно эта дивизия, которая объединила бы туркестанцев, азербайджанцев и татар, по мнению Майер-Мадера, должна была, как уже упоминалось выше, высадиться в Средней Азии и поднять там антисоветское восстание, опираясь на остатки прежних формирований басмачей. Против идей Майер-Мадера и против его соединения выступил лидер Туркестанского национального комитета Вели Каюм-хан, очевидно, имевший на то свои основания. Началась очередная склока, завершившаяся довольно странно: во время отсутствия Майер-Мадера в создающемся соединении был раскрыт заговор, его «зачинщики» Абдуллаев и Сулейманов были немедленно расстреляны. После этих событий не совсем ясная участь постигла и самого командира полка — он погиб весной — в начале лета 1944 г. в Белоруссии, свидетельства документов о его гибели глухи: по одним данным, он пал от рук партизан во время одной из

[1] BA-Potsdam, NS 31/44, Bl. 19—20.

[2] См. все подробности о А. Майер-Мадере и его судьбе, о первых шагах СС по созданию тюркского соединения: *von zur Mühlen, P.* S. 148—150, *Cwiklinski, S.* Die Panturkismus-Politik der SS. S. 156—161. См. также: *Дробязко С.И.* Восточные легионы и казачьи части в вермахте. С. 14—15, 32; *Романько О.В.* Указ.соч. 161—169.

карательных акций, по другим — в результате заговора внутри самого СС[1]. Восточномусульманский полк, так и не созданный до конца, был фактически распущен.

Этими событиями усилия СС по созданию тюркского соединения, понятно, не ограничились и не завершились.

2 мая 1944 г. Гиммлер отдал приказ о создании в течение года восточномусульманской дивизии, в основу которого и должен был быть положен существовавший полк[2]. После приказа практическая работа явно активизировалась — с приказом ознакомили лиц, ответственных за военнопленных, за восточных рабочих, представителей вермахта и Восточного министерства. Уже 8 мая 1944 г. ответственный за выполнение четырехлетнего плана Тримм дал указание своим подчиненным освобождать всех восточных рабочих из туркменов, таджиков, узбеков, киргизов, казахов, татар казанских и крымских, которые изъявят желание служить в СС[3]. Взаимопонимание между инстанциями и в данном случае получалось не всегда — 1 июня 1944 г. Р. Ольша сообщал в «Руководящий отдел — восточные добровольцы», что по вопросам вербовки в СС нет единства в национальных комитетах и между ними, что процесс этот идет вообще очень вяло, сами представители восточных народов проявляют мало энтузиазма. Он сообщал также, что для активизации сотрудничества с вермахтом он провел 22 мая встречу с генералом Кёстрингом, на которой было заявлено о необходимости постоянной координации действий, чтобы не вызвать недовольства среди самих добровольцев из-за несогласованности политической линии СС и ведомства генерала добровольческих соединений[4].

---

[1] *Dallin, A.* S. 615. На допросе в ноябре 1945 г. арестованный Р. Ольша прямо заявил, что А. Майер-Мадер был отстранен от командования полком и убит по приказу представителя Главного управления СС Херрманна. После этого была осуществлена расправа и над другими лицами, близкими к Майер-Мадеру («Мусульманская плаха» для России. С. 28). Х. фон Херварт также прямо писал, что Майер-Мадер был застрелен по указанию руководства СС, а его подчиненным было объявлено, что он погиб, попав в партизанскую засаду — *von Herwarth, H.* Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. Frankfurt/Main-Berlin-Wien, 1982. S. 257—258).

[2] BA-Koblenz, NS 19/2839, без указания листа.

[3] BA-Potsdam, NS 31/27, Bl. 11.

[4] Ibid., NS 31/29, Bl. 6.

Вильгельм Хинтерзац в годы Первой мировой войны

В начале лета 1944 г. впервые в документах встречается и имя будущего руководителя ВТБС штандартенфюрера Харуна эль-Рашида. Так же как и майор А. Майер-Мадер, это был человек весьма своеобразной судьбы. Настоящее его имя было Вильгельм Хинтерзац, родился он в 1886 г. В годы Первой мировой войны он был прикомандирован к турецкому Генеральному штабу, стал майором, затем полковником турецкой армии. Он близко сошелся с известным нам по второй главе этой книги Энвером-пашой, являлся его военным советником и после войны руководителем его штаба. Несмотря на то, что отец В. Хинтерзаца был евангелическим священником, он сам в годы Первой мировой войны принял ислам, «полностью осознавая, какие конфликты вследствие этого ждут меня как немца» (из автобиографии Харуна эль-Рашида от 7 июня 1944 г.). Кстати говоря, и оба его сына по желанию отца имели исламское вероисповедание.

Хотя имя Харуна эль-Рашида в официальной документации начинает упоминаться в качестве предполагаемого командира ВТБС уже в начале лета 1944 г., соответствующий приказ Гиммлера последовал только 20 октября 1944 г.[1] По мнению Р. Ольши, эта была самая подходящая кандидатура на этот пост: «Рашид имеет ценные связи в исламском мире и является превосходным связующим звеном с тюркским мусульманским национализмом»[2].

[1] Все факты биографии Харуна эль-Рашида см.: BA-Potsdam, NS 31/45, Bl. 133; BA-Zehlendorf, Personalakten Harun el-Raschid.

[2] BA-Potsdam, NS 31/43, Bl. 191.

По вполне понятным причинам, связанным, конечно, с развитием ситуации на фронте, формирование ВТБС шло исключительно медленно. Г. Бергер, например, в своем сообщении Гиммлеру от 14 июля 1944 г. все еще пишет о планах создания, о предположениях и перспективах соединения (вспомним, что почти о том же он отписывал рейхсфюреру еще в октябре 1943 г.). Бергер, правда, добавил в новый документ пассаж, явно позаимствованный из теоретических «достижений» Р. Ольши о том, что «восточные тюрки или тюрко-татары являются самым сильным неславянским меньшинством в СССР, которые издавна боролись с русским и большевистским государственным мышлением». Не мог он не оценить приказа Гиммлера от 2 мая, назвав его «единственной платформой для политической фанатизации восточных тюрков против большевистской России». Появились в сообщении и некоторые новые моменты: ВТБС планировалось не как закрытое соединение, т.е. его полки и батальоны предполагалось дислоцировать и использовать в разных местах, а не все вместе одновременно в одном месте; соединение именуется «скорее политико-пропагандистской единицей для текущего политико-пропагандистского обеспечения восточнотюркских соединений», т.е. в планах эсэсовского начальства намечался все более заметный крен в сторону усиления политического, пропагандистского эффекта ВТБС, чем ожидание его военных успехов. Возможно, что тем самым Бергер как бы оставлял место для маневра — в случае военного краха ВТБС можно было бы оправдаться и сослаться на исключительно политические мотивы его формирования. А завершил генерал свое сообщение и вовсе оптимистичным заявлением: «Племянник египетского короля принц Дауд уже выразил пожелание участвовать в реализации этой идеи в качестве простого солдата. Можно полагать, что и офицеры из турецкого резерва выразят желание быть в составе восточнотюркского корпуса»[1]. Это заявление, бесспорно, также делалось в расчете на пропагандистский успех.

При формировании ВТБС представители Главного управления СС постоянно пытались опереться на опыт Восточного министерства с легионами, привлечь для своего мероприятия чиновников и пропагандистов, имеющих конкретный опыт. Неоднократно они обращались в Восточное министерство с просьбой выделить для СС людей с опытом

[1] BA-Koblenz, NS 19/2839, без указания листа.

политической и пропагандистской работы из представителей тюркских народов. На это, например, 16 июля 1944 г. был получен ответ от Г. фон Менде, что министерство уже отправило в распоряжение СС 12 туркестанцев, что сейчас с подготовкой кадров пропагандистов имеются серьезные проблемы, работоспособных людей мало, а вермахт очень неохотно отпускает своих людей для министерства. Так что фон Менде с сожалением констатировал, что его учреждение подготовить необходимые кадры для Главного управления СС не в состоянии[1]. В августе 1944 г. рассматривались кандидатуры на пост «шеф-имама» ВТБС, поскольку исламу в данном случае отводилась далеко не последняя роль (об этом речь еще пойдет в четвертой главе)[2]. В сентябре 1944 г. СС серьезно заинтересовался руководителем Татарского посредничества Восточного министерства Хайнцем Унглаубе: 8 сентября 1944 г. Р. Ольша писал как о решенном деле о переводе «этой компетентной персоны» в распоряжение своего ведомства в течение ближайших 48 часов. Поскольку Унглаубе не был членом СС, его предлагалось использовать в качестве «делопроизводителя»[3]. Такой перевод Унглаубе в СС действительно состоялся, однако несколько позднее. При этом он не потерял своих функций и в Восточном министерстве. Р. Ольша был достаточно разборчивым в подборе кандидатур для своего учреждения. Когда 13 сентября его посетил руководитель Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала Шафи Алмас со своими помощниками, чтобы получить информацию о состоянии дел и «протолкнуть» в СС своих кандидатов, Ольша достаточно трезво разобрался в ситуации. Шафи Алмас, человек тщеславный и обидчивый, выразил недоумение и недовольство, что привлеченные к работе в подразделениях Главного управления СС татары выбирались Ольшей без согласования с ним, как с татарским «вождем». Поэтому он заявил, что все принятые татарские сотрудники являются «непригодными болтунами, которые не смогут вести полезную работу», и рекомендовал на замену своих «лучших сотрудников» юриста и лингвиста Исламгулова, юриста Мичурина и бывшего полковника Красной армии, коменданта г. Баку Алкаева. Хотя Ольша прямо и не отказал Шафи Алмасу, но в справке

[1] BA-Potsdam, NS 31/29, Bl. 27, 31.

[2] Ibid., NS 31/45, Bl. 151.

[3] Ibid., NS 31/26, Bl. 193.

прямо высказал свое мнение, назвав татарского «вождя» интриганом и самолюбом: «Исключено, что Главное управление СС ограничится в работе только людьми Шафи Алмаса, так как в татарском секторе именно его режиссура создала такое положение, когда проведенная работа явно недостаточна, и необходимость ее интенсификации является очевидной»[1].

В сентябре — октябре 1944 г. работа по вербовке тюркских военнопленных шла все же довольно интенсивно. 20 сентября на совещании у генерала Кёстринга этот вопрос обсуждался специально. Было заявлено, что на 1 августа 1944 г. в плену считалось 36 406 мусульман (в большинстве своем из тюркских народов). При обсуждении вопроса Кёстринг и Ольша пришли к договоренности, что 10 тысяч из этих пленных будут переданы в распоряжение СС. Это, скорее всего, не означало, что все названные военнопленные изъявили желание перейти на сторону немцев. Речь шла о количестве военнопленных, с которыми разные ведомства планировали продолжение своей пропагандисткой «обработки»[2]. На двух других совещаниях, состоявшихся вновь у генерала Кёстринга 23 и 24 сентября, уже обсуждалась передача в распоряжение СС по 500 человек из числа восточных добровольцев — из азербайджанцев, туркестанцев, поволжских и крымских татар[3]. Вопрос, как видим, решался долго. Можно предполагать, что передача персонала вновь вызвала заметные межведомственные трения и осуществлялась с трудом.

Как видим, и при создании ВТБС не обошлось без таких противоречий, о возможности которых Р. Ольша сообщал еще в начале июня. 25 сентября 1944 г. Г. Бергер откровенно сообщал о наличии «недопонимания» между Восточным министерством и подразделениями СС, в первую очередь с отделом «Туран-Кавказ»[4]. Но суть такого «недопонимания» в документе не разъясняется. Бергер приказал своим подчиненным как можно скорее прийти к взаимопониманию. Поэтому в тот же день состоялось совещание двух ведомств, на котором обсуждались наиболее острые на тот день вопросы: Восточное министерство

[1] BA-Potsdam, NS 31/31, Bl 26.

[2] BStU-Zentralarchiv, AB 1494, Bl. 57.

[3] BA-Potsdam, NS 31/27, Bl. 17; NS 31/57, Bl. 20.

[4] Ibid., NS 31/27, Bl. 22.

предлагало, чтобы азербайджанцы в ВТБС не включались, так как они желают создания «кавказского блока» и будто бы войдут в будущее Кавказское соединение СС (оно создано не было, и азербайджанцы, хотя и с опозданием, вошли в ВТБС — по имеющимся документам это произошло в январе, но по данным К.-Г. Клитманна — лишь в марте 1945 г.[1]). СС обещал, что у генерала добровольческих соединений не будут переманиваться восточные легионеры, а СС своими силами будет проводить вербовку, — этот пункт, пожалуй, до сих пор вызывал самые сильные трения. Оба ведомства согласились с тем, что необходимо усилить роль национальных комитетов и их авторитет в формировании соединений вермахта и СС. И в конце совещания вспыхнул любопытный спор вокруг предложения Розенберга убрать из названия ВТБС понятие «восточнотюркский». Это было явно вызвано давним опасением рейхсминистра перед «пантуранистским» объединением. Участники совещания сослались на уже появившиеся приказы о создании ВТБС и при поддержке профессора фон Менде оставили его название без изменения. Наметившиеся противоречия были в какой-то степени преодолены.

Главными исполнителями в деле создания ВТБС осенью 1944 г. являлись кроме Харуна эль-Рашида оберштурмбаннфюрер Антон Циглер — ответственный за проведение вербовки и руководитель предварительного лагеря в Вене и оберштурмфюрер Фюрст — ответственный за подготовку офицерского состава соединения[2]. Эти офицеры широко организовали вербовку в лагерях военнопленных в самых различных районах — в Германии, Польше, Австрии и даже Норвегии. 15 октября 1944 г. отправленный в Норвегию Циглер сообщал Харун эль-Рашиду об итогах своей поездки: 234 военнопленных изъявили согласие служить в СС, среди них было 70 туркестанцев, 31 азербайджанец и 131 татарин (без уточнения, о каких татарах шла речь — крымских или поволжских)[3]. Штандартенфюрер Шпаарман в своей справке в Главное управление СС от 9 декабря 1944 г., похоже, чрезмерно оптимистично отмечал, что «в боевой группе "Идель-

[1] BA-Potsdam, NS 31/57, Bl. 49; *Klietmann, Kurt-Gerhard.* Die Waffen-SS. Eine Dokumentation. Osnabrück, 1965. S. 382.

[2] BA-Potsdam, NS 31/44, Bl. 111.

[3] Ibid., Bl. 136.

Урал" уже изъявили желание служить 8000 добровольцев», но, по его мнению, все дело тормозилось из-за отсутствия у боевой группы настоящего командира[1].

К вербовке широко привлекались и национальные комитеты. Так, 18 октября 1944 г. руководитель Татарского посредничества Л. Стамати сообщал в Главное управление СС, что усилиями его сотрудников составлено три списка татар из восточных рабочих, которые согласились служить в СС, общее число их составляло 107 человек. Кроме того, специальными комиссиями Посредничества, которые посещали лагеря военнопленных, было взято на учет еще 400 человек, которые потенциально могут подойти для службы в ВТБС, но выражалось сомнение, что состояние их здоровья позволит им это сделать[2].

Наконец после длительной и медленной подготовительной работы 20 октября 1944 г. рейхсфюрер Гиммлер отдал приказ о создании Восточнотюркского боевого соединения СС, которое, согласно приказу, должно было «служить сбору всех годных восточных тюрков — туркестанцев, поволжских и приуральских татар, крымских тюрков, азербайджанцев и др., осуществлять их политическое и военное разделение в отдельные военные единицы, а также решать культурные и пропагандистские задачи». Официально, как сказано в документе, ВТБС существовало с 1 октября 1944 г.[3]

Приказ этот далеко не означал, что вопросы вербовки военнопленных, а тем более реального формирования соединения, тем самым были закончены. И всё же 1 ноября командир ВТБС сообщал, что уже существуют три «боевые группы» — туркестанская, татарская и крымско-татарская, что, судя по документации того периода, все же было не констатацией реальности, а лишь выдачей желаемого за действительное[4]. Однако на 5 ноября в составе соединения числилось всего 37 офицеров, 308 унтер-офицеров и 2317 солдат, что было далеко от запланированных представлений о тюркском полке и тем более дивизии[5]. Тюркские военнопленные и рабочие не осо-

[1] Личный архив Ровеля Кашапова.

[2] Ibid., NS 31/56, Bl. 9.

[3] BA-Koblenz, NS—19/3537, без указания листа.

[4] BA-Potsdam, NS 31/44, Bl. 160.

[5] Ibid., Bl. 177.

бенно стремились записываться в войска СС, и проблема военной и пропагандисткой подготовки кадров оставалась для ВТБС самой острой и далее. Поэтому представители комитетов, высшие офицеры соединения постоянно находились в разъездах, стремясь быстрее разрешить существующие сложности. Такое поручение было дано в конце октября и известному представителю предвоенной татарской эмиграции Абдул-Гани Усману, который направлялся к восточным рабочим с пропуском от Главного управления СС[1]. В середине декабря 1944 г. в шталагах XIIIa и XIIId два представителя Татарского посредничества собрали около 150 военнопленных татар и провели с ними беседу, во время которой большинство из них как будто «выразило желание перейти на германскую службу», были составлены списки и предписано, разделив их на группы по 30 человек, с 1 января начать их перемещение из лагерей[2]. 2 января 1945 г. А. Циглер сообщал Ольше о достигнутых результатах: военнопленные, которые предназначались для службы в СС, прибывали в Австрию, и в предварительном лагере, согласно сообщению, на тот день находилось 2227 туркестанцев, 1622 азербайджанцев, 1427 татар (вероятнее всего, крымских) и 179 татар и башкир. Здесь же было упомянуто, что комиссией Татарского посредничества по вербовке военнопленных руководил некий Темирбулат[3].

Когда комиссии устанавливали в лагерях военнопленных или среди восточных рабочих лиц, которые подходили для службы по всем параметрам, на каждого индивидуально направлялся запрос-требование от Главного управления СС об освобождении. Этот вопрос лично контролировал Р. Ольша. Так, 24 октября 1944 г. он предписал освободить от трудовой повинности троих татарских рабочих — Хака К., Мансура К. и Ахата Б., 9 декабря из шталага-2В Хаммерштайн — военнопленных Абдулхая Г. и Салиха Ш., в декабре же последовал приказ о прикрепле-

[1] BA-Potsdam, Film 2419, A 2696262. Этот пропуск гласил: «Господин Абдул Гани Осман из Татарского посредничества в Берлине получает право проводить поиски во всех лагерях восточных рабочих и предприятиях на территории рейха и оккупированных территориях с целью вербовки находящихся там восточных рабочих в войска СС».

[2] Ibid., NS 31/45, Bl. 18.

[3] Ibid., NS 31/56, Bl. 24.

нии к Главному управлению СС в качестве переводчиц трех татарок из восточных рабочих — Ханифы И., Рашиды Ш. и Нурии Р.[1]

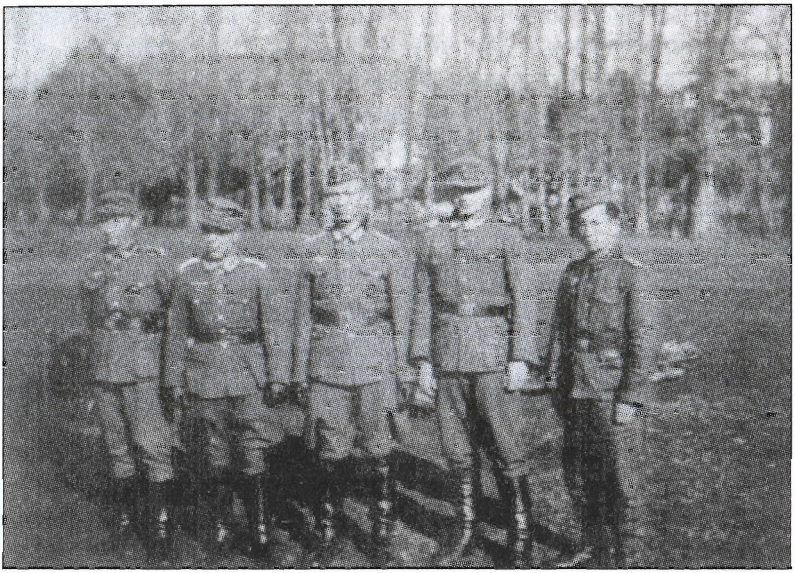
В декабре 1944 г. среди поволжских татар в ВТБС появились и первые офицеры. Одним из первых в документах встречается имя Гайсы К., который 17 декабря предлагался Ольшей в качестве кандидата на роль командира первого татарского батальона СС. До того времени он служил в Волго-татарском легионе, закончил офицерскую школу в Позене (Познани), получив чин обер-лейтенанта, затем работал в Татарском посредничестве и отовсюду получил рекомендации для службы в СС. Ольша отметил, что Гайса К. в легионе не получил назначения на ответственную должность, а исполнял обязанности офицера по поручениям, поэтому он был не удовлетворен таким положением и перешел на работу в Посредничество. В ВТБС Гайса К. был причислен 9 декабря в чине гауптштурмфюрера[2].

В тот же день, 9 декабря, оберштурмфюрером ВТБС стал Ахун Тагиров, а унтерштурмфюрерами — Шихап Нигмати и Бари Ф.[3] Возможно, что именно эти четыре татарских офицеров стали слушателями первых офицерских курсов ВТБС, организованных гауптштурмфюрером Фюрстом с 27 декабря 1944 г. в населенном пункте Поради (к сожалению, я не смог уточнить его местонахождение, возможно, в

[1] BA-Potsdam, NS 31/26, Bl. 162; NS 31/40, Bl. 64, 69; Film 2418, A 2695218. Здесь и далее фамилии некоторых лиц я не буду упоминать из этических соображений. Упоминаться будут лишь те фамилии, которые уже встречались в исследованиях и публицистике, а также в случаях, если их идентификация с конкретными людьми невозможна или затруднена.

[2] BA-Potsdam, NS 31/44, Bl. 203.

[3] Ibid., Bl. 216. Личные дела указанных офицеров СС (за исключением Бари Ф.) сохранились в Федеральном архиве Берлин-Целендорф. Ранее фонды этого архива находились под американской юрисдикцией, в нем отложились миллионы персональных дел лиц, в той или иной мере связанных с национал-социалистической партией и гитлеровским режимом. Тогда он назывался Berlin Document Center — BDC. В 1994 г., материалы архива были переданы германской стороне и перешли в ведение Федерального архива ФРГ. О Ш. Нигмати также см.: *Нигмати Ш.* О Мусе Джалиле // Татарстан. 1993. №12. С. 72—76; *Мустафин Р.А.* Что же двигало Джалилем? // Татарстан № 12. 1993. С. 72—76. В книге Ю. Карчевского и Н. Лешкина Ахун Тагиров назван оберштурмфюрером СС уже в августе 1943 г., что, конечно, абсолютно неточно (*Карчевский Ю.В., Лешкин Н.И.* Указ. соч. С. 109).



Группа офицеров легиона: второй слева — А. Тагиров

Словакии). Там же находились 23 туркестанца, 10 азербайджанцев и 8 крымских татар[1].

Первые татарские офицеры ВТБС были сразу же подключены к активной работе. Уже в конце декабря 1944 — начале января 1945 г. А. Тагиров был отправлен в специальный лагерь Татарского посредничества Кринке на острове Узедом, где он должен был проводить проверку и подготовку будущих офицеров соединения. Туда было прислано 17 кандидатов, из которых Тагиров отобрал 11 человек и с которыми он проводил занятия по собственной методике[2]. Забегая вперед, отмечу, что Тагиров был подключен к подготовке татарских офицеров вплоть до самого конца войны и, что удивительно, судя по текстам документов, не терял оптимизма даже в марте 1945 г.

Вообще вопрос подготовки офицерских кадров и связанные с ним проблемы постоянно беспокоили немецкое начальство. Свои соображения по этому поводу высказывали и привлеченнные к сотрудничеству

[1] BA-Potsdam, Film 2419, A 2695847.

[2] Ibid., NS 31/44, Bl. 234.

татары. Так, А. Тагиров в цитированном выше документе — письме Р. Ольше от 2 января 1945 г. — одним из первых высказал серьезные опасения. Он считал, что подготовленные им кадры офицеров не могут сразу отправиться в соединение, поскольку там вообще еще не было татарского руководства. Тагиров сообщал, что «он получил оттуда очень плохие вести — там главенствуют узбеки. Все было бы не так плохо, если бы у самих туркестанцев были настоящие офицеры. Но татары вообще не хотят воевать под командованием туркестанцев, а лишь под командованием немецким или своим собственным». Он предлагал срочно отделить в соединении татар и представителей среднеазиатских народов, направить туда нескольких татарских офицеров, создать с их участием первую роту, затем постепенно вторую. Если бы татары и далее находились под командой узбеков, то, по мнению Тагирова, дела пойдут «еще хуже», констатируя тем самым, что татарская «боевая группа» СС создавалась с большим скрипом. Он отмечал, что Х. Унглаубе может отправить к нему до 100—150 военнопленных, из которых 40—50 % могут стать настоящими офицерами. На подмогу он просил также около 20 человек из состава Волго-татарского легиона, знакомых с немецкой тактикой. Обращает на себя внимание следующая фраза: » При ВТБС должна быть немедленно создана татарская рота» — очевидно, что до того дня этого так и не произошло. Поражает оптимизм А. Тагирова, граничащий с наивностью и твердолобием: «Если всё это будет проделано, то мы получим прекрасное татарское соединение СС», — заключил он.

Тот же вопрос, связанный с офицерскими кадрами, был поднят и в обращении представителя Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала, руководителя военного отдела союза капитана Вафина к Р. Ольше от 11 января 1945 г.[1] Кроме обязательных приветствий и пожеланий успеха татарскому соединению СС, заявлений о том, что Союз борьбы до сих пор имел «очень большие надежды на развитие военного вклада поволжских татар», «с особой радостью узнал, что татары при этом будут руководиться своими собственными офицерами», в обращении выявлены острые проблемы, которые очень волновали и в чем-то разочаровывали руководство татарских коллаборационистов: «Несколько сотен татар призваны уже в ВТБС, поставлены под командование

[1] BA-Potsdam, NS 31/31, Bl. 37.

представителей чужих народов, в особенности узбекских офицеров. Эти чужие офицеры не приспособлены для руководства поволжскими татарами. Уже известны случаи, когда они унижали и избивали наших людей». Союз борьбы по-своему пытался найти выход: обращался к командиру ВТБС не ставить татар под командование офицеров из других народов; заявил протест в Главное управление СС по поводу случаев унижения татар узбекскими офицерами; выявил 150 бывших советских офицеров-татар среди военнопленных, которые будто бы согласились служить в СС. Высказывалось предупреждение, что если допущенные ошибки не будут исправлены, если обхождение с татарами не изменится, то это приведет лишь к негативным последствиям и скажется на боеспособности татарской боевой группы. Капитан Вафин предлагал: объединить татар в роты только под командованием татарских офицеров; резко активизировать пропагандистскую работу среди солдат соединения и среди военнопленных; улучшить качество подготовки офицеров; привлечь в качестве офицеров соединения татарских офицеров вермахта, имеющих уже военный опыт. Он выразил обиду, что в Русской Освободительной армии бывшие советские офицеры тут же получают соответствующие их подготовке и прежним регалиям чины, а с татарами этого не происходит — они остаются на положении рядовых, «несмотря на то, что они хорошо знакомы с германской военной тактикой, которые давно борются в германских соединениях», хотя есть и списки подходящих людей, и желающие выучиться на офицера. Как видим, и Вафин констатировал, что офицерский состав татарской боевой группы в начале января 1945 г. не был сформирован вообще, более того, настоящей татарской боевой группы также не существовало.

25 декабря 1944 г. в ВТБС произошло происшествие, которое повлияло на всё дальнейшее его развитие, на общую атмосферу вокруг соединения, на настроения солдат, причисленных к нему. Командир туркестанского полка оберштурмфюрер Гулам Алимов, доверенное лицо Вели Каюм-хана, с 458 своими подчиненными у Миявы перешел на сторону словацких партизан (часть из них, правда, в первых числах января вернулась обратно)[1]. Случай этот оказался очень болезнен-

[1] Об этом см. подробнее: BA-Potsdam, NS 31/44, Bl. 224, 258; *von zur Mühlen, P.* S. 155—157. В статье С. Цвиклински рассмотрены о возможные

ным для всего проекта создания крупных тюркских формирований в рамках СС, он долго обсуждался всеми ответственными лицами и инстанциями и во многом способствовал падению активности в дальнейшем развитии ВТБС. Это полностью относилось и к «боевой группе Идель-Урал».

Тревоги немецкой стороны и представителей самих поволжских татар были не беспочвенными. Уже 12 января 1945 г. Харун эль-Рашид срочно телеграфировал Циглеру в Вену: «Как это ни тяжело, но из-за неблагодежности пришлось разоружить роту поволжских татар. Причина тому — плохой контроль и проверка в лагерях. Я слышал, что они приходят оттуда полностью в большевистской убежденности, поэтому происшедшее не удивляет»[1]. Все более растущее недоверие эль-Рашида к татарам отражено в одном из документов начала 1945 г. Он писал: «Я обращаю внимание на то, что у поволжских татар, большинство которых вообще не владеет своим собственым языком и говорит только по-русски, русификация прогрессирует в значительной степени. Я не могу видеть в них ни нерусских, ни мусульман (некоторый процент их вообще определяет себя как христиан). В религиозном отношении они полностью негативны, в остальном сильно инфицированы большевизмом»[2]. Вряд ли можно принимать на веру утверждения штандартенфюрера об отношении татар к родному языку или мусульманской религии, но для понимания общей ситуации в становлении татарской «боевой группы» ВТБС документ очень красноречив.

мотивы перехода Г. Алимова и его сторонников к партизанам (*Cwiklinski, S.* Die Panturkismus-Politik der SS, S. 160). См. также: *Романько О.В.* Указ. соч. С. 221. В книге С. Дробязко Г. Алимов неточно назван Азимовым (*Дробязко С.И.* Восточные легионы и казачьи части в вермахте. С. 15). В новейшей монографии С. Дробязко фамилия правильно передана как Алимов (*Дробязко С.И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германского вермахта. 1941—1945. М., 2004. С. 286—287). Случай с Алимовым внимательно изучался немецким руководством — в одном из сохранившихся документов сделана попытка рассмотреть причины его перехода на сторону партизан (*Садыкова Б.* История Туркестанского легиона в документах. Алматы, 2002. С. 174—175. Здесь же опубликован текст отчета штандартенфюрера Харуна эль-Рашида по поводу «дезертирства» Алимова (С. 179—191).

[1] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 4, Bl.205.

[2] *Садыкова Б.* История Туркестанского легиона в документах. С. 188.

Хотя 16 января еще 10 идель-уральцев (не только татар) были произведены в офицеры СС (среди них оберштурмфюрерами стали Ахмат Н. и Салих Ш., унтерштурмфюрерами Энвер Е., Ахмат Ш., Ахмат Г. и Василий А.)[1], создание татарской боевой группы становилось все более и более проблематичным. В тот же день стали известны подробности о разоружении с таким трудом собранной татарской роты. Харун эль-Рашид в телеграмме в Главное управление СС сообщал, что им в Сенице[2] было разоружено и отправлено в лагеря военнопленных 187 идель-уральских татар. А. Циглер предоставил Р. Ольше еще более конкретные данные: все разоруженные татары, по всей видимости, были отправлены в лагерь Кайзерштайнбрух (возможно, на территории Австрии). Поводом для разоружения стало то, что «в татарской роте находились политруки». В воспоминаниях Х. Унглаубе говорилось даже о том, что в «боевой группе Идель-Урал» произошло восстание, во время которого многие командиры были убиты[3]. Циглер предложил усилить пропагандистскую работу в лагерях, более тщательно проводить «просеивание и проверку каждого» в предварительном лагере в Вене, но сетовал, что это не даст стопроцентной гарантии, так как «политруки очень хорошо обучены», что добровольцы легко попадают под влияние «русских агентов»; туманно замечая, что местное словацкое население «делает больше, чем нужно». Факт разоружения татарской роты оценивался им как «очень печальный». Немаловажным в событии было и то, что в роте не было ни одного татарского офицера. Итог по Циглеру: «На сегодня штандартенфюрер может положиться только на две боевых группы — крымских татар и азербайджанцев»[4].

По-видимому, своеобразной реакцией на случившееся стало письмо гауптштурмфюрера Гайсы К., написанное 17 января 1945 г. на рус-

[1] BA-Potsdam, NS 31/42, Bl. 81.

[2] Идентификация этого географического названия оказалась для меня затруднительной: возможно, это населенный пункт в Словакии? Или же, может быть, это город Зеница в Югославии?

[3] Об этом упоминается в исследовании С. Цвиклински: *Cwiklinski, S.* Wolgatataren in Deutschland. S. 69.

[4] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 4, Bl.120;BA-Potsdam, NS 31/57, Bl. 49.

ском языке и адресованное Р. Ольше[1]. Он высказал свои предложения для улучшения ситуации с татарской боевой группой:

1. «По старой традиции татары есть народ воинственный и они вечно способны враждовать с другими живущими по соседству национальностями. Поэтому следует их (татарские подразделения) отделить от туркестанцев, азербайджанцев и т.д. Кроме того, учитывая их чрезмерную гордость и обидчивость, не мешало бы поставить на командную должность для татарских подразделений исключительно офицеров из числа татар»[2].

2. С учетом опыта легиона и «особенностей данного периода» (очень обтекаемая формулировка! — *И.Г.*) татарские подразделения СС, по мнению Гайсы К., должны были быть размещены на территории самой Германии, а не на оккупированных территориях.

3. При отделе «Туран-Кавказ» ввести должности советника из татар, а еще лучше — организовать татарский штаб связи (по образцу Союза борьбы тюрко-татар).

4. Чтобы не повторялись уже имевшие место «неприятности»: в отношениях татарских солдат и туркестанских офицеров, перехода на сторону партизан и т.д., следовало бы, по мнению Гайсы К., «немедленно обеспечить своим командным составом татарских СС-подразделений».

5. Присваивать офицерские звания по «заслугам», «не засорять офицерский состав всякими самозванцами».

6. Очень любопытное предложение: «обеспечить просьбу добровольцев-девушек-татар. Не мешало бы не только добровольцев, но и всех татарских девушек собрать в СС и устроить их на работу при татарских подразделениях и частях в качестве помощниц и на подсобные работы (посудницы, повара, уборщицы, медсестры, ординарцы и т.п.) ».

7. Поднять вопрос о возможном объединении крымских татар с поволжскими, учитывая пожелания самих татар. К такому предложению,

---

[1] BA-Potsdam, Film 2419, A 2696768.

[2] Первое предложение приводится здесь полностью не только для того, чтобы оценивать литературный стиль Гайсы К., который сохранен без изменений, но и чтобы заметить, как он «усвоил» немецкие стереотипы в отношении татар, их черт характера и исторических традиций.

по-видимому, привело наметившееся внутри ВТБС противостояние татар представителям среднеазиатских народов.

8. «Организовать курсы командного состава без ограничения срока обучения».

Все эти предложения Гайса К. считал своевременными и очень актуальными, замечая в конце: «Прошу вас считаться с вышеуказанными моментами и по возможности скорее реагировать на них, так как это диктует сегодняшняя ситуация». Но подобные документы мало что могли изменить в реальности, авантюра СС катилась к бесславному финалу.

События конца декабря 1944 — начала января 1945 г. очень сильно задели Р. Ольшу как главного идеолога создания ВТБС. 18 января он обратился к своему начальству с примечательным заявлением[1]. Он почувствовал, что мероприятие трещит по швам, и постарался во всех грехах обвинить Харуна эль-Рашида. Прежде всего, Ольша отметил невнимание командира соединения, «несмотря на постоянные замечания», к вопросу подготовки национальных офицерских кадров, что он считал его главной ошибкой. «Только в последние дни удалось призвать способных татарских офицеров, проверенных комитетом и Посредничеством. (...) Командир же, несмотря ни на что, пытается получить все новых и новых военнопленных, на что отдел Д 1 5к согласия не давал из-за отсутствия собственных офицерских кадров». Получалось, что все дело в том, что Харун эль-Рашид противодействовал указаниям сверху, считая, что после сбора завербованных военнопленных они сами выберут себе офицеров. Ольша при этом «энергично противостоял такому бессмысленному и авантюристическому плану». В результате «даже то малое число татар, которое находится в ВТБС, теперь показало свою ненадежность». Последствия Ольша констатировал очень красноречиво: «Это практически конец. Командир не мог предъявить более явственного заявления о своем банкротстве, чем отправить всех своих добровольцев обратно в лагерь для военнопленных». Какое-то место для надежды все-таки оставлено: Ольша сознается в «банкротстве» командира, но не всего мероприятия, что, очевидно, было бы намного правильнее. Это подтверждается тем, что даже 18 февраля 1945 г. Харун эль-Рашид

[1] BA-Potsdam, Film 2419, A 2696755.

телеграфировал в Главное управление СС, что «боевая группа Идель-Урал в настоящее время состоит всего из 74 человек, командира у них еще нет, поэтому они пока придаются к группе крымских татар, а шесть офицеров, подготовленных для нашего объединения, еще не объявились». А разоруженные до этого татары были действительно приданы группе крымских татар, это «единство», в понимании командира ВТБС, должно было создать основу для создающейся боевой группы Идель-Урал»[1].

Трудно привести более красноречивое подтверждение тому, что идея создания Восточнотюркского боевого соединения СС (по крайней мере в части привлечения на службу поволжских татар) привела к еще более серьезному провалу, чем создание Восточных легионов вермахта. Ведь даже туркестанцы, которые, например, в Восточных легионах считались самыми надежными из всех добровольцев, в данном случае полностью разочаровали немцев. Поэтому не случайно немецкий историк К.-Г. Клитманн замечал: «Дальнейшая судьба этого соединения затонула в неурядицах последних месяцев войны»[2]. Когда война быстро приближалась к своему закономерному концу, мало кто из германского высшего руководства по-настоящему интересовался судьбой малочисленного, до конца не сформированного соединения, которое, даже будучи созданным, вряд ли смогло бы решить какую-либо проблему Третьего рейха. И все же нельзя сказать, что каких-либо попыток выйти из создавшегося тупика в ВТБС не предпринималось. Приведу лишь некоторые связанные с этим любопытные факты из событий января—марта 1945 г. в хронологической последовательности. Основное внимание при этом уделялось подготовке национальных офицерских кадров.

---

[1] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 4, Bl.258; BA-Potsdam, NS 31/44, Bl. 298.

[2] *Klietmann, K.-G.* Die Waffen-SS. S. 382. Г. Тессин также не сообщает о ВТБС ничего конкретного: «Восточнотюркское боевое соединение СС создано в феврале 1945 г. с запланированным разделением: боевая группа СС "Идель-Урал", боевая группа СС "Туркестан", боевая группа СС "Крым"». Других сведений автор не приводит (*Tessin, G.* Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg. 1939—1945. Bd. 14: Die Namensverbände; Landstreitkräfte (Fliegende Verbände); Flakeinsatz im Reich 1943—1945. Osnabrück, 1980. S. 198).

В январе—феврале 1945 г. по поручению Харуна эль-Рашида пытался организовать подготовку офицеров в лагерях Татарского посредничества Хайнц Унглаубе — в упоминавшемся уже лагере Кринке на острове Узедом и лагере Даргибель. Унглаубе к тому времени перебрался в свой родной город Анклам в Померании и организовал там так называемое Волго-татарское бюро, как своеобразный филиал Татарского посредничества. Он фактически работал на два фронта, выполняя и поручения СС. Унглаубе жаловался на то, что вермахт никого не выделил из восточных добровольцев (понятно, что вермахту было не до таких «мелочей» в тот момент), и поэтому ему и его подчиненным пришлось ограничиваться работой с военнопленными. Настроение среди курсантов было явно подавленным: их угнетало отсутствие надежной связи и информации, побывавший в ВТБС А Фаталибейли-Дудангинский сообщил им, что «татары в соединении чувствуют себя плохо, а их офицеры все еще не прибыли». Унглаубе несколько раз сообщал о своих проблемах и Главному управлению СС, и Татарскому посредничеству: никто из аппарата германских местных властей интереса и заботы к его курсам не проявлял, поэтому он просил подкрепления. Основным помощником Унглаубе сначала являлся все тот же А. Тагиров, обладавший, по словам «шефа», «чрезвычайным педагогическим талантом». Впоследствии к нему на «подмогу» прибыли Гайса К. и Шихап Нигмати. Первая группа «будущих» офицеров состояла из 24 человек, из которых наиболее «подходящими"были признаны 10 человек и которые во главе с Тагировым в конце февраля 1945 г. наконец прибыли в соединение[1]. Тагиров произвел очень благоприятное впечатление и на Харуна эль-Рашида, который выразил уверенность, что «в его лице я буду иметь доброго товарища и надежного помощника» и 24 февраля 1945 г. пообещал в телеграмме Унглаубе извещать его, как будет продвигаться создание «боевой группы Идель-Урал»[2]. Любопытно, что личность «доброго товарища и надежного помощника» А. Тагирова вызвала серьезные нарекания со стороны Татарского посредничества и некоторых его «соратников», когда вдруг возникла идея произвести его в оберштурмбаннфюреры

[1] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 2, Bl.92—93, 99; BA-Potsdam, Film 2419, A 2695817, A 2696757.

[2] BA-Potsdam, NS 31/44, Bl. 298.

(что соответствовало подполковнику в вермахте): Ш. Алкаев обвинил его в том, что он украл сумку с продовольственными карточками у его жены, а позднее даже заявил, что он — «советский агент». Ш. Нигмати также начал утверждать, что Тагиров — «большевистский шпион». После таких заявлений руководитель посредничества Л. Стамати был вынужден провести проверку. Судя по всему, самое «суровое» обвинение не подтвердилось, и все же Стамати в справке для Главного управления СС дал Тагирову весьма нелицеприятную характеристику: «Он вступил в легион, когда он только создавался, но из-за злоупотреблений шнапсом и из-за женщин был арестован. Из-под ареста вышел как ни в чем не бывало. Посещал офицерские курсы, но и там из-за указанных причин у него возникали проблемы. Затем Тагиров работал в управлении одного из лагерей для восточных рабочих, но и там из-за шнапса и женщин проявил свою полную недееспособность». Стамати подытожил: «В общем как офицер он неплох, но в случае употребления алкоголя становится полностью неуправляемым»[1]. Такие склоки и грызня для конца войны вполне характерное и понятное явление.

Офицеров в лагерях Кринке и Даргибель продолжали готовить и фактически отправлять в «никуда» в марте 1945 г. (основным местом дислокации ВТБС в то время стала Северная Италия, район г. Вероны): например, 7 марта оберштурмбанфюрер Ф. Арльт из Главного управления СС обращался в Татарское посредничество с просьбой принять на себя заботы о прибывших из Даргибеля 18 офицерах во главе с Гайсой К.[2] 14 марта из Вены в Северную Италию, были отправлены 11 бывших советских офицеров-татар[3].

Продолжался даже отбор «подходящих» людей в лагерях военнопленных, но этот механизм уже основательно разладился: 9 марта 1945 г., например, из лагеря Штеттин (Щецин) были отправлены «добровольцы» для присоединения к СС, среди них назывались и «татары» со странными фамилиями: Арутюнов, Саносян, Зарваев, Решко и др.[4]

---

[1] BA-Potsdam, NS 31/44, Bl. 298, Film 2419, A 2696724, A 2696726.

[2] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 2, Bl. 102.

[3] BA-Potsdam, Film 2419, A 2696733.

[4] IfZ (München), MA—366, A 2699249.

«Оптимизм» до конца продолжал проявлять А. Тагиров, который 22 марта 1945 г. обращался к С. Шия из Вены. «Я получил приказ организовать боевую группу Идель-Урал — люди есть, но недостаточно. Просьба — освобожденных из лагерей направлять сразу ко мне. Пропагандная (так! — *И.Г.*) работа, которая велась в Вене со стороны гауптштурмфюрера Гайсы К., показала паршивый результат. Люди были разосланы не по своему назначению и поэтому прошу вас, по силе возможности этих людей направить ко мне, а также направить ко мне оберштурмфюрера Нигмати. Люди хотят бороться против большевизма, но нужна умелая работа (и это пишется в конце марта 1945 г.! — *И.Г.*) », — в таком сумбурном стиле излагал свои мысли на русском языке оберштурмфюрер Тагиров[1].

Последний известный мне документ относительно «боевой группы Идель-Урал» ВТБС датирован 24 марта 1945 г. — Х. Унглаубе сообщал в Главное управление СС, что командировка Гайсы К. в лагерь Даргибель, где он руководит курсами офицеров, продлена до 1 апреля. Он просил увеличить ее срок еще на несколько недель[2].

Все сказанное наглядно свидетельствует о том, что начинание СС, заявленное с таким апломбом и с такими надеждами, осуществлявшееся вроде бы и несколько иными методами, чем это было организовано вермахтом, завершилось полным провалом. Какие-то составные части Восточнотюркского боевого соединения СС, вроде командования, штаба, некоторых военных подразделений действительно были сформированы и даже участвовали в некоторых военных операциях в Словакии и Северной Италии, но ВТСБ в целом так и не превратилось в организованную, боеспособную единицу. А «боевая группа Идель-Урал», несмотря на многочисленные попытки, практически не была создана вообще.

Одна страница из истории ВТСБ осталась в данной главе нерассмотренной — речь идет о политико-пропагандистской работе СС с восточными добровольцами, о религии, прессе, подготовке пропагандистов (учтем, что все-таки с самого начала было декларировано, что СС обращает больше внимание именно политическому фактору), но об этом речь пойдет в следующей главе.

---

[1] IfZ (München), MA—366, A 2699210—2699211.

[2] BA-Potsdam, Film 2419, A 2697054.

Глава 4

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ С НАЦИСТСКИМ РЕЖИМОМ

В довоенных планах и представлениях гитлеровской Германии, как было показано выше, и речи не шло о возможности военного, а тем более политического сотрудничества с народами Советского Союза. Такой вопрос просто не подлежал обсуждению. После начала войны против СССР, когда военные события стали складываться не в пользу Германии, ее руководство постепенно приходит к идее военного сотрудничества, к созданию Восточных легионов и прочих соединений из представителей народов СССР. Не следует упускать из виду, что военное сотрудничество со стороны советских коллаборационистов само по себе уже предполагало признание политической лояльности, поэтому эти два аспекта возможно воспринимать только во взаимосвязи. Понятно, что чисто военными целями и военными способами осуществить изменившиеся планы, реально привлечь народы страны-противника к борьбе «против большевистского режима» было невозможно. Поэтому логическим продолжением всей национал-социалистической «восточной стратегии» стало и изменение в сфере политической. Свое отражение это нашло и в «реабилитации», по указанию сверху, тюрко-мусульманских, «азиатских» народов, которые не вписывались в официальную теорию «недочеловеков», и в налаживании контактов с представителями довоенной эмиграции, и в создании административных органов, которые должны были осуществлять действенное политическое «сотрудничество» режима с представителями народов СССР, в том числе и «национальных комитетов», и в налаживании пропагандистской работы, и в розыгрыше «исламской» карты. Так же как и военное сотрудничество, политические контакты Германии с восточными народами оказались очень противоречивыми и непоследовательными. В них явственно проявилось и упоминавшееся соперничество между политическими и военными учреждениями, между отдельными личностями, поддерживавшими свои узкоклано-

вые или даже личные интересы. Большее, чем раньше, внимание к политическому фактору со стороны Германии не говорит о том, что сфера военная оказалась полностью без внимания, речь, пожалуй, идет о действительно заметном смещении акцентов в проведении всей политики по отношению к восточным народам.

Политическое сотрудничество с представителями предвоенной эмиграции

Отношение к представителям предвоенной эмиграции в Германии с приходом к власти нацистов было неоднозначным. Свой, чисто «практический» интерес к ним, понятно, имела тайная полиция — гестапо. Так, например, в сентябре 1936 г. гестапо заинтересовалось личностью Алимджана Идриси, когда он должен был принимать визитера из Москвы и информировать об этом полицию. Заодно при этом проверили и «подноготную» самого Идриси. Он еще должен был доказывать, что он не является «агентом Москвы»[1]. Но подобные случаи носили единичный характер и совершенно не были проявлением планомерного и заметного «политического сотрудничества».

Заключение советско-германского пакта о ненападении значительно ухудшило статус эмигрантов из СССР в Германии, поскольку обе страны теперь стали «дружественными державами». 25 октября 1939 г. шеф гестапо Г. Мюллер приказал ужесточить контроль над эмигрантским организациями и лидерами. Хотя роспуск эмигрантских объединений и не предусматривался, но в их деятельность вносились серьезные ограничения: им было запрещено проведение открытой антисоветской деятельности, масштабных публичных мероприятий (в том числе и разного рода выставок, собраний, митингов, публичных богослужений и пр.), демонстрация своих символов, флагов. Им не разрешалось через прессу, рекламу делать сообщения о своей деятельности. Оставалось только проведение внутренних собраний и культурных мероприятий, но и о них в прессе не должно было быть упоминаний[2]. Конечно, такие запреты были актуальны для наиболее крупных эмигрантских групп в Германии — русских, украинцев, представителей закавказских народов,

[1] PA AA , Inland IIg, R 101194, без указания листа.

[2] BA-Potsdam, R 58/1031, Bl. 25—26.

а тюркские, мусульманские народы в этой стране были скорее представлены отдельными крупными личностями, чем организованными группами. Но это узаконение помогает лучше понять не только лицемерную подоплеку установившихся «дружеских» отношений между Германией и СССР после подписания пакта о ненападении 1939 г., но и общую атмосферу отношения к эмигрантской публике.

Еще более жесткие ограничения в деятельности эмигрантов, но на этот раз совершенно по иному поводу — по поводу начавшейся войны против СССР, — последовали 2 августа 1941 г.[1] Такова ирония судьбы — теперь гестапо видело в них не антисоветчиков, а потенциальных сторонников Советского Союза, советских шпионов! В свое время следовало преследовать первых, теперь — вторых, и все это в разное время было в одном лице — в лице эмигрантов.

Другим крупным германским ведомством, которое обратило внимание на эмигрантов, стало Министерство иностранных дел. Это стало особенно заметно тогда, когда подготовка к нападению на СССР шла уже полным ходом. В апреле 1941 г. началось формирование так называемого «Комитета по России» во главе с советником Георгом Гросскопфом. Согласно планам МИД, этот комитет должен был вести основную работу в оккупированных областях СССР. Гросскопф проводил многочисленные переговоры, собирал информацию, подбирал кандидатуры для работы. Так, в начале мая 1941 г. в МИД активно обсуждался вопрос о лицах, которые непосредственно будут отвечать за работу с конкретными народами. Речь шла о кавказских, среднеазиатских народах, калмыках, поволжских и крымских татарах. При этом, можно предполагать, шла речь и об эмигрантских лидерах, но в тексте соответствующего документа никаких конкретных кандидатур названо не было[2]. Только после начала войны против СССР, 28 июня 1941 г., в Комитет в качестве специалиста «по юго-восточным народам (кавказцы, киргизы, татары)» был рекомендован знакомый уже нам посол В. фон Хентиг[3].

«Комитет по России» существовал скорее только на бумаге. Можно сказать, что реально он создан не был, так как практически все

[1] BA-Potsdam, R 58/1031, Bl. 34—36.

[2] PA AA , Pol XIII, Bd.29, R 105196, без указания листа.

[3] Ibid., Büro Ust.S.Rußland, N 24706.

лица, предложенные для работы в нем (например, профессора Г. фон Менде и Оскар фон Нидермайер) довольно скоро были «перетянуты» другими учреждениями, а МИД постепенно оттеснялся от работы на оккупированных территориях Советского Союза. Но работа по сбору информации о конкретных представителях эмиграции, в том числе и из тюркских народов, все же была проведена значительная. Нетрудно предположить, что по должности и по заинтересованности активно привлекался к такого рода деятельности Алимджан Идриси, которого его собственное ведомство также проверило на «благонадежность», на следующий день после начала войны — 23 июня 1941 г. В справке Г. Гросскопфа было отмечено, что Алимджан Идриси, долгие годы работающий в МИД, уже неоднократно «попадал под подозрение своих земляков, но никогда расследования, которые проводили МИД и гестапо, не приводили к какому-либо подтверждающему эти подозрения результату. Господин Идрис смог во всех случаях предъявить на все обвинения свои противопоказания». Поэтому считалось, что его и дальше можно «использовать в консультационных целях»[1].

Результаты данной проверки оказались для Идриси «благоприятными», поэтому по поручению руководства 25 июня 1941 г. ему было «доверено» составление справки об отдельных эмигрантских лидерах тюркских народов. Как уже упоминалось во второй главе, он назвал большинство из них «сепаратистами», которые стремятся из разных стран прибыть в Германию, чтобы «продолжать свою вредную деятельность». Среди таких лиц Идриси особенно отметил Гаяза Исхаки, Мехмет-Амина Расул-заде, Абдул-Гани Усмана, Ахмед-Заки Валиди, Мустафу Чокай-оглу, всех лиц, связанных с «темной», по словам Идриси, организацией «Прометей», которой руководил «с виду враг, на самом деле друг Сталина» грузинский социал-демократ Жордания[2].

МИД скрупулезно изучал представителей тюрко-мусульманской эмиграции именно на предмет какого-либо практического использования их, но, как уже упоминалось, только не в сфере военной — на совещаниях начала июля 1941 г. в МИД было заявлено, что стремление эмигрантов в качестве добровольцев подключиться к войне против СССР необходимо «приветствовать», но «никакого интереса

[1] PA AA , Pol XIII, Bd. 29, R 105196, без указания листа.

[2] BStU-Zentralarchiv, RHE 28/88-SU, Bd.1, Bl. 36—37.

в подобном представительстве» Германия на тот момент не имела. Более развернутые директивы по этому поводу дал Эрнст Вёрманн 26 августа 1941 г., поскольку обращения эмигрантов в МИД не прекращались: «В связи с развитием событий на Востоке разного рода эмигранты обращаются в МИД и германские представительства за рубежом, предлагая свои услуги по установлению нового порядка в России. В сотрудничестве с этими эмигрантами по данному вопросу нет никакой заинтересованности. Следует отвергать такие предложения, особо избегая каких-либо политических обещаний. (...) В ответ на такие предложения необходимо ограничиваться благодарностями и обещаниями учесть их в дальнейшем. Контакты с эмигрантами, которые представляют интерес как информаторы, остаются, как и прежде, желательными»[1]. Официально, таким образом, не поощрялось ни военное, ни политическое сотрудничество с представителями эмиграции.

Но в плане сбора информации об эмигрантских группах и лидерах деятельность МИД летом—осенью 1941 г. продолжалась действительно очень активно.

25 июля посол фон Папен из Стамбула дал характеристику на лидеров тюрко-мусульманской эмиграции в Турции, оценив как антигерманскую позицию и взгляды Гаяза Исхаки и Джафера Сеидамета, в то же время рекомендовав для сотрудничества Мехмет-Амина Расулзаде, Саида Шамиля, Барасби Байтугана, Айтека Намитока и др.[2]

9 августа вновь фон Папен характеризовал Мехмет-Амина Расулзаде, Мирзу Бала, Мир Якуба, Джафера Сеидамета, Мустафу Чокайоглу, Гаяза Исхаки (о последнем: «Убежденный сторонник Польши и Англии, в 1940 г. поехал в Лондон, чтобы посетить Сикорского. Здесь 23 марта 1941 г. выступил в "Турецком культурном объединении" с резко антигерманской речью»[3]).

13 августа тот же фон Папен сообщал о деятельности эмигрантской организации «Милли Туркистан бирлиги» в Турции и о лицах, в нее

---

[1] Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP), 1918—1945. Serie D: 1937—1941, Bd. XIII: Die Kriegsjahre, 23.Juni bis 14.September 1941. Göttingen, 1970. S. 324.

[2] PA AA, Ust.S.Panturan, N 311699—311700.

[3] Ibid., Pol. XIII, Allgemeine Akten, Bd.12, N 199756.

входящих: Ахмет Карадагли, Азам Огуз, Тахир Чагатай, Заки Валиди, Халим Сабит («казанский татарин, бывший профессор теологии Стамбульского университета, сейчас руководит Турецкой исламской энциклопедией»), Ильхан Мусахай, имам Абдулхай Курбангали, кади Рашид Ибрагим (двое последних проживали в Токио), Алимджан Идриси (Берлин), Осман Токумбет. По мнению посла, «вышеназванные господа из басмачей под руководством профессора башкира Заки Валиди хотели бы отправиться в Германию для ведения пропаганды среди представителей своих народов на русском фронте»[1].

5 сентября 1941 г. очередную и весьма подробную «характеристику» составил А. Идриси[2]. Профессора Халима Сабита, отмеченного в справке фон Папена, он, как оказывается, знал очень хорошо с давних лет: в 1908—1912 гг. они вместе учились в Стамбульском университете, он являлся «убежденным националистом с твердым характером» (так и напрашивается сравнение: «истинный ариец с нордическим характером»!). О Заки Валиди, его жизненном пути Идриси написал подробнее — как он боролся против большевиков, затем перешел на их сторону, потом вновь рассорился с большевиками и бежал в Среднюю Азию и Турцию. «Теперь, — заключал автор, — в Турции и Германии он больше занимается наукой, чем политикой. Он хороший знаток тюркской истории, но очень честолюбив, стремится создать Башкирскую республику, чтобы затем занять пост президента этой республики». Имам Курбангали для Идриси был «личностью очень неблагонадежной», Осман Токумбет — «неблагонадежным авантюристом», Рашид Ибрагим — «старым борцом восточных тюрков», который успешно пропагандировал ислам в Японии, но для реальных политических дел был уже слишком стар. Вновь упомянуты в документе Гаяз Исхаки и Мустафа Чокай-оглу: «Оба они националистами не являются, а последний к тому же и наполовину русский. Оба они сторонники “русско-еврейского”, позднее “польско-еврейского” марксизма и сторонники демократии (это не относится к профессору Заки Валиди), оба являются врагами сегодняшней Германии. В сотрудничестве использованы быть не могут». Идриси рекомендовал МИД приглядеться к Мухарряму Февзи Тогаю (газета «Тесвири эфкяр»), профессору Ха-

[1] PA AA, Ust.S.Panturan, N 199757—199758.

[2] Ibid., N 199759—199760.

лиму Сабиту(Сибаю), доктору Сибгатулле, профессору Заки Валиди, доктору Ахмеджану Ибрагиму и Мустафе Шакулу.

10 октября 1941 г. с просьбой о предоставлении немецких виз Гаязу Исхаки, Мустежибу Улкюсалу, Эдиге Кирималю и Абдул Хакиму Бали к фон Хентигу обратился турецкий генерал Эркилет (этот документ также уже упоминался выше)[1]. Из четверых эмигрантских лидеров впоследствии лишь Эдиге Мустафа Кирималь станет заметен в политическом сотрудничестве с немецкой стороной, но уже не под эгидой МИД.

24 ноября 1941 г. посол Р. Надольны сообщал фон Хентигу о лидерах тюркской эмиграции в Турции[2]. Его опять заинтересовали Джафер Сеидамет, Гаяз Исхаки, Мир Бала, которые, по сведениям дипломата, создали «своеобразный комитет» для осуществления своих политических целей.

МИД собирал информацию не только об эмигрантах, но и по различным актуальным политическим вопросам (чем в довоенные годы больше занимался Внешнеполитический отдел НСДАП). Так, в октябре 1941 г. Г. Гросскопф составил подробную справку о положении религии в СССР, отмечая среди прочего, что в 1928 г. в СССР было закрыто 38 мечетей, в 1929 г. — 96 мечетей в городах и 98 мечетей в деревнях, в 1937 г. — еще 110 мечетей[3].

Такого рода информацию, собиравшуюся в первые месяцы войны чиновниками германского МИД, можно рассматривать и как пример розыгрыша этим ведомством «пантуранистской» карты (использование тюркской эмиграции для активизации турецкой позиции, с тем чтобы она скорее вступила в войну на немецкой стороне), и как осторожное зондирование политических возможностей эмигрантов из нерусских народов СССР для возможных будущих контактов. Сведений о них было накоплено немало, но все же практического применения в «восточной политике» они почти не нашли. Большинство реальных лидеров тюрко-мусульманской эмиграции на сотрудничество с гитлеровским режимом не согласились. Кроме того, и сам режим к эмигрантам довоенной поры относился с явным недоверием и опаской.

---

[1] PA AA, Ust.S.Panturan, N 311734—311735.

[2] BStU-Zentralarchiv, RHE 28/88-SU, Bd.1, Bl. 45—46.

[3] PA AA, Pol. XIII, Bd.5, R 105169, N 255022—255028.

По мере изменения военно-политической ситуации ориентиры несколько сместились. Уже в декабре 1941 г. один из ответственных чиновников МИД фон Эрманнсдорф подготовил документ о привлечении русских эмигрантов в зоне германского влияния[1]. «Хотя привлечение эмигрантов в зоне германского влияния в целом отвергнуто, все же использование русских эмигрантов, которые состоят из основных народов Советского Союза (очень любопытный оборот! — *И.Г.*) в ограниченных масштабах имеет место», — замечено в справке. В каких же случаях они привлекались: переводчики (вермахт, при организации Тодта), в роли полицейских, фабричных рабочих, командиров антипартизанских отрядов, «использование эмигрантов в создающемся рейхскомиссариате Московия, с созданием комиссариата участие эмигрантов будет увеличиваться. Восточным министерством уже подготовлены объемные списки русских эмигрантов, которые в необходимое время будут задействованы в экономике как инженеры, врачи, ветеринары, земледельцы и пр.». Автор документа «предрекал», что «участие русских эмигрантов, способных нам содействовать, весной 1942 г., после занятия новых территорий Советского Союза, значительно расширится». Он не мог предполагать, что это участие будет расширяться отнюдь не по причине оккупации новых территорий, а по причине вынужденного изменения общей политической линии. В то же время рекомендовалось «оставлять это участие в определенных границах».

«Предвидение» фон Эрманнсдорфа оказалось верным. В начале 1942 г. состоялась первая со стороны немецких дипломатов масштабная акция по привлечению политических эмигрантов. Свою роль в ней сыграла и несколько отличная от общепринятой позиция бывшего германского посла в Москве фон Шуленбурга, который выступал за возможно тесное сотрудничество Германии с представителями старой эмиграции. Он считал необходимым создание «эмигрантских комитетов», которые впоследствии могли бы стать «национальными правительствами». Когда в конце 1941 г. было принято решение о создании Восточных легионов, фон Шуленбург, вероятно, представил, что наступило время и для более тесного сотрудничества с восточными народами. Поэтому в апреле 1942 г. он обратился ко многим виднейшим представителям эмиграции из СССР, пригласив их прибыть для политических переговоров и консультаций в

[1]ADAP, 1918—1945. Serie E: 1941—1945, Bd. I: Die Kriegsjahre,12.Dezember 1941 bis 28.Februar 1942. Göttingen, 1969. S. 208—210.

Берлин. В конце апреля — начале мая 1942 г. многие из приглашенных действительно появились в столице Германии. Они разместились в престижном отеле «Адлон», поэтому вся эта акция уже тогда получила наименование «Адлониада»[1]. Среди участников «Адлониады» были достаточно крупные фигуры политической эмиграции — Хайдар Баммат, Саид Шамиль, Али Хан Кантемир (Северный Кавказ), Мехмет-Амин Расул-заде (Азербайджан), представители Грузии Спиридон Кедия, Лео Кереселидзе, князь Дата Вачнадзе, претендент на грузинский престол Ираклий Багратиони. Наряду с ними среди участников оказались и совершенно случайные люди, настоящие авантюристы, что, по словам П. фон цур Мюлена, придало всей этой акции «окраску экзотического фарса». Авторитетных представителей поволжских татар среди участников переговоров не было. Состав участников, как видно, был очень пестрым по политическим взглядам: среди них и сторонники «Лиги Прометей», и правые, и левые, и монархисты. «Адлониада» фактически свелась к длительным переговорам между Шуленбургом и эмигрантами по поводу возможностей политического сотрудничества Германии с национальными группами из СССР. Но о переговорах не было официальной договоренности между МИД и Восточным министерством. Розенберг, естественно, очень разозлился на то, что МИД вступил в его «вотчину», переманивал его сотрудников, и поэтому поспешил нанести решающий удар по своему давнему сопернику, используя ошибку Шуленбурга. Поскольку верховное руководство Третьего рейха своего отношения к эмиграции не поменяло, Шуленбург изначально рисковал. Конфликт, о котором уже упоминалось в третьей главе этой книги (тогда речь шла о попытках МИД вмешаться в дела военнопленных), резко обострился. «Адлониада» при этом стала главным аргументом Розенберга.

Ему удалось убедить Гитлера, и 5 мая 1942 г. тот в категоричной форме запретил МИД заниматься вопросами, связанными с оккупированной территорией СССР[2]. Этот вопрос подробно обсуждался в ставке Гитлера и 8 мая 1942 г.[3] Но и после того, очевидно, он еще некоторое

[1] Наиболее подробно «Адлониада» описана в исследованиях: *Dallin, A.*, S. 145—146; *von zur Mühlen, P.* S. 71—73.

[2] Der Prozeß gegen die Hauptkriegverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg 1949, Bd. XXVII, Dokument 1520-PS. S. 289—290.

[3] IfZ(München), PS—1520.

время сохранял свою актуальность, ибо еще раз, и уже окончательно, Гитлер дал предписание о разграничении полномочий между МИД и Восточным министерством 28 июля 1942 г.[1] Хотя МИД и были оставлены какие-то полномочия в отношении оккупированных советских территорий (например, при решении международных вопросов, связанных с ними), и заинтересованным ведомствам рекомендовалось обсуждать многие проблемы совместно, предписание от 28 июля 1942 г. означало, безусловно, победу Розенберга. МИД фактически был исключен из реального осуществления любых контактов с народами СССР, как с военнопленными, так и с восточными добровольцами, и представителями предвоенной эмиграции. Это, однако, не означает, что отдельно взятые чиновники министерства (например, тот же А. Идриси) не могли поддерживать такие связи, — речь идет о ведомстве в целом.

Поскольку летом—осенью 1942 г. полным ходом осуществлялись мероприятия по созданию Восточных легионов, то, естественно, на первый план в отношениях с народами СССР выходил фактор военный, тогда как политическое взаимодействие немцами было оставлено почти без серьезного внимания. Перед легионерами был поставлен общий лозунг «борьбы с большевизмом» и, очевидно, считалось, что этого вполне достаточно для своеобразного фона вооруженной борьбы. Но Восточные легионы ожиданий германской стороны не оправдывали, потому военное и политическое руководство начало спешно разыскивать новые формы «сотрудничества», новые стимулы для восточных добровольцев. И именно здесь зашла речь о политических лозунгах и о возможностях усиления политического фактора. Различные источники того времени подтверждают, что такой поворот произошел ближе ко второй половине 1943 г. Теперь первую скрипку начало играть Министерство по делам оккупированных восточных территорий, или Восточное министерство.

Восточное министерство и посредничества

Министерство по делам оккупированных восточных территорий (Reichsministerium für die besetzte Ostgebiete) или, как его еще часто называют, Восточное министерство, создавалось для осуществления гитлеровских планов господства над завоеванными территориями

[1] BA-Potsdam, R 58/225, Bl. 20.

СССР. Еще до войны, 31 марта 1941 г., было основано «Центральное политическое бюро для работы на Востоке» под руководством главного «идеолога» наступления на Восток Альфреда Розенберга. 20 апреля он получил и титул «ответственного за центральную разработку вопросов восточноевропейского пространства», не только продолжая свои «идеологические разработки», но и начав сбор специалистов, которые впоследствии вошли в министерство.

Общий анализ деятельности Восточного министерства в мою задачу не входит, тем более по этому вопросу существует обширная специальная литература[1], но все же для лучшего понимания поставленных проблем важно привести некоторые моменты истории этого учреждения и его подразделений.

Министерство было создано 17 июля 1941 г. как гражданское учреждение, которому на оккупированных территориях Советского Союза подчинялись чиновники в должности от рейхскомиссара и ниже, а также все находившиеся под руководством комиссаров учреждения. П. фон цур Мюлен вполне правомерно сравнивает его функции с британским министерством по делам Индии или министерствами по делам колоний других держав[2]. Поэтому у этого ведомства имелись соответствующие отделы: внутреннее управление, финансы, здравоохранение, наука, пресса, культура, хозяйственные вопросы. Но сложности и противоречия, которые наблюдались в разное время между различными германскими инстанциями, имели место и здесь: полиция и карательные органы на оккупированных территориях находились в ведении СС, а хозяйственными вопросами больше занималось ведомство ответственного за выполнение четырехлетнего плана Германа Геринга. К чему приводило такое многовластие и переплетение функций, догадаться нетрудно.

---

[1] Подробнее о Восточном министерстве см.: *Bollmus, Reinhard.* Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Stuttgart, 1970; *Bräutigam, O.* Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2.Weltkrieges (Studien des Instituts für Besatzungsfragen in Tübingen zu den deutschen Besetzungen im 2.Weltkrieg, Nr. 3). Tübingen, 1954. S. 7—8, 22a—33; *Dallin. A.* S. 95—100; *Grossmann, Gerhard Otto.* Die deutsche Besatzungsgesetzgebung während des 2.Weltkrieges. (Studien des Instituts für Besatzungsfragen in Tübingen zu den deutschen Besetzungen im 2. Weltkrieg, Nr. 14). Tübingen, 1958. S. 22—23, 54; *Reitlinger, G.* S.150—169.

[2] *von zur Mühlen, P.* S.76.

В организационном отношении министерство делилось на три главных отдела: «Политика», «Управление» и «Экономика». Первым отделом руководил Георг Ляйббрандт (давний соратник Розенберга, возглавлявший ранее Внешнеполитический отдел НСДАП). Отдел, в свою очередь, состоял из следующих отделений:

— «общая политика» (Отто Бройтигам);
— «Остланд» (Петер Кляйст);
— «Украина» (Вильгельм Кинкелин);
— «Кавказ» (Герхард фон Менде);
— «расселение» (Эрнст Ветцель).

Кроме указанных существовали и отделения «культура», «пресса», «молодежь», «женщины», и лишь формально — отделение «Россия». Из всех указанных подразделений Восточного министерства непосредственное отношение к тюрко-мусульманским народам Поволжья, Средней Азии и Кавказа имело лишь отделение «Кавказ» под руководством видного историка-тюрколога профессора Герхарда фон Менде[1].

Г. фон Менде родился в 1904 г в Риге. В годы Гражданской войны в России, после того как его отец был расстрелян большевиками, он оказался в Германии. В 1927 г. он поступил учиться в Берлинский университет (основные предметы — русский и турецкий языки, экономика и история Восточной Европы) и в феврале 1933 г. защитил диссертацию на тему «Очерки по истории колонизации в Советском Союзе». После прихода к власти нацистов продолжал работу в Германии, но так и не вступил в национал-социалистическую партию. В декабре 1935 г. защитил диссертацию на тему «Национальная борьба российских тюрков.

---

[1] О Г. фон Менде см.: *Гилязов И.* Кто же он, профессор фон Менде? // Татарстан. 1996. № 7. С. 52—61. В книге Ю. Карчевского и Н. Лешкина утверждается, что «рейхсминистр Розенберг образовал у себя «специальный "Отдел планирования национальной политики на Востоке", руководство которым возложил на эсэсовца фон Менде» (*Карчевский Ю., Лешкин Н.* Указ. соч. С. 42). Во-первых, подразделения с таким названием в Восточном министерстве не было; во-вторых, фон Менде с начала войны являлся не эсэсовцем, а официальным сотрудником Восточного министерства, и лишь впоследствии, скорее с 1944 г., выполнял отдельные консультативные поручения Главного управления СС, но уж во всяком случае фон Менде не был никогда группенфюрером СС (чин, соответствовавший генерал-лейтенанту в вермахте!), о чем пишут Ю. Карчевский и Н. Лешкин (Указ.соч. С. 55).

Исследование национальной политики в Советском Союзе», которая через год была опубликована в виде монографии. Эта монография стала первым в западной историографии исследованием, посвященным национальным проблемам в СССР, обратившимся к истории и эволюции национально-освободительного движения тюркских народов в условиях Российской империи и Советского Союза[1]. Несмотря на то что фон Менде не был членом НСДАП, он всячески пропагандировал новую власть за рубежами Германии, а в 1933—1934 гг. являлся членом Антикоминтерна.

С 1936 г. фон Менде работал в различных учебных заведениях Берлина и Позена (Познани) — профессором «по изучению национальностей России», руководителем кафедры «языковедения и страноведения тюрко-татарских народов» Берлинского университета.

Г. фон Менде был исключительно одарен в плане изучения языков — свободно владел французским, английским, турецким, русским, датским, шведским, норвежским, многими тюркскими языками, а пассивно — и всеми славянскими языками.

Именно этот человек и стал руководителем отделения «Кавказ» (хотя отвечал за все проблемы, связанные с тюрко-мусульманскими народами СССР).

В результате противостояния между Восточным министерством и СС (о нем уже говорилось в третьей главе) летом 1943 г. в министерстве были произведены структурные изменения. На место Г. Ляйббрандта пришел эсэсовский генерал Готтлоб Бергер. Главный отдел «Политика» он переименовал в «Ведущий штаб — Политика», провел и другие преобразования. Вместо отделения «Кавказ» возникло новое, более крупное подразделение, — отделение «Чужие народы», которое вновь возглавил Г. фон Менде, ставший, по мнению А. Даллина, с этого времени «фактическим руководителем национальной политики Восточного министерства»[2].

Г. фон Менде с самого начала выступал за возможно более тесное политическое сотрудничество с нерусскими народами СССР, но в первые годы войны реально осуществить этого не смог — полити-

[1] *von Mende, G.* Der nationale Kampf der Rußlandtürken. Ein Beitrag zur nationalen Frage in der Sowjetunion. Berlin, 1936.

[2] *Dallin, A.* S. 278.

ческое сотрудничество, как мы говорили, на повестке дня не значилось. Позднее, когда в политике гитлеровской Германии наметился определенный поворот, отделение «Кавказ», а затем и отделение «Чужие народы» заметно активизировали свою деятельность. В последние годы войны оживлению работы с восточными народами внутри Германии способствовало и следующее: по мере наступления советских войск в руках немцев оставалось все меньше и меньше оккупированных территорий, поэтому складывалась довольно нелепая ситуация, когда Министерство по делам оккупированных восточных территорий реально переставало соответствовать своим изначальным функциям и своему названию. Тогда министерские чиновники и стали еще больше внимания уделять представителям советских национальностей в самой Германии.

Но уже на протяжении 1942 г. были созданы так называемые посредничества[1]. Их основной задачей стало попечение и руководство всеми представителями конкретных народов в самом Третьем рейхе и на территории оккупированных стран. Сюда включались восточные легионеры, рабочие, военнопленные. Любопытно, что создание посредничеств вновь не обошлось без противоречий и противостояния: очень резко против создания их выступил Арно Шикеданц, который предполагался в Восточном министерстве на место «рейхскомиссара» Кавказа. Он явно опасался все более усиливающегося авторитета профессора фон Менде. Поэтому было принято следующее решение: вначале, как бы для опыта, создать посредничество, которое не вызвало бы нервной реакции у отдельных чиновников, а именно Туркестанское (поскольку «у нацистского империализма не было непосредствен-

[1] По-немецки эти учреждения вначале именовались Mittelstelle, что действительно можно перевести как «посредничество». Однако позднее, уже в 1943 г., эти учреждения стали именовать Leitstelle, что скорее переводится как «руководящее учреждение», «руководящий орган» (это было сделано, по-видимому, для придания посредничествам большей весомости и авторитета). Для удобства и в том и другом случае ниже будет употребляться термин «посредничество». Не следует путать посредничества с национальными комитетами, которые были созданы именно под их крылом. Такая путаница, к сожалению, имеет место в нашей публицистической литературе (например: *Мустафин Р.* «Идель-Урал»: взгляд из Германии. С. 145; *Забиров И.* Джалиль и джалильцы. С. 57).

ных аннексионистских или колонизационных планов относительно Средней Азии»[1]). Только затем были организованы посредничества кавказских народов, Татарское и последним — Крымско-татарское. В основу посредничеств, по данным П. фон цур Мюлена, усилиями фон Менде были положены комиссии по работе с военнопленными, которые во многом были просто переоформлены в новом качестве. Кроме того, «Адлониада», по-видимому, настолько задела представителей Восточного министерства, что в новые учреждения привлекались и представители предвоенной эмиграции. Проведение переговоров с последними было поручено фон Менде. Так что запрет первых месяцев войны фактически был снят, несмотря на стойкое нежелание Розенберга контактировать с эмигрантами.

Кроме посредничеств значительную роль в работе с восточными народами играло и специально созданное подразделение Восточного министерства — «Центр для представителей народов Востока» — «Zentrale für die Angehörigen der Völker des Ostens» (ZAVO), возглавляемый доктором Тиле[2]. Этот центр в отличие от посредничеств больше занимался техническим вопросами: размещение, обмундирование, обеспечение, организация ознакомительных поездок легионеров по Германии и пр.

В одном из позднейших документов по проверке деятельности посредничеств ясно указаны те задачи и функции, которые имели эти учреждения: «учет, политическое руководство и оказание влияния на находящихся в рейхе представителей своего народа, вербовка в добровольческие соединения, помощь в поисках членов семей, содействие в устройстве на работу и при перемещениях по территории рейха, религиозный вопрос, содействие в издании газет и др.»[3]. Имеющиеся источники, однако, показывают, что функции и компетенция посредничеств была несколько шире — они курировали и вопросы пропаганды среди восточных народов, и культурную работу, в том числе и вопросы просвещения, решали различные социальные проблемы.

Татарское посредничество (немецкое название — Tatarische Mittelstelle, позднее — Tatarische Leitstelle; татарское — Татар

[1] *von zur Mühlen, P.* S. 78.

[2] BStU-Zentralarchiv, AB 1494, Bl. 7; *von zur Mühlen, P.* S.78—79.

[3] BStU-Zentralarchiv, RHE 28/88-SU, Bd 2, Bl. 116.

житәкчелек оешмасы) было создано 1 ноября 1942 г.[1] Возглавил его адвокат Хайнц Унглаубе (в нашей публицистике почему-то принято называть его Генрихом, что неточно[2]). Он родился в 1904 г. в г. Анкламе (Померания), его отец был бургомистром этого города. После окончания гимназии в 1923 г. обучался праву в Берлине и Грайфсвальде, после чего практиковал в качестве адвоката в Анкламе и Грайфсвальде[3]. Что удивительно, до войны Унглаубе никаким образом не был связан ни с восточными народами, ни с изучением их истории (по его собственным словам, «татар он впервые увидел в лагере военнопленных, их историческая судьба, национальные устремления мне были до войны совершенно незнакомы»[4]), поэтому появление его в Восточном министерстве оказалось во многом случайным. По состоянию здоровья Унглаубе не призвали на военную службу, поэтому он был приписан к вспомогательному отряду (в документах он именуется «водителем грузовика»), но поскольку он имел юридическое образование, его привлекли к работе с военнопленными[5]. Довольно долгое время он работал в комиссиях по работе с военнопленными на территории Польши — уже в первые месяцы войны, например, в лагере Остров-Мазовецкий.

---

[1] Idel-Ural, №10—11 (67/68), 19.03.1944. В одном из документов, составленных в августе 1968 г. Министерством госбезопасности ГДР, упоминалось, что Татарское посредничество в августе 1944 г. располагалось в Берлине по адресу: Хорнштрассе, 19, в декабре 1944 — январе 1945 г. — Нойенбургерштрассе, 14, а с февраля 1945 г. — Людендорфштрассе, 60 (личный архив Ровеля Кашапова).

[2] См., например: *Мустафин Р.А.* По следам оборванной песни. С. 133.

[3] BStU-Zentralarchiv, RHE 63/88-SU, Bd 3, Bl. 3.

[4] *Sultan G.* Heinz Unglaube, in: Deutsch-tatarisches Nachrichtenblatt — Germanca-tatarca belesmә, Nr 14, 1944. S. 19.

[5] Здесь и далее некоторые конкретные факты из биографии Хайнца Унглаубе даны на основании моей беседы с ним 21—22 июня 1994 г. в г. Лауэнбурге. Кроме того, в данной книге используются и некоторые материалы из неопубликованных и недатированных воспоминаний Хайнца Унглаубе, которые он диктовал своим сотрудникам в последние годы жизни. Воспоминания эти отличаются определенным сумбуром и содержат немало рассуждений общего плана, но многие факты и детали из них представляются очень важными. Текст воспоминаний был любезно предоставлен мне С. Цвиклински. Ниже, в сносках, они будут упоминаться как: Unglaube, H. Erinnerungen.

В августе 1941 г. он познакомился с майором Майер-Мадером, который тогда также занимался отбором военнопленных для своего соединения, и под влиянием которого Унглаубе, по его собственным словам, воспринял идею необходимости разделения военнопленных по национальному признаку и привлечения их на сторону Германии. По-видимому, приглянувшийся начальству Унглаубе в марте 1942 г. был отправлен на переобучение в Люттензее в Баварию, где уже конкретно проходил подготовку для работы с восточными народами. Предполагалось, что он возглавит Туркестанское посредничество. Но, поскольку для туркестанцев уже имелась кандидатура некоего Ольшевского, Унглаубе, отказавшись от конкуренции, принял предложение профессора фон Менде и возглавил Татарское посредничество[1].

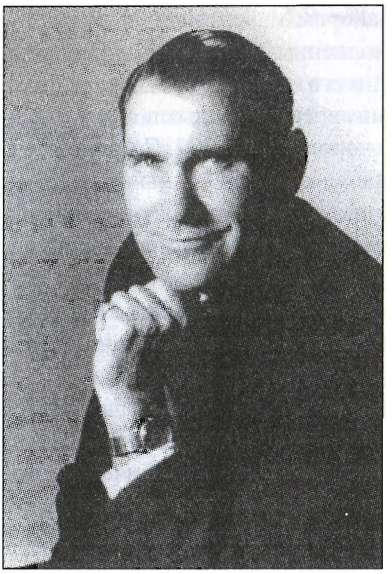
О составе посредничества конкретных данных в сохранившихся документах почти нет. Вероятно, в нем было занято около 20—30 человек из татар и немцев (в Крымско-татарском посредничестве, например, в конце 1944 г. работали 28 человек). Известно, что вначале в него в качестве второго руководителя входил Шафи Алмас, затем после поездок Унглаубе по лагерям военнопленных в посредничество были включены Гариф Султан (при поддержке А. Темира он был освобожден вместе с 30 другими военнопленными из лагеря Петрикен в августе 1942 г.[2]), Темирбулат, Раис Самат, Сабит Кунафин, Шихап Нигмати и др. Руководитель посредничества подбирал себе кадры сам. Многие из отобранных им татар затем проходили специальную подготовку в особом лагере Вустрау, работали в МИД, Восточном министерстве, Министерстве пропаганды и других германских учреждениях[3].

---

[1] Х. Унглаубе много общался с татарами в годы войны и испытывал к ним определенную симпатию, но знания о татарах и народах Поволжья и Приуралья у него так и остались очень поверхностными. Свидетельство тому — следующий отрывок из его воспоминаний: «Поволжские татары в районе Казани являлись наибольшей народностью среди всех угро-финских народов... Все они являются остатками монгольского нашествия в Европу, которые в северной части России перешли к оседлому образу жизни» (*Unglaube, H.* Erinnerungen. S. 33).

[2] *Cwiklinski, S.* Wolgatataren in Deutschland. S. 43.

[3] Интересно отметить, что, по словам Х. Унглаубе, посредничества в составе Восточного министерства почти не поддерживали контактов друг с другом. Х. Унглаубе объяснял это тем, что «каждое посредничество работало



Руководитель дома отдыха легионеров «Инзельхоф» в Цемпине Сабит Кунафин. Послевоенное фото

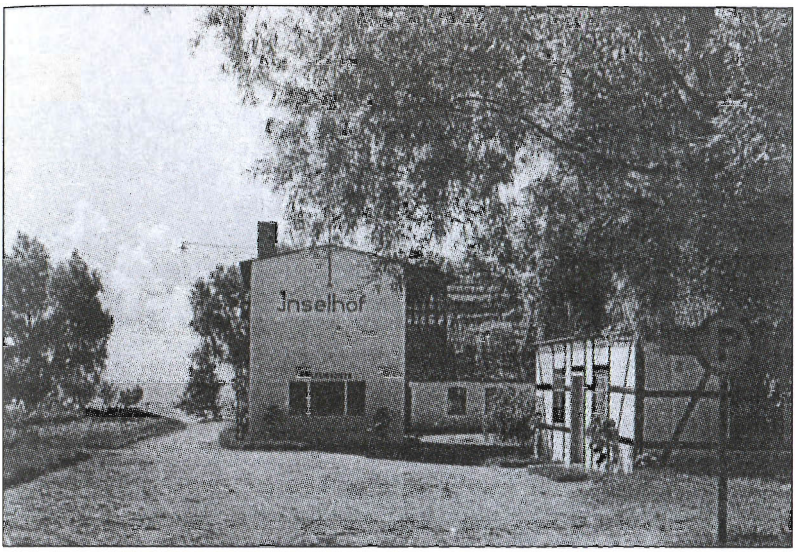
Любопытна последующая судьба Х. Унглаубе.

В сентябре 1944 г. со стороны Главного управления СС (а конкретно — Р. Ольши) возникла идея привлечь Унглаубе к делу создания Восточнотюркского боевого соединения СС. 4 сентября 1944 г. Ольша писал об этом как о вопросе полностью решенном, считая Унглаубе «наиболее компетентной персоной в татарских делах». Поскольку он не являлся членом СС, его предполагалось использовать в роли руководящего чиновника, делопроизводителя, ответственного за подготовку кадров для ВТБС[1]. Но еще раньше, в августе 1944 г., Унглаубе был привлечен к деятельности существовавшего в рамках СС «Рабочего объединения Туркестан» в Дрездене. Судя по источникам, в середине октября 1944 г. Унглаубе действительно был прикомандирован к Главному управлению СС, отделению «Туран-Кавказ» сроком предположительно до 1 января 1945 г.[2] По его собственным словам, ему очень благоволил Г. Бергер, который впоследствии даже выступал за назначение его командиром ВТБС вместо Харуна эль-Рашида. Параллельно с этим Унглаубе сохранял и свои функции в Восточном министерстве: хотя с осени 1944 г. руководителем Татарского посредничества был назначен граф Леон (по

на себя и имело свой метод работы, зависевший от личностей, занятых в них. Я не имею никакого представления, как, собственно, работали кавказские или другие посредничества» (*Unglaube, H.* Erinnerungen. S. 16). Замечание, на мой взгляд, весьма симптоматичное — оно в определенной степени характеризует общую атмосферу Восточного министерства.

[1] BA-Potsdam, NS 31/26, Bl. 193.

[2] Ibid., Bl. 195, 200—216.



Общий вид дома отдыха легиона «Инзельхоф»

некоторым документам — Константин) Стамати, историк и бывший дипломат, относившийся к татарам намного более высокомерно, чем Унглаубе[1]. В бумагах осени 1944 — начала зимы 1945 г. Унглаубе также продолжал подписываться как «руководитель Татарского посредничества». Так что в посредничестве сложилось своеобразное официальное «двоевластие» — оно имело двух немецких руководителей.

Таким образом, к началу 1945 г. Унглаубе выполнял несколько функций — в Восточном министерстве, в Главном управлении СС — и имел также поручения от генерала добровольческих соединений и министерства пропаганды. Такую «многофункциональность» можно, вероятно, объяснять нехваткой к концу войны подходящих для немецкой стороны, подготовленных и проверенных кадров, которые могли бы вести работу с восточными народами.

Последние месяцы войны, с 1 февраля 1945 г., Унглаубе находился чаще всего в своем родном городе Анкламе, где организовал, судя по

[1] *Cwiklinski, S.* Wolgatataren in Deutschland. S. 68; *Camphausen, G.* Die wissenschaftliche historische Rußlandforschung im Dritten Reich 1933—1945. Frankfurt/Main, 1990. S. 242, 360.

Дом отдыха легионеров в Цемпине на острове Узедом

всему, по своей собственной инициативе, «Волго-татарское бюро» как подразделение посредничества, курировал специальные лагеря Татарского посредничества в Даргибеле, Цемпине и Кринке[1], занимаясь подготовкой офицеров для «боевой группы Идель-Урал» ВТБС. Чем завершилось все это, нам уже известно.

Посредничества, которые существовали в Восточном министерстве, считались непосредственными подразделениями этого учреждения. Но по мере развития событий, когда немецкая сторона постепенно актуализировала политический фактор, рамки их стали очевидно узкими. Поэтому во второй половине 1943 г. начинается формирование так называемых «связующих, посреднических штабов»

[1] Эти дома отдыха были открыты для легионеров, находящихся в отпуске или же выздоравливающих после ранений. В Цемпине (остров Узедом) дом отдыха был открыт в июне 1942 г., в Даргибеле (под городом Анклам в Померании) — летом 1943 г. Позднее был создан и дом отдыха в Дрездене-Рошвице (*Cwiklinski, S.* Wolgatataren in Deutschland. S. 53). По мнению Х. Унглаубе, дома отдыха играли исключительно важную роль в воспитательной работе среди легионеров, являясь «культурным центром татарского движения» (*Unglaube, H.* Erinnerungen. S. 4).

(Verbindungsstäbe), которые в литературе чаще именуются «национальными комитетами»[1].

Национальные комитеты и «Союз борьбы тюрко-татар Идель-Урала»

Вероятно, лишним будет упоминание, что гитлеровская Германия в первые годы войны не нуждалась ни в каком представительстве народов СССР. Это означало бы признание их как политических партнеров, союзников и никак не вписывалось в национал-социалистическую стратегию. И опять в данном случае мы должны вспомнить об изменившейся военной ситуации и об определенной смене германской ориентации, что отчетливо проявилось уже в организации национальных посредничеств. Посредничества, как было показано выше, являлись подразделениями Восточного министерства. И они стали основой создания национальных представительств, которые, по замыслам гитлеровцев, должны были взять на себя политическую и, как следствие, военную активизацию всех национальных сил. Но с самого начала, даже когда было дано официальное разрешение на создание национальных представительств, запрещалось именовать их «национальными комитетами». Следовало применять более нейтральные термины «связующий штаб» (Verbindungsstab) или «комиссия» (Ausschuß). Татарское представительство, например, при своем официальном конституировании в 1944 г. получило наименование «Союз борьбы тюрко-татар Идель-Урала». По-видимому, слово «комитет» несло слишком пугающую немецкое руководство нагрузку, означая своего рода национальное правительство, и не признавалось почти до самого конца войны. Исключение составило лишь национальное представительство среднеазиатских народов.

Осенью 1944 г., когда вопросами политического сотрудничества с восточными народами по-настоящему заинтересовался СС, их предста-

[1] Неточным является мнение, высказанное Ю. Карчевским и Н. Лешкиным о том, что Татарское посредничество, не оправдав ожиданий гитлеровцев, в итоге было переименовано в «Союз борьбы против большевизма» (*Карчевский Ю.В., Лешкин Н.И.* Указ.соч. С. 125). Обе эти структуры продолжали существовать до конца войны.

вительствам со стороны Главного управления СС было наконец обещано, что они получат желанное для них наименование — «национальные комитеты», против чего продолжало выступать ведомство Розенберга. «Тем самым национальные комитеты хотели предстать перед побеждающими союзниками и историей не как квислинги или продажные наемники, а как политические организации с своими собственными целями, правами и претензиями. С этим же была связана надежда, как оказалось тщетная, предотвратить выдачу западными союзниками Советскому Союзу их соплеменников против их воли,» — не без оснований оценивает сложившуюся ситуацию П. фон цур Мюлен[1].

Что удивительно, Розенберг изменил свою позицию и согласился с термином «национальный комитет» только в последние недели марта 1945 г. — для четырех кавказских и крымско-татарского представительств в Берлине был даже устроен торжественный прием, по иронии судьбы прерванный сигналом воздушной тревоги — поистине пир во время чумы! Были изменены годовой бюджет комитетов, социальные условия для их сотрудников, что уже не могло играть абсолютно никакой роли в той ситуации[2].

Национальные комитеты не только были созданы при посредничествах, но и находились под их контролем. Фактически работа в комитетах считалась работой на общественных началах — национальные представительства не являлись юридически признанными учреждениями и потому не могли иметь официального персонала. Сотрудники комитетов не получали заработной платы, а числились за теми инстанциями, из которых и приходили в комитеты: вермахт, Восточное министерство, СС и пр. Функции комитетов были довольно широкими, но главной их задачей считалось осуществление как можно более тесного контакта представителей восточных народов с немецкими военными и гражданскими учреждениями (недаром они на первой стадии создания получили наименование «связующих, посреднических штабов»). Исходя из этой задачи, комитеты, по мнению П. фон цур Мюлена, состояли как минимум из трех отделов: политического (в ведении их политические контакты, организационные вопросы и финансы), военного (контакты с вермахтом и соответствующими Восточными

[1] *von zur Mühlen, P.* S. 93.

[2] Ibid., S. 92—93.

легионами, подготовка офицерских кадров и военная переподготовка) и одела пропаганды, прессы и общественной работы.

Попытки создания национальных организаций под крылом тех или иных немецких высших учреждений (в частности МИД) делались уже в первые годы войны. Это проявлялось и в пожеланиях старых эмигрантов, и в позиции некоторых чиновников (Шуленбург, фон Менде), стремившихся к более тесному сотрудничеству с нерусскими народами СССР. «Адлониада» является тому самым серьезным подтверждением.

Унтер-офицер легиона читает газету «Идель-Урал»

П. фон цур Мюлен вполне правомерно связывает создание национальных представительств разных народов с той ролью, которая была уготована в нацистских планах разным народам Советского Союза. Поэтому получалось так, что те народы, которые в этих планах занимали самое низкое место, согласно выработанной «иерархии» геополитических интересов, находились под наименьшим прессингом и получали относительную свободу для обсуждения своих национальных проблем, создания национальных комитетов[1]. Это подтверждается реальными фактами: представители среднеазиатских народов уже весной 1942 г. начали подготовку к организации «Национального Туркестанского комитета единства» (Milli Türkistan Birlik Komitasi — Nationalturkestanisches Einheitskomitee). Он был создан, согласно Вели Каюм-хану, 14 ноября 1942 г., хотя появление в августе 1942 г. первого номера газеты «Милли Туркистан» как официального органа комитета уже говорит о многом. Комитет был фактически создан и конституирован несколько раньше — в конце лета — начале осени 1942 г. Напротив, самые острые споры вызвало создание национальных представительств кавказских народов — в результате созданные во второй

[1] *von zur Mühlen, P.* S. 86.

половине 1942 г. комитеты армян, грузин и азербайджанцев даже были распущены или же продолжали существовать на бумаге[1].

Политический вес представительств переоценить вряд ли возможно — они находились под жестким контролем и могли действовать лишь в строго определенных рамках. К тому же, как оказалось, политические взгляды коллаборационистов из восточных народов оказались настолько пестрыми, что почти во всех представительствах имели место острые противоречия, порой переraставшие в открытые конфликты. Конфликты решались усилиями германской стороны и не добавляли политической привлекательности национальным лидерам.

Такие противоречия имелись и в самом, казалось бы, «благополучном» Туркестанском комитете. Они являлись, с одной стороны, следствием чисто авторитарного стиля работы «президента» Вели Каюм-хана, стремившегося и, в общем, добившегося неограниченной власти над своими соплеменниками[2]; а с другой стороны — многонационального характера Туркестанского представительства. В своей работе Каюм-хан опирался исключительно на узбеков, что, естественно, задевало представителей других народов, входивших в комитет. В результате в начале 1943 г. несколько человек из киргизов и казахов обратились к Розенбергу с просьбой разрешить им организовать соб-

---

[1] *von zur Mühlen, P.* S. 88. По сведениям П. фон цур Мюлена, Туркестанский комитет делился на 9 «министерств» и состоял в общей сложности из 21 человека. По мнению О.В. Романько, Туркестанский комитет был создан именно в августе 1942 г. Его президентом стал Вели Каюм-хан, генеральным секретарем — Карими, позднее — Канатбай. В состав президиума входило 4 казаха, 3 туркмена, 3 узбека, 2 киргиза и 2 таджика. В комитете было также 12 отраслевых отделов. (*Романько О.В.* Указ.соч. С. 67—68). Мнение О.В. Романько, что комитеты «со временем в качестве правительств должны были переехать на освобожденные немецкими войсками территории их государств», представляется неточным.

[2] Такому возвышению, фактическому «культу личности», Каюм-хана среди туркестанцев в немалой степени способствовала и поддержка немецких инстанций. В одном из документов Главного управления СС от 26 января 1945 г. это положение описано так: «Весь германский аппарат власти был предоставлен в распоряжение Каюм-хана с целью укрепления его позиций. Каюм получил полную свободу действий и пользовался доверием. По его желанию неугодные ему люди отстранялись от работы» (BA-Potsdam, NS 31/30, Bl.142).

ственное представительство и собственный легион. Такого позволения им, однако, дано не было. Руководитель этого политического заговора казах Канатбай не без стараний Каюм-хана попал под подозрение гестапо и был арестован как предполагаемый «советский агент». Две недели Канатбай содержался под арестом в Потсдаме и был выпущен только тогда, когда его «невиновность» была полностью доказана[1]. Позднее же, в конце 1944 г., Канатбай был даже «приближен» к Каюм-хану и провозглашен генеральным секретарем Туркестанского комитета.

Очень неприятный инцидент пришлось пережить Каюм-хану и в начале 1944 г. Среди туркестанских легионеров, дислоцированных на Западной Украине, недовольных Каюм-ханом, созрел заговор, в ходе которого предполагалось создание альтернативного «национального комитета». Во главе заговорщиков стояли азербайджанец Абдуллаев и киргиз Сулайманов, распространявшие среди легионеров листовки с призывами готовиться к восстанию. В ходе восстания предполагалось расстрелять всех немецких офицеров туркестанских батальонов, кроме Андреаса Майер-Мадера, и создать «Туркестанское национальное правительство». В марте 1944 г. один из легионеров был даже отправлен в Берлин для физического устранения Каюм-хана. Правда, последний в это время находился в Париже. Заговор в итоге был раскрыт, восстание не состоялось, а шесть туркестанских легионеров, среди которых Абдуллаев и Сулайманов, были расстреляны[2].

Противоречия наблюдались и внутри остальных представительств. Возьмем пример азербайджанских коллаборационистов. Немецкая сторона изначально и небезуспешно пыталась привлечь к политическому сотрудничеству наиболее влиятельного в среде эмигрантов Мехмет-Амина Расул-заде. Летом 1942 г. после длительных переговоров он даже возглавил азербайджанское представительство, настаивая в первую очередь на том, чтобы Германия официально признала на перспективу лозунг политической независимости Азербайджана. Однако, как уже было отмечено, к таким политическим заявлениям нацистская верхушка не была готова, поэтому Расул-заде осенью 1942 г. покинул Германию, а на первые позиции в среде азербайджанцев вышли его политические оппоненты — Аббас бей Атам-Алибеков, Фуад Амирджан

[1] BA-Potsdam, NS 31/30, Bl.143.

[2] Ibid., NS 31/43, Bl. 29.

и особенно быстро возвысившийся Або Фаталибейли-Дудангинский. Последний активно критиковал Расул-заде за его «реакционность» и стремление возродить в Азербайджане «ханские порядки», и сумел довольно быстро найти общий язык с немцами (например, с фон Менде). Именно Дудангинский фактически возродил азербайджанское представительство — «связующий, посреднический штаб» на национальном конгрессе 6—9 ноября 1943 г.[1]

Но в октябре 1944 г. сложилось отдельное «Азербайджанское единое национальное собрание» как альтернатива официальному представительству[2]. И у армян возникло отдельное политическое движение легионеров «Арменакан», которое возглавили братья Альфред и Альфонс Мурадяны, заявившие очень амбициозные цели: захват власти в Армении и восстановление существовавших до 1920 г. политических институтов[3]. Несерьезность подобных амбиций являлась очевидной, тем более что, судя по источникам, резонанс и влияние и того и другого альтернативного движений были минимальными.

Несмотря на свою малочисленность по сравнению с представителями среднеазиатских народов, поволжские татары также смогли организовать обсуждение своих национальных проблем. В течение 1942 г. сформировалось первое татарское представительство в Германии, которое возглавлял доктор Ахмет Темир, находившийся в этой стране с 1936 г. Оно традиционно именуется в нашей публицистике «Комитет Идель-Урал», хотя, возможно, именно такого названия и не имело.

В Германии А. Темир не только занимался научной деятельностью, которая воплотилась в диссертации, защищенной 17 июня 1941 г. в Гамбургском университете. Некоторое время он преподавал татарский язык в Берлинском университете[4], помогал профессору фон Менде в со-

[1] *von zur Mühlen, P.* S. 111—112.

[2] BA-Potsdam, NS 31/35, Bl.66.

[3] Ibid., NS 31/38, Bl. 3—5.

[4] А. Темир, например, преподавал татарский язык в Берлинском университете в зимнем семестре 1941/1942 г. и читал курсы: «Введение в татарский язык», «Татарская грамматика» и «Чтение татарских текстов на латинском и русском шрифтах» общим объемом 10 учебных часов в неделю. Через год, в зимний семестр 1942/1943 г., в университетских планах он упоминается лишь как преподаватель, который не имел нагрузки. Но уже в зимнем семестре

Легионеры слушают выступление Шафи Алмаса на конференции Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала

ставлении «тюрко-татарской» библиотеки для Института по изучению России (об этом говорилось во второй главе настоящей книги). Кроме того, в 1941—1943 гг. А. Темир сотрудничал в отделе радиопропаганды Министерства иностранных дел Германии, занимаясь радиопропагандой на Турцию, а с июня 1943 г. перешел работать в турецкую редакцию германского радиовещания, находясь там на очень хорошем счету[1]. Так что А. Темир был достаточно известным и активным человеком, поэто-

1943/1944 г. он вновь вел курсы «Введение в татарский язык» (4 часа) и «Татарский язык для продвинувшихся студентов» (3 часа в неделю). После отъезда А. Темира в Турцию с весны 1944 г. его заменил доктор Н. Поппе. (Friedrich-Wilhelm-Universität zu Berlin. Personal- und Vorlesunsverzeichnis. Wintersemester 1941/1942. Berlin, 1941. S. 239; Trimester, 1941. S. 234; Sommersemester, 1942. S. 112; Wintersemester 1942/1943. S. 47; Wintersemester 1943/1944. S. 120).

[1] BA-Zehlendorf, Personalakten Abdul Raschid Malak (без указания листов).

му его первоначальное лидерство в политическом представительстве поволжских татар в Германии вовсе не случайно.

Появление в годы войны татарского представительства в Германии комментировалось в современной публицистике. Например, по данным Р. Мустафина, началось оформление этого представительства в мае 1942 г. на заседании в берлинском отеле «Франкишер Хоф»[1], где собрались лица, вошедшие в созданный тогда «Комитет Идель-Урал» — А. Темир в роли президента (не совсем понятна ирония Р. Мустафина по поводу того, что окружающие называли его «доктором», — он действительно был доктором), Раис Самат, промышленник Искандер Яушев, Шафи Алмас, Алимджан и Шамсия Идриси, Хайнц Унглаубе. По сведениям Ю. Карчевского и Н. Лешкина, однако, это происходило в «один из жарких июньских дней 1942 г.», и в создании комитета кроме названных лиц будто бы приняли участие Ахмед-Заки Валиди, Тамурбек Давлетшин, Абдул-Гани Усман, Мугин Бахтиков, Фаткулла Абзалетдинов[2]. Не могу сказать, на какие источники опирались Р. Мустафин, Ю. Карчевский и Н. Лешкин для столь точного описания этого собрания, — в их книгах нет сносок. К сожалению, в архивных материалах не удалось найти документов об этом мероприятии, а также о некоторых его участниках, поэтому довольно трудно подтвердить или же опровергнуть сведения указанных авторов. Однако присутствие на собрании А. Идриси с женой в любом случае вызывает серьезные сомнения. Выше уже неоднократно подчеркивалось, что Идриси выступал категорично и воинственно за единство тюркских народов, именуя «идель-уральцев» сепаратистами и имея очень натянутые отношения со сторонниками идеи «государства Идель-Урал». Поэтому он едва ли мог принимать участие в создании «Комитета Идель-Урал». Вряд ли присутствовал на заседании и Ахмед-Заки Валиди — в то время (май—июнь 1942 г.) его в Германии просто не было. Сомнительно и участие в собрании и профессора Т. Давлетшина — только 7 июня 1942 г. он был отпущен из лагеря и в дальнейшем, как известно, больше занимался научной работой и не очень охотно принимал участие в политических мероприятиях подобного рода[3].

---

[1] *Мустафин Р.А.* По следам оборванной песни. С. 131—133.

[2] *Карчевский Ю.В., Лешкин Н.И.* Указ. соч. С. 52—54.

[3] О Т. Давлетшине см.: *Давлетшин Т.* Автобиография // Татарстан. 1991. № 11. С. 65—70; *Сэхапов Э.* Мюнхен институты профессоры // Йортэ безне язмышлар. Казан, 1992. 173—181 б.

Как бы то ни было, такой еще официально не признанный, но и не запрещенный орган под руководством Ахмета Темира был, по-видимому, создан (хотя дату его основания, май или июнь 1942 г., можно также подвергнуть сомнению). Деятельность его, очевидно, не заходила дальше обсуждения национальных проблем. К реальному сотрудничеству, в том числе и к масштабной работе с татарскими военнопленными и легионерами, «комитет» как представительство поволжских татар не привлекался. Это объяснялось тем, что политическое сотрудничество Третьего рейха с восточными народами не предусматривалось. Возможно, по этой причине существование «комитета» не отразилось в немецких документах того времени. Тем не менее некоторые его члены принимали участие в комиссиях по работе с военнопленными, выступали перед ними с лекциями и пр.

Судьба А. Темира в роли руководителя «Комитета Идель-Урал» сложилась следующим образом. Он вмешался в один из многочисленных и вполне объяснимых конфликтов внутри Туркестанского комитета, поддержав оппозицию Вели Каюм-хану. Некоторые представители казахов и киргизов, настроенных против узбека Каюм-хана, обратились к Темиру с просьбой объединиться в одном комитете с поволжскими татарами. Апогея эта история достигла летом 1943 г., когда вполне серьезно обсуждался проект создания татаро-казахского представительства. В этой ситуации А. Темир проиграл более могущественному и хитрому Вели Каюм-хану[1]. Возможно, что при этом

[1] *von zur Mühlen, P.* S. 97. Эта история несколько иначе интерпретируется Ю. Карчевским и Н. Лешкиным. По их мнению, Унглаубе изначально имел директиву вообще не создавать отдельное татарское представительство, а придать его ранее созданному Туркестанскому комитету на правах отдела. Это вызвало бурную реакцию протеста со стороны татарских и башкирских националистов, и после жарких споров они предложили компромиссное решение: 1. Принять линию на объединение Туркестанского комитета с башкирами и татарами при условии замены Вели Каюм-хана Заки Валидовым на посту президента. 2. Сформировать единый мусульманский легион. Но это решение идель-уральцев не нашло понимания у туркестанцев. И тогда Ахмет Темир с подачи Заки Валиди начал искать поддержки у казахов, возглавляемых Карисом Канатбаем и стремившихся устранить Каюм-хана. Такие политические игры рассердили ответственных немецких чиновников — из Германии был вначале выдворен Ахмед-Заки Валиди, а затем и Ахмет Темир. См.: *Карчевский Ю.,*

далеко не последнюю роль сыграли и личные качества А. Темира — его ранимость и чувствительность[1], — разобидевшись на всех и вся, он покинул Германию и вернулся в Турцию.

Официально судьба национальных комитетов начала очень серьезно обсуждаться лишь во второй половине 1943 г. 30 сентября и 6 октября 1943 г. два совещания с этим вопросом были проведены в Восточном министерстве у фон Менде. Для немецкой стороны главным при этом становился личностный фактор: на обоих совещаниях обсуждались конкретные кандидатуры, которые могли бы вести работу как руководители национальных комитетов и которые состояли бы в тесном контакте с министерством и вермахтом[2]. Для поволжских татар тогда на первый план выступил Шафи Алмас. И уже тогда фон Менде отмечал, что, «согласно общему мнению, Шафи не имеет необходимых качеств, чтобы быть представителем и руководителем своих соплеменников», сетуя на отсутствие среди татар подходящей кандидатуры для руководства комитетом. Этот вопрос неоднократно поднимался до конца войны, но немцы все же были вынуждены остановиться на Шафи Алмасе.

Сведения об этой личности очень приблизительны и нуждаются в дополнении[3].

Лешкин Н. Указ. соч. С. 55—60. Документальных данных, подтверждающих или опровергающих подобную интерпретацию, обнаружить не удалось.

[1] Об этом сообщала П. фон цур Мюлену вдова профессора фон Менде — Каролин фон Менде — в письме от 10 декабря 1971 г., называя А. Темира «непростым, своенравным и легко ранимым человеком», которого все очень любили, но с которым в роли руководителя, вероятно, было бы гораздо больше сложностей, чем с Шафи Алмасом. Копия этого письма была любезно предоставлена мне доктором П. фон цур Мюленом. В воспоминаниях Х. Унглаубе также отмечалось, что Темир был «закрытым человеком, и между нами не было чисто человеческого контакта. Он был вежлив и предупредителен и делал вид, что я являюсь в посредничестве самым важным человеком, но на самом деле он не находил нужным обсуждать со мной проблемы» (*Unglaube, H.* Erinnerungen. S. 11).

[2] BA-Potsdam, R 6/66, Bl. 123—126.

[3] К сожалению, почти нет достоверных биографических сведений о Шафи Алмасе (во всяком случае, ни в историографии, ни в архивных документах отыскать их не удалось). В исторической литературе и публицистике, в которой он часто упоминается, ничего подробно о его жизни не сообщается. Можно

Шафи Алмас (настоящее имя Габдрахман Гибадуллович Галиуллин, в публицистике его чаще называют Шафиев) родился в 1885 г. в Дубъязском районе Татарстана. Псевдоним Шафи Алмас был им взят по имени своего прадеда Шафи. Он занимался торговлей, имел магазины в Москве, Казани, Оренбурге. В годы Гражданской войны эмигрировал в Турцию, получил турецкое подданство, в 20-е гг. даже поработал короткое время сотрудником турецкого посольства в Москве. С 1928 г. он проживал в Германии, имел в Берлине недвижимость, и политикой по большому счету не занимался вообще. После начала войны он начал привлекаться немецкой стороной к конкретным пропагандистским мероприятиям, прежде всего к радиопропаганде: 1 декабря 1941 г. он вместе с А. Темиром упоминался в одной из справок Германского международного радио (общество «Интеррадио»), которое курировалось МИД и Министерством пропаганды, как один из «подготовленных кадров»[1].

Кроме того, на протяжении 1942 г. Ш. Алмас многократно посещал лагеря для военнопленных, выступал перед ними с речами и подбирал кандидатуры для возможного сотрудничества[2].

сослаться только на книгу Ю. Карчевского и Н. Лешкина: *Карчевский Ю., Лешкин Н.* Указ соч. С. 46—47; на публикацию Р. Мустафина, уже цитированную выше: *Мустафин Р.А.* «Идель-Урал»: взгляд из Германии. С. 146 и газетную статью Г. Гилязова: *Гыйләҗев Гадел.* Шәфи Алмаз: кем син? // Ватаным Татарстан. 27 март 1996 ел. В статье Г. Гилязова содержится непонятное противоречие: в начале статьи в качестве настоящей фамилии Шафи Алмаса названа фамилия Гайнуллин, но затем в тексте он неоднократно назван Галиуллиным. Возможно, это просто редакторская недоработка. Показательно, что в книге Б. Садыковой Шафи Алмас назван азербайджанцем (*Садыкова Б.* История туркестанского легиона в документах. Алматы, 2002. С. 62). А вот по мнению С. Чуева, Шафи Алмас претендовал на роль руководителя Туркестанского национального комитета (источник подобного утверждения неизвестен). С. Чуев пошел еще дальше, отметив, что Шафи Алмас после войны был задержан органами госбезопасности и расстрелян по приговору военного трибунала. (*Чуев С.* Проклятые солдаты. М., 2004. С. 495, 509). Хотя Шафи Алмас, как известно, после войны вполне благополучно проживал в Турции, где и скончался в 1954 г. Всё это — очевидные свидетельства отсутствия достаточной информации об этой личности.

[1] PA AA, Pol. XIII, Bd.14, R 105182, N 218941.

[2] *Cwiklinski, Sebastian.* Wolgatataren in Deutschland. S. 40.

Руководитель Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала Шафи Алмас готовится к выступлению

Вероятно, уже тогда он и включился в борьбу за лидерство в татарской общине. Судя по одному из послевоенных свидетельств, которое цитировалось выше (Каролин фон Менде), его спорная кандидатура все же устроила немецкую сторону. Г. фон Менде, отвечавший за решение всех подобных вопросов, советовался с некоторыми татарскими эмигрантами, которые когда-то учились или работали в Берлине, но после прихода к власти нацистов уехали в Турцию — профессором Рахмати Аратом и инженером Фуадом Казаком (Шафи Алмас был женат на сестре Фуада Казака — Амине, а отцом Фуада и Амины, кстати, был известный деятель джадидизма и предприниматель Абдулхамид Казаков). После длительных консультаций, по словам К. фон Менде, «поскольку никого другого не было», остановились на кандидатуре Ш. Алмаса. В его пользу говорило и следующее: «Он хорошо говорил по-немецки и не выказывал никакого неудовольствия и рассерженности по отношению к своим прибывшим в Германию землякам (вспомним А. Идриси! — *И.Г.*). Он также оказывал полную и всестороннюю

поддержку таким честолюбивым молодым людям как Султан, чего никогда не сделал бы другой стремящийся к власти руководитель». По данным П. фон цур Мюлена, поддержку «флегматичному, неактивному» Шафи Алмасу, которым можно было легко манипулировать и который «предпочитал алкоголь политике», оказал и Вели Каюм-хан, не желавший видеть во главе татарского представительства человека с сильным характером, способного вмешиваться во внутренние дела Туркестанского комитета[1].

Шафи Алмас в роли лидера поволжско-приуральских татар вызывал неприятие со стороны многих германских чиновников. Очень неприязненно отзывался о нем Райнер Ольша 15 сентября 1944 г.: его личность представлялась эсэсовскому функционеру «исключительно спорной». Он называл его не иначе как «малоактивным интриганом и самолюбом, который отвергает все устремления к интенсификации работы с поволжскими татарами, если они не совпадают с его собственными представлениями». Ольша замечал, что сотрудники Шафи Алмаса очень недовольны «своим президентом, упрекая его в том, что он практически завалил всю национальную работу». По этому поводу Главное управление СС провело консультации и с шефом Татарского посредничества Х. Унглаубе, который заявил Р. Ольше, что Шафи Алмас стал руководителем Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала только в силу острой необходимости («необходимого зла», по выражению Унглаубе). Унглаубе обратил внимание Ольши на то, что в окружении Ш. Алмаса есть активные и способные сотрудники, которые «прекрасно могут быть использованы для работы, даже если они не устраивают самого президента»[2].

В течение 1944 г. вопрос о замене Шафи Алмаса на посту руководителя «Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала» поднимался неоднократно. Особенно активно этот вопрос начал обсуждаться, когда начались мероприятия по созданию Восточнотюркского боевого соединения СС. В начале октября 1944 г. по договоренности между Восточным министерством и Главным управлением СС в «Союзе» должны были быть проведены перестановки: вместо Ш. Алмаса предлагалась кандидатура бывшего советского майора Гафара Ямалиева,

[1] *von zur Mühlen, P.* S.98.

[2] BA-Potsdam, NS 31/31, Bl. 26.

который по плану должен был быть переведен в СС и получить чин штурмбаннфюрера. Главное управление СС видело в нем даже возможного руководителя Татарского посредничества[1].

29 сентября 1944 г. в беседе между профессором фон Менде, Ф. Арльтом и Р. Ольшей было высказано беспокойство по поводу ситуации с Комитетом поволжских татар: «Комитет Идель-Урал должен активизироваться через особенно интенсивную работу». Причем личность «шефа татарского Союза борьбы» вызывала заметные нарекания со стороны германских чиновников[2].

7 октября Л. Стамати в телефонном разговоре с Р. Ольшей заметил, что «случай с Ямалиевым срочный», а татарский комитет «необходимо срочно оживлять»[3]. 12 октября на очередном совместном заседании у фон Менде в Восточном министерстве его участники обсуждали состав татарского комитета и договорились, что будущим руководителем комитета станет майор Ямалиев[4]. Подобная активность немецкой стороны явно насторожила Шафи Алмаса, который не желал уступать. 17 октября 1944 г. он направил подробное письмо на имя фон Менде, в котором отчетливо прослеживается стремление придать себе более значительный политический вес[5].

Письмо эта напыщенно адресовано «в Германское имперское правительство», хотя фон Менде в правительстве не работал, и это было прекрасно известно и Шафи Алмасу. Но ситуация требовала, и патетический стиль письма поражает воображение. «Мы, идель-уральские тюрки, десятилетиями боремся за независимость, и на протяжении этого времени мы принесли много жертв. Московиты использовали все средства, чтобы покорить нас морально и духовно, разрушить наше национальное чувство. Татарский народ включился в борьбу, и ему до настоящего времени удалось защищать свои национальные идеи. Цель этой борьбы — освобождение страны и достижение независимости Идель-Урала», — так начинается обращение Шафи Алмаса. Постоянно

---

[1] BA-Potsdam, Film 2419, A 2696277.

[2] *Садыкова Б.* История туркестанского легиона в документах. Алматы, 2002. С. 133.

[3] BA-Potsdam, Film 2419, A 2696275.

[4] Ibid., NS 31/29, Bl. 68.

[5] BStU-Zentralarchiv, RHE 28—88/SU, Bd. 3, Bl. 121—123.

автор подчеркивает свои «заслуги» в освободительной борьбе татарского народа и стремление его опираться в этой борьбе на поддержку Германии: «Я уже долгие годы живу в Германии, работаю и борюсь за освобождение моей страны, подарив все свое доверие Германии. Я стремился укрепить отношения Идель-Урала с Германией. Когда началась германо-русская война, бесчисленные мои земляки оказались в Германии. Я был в лагерях для военнопленных, говорил со своими земляками, давал им мужество и надежду, рассказывал им о новой Германии. Все мои земляки заявляли о готовности стать солдатами, чтобы бороться за освобождение своей страны», — так видел Ш. Алмас свою роль в установлении связей татар с Германией. Он очень хотел, чтобы полномочия и возможности комитета стали еще более широкими, но только под его собственным руководством: «По всем идель-уральским делам я прошу связываться только со мной, поскольку я избран ответственным руководителем 3 марта 1944 г. на конгрессе в Грайфсвальде», — завершил свое обращение Шафи Алмас.

Вряд ли это письмо нашло сколь-либо серьезный отклик среди германского руководства, личность Шафи Алмаса была ему достаточно хорошо знакома. Тем не менее намеченной и уже казалось обговоренной смены руководства «Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала» не произошло — Шафи Алмас продолжал исполнять эти функции до января 1945 г., когда он, будто вспомнив свое турецкое гражданство, бежал из Германии в Турцию, оставив политические амбиции, которые в условиях военного краха Третьего рейха начали представлять для него серьезную опасность[1]. После него татарский национальный комитет остался без формального руководителя. Большинство документов от имени «Союза борьбы» в последние месяцы войны подписывалось уже руководителем Татарского посредничества графом Л. Стамати. Безрезультатные дискуссии вокруг личности Шафи Алмаса, фактическое «обезглавление» национального комитета в последние месяцы войны — это яркое свидетельство того, что среди татар, находившихся на стороне Германии в годы Второй мировой войны, не было реального авторитетного лидера, способного объединить всех соплеменников и повести их за собой.

[1] Шафи Алмас скончался в Турции в 1954 г. (информация любезно предоставлена С. Цвиклински).

Хотя германское руководство постоянно выражало свое недовольство татарским национальным представительством, комитет и под руководством А. Темира, и под «президентством» Ш. Алмаса, бесспорно, провел определенную работу. Комитет под руководством Шафи Алмаса, по его собственному свидетельству, по-видимому, сложился в конце 1943 — начале 1944 г.[1] Полный состав его президиума в одном из недатированных документов (вероятно, документ относится к началу 1945 г.[2], так как упоминаемый в списке капитан Вафин еще в конце октября 1944 г. работал в штабе генерала Власова) был следующим (сохраняю всю терминологию документа):

Шафи Алмас — президент; Салих Файзуллин — заместитель президента; Гариф Султан — организационный руководитель; Кашапов — старший лейтенант; Вафин — капитан, адъютант при штабе связи генерала добровольческих соединений и руководитель военного отдела Союза борьбы в отношениях с вермахтом; Иван Скобелев — чуваш, руководитель отделения немусульманских народов Идель-Урала; Шакир Алкаев — полковник; Галим Айдагулов — редактор литературного журнала, ответственный за культурные вопросы; Ишмаев — руководитель газеты «Идель-Урал»; Исламгулов — сотрудник редакции; Гунафин — руководитель лагерей в Даргибеле и в Беверунгене[3].

---

[1] Idel-Ural, № 10—11(67/68), 19.03.1944.

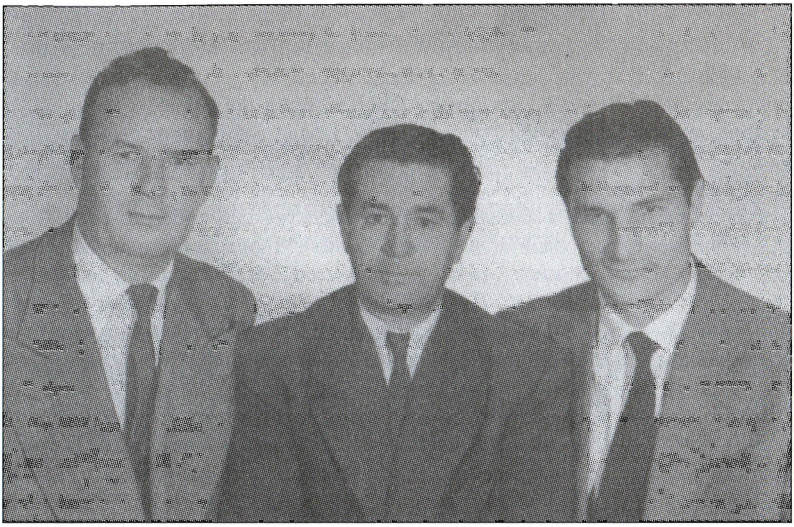
[2] По поводу датировки этого документа я согласен с мнением С. Цвиклински: *Cwiklinski, S.* Wolgatataren in Deutschland. S. 55.

[3] BA-Potsdam, NS 31/28, Bl. 1. Некоторые дополнительные сведения о названных членах комитета (из интервью с Гарифом Султаном 6 декабря 1994 г.): С.Файзуллин (Файзи) — после войны работал в татарской редакции «Голоса Америки», в 1952—1953 гг. — в геологоразведке, преподавал в Бостонском университете. Впоследствии работал в Министерстве торговли США. Умер в 80-е гг.; Гариф Султан — после войны активно занимался политической деятельностью и публицистикой, долгие годы работал руководителем Татаро-башкирской редакции радио «Свобода». В настоящее время проживает в Мюнхене. Кашапов — на курултае в Грайфсвальде был избран руководителем военного отдела Союза борьбы, после войны вернулся в СССР, был арестован и осужден (вероятно, именно его судьба отражена в одной из отечественных публикаций, где Кашапов представлен под именем Махмута Байгужина или Кашаева, являвшегося будто бы заместителем руководителя военного отдела Союза борьбы. См.: *Амири Г.* Дело Махмута Байгужина // Рассказы о чекистах. Уфа, 1977. С. 195—208). Габдулла Вафин (Вафалы) — преподавал в школе

Изменения по сравнению с составом «комитета» под руководством А. Темира, как видим, серьезные. Понятно, что приведенным спи-

пропагандистов Русской Освободительной армии в Дабендорфе, затем ушел от Власова в «Союз борьбы тюрко-татар». После войны проживал в США. Иван Скобелев — был захвачен наступающими отрядами Красной армии в доме отдыха Волго-татарского легиона в Даргибеле и осужден на длительный срок заключения, а не был расстрелян, как неверно утверждает С. Чуев (*Чуев С.* Проклятые солдаты. М., 2004. С. 509). Впоследствии написал воспоминания, которые были частично опубликованы в Чебоксарах журналистом В. Алексиным: *Скобелев И.* Чуваши и татары в логове фашистов // Республика. № 23—27, 31. Июнь—август 2003 г.; Шакир Алкаев — до войны был военным комендантом г. Баку. Предполагалось, что он станет руководителем Волго-татарского легиона, но, как известно, этого не произошло. Несмотря на попытки предстать перед советскими властями как антигитлеровский подпольщик (Алкаев даже сфабриковал ряд протоколов «подпольной антинацистской группы», в которых представал как руководитель этой группы), после войны был арестован. 23 июля 1952 г. военный трибунал Приволжского военного округа осудил его на 25 лет лишения свободы. По указу президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. срок его наказания был снижен до 10 лет. («Мусульманская плаха» для России / Публикация В.П. Ямпольского //Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 31). После отбытия наказания также не отличался «примерным поведением» и вновь был привлечен к суду уже за уголовное преступление. Галим Айдагулов (Анвар Галим) — после войны работал на радио «Свобода». Публиковался под псевдонимом Мусабай. Затем переехал в США, где умер в январе 1988 г. (в татарской периодике опубликована часть его воспоминаний: *Галим Ә.* Муса иманлы китте //Идел. 1993. № 2. 29—34 б. Некоторые сведения о нем см. также: *Бадретдин С.* Радиовещание на татарском языке. Моя работа в татаро-башкирской службе радио Свобода // Татарская газета. № 4—5. 10 июля 2001 г.). Габдулла Ишмаев — был арестован советскими властями и приговорен к заключению в лагере. Сабит Гунафин (Кунафин) — после войны проживал в США.

Очень любопытны характеристики, которые даны некоторым из названных лиц в немецких документах: Ольша о Гарифе Султане (21 августа 1944 г.): «Пламенный представитель пантюркистских воззрений, одухотворен предлагаемыми идеями» (BA-Potsdam, Film 2419, A 2696291); Ольша о Кашапове (4 сентября 1944 г.): «Кашапов вследствие своей психологической точки зрения потерял внутренний подход к немецким учреждениям. Особенно резко высказывается в русском вопросе: резко критиковал мысль, что татар хотят представить врагами всего русского. По его мнению, русские никогда врагами татар не были, а наоборот, после подавления большевиков станут их друзьями» (BA-Potsdam, Film 2419, A 2696290).



Послевоенное фото лидеров волго-уральского движения. Слева направо: Исламгулов (Хамид Рашит), майор Гафар Ямалиев (Мустафа Вали), Гариф Султан. Мюнхен, август 1950 г.

ском количество членов «Союза борьбы» не ограничивалось — в его подразделениях-отделах были заняты десятки сотрудников. Точное их число на данный момент установить невозможно.

Национальные комитеты, в том числе и татарский, не только были созданы при посредничествах, но и находились под их контролем[1]. Фактически работа в комитетах считалась работой на общественных началах — национальные представительства не являлись юридически признанными учреждениями и потому не могли иметь официального персонала, сотрудники комитетов не получали заработной платы, а числились за теми инстанциями, из которых они и приходили в комитеты: вермахт, Восточное министерство, СС и пр. Функции комитетов были довольно широкими, но главной их задачей считалось осуществление как можно более тесного контакта представителей советских восточных народов с немецкими военными и гражданскими учреждениями

[1] Подробная характеристика организационной структуры и задач национальных комитетов дана в книге: *von zur Mühlen, P.* S. 82—104. Мною во многом использованы эти данные.

(недаром они на первой стадии их создания получили наименование «связующих штабов»). По данным П. фон цур Мюлена, исходя из этой задачи комитеты состояли как минимум из трех отделов: политического (в ведении их были политические контакты, организационные вопросы и финансы), военного (контакты с вермахтом и с соответствующими Восточными легионами, подготовка офицерских кадров, военная переподготовка) и отдела пропаганды, прессы и общественной работы. Судя по составу татарского представительства, очевидно, его подразделение на отделы было несколько более разветвленным, но в принципе подходило под указанную схему.

К сожалению, не сохранилось многих документов, связанных с деятельностью татарского комитета. Некоторые показатели его активности в военной области уже упоминались, когда речь шла о Восточных легионах. Представители комитета принимали участие в комиссиях по работе в лагерях военнопленных, выступали с лекциями, призывая своих соплеменников вступать в легион, составляли списки для Татарского посредничества, делали предложения по военной реорганизации легионов (вспомним хотя бы фантастический проект создания идель-уральской дивизии, высказанный как раз от имени татарского представительства). Объемную работу проводили члены комитета в сфере социальной, а также в деле пропаганды, издания газет и журналов, о чем еще пойдет речь ниже.

Во всей работе татарского представительства Волго-татарскому легиону уделялось, понятно, особое внимание. Одним из красноречивых свидетельств такого внимания является открытое письмо Шафи Алмаса легионерам, опубликованное в газете «Идель-Урал» от 29 августа 1943 г., которое вполне можно считать одним из важных программных политических документов «Союза борьбы». Момент для такого обращения был выбран не случайно, так как внутренняя обстановка в легионе, вероятно, в то время сложилась довольно напряженная — в середине авгу-

Восточные легионеры на приеме у Йозефа Геббельса, второй слева волго-уральский легионер

ста 1943 г. были проведены аресты участников подпольной группы Мусы Джалиля. Шафи Алмас по-своему стремился внести ясность в ситуацию и поднять дух своих соплеменников. При этом в своем обращении он отвечал на три вопроса, которые, по его мнению, представляли особую актуальность:

1. Почему мы боремся не вместе с русскими, а отдельно, своим легионом, хотя у нас и есть общая цель — уничтожение большевизма?

2. Почему мы говорим не Татарстан, а Идель-Урал?

3. Какой должна быть форма государственности Идель-Урала?

Ответы Шафи Алмаса на поставленные вопросы очень ясно представляют его политические позиции. Он заявил: «Мы боремся не только за уничтожение большевизма, а и за уничтожение основ русского империализма. Понятие "Великороссия" исторически не так уж старо — оно появилось после подчинения русской монархии многочисленных народов Востока». Шафи Алмас привел в своем письме различные исторические факты для подтверждения своей основной мысли: татарское крестьянство в России искусственно отрывалось от земли, намеренно вытеснялось на неплодородные земли, татарские деревни отдалялись от городов, культура сдерживалась, татарское население было территориально раздроблено, подвергалось насильственной христианизации и русификации. Хотя «татарские парни и гибли за русскую монархию», народ оставался подавленным и униженным. По мнению Шафи Алмаса, «никогда никакое русское государство не скажет нам: имейте свою страну, свои богатства, живите свободно и используйте это по своему усмотрению». В его представлении, татары, которым «не нужно никаких красивых слов об автономии», должны были использовать сложившуюся ситуацию,

Шафи Алмас (слева) и Хайнц Унглаубе

так как Германия дала им оружие, чтобы «сражаться за свободу». В этих сражениях «легион как основное ядро борьбы» должен был бы сыграть особую роль.

Более краток был «вождь» в ответах на второй и третий вопросы: термин «Идель-Урал» применялся для того, чтобы подчеркнуть единство народов Поволжья и Приуралья, поскольку их всех постигла та же историческая участь, что и татар. Государство, которое они вместе будут строить, должно было быть «национальным, отвечающим интересам всех народов, проживающих на его территории». Открытое письмо Шафи Алмаса к легионерам, как и многие другие программные документы «Союза борьбы тюрко-татар», в годы войны представляет из себя своеобразную смесь реальных фактов из истории татарского народа и фальшивых, утопических представлений об его будущем, которое Шафи Алмасу рисовалось в союзе с национал-социалистической Германией.

Наиболее масштабным мероприятием, организованным татарским представительством в Германии в годы войны, следует признать курултай (съезд) представителей народов Идель-Урала, который состоялся в г. Грайфсвальде 3—5 марта 1944 г.[1] Материалы этого собрания, вы-

[1] О курултае см.: *Гилязов И.А.* Курултай в Грайфсвальде: «Мы боремся за единение народов Идель-Урала и за образование свободного национального государства» // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2000. №3/4. С. 58—72. Здесь приведены тексты выступления Шафи Алмаса, а также принятых курултаем документов. Материалы курултая в виде брошюры были опубликованы в Берлине в 1944 г. : Idel-Ural Qorьltajь. Berlin 1944. Полный текст этой публикации был любезно предоставлен мне Себастианом Цвиклински, которому я выражаю свою благодарность. Некоторые материалы Грайфсвальдского курултая опубликованы в современной периодике: *Мустафин Р.А.* «Идель-Урал»: взгляд из Германии // Гасырлар авазы — Эхо веков. Май 1995. С. 137—139. Вызывает определенное недоумение, что Р. Мустафин и в этой, и в своих предыдущих публикациях постоянно располагает город Грайфсвальд «невдалеке от Дрездена», хотя он в действительности находится совсем в другом конце Германии, на северо-востоке. Материалы курултая сохранились в Федеральном архиве в Потсдаме (BA-Potsdam, NS 31/31, Bl.1—8), а также опубликованы в газете Волго-татарского легиона «Идель-Урал» (№ 10—11(67/68) от 19 марта 1944 г.) Весьма странным представляется утверждение С. Чуева о том, что в марте 1944 г. в Грайфсвальде состоялся конгресс крымских (?) и поволжских татар. Причем на той же странице монографии этого автора отмечается: «Другое

сказывания делегатов, оставшиеся во многом лишь декларацией, позволяют, однако, наиболее точно отразить политические представления лидеров татарского национального движения в Германии периода Второй мировой войны. На основании сохранившихся источников можно представить, как было организовано и проведено это мероприятие.

На курултай собралось около 200 делегатов, прежде всего от Волго-татарского легиона и посредничества. Для заседаний было выделено самое большое в Грайфсвальде помещение городского собрания. Понятно, что на курултай получили приглашение многие важные немецкие чиновники из Восточного министерства, офицеры Восточных легионов, представители «дружественных народов».

Именно немецким гостям съезда и было предоставлено право первыми выступать с речами. К делегатам обратился генерал Ральф фон Хайгендорф, который больше говорил об «углублении германо-татарского сотрудничества», о том, что создаваемое национальное представительство «должно пробудить в легионерах истинный дух борьбы», что только «германская победа может принести счастливое будущее для татарского народа», что лишь после того «наши товарищи из Идель-Урала смогут вернуться на освобожденную родину к своим семьям и в последующие мирные годы будут развивать истинные дружеские отношения между немецким и татарским народами». Обратим внимание — в выступлении генерала «счастливое будущее» татарского народа представлено в полном тумане — он не мог и не хотел ничего сказать о том, что более всего волновало представителей татар, — о будущей форме государственности.

Так же осторожен в своем приветственном выступлении был и профессор фон Менде, который, конечно, был гораздо более компетентен в национальной проблематике, чем генерал фон Хайгендорф. Представитель Восточного министерства коротко охарактеризовал восточную политику Третьего рейха, сделав основной упор на внимание, проявляемое немецкой стороной к проблемам нерусских народов. Фон Менде говорил также о значении создания Восточных легионов,

"судьбоносное" действо состоялось 3 мая 1944 г.», и речь идет о «курултае народов Идель-Урала». (*Чуев С.* Проклятые солдаты. М. 2004. С. 496). Никаких сведений об втором «судьбоносном действе» в моем распоряжении нет. Здесь, по моему мнению, имеет место обыкновенная путаница.

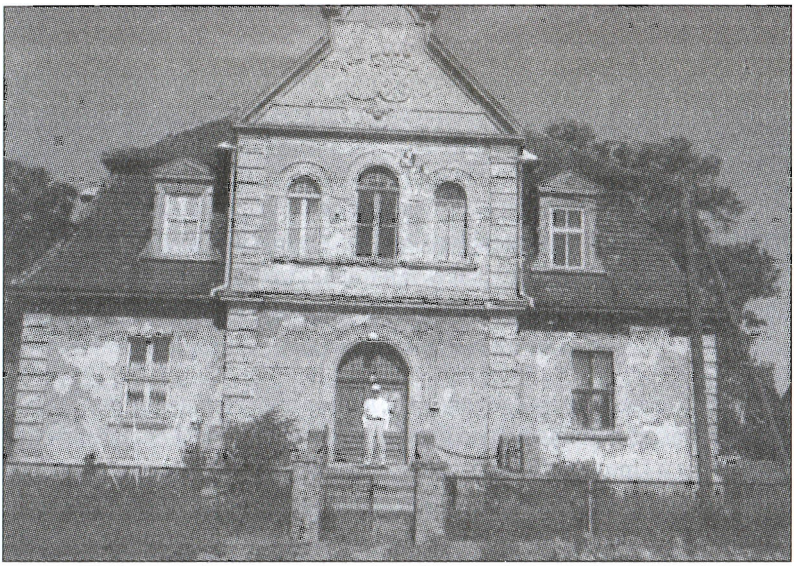
о «многосторонней и плодотворной деятельности» Восточного министерства и Татарского посредничества.

На заседаниях курултая слово было дано и немецким командирам татарских соединений — подполковнику фон Зеккендорфу и полковнику Боллеру, которые в очень коротких выступлениях рассказали о задачах и деятельности своих подчиненных.

Только затем председательствовавший в первый день заседаний Айтуган (сведений о нем, равно как и о некоторых других выступавших под псевдонимами, у меня нет) представил слово «избранному делегатами и признанному германским правительством руководителю тюрко-татар» Шафи Алмасу, который выступил с объемным докладом под девизом «Сила единой нации — в единстве воли, в верности избранному пути». В этом докладе Ш. Алмас проследил «исторический путь борьбы за национальную идею», заметив, что в 1917 г. для народов Поволжья и Приуралья открылась было возможность свободного развития, но она была уничтожена большевиками. Курултай, подобный Грайфсвальдскому, по мнению президента, являлся не новым явлением в национальной жизни — как пример он назвал Милли меджлис 1917—1918 гг., созванный в Уфе. Именно «Союз борьбы тюрко-татар Идель-Урала» и являлся логическим возрождением и продолжением деятельности Милли меджлиса. Эту мысль Шафи Алмас подчеркивал практически во всех своих публичных выступлениях и статьях. Понятно, что президент не мог не рассыпаться в любезностях перед своими «хозяевами». В годы войны, по его выражению, на помощь угнетенным народам пришла Германия, которая с оружием в руках поддерживает борьбу их против большевизма (как это было на самом деле, было уже показано во второй главе этой книги). С особой благодарностью отметил он помощь в создании легиона, Татарского посредничества («ему стали придавать большое значение»), в издании периодических изданий на татарском языке фон Менде, Унглаубе и фон Зеккендорфа. Понятно, что в изложении Шафи Алмаса почти никаких проблем в национальной деятельности не было — он должен был подчеркнуть хорошую «результативность» своей работы.

Во второй день заседаний, 4 марта, с речами на курултае также выступали (приведу лишь краткие лейтмотивы или темы выступлений):

К. Салих (генерал Салихов — ?): призвал все народы Поволжья и Приуралья к единству, чтобы между ними не было никаких склок



Гариф Султан у здания в Даргибеле, где в годы войны располагался дом отдыха легионеров

и споров. «Раз уж решено создать единую организацию, вся работа должна вестись от ее имени. Союз борьбы должен стать центром, защитником интересов разбросанного войной народа». Он предложил разработать разумную политику по отношению к трем частям народа Идель-Урала: «Борцы в Германии, находящиеся под игом большевизма на родине, разбросанные по всему миру вне пределов родины».

Иван Скобелев: «Идель-Урал является общей родиной для всех народов, в том числе и малочисленных»[1].

Гариф Султан: «Наша цель — создание нового справедливого национального порядка, поскольку каждый народ имеет право на справедливость».

Обер-лейтенант К. Маджит: «Не поддаваться на пропаганду врага».

Шихап Нигмати: «Пробуждать национальные чувства, обязательно создать при Союзе борьбы отдел пропаганды».

[1] О И. Скобелеве и публикации части его мемуаров см.: *Гилязов И.А.* Никто не хотел умереть // Республика (Чебоксары). № 43. 29 октября 2003 г.

Ирек: предложил создать Национальный фонд. «Поскольку наш народ щедр, он всегда окажет помощь нуждающимся». По этому поводу следовало провести разъяснительную работу среди легионеров, других татар в Германии и ввести для всех 1-процентный национальный налог («милли салым») и, кроме того, поддерживать добровольные пожертвования.

Алиев (Алкаев?): «О военной мощи Германии».

Габдуллан: «О роли религии в жизни татарского народа».

Г. Чишмали: «О борьбе трех политических систем в мире: демократия, большевизм, национал-социализм».

Ибрагим: «Наша родина в крови».

Участников курултая приветствовали представители туркестанцев, азербайджанцев и крымских татар, которые заверяли их в своих «искренних братских чувствах», пожелав успехов татарскому народу.

В последующие несколько дней для участников Грайфсвальдского курултая были организованы и различные культурно-пропагандистские мероприятия: выступления музыкальной капеллы легиона, исполнявшего татарские народные песни и мелодии, а также немецкую военную

Репетиция ансамбля легиона «Идель-Урал»

музыку; так называемого «культурного взвода» легиона, показавшего ряд отрывков из спектаклей.

5 марта в Грайфсвальде была организована выставка татарского прикладного искусства и живописи, которая, по оценкам прессы, показала, «как много талантов есть среди легионеров и с каким интересом германский вермахт поддерживает их культурное развитие».

6 марта часть делегатов вместе с немецкими представителями отправилась в городок Ратен, где было проведено совещание в узком кругу об итогах курултая и дальнейших направлениях политической работы «Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала». Здесь для них также был организован прием местным бургомистром Винклером и главным «пропагандистом» Саксонии крайсляйтером Эльцнером.

7—8 марта вновь были посвящены культурным мероприятиям: выступал квартет Дрезденской городской оперы и вновь «культурный взвод» Волго-татарского легиона. Но не обошлось и без политических выступлений: в последний день перед собравшимися вторично выступил фон Зеккендорф, а также крайсляйтер Эльцнер. Основное внимание оба обратили на необходимость сохранения в будущем политического единства восточных народов и их масштабного сотрудничества с Германией.

И наконец, в завершение мероприятий все участники заседаний отправились в пропагандистский вояж в Прагу.

Как видим, Грайфсвальдский курултай, растянувшийся на несколько дней, был организован весьма помпезно. Это было типично пропагандистское мероприятие, речи на котором говорились соответственно случаю торжественно и пышно. Лишь изредка на заседаниях курултая упоминались нелицеприятные для немецкой стороны моменты, и почти все выступавшие стремились подчеркивать «достижения и успехи», которые надлежало приумножать в будущем. Но за всей подобной словесной шелухой можно выделить в материалах курултая весьма явственные политические тенденции. Это особенно относится к итоговым документам этого форума[1].

Итоговое «Решение заседаний тюрко-татар Идель-Урала» было не таким объемным, и я позволю себе привести несколько отрывков из текста.

---

[1] Материалы курултая обстоятельно рассмотрены в исследовании: *Cwiklinski, S.* Wolgatataren in Deutschland. S. 56—63.

Ансамбль легиона «Идель-Урал» выступает перед легионерами

В его преамбуле речь идет об общих устремлениях народов Поволжья и Приуралья, которые почти 400 лет живут «под русским господством» и не теряют надежды на восстановление своей государственности. По мнению авторов решения, тюрко-татары «сейчас получили новый шанс для своей самостоятельности: они нашли могучего друга в лице великой Германии». В их изложении, «день уничтожения большевизма принесет самостоятельность народам Идель-Урала». Для достижения этого в 1942 г. был образован Волго-татарский легион и «наше национальное объединение во главе с господином Шафи Алмасом». Итак, уже в преамбуле обращают на себя внимание два момента: во-первых, достижение государственности поставлено во главу угла, как основная цель военной и политической борьбы; во-вторых, появление «национального объединения» под руководством Шафи Алмаса оценено фактически как создание национального правительства в изгнании, которое борется за восстановление разрушенной национальной государственности.

Достижению главной цели были посвящены конкретные задачи, направления политической, организационной, военной деятельности. На вопрос «**за что мы боремся**?» решения курултая отвечали так:

«1. Мы боремся за единение народов Идель-Урала (татар, башкир, чувашей, мордвы, марийцев, удмуртов) и за образование свободного национального государства.

2. Все народы Поволжья и Приуралья должны стать равноправными членами этого сообщества.

3. Земля должна принадлежать трудящимся крестьянам. Колхозная система разрушила деревню. Мы боремся за ликвидацию ненавистной колхозной системы и передачу земли в частное владение крестьян.

4. Полезные ископаемые, леса, реки и озера, все богатства природы должны стать национальной собственностью.

5. Развитие промышленности, торговли, транспорта и других отраслей народного хозяйства должно служить интересам нации.

6. Мы боремся за развитие и сохранение истинной национальной культуры, за своеобразие и чистоту языка.

7. Свобода вероисповедания и религиозных обычаев должна быть обеспечена законом».

В качестве актуальнейших **организационных задач** «по усилению рядов тюрко-татар, борющихся за свою свободу», курултай назвал:

1. «Создание "Союза борьбы" за самостоятельность народов Идель-Урала. Эта организация возьмет на себя руководство национально-освободительной борьбой, объединение нации в единую семью, проведение всех мероприятий, необходимых для решения судьбы народа.(...)

2. "Союз борьбы" должен представлять интересы всех представителей народов Идель-Урала, которые разделяют его линию, и организовать борьбу за освобождение Идель-Урала от большевизма.

3. "Союз борьбы" должен проводить широкую пропаганду для достижения боевых целей против большевизма и за самостоятельность Идель-Урала, помогать представителям нашего народа в облегчении условий жизни, привлекать их в ряды активных борцов национального движения, выявить и объединить всех образованных и одаренных людей и помогать им в дальнейшем развитии (изучение языка, поступление в немецкие высшие школы, устройство на работу), чтобы создавались соответствующие резервы для расширения и укрепления основ национального движения.

4. Подготовить пропагандистский материал о целях национально-освободительной борьбы для работы среди нашего населения на родине.

5. Осуществлять связи со всеми татарскими эмигрантами, проживающими в разных странах, которые в свое время находились во главе национального движения, и привлечь их к работе "Союза борьбы".

6. Для решения задач обязательно и необходимо создание постоянного центрального органа — Президиума "Союза борьбы" со следующими подразделениями: организационный отдел, военный отдел, отдел пропаганды и отдел финансов. В состав президиума должны включаться как представители тюрко-татар, так и угро-финских народов Идель-Урала.

7. Для проведения самых необходимых мероприятий и постоянной поддержки отдельных нуждающихся (больных, раненых, студентов) следует создать Национальный фонд. Фонд будет составляться из следующих поступлений: постоянный взносы с месячного дохода всех представителей нашего народа, различные пожертвования»[1].

К политическим и организационным моментам добавлялся и блок **военных вопросов**, при этом выделялось, что «борьба с оружием в руках на сегодня является нашей важнейшей задачей». Поэтому, по представлению участников курултая, следовало предпринять шаги в следующих направлениях:

«1. Просить высшее командование германского вермахта об организации самостоятельных татарских соединений (полков, дивизий) из добровольцев, и насколько возможно под руководством собственных национальных командиров, так, как это делается у казаков или в Русской Освободительной армии.

---

[1] Судя по всему, Национальный фонд действительно был создан: в газете «Идель-Урал» (№ 15 (72) от 15 апреля 1944 г.) были опубликованы правила сбора средств в Фонд. К июню 1944 г. у Фонда уже был свой особый счет в Дойче Банк, которым распоряжался Шафи Алмас (информация газеты «Идель-Урал» № 24 (81) от 17 июня 1944 г.) Реально взносы на этот счет начали поступать к концу лета 1944 г. и в той же газете (№ 42 (99) от 21 октября 1944 г.) уже были опубликованы следующие сведения: от полевой почты 42683 на тот день поступило 998 рейхсмарок, от полевой почты 42935А — 1244 рейхсмарки, от полевой почты 41286 — 110 рейхсмарок, еще 87 рейхсмарок поступило от «частных лиц». Судьбу собранных средств, к сожалению, выяснить полностью не удалось. Можно только предполагать, что ими вполне мог воспользоваться Шафи Алмас, который уже в начале 1945 г. покинул Германию.

2. Просить о создании офицерской и унтер-офицерской школы для пополнения национальных военных кадров.

3. Просить разрешения о переводе во вновь образуемые соединения добровольцев Идель-Урала тех, кто уже причислен в прочие добровольческие соединения или находится в составе германского вермахта.

4. Предложить Высшему командованию вермахта создать собственное знамя, собственную униформу и знаки различия для татарских соединений и, в случае его согласия, выступить с конкретными предложениями».

В заключении решения курултая было заявлена необходимость политической программы национального движения, которую предстояло разработать и утвердить уже на следующем курултае.

Предложения курултая в военной сфере в дальнейшем комментировании не нуждаются, если учесть, что в предыдущей главе этой книги подробно обсуждались вопросы военного сотрудничества восточных народов с Германией, которые выявили серьезные противоречия и разные подходы между сторонами и в результате привели к полному краху в этой сфере. Поэтому остановимся лишь на блоке политических вопросов.

Обращает на себя внимание, что большинство программных заявлений документа звучит вполне демократично (особенно в ответе на вопрос: «За что мы боремся?»), отражая политические предпочтения лидеров «Союза борьбы». Подчеркну, что главная цель, поставленная курултаем — достижение государственной независимости Идель-Урала, — это повторение той мысли, которую неустанно пропагандировал и за которую боролся безусловный лидер всей татарской политической эмиграции Гаяз Исхаки. Этой цели были как бы подчинены все остальные политические заявления форума. Имя Исхаки на курултае не упоминалось, хотя большинство высказанных идей явно было позаимствовано из его политического багажа. Можно заметить, что несмотря на заявление о необходимости установления связей с представителями эмиграции в разных странах, татарскому движению в Германии в годы Второй мировой войны по-настоящему не удалось осуществить этого. А вспомним, что к тому времени татарская диаспора была еще вполне организованна и сильна и на Дальнем Востоке (Маньчжурия, Япония. Корея), и в Турции (здесь находились многие видные деятели политической эмиграции из та-

тар). Проявилось это хотя бы в том, что даже на упоминание имени Гаяза Исхаки в политических декларациях курултая, очевидно, было наложено табу (ведь он, как указывалось выше, считался «врагом Германии»); что на грайфсвальдских заседаниях не было весомых представителей эмиграции, которые учитывали складывающуюся военно-политическую обстановку и в годы войны проявили осторожность, дистанцировались от своих соплеменников в Германии, по-видимому, предпочитая объединение вокруг личности Исхаки. Так что татарское национальное движение в Третьем рейхе, конституированное лишь в последние годы войны, осталось во многом замкнутым в себе, не получив ожидаемого резонанса даже у своих соплеменников в других странах. И все же можно отметить, что татарским представителям позволялось обсуждать очень широкий круг политических вопросов, планировать все перспективы «будущего независимого государства» — немецкая сторона хорошо понимала эфемерность многих высказанных проектов. В то же время сами немцы держали себя в жестких границах — как уже упоминалось, ни один из гостей курултая о свободном и независимом государстве Идель-Урал не говорил, ограничиваясь «антибольшевистской» риторикой.

Сказанное позволяет вполне обоснованно поставить вопрос: насколько же значимо было татарское представительство, как, впрочем, и все остальные национальные комитеты, если они с самого начала были поставлены в определенные рамки, тем более не обладая абсолютно никакой финансовой самостоятельностью, если и немецкая сторона откровенно не поддерживала их главной конечной цели?

Отвечая на поставленный вопрос и анализируя деятельность национальных представительств в Германии в годы Второй мировой войны, П. фон цур Мюлен выделяет два момента:

Во-первых, они «в силу их положения являлись не более чем вспомогательными органами немецких учреждений», они получали от немецкой стороны средства для финансирования своих сотрудников, для издания газет и журналов, проведения пропаганды, работы в легионах. «Легионы и национальные представительства получали квартиры и одежду, разрешения на пребывание и командировочные деньги, униформу и оружие от вермахта, СС и Восточного министерства; от них они были зависимы, и только с их позволения они могли работать».

Во-вторых, однако, было бы не совсем точно представлять представительства как «абсолютно безвластные инструменты немецких инстанций». «Хотя они не имели собственных средств влияния на политическую ситуацию, но все же пытались блокировать или придерживать решения немецких учреждений. Возможности для того заключались в самой тоталитарной системе, которая порождала достаточно оснований для конфликтов из-за нечеткого регулирования компетенций между соперничающими инстанциями. (...) И когда в таких случаях возникал вакуум власти, то национальные представительства могли проявлять свое влияние»[1]. Здесь вполне уместно вспомнить противоречия и откровенное соперничество между Восточным министерством, СС, МИД, о котором уже неоднократно упоминалось выше и которое сказывалось и в военной, и в политической, и в организационной сферах.

С подобным мнением о двоякой природе деятельности национальных комитетов вполне можно согласиться: если в широком плане, во влиянии на политическую и военную ситуацию, в особенности в условиях приближающегося краха Германии, они безусловно были полностью беспомощными и зависимыми, то в определенной сфере, например в решении некоторых своих внутренних вопросов, компетенции представительств становились вполне зримыми.

И еще об одном следует здесь упомянуть. Хотя национальные представительства — комитеты и были созданы с позволения гитлеровцев, под крылом Восточного министерства, находились под жестким контролем официальных структур Третьего рейха, постоянно декларировали свою верность Германии и Гитлеру, которые пришли «на помощь» национальным устремлениям народов СССР, именовать эти учреждения национал-социалистическими было бы некорректно. Коллаборационисты, за редким исключением, нацистами не являлись (исключение могут составлять, например, армянин Сурен Бегзадян Пайкар или грузин Александр Никурадзе, сами именовавшие себя национал-социалистами). Хотя национальные лидеры постоянно пели дифирамбы Гитлеру, Германии, идеям национал-социализма, они видели в них сильного союзника, который может помочь национальным антисоветским движениям в осуществлении их политических целей. Полному их «единению» мешали вполне серьезные причи-

[1] *von zur Mühlen, P.* S.130—131.

ны: во-первых, расистские установки национал-социалистической теории и представления о «недочеловеках» никто не отменял; во-вторых, могущественный «союзник» не желал давать никаких ясных обещаний относительно будущей государственной независимости тюрко-мусульманских народов СССР, что, безусловно, разочаровало национальных лидеров.

Большинство тех лиц, которые входили в состав национальных комитетов, не могли не понимать сложившейся ситуации. Поскольку по своей политической природе они все же друг от друга отличались, иногда очень значительно, соответственно этому они и проводили свою деятельность. Определенная часть, придерживаясь антифашистских идей, встала на подпольный путь борьбы с гитлеровским режимом с целью разрушения национального движения в Германии изнутри, разложения национальных военных формирований восточных народов (самый яркий пример — деятельность группы Мусы Джалиля). Другие, прежде всего довоенные эмигранты, стремились к максимально возможному расширению своих полномочий, превратив политическую деятельность исключительно в борьбу за власть. Здесь уместен пример туркестанского лидера Вели Каюм-хана, который в среде среднеазиатских народов добился фактически настоящего культа личности и полновластия. Этого, собственно, явно желал и татарский «вождь» Шафи Алмас, но достичь поставленной цели не сумел. Третьи, представлявшие бывших военнопленных и перебежчиков, в какой-то степени общим положением дел были удовлетворены и хотели лишь сохранения своего статуса и благоприятного материального положения, не заглядывая слишком далеко в будущее. Четвертые, настроенные наиболее националистически, лю-

Муса Джалиль

Волго-уральские легионеры в Инзельхофе

быми средствами пытались усилить национальный, идеологический фактор в деятельности представительств, поднять их на более высокий уровень и, получив полную свободу действий, развернуть национально-освободительную, гражданскую войну, борьбу за восстановление или создание национальной государственности, что на поверку все-таки оказалось полной утопией.

Такая разность в представлениях и подходах приводила к серьезным внутренним конфликтам во всех национальных представительствах, причем масла в огонь добавляла и национальная неоднородность некоторых из них. Приведу данные документов. 12 сентября 1944 г. представитель чувашей в «Союзе борьбы тюрко-татар Идель-Урала» Ф. Паймук заявил в беседе в Главном управлении СС: «Отношения в комитете не очень хорошие, почти такие же как и у туркестанцев, где во главе встал представитель одного народа. Все это свидетельство политической глупости и тщеславия. А Шафи Алмас больше поддерживает своих соплеменников»[1]. Очень ярким подтверждением сложной внутренней атмосферы в «Союзе борьбы» является и выше уже цитированное сообщение Р. Ольши от 15 сентября 1944 г., в котором

[1] BA-Potsdam, Film 2418, A 2695716.

он делился впечатлениями от встречи с Шафи Алмасом[1]. Вспомним, что Шафи Алмас во время беседы назвал своих сотрудников, привлеченных на службу в Главное управление СС, «непригодными болтунами, которые не смогут вести полезную работу», что он, по мнению Р. Ольши, «хотел бы сотрудничать с СС только через своих людей» и игнорировал «все более молодые и более активные силы в татарском движении». В другой своей справке, от 15 ноября 1944 г., Р. Ольша вновь убийственно охарактеризовал Шафи Алмаса и его «авторитет»: «Это запойный пьяница, которому резко противостоят все татары»[2].

Конфликты и противоречия всплывали и во взаимоотношениях между национальными представительствами. В одном из официальных сообщений гестапо по поводу состоявшегося 8—10 июня 1944 г. в Вене съезда Туркестанского национального комитета ясно было сказано, что немецкая сторона, как и прежде, стоит за объединение всех тюркских народов, чтобы «использовать этот этнический и религиозный блок для разрушения СССР». Но, как оказалось, Туркестанский комитет и его лидер Вели Каюм-хан выступил против подобных устремлений, рассматривая все тюркские народы по отдельности. Причем авторитет и резонанс Каюм-хана среди остальных тюркских народов, как отмечалось в документе, был очень невелик. Здесь же обращалось внимание и на то, что Туркестанский комитет изначально выступил против создания Восточнотюркского боевого соединения СС, «опасаясь в результате этого уменьшения своего влияния». В итоге делался такой вывод: «Каюм, как человек не очень умный и бесхарактерный, привел к противоречиям среди отдельных тюркских народов и подорвал наш авторитет в туранистских кругах. Неизвестно, почему Восточное министерство остановилось на его кандидатуре, он снижает наш вес среди мусульман»[3]. Здесь же будет вполне уместно вспомнить конфликт

[1] BA-Potsdam, NS 31/31, Bl.26.

[2] Ibid., Film 2418, A 2696519.

[3] BA-Koblenz, NS 19/3573, без указания листа. Такие характеристики Вели Каюм-хану были нередки: 15 ноября 1944 г. свое мнение о нем в беседе с Р. Ольшей высказал А. Идриси, который и привез в 1922 г. Каюм-хана для учебы в Германию: «Из всех туркестанцев, которые прибыли в Германию для учебы — он самый бездарный. Он очень ненадежен — живет с тремя женщинами, купил дома в Париже, Карлсбаде и Потсдаме» (BA-Potsdam, Film 2419, A 2696519).

Минуты радости, легионеры на представлении

между татарским и туркестанским представительствами середины 1943 г., который привел к уходу Ахмета Темира с места руководителя «Комитета Идель-Урал».

Хотя такие противоречия в документах подтверждаются и встречаются не один раз, ни германские чиновники, ни сами национальные лидеры сора из избы выносить не желали: внешне отношения между всеми национальными представительствами оставались самыми теплыми и дружескими. На том же съезде в Вене тепло приветствовали своих среднеазиатских «братьев» Шафи Алмас и другие национальные лидеры, на пышных торжествах в Грайфсвальде, конечно же, присутствовали «вожди братских народов», по случаю любой даты все комитеты обменивались поздравлениями и уверениями в «единстве в борьбе против большевизма».

Конфликтные ситуации, возникавшие в реальной жизни, вызывали понятное беспокойство высших немецких инстанций, которые прекрасно понимали пагубные их последствия. Своеобразной попыткой умиротворения потенциальных соперников стала идея, высказанная Г. фон Менде в начале ноября 1944 г.: он предложил объединить национальные

представительства в более крупные политические учреждения — так называемые «национальные советы». Грузинский, Азербайджанский и Армянский комитеты должны были объединиться в Кавказский совет. Как о принятом решении 3 ноября 1944 г. фон Менде писал об объединении Туркестанского, Идель-Уральского и Крымско-татарского комитетов в Восточнотюркский совет[1]. При этом предлагалось полностью расформировать и создать заново национальные представительства, которые все-таки должны были продолжать свое существование. Шафи Алмас в очередной раз был назван «неподходящей фигурой» в роли руководителя идель-уральцев. Сомнению подверглась и кандидатура майора Ямалиева. Лучшей фигурой на посту руководителя татарского комитета фон Менде видел Гарифа Султана, но и он считался слишком молодым для роли лидера. Поэтому, по мнению фон Менде, было целесообразным «принудить председателя Шафи к отставке и избрать новый состав Союза борьбы из активных членов президиума во главе с Ямалиевым. Если же впоследствии удастся найти более подходящую кандидатуру, то Ямалиев может быть заменен другим лицом». Восточнотюркский совет должен был быть составлен из председателей трех национальных комитетов, а председательствовать в нем должен был «представитель сильнейшей группы», значит, Вели Каюм-хан. Его заместитель — представитель «второй по силе группы Идель-Урал». Имеющиеся документальные источники, однако, не подтверждают того, что Восточнотюркский совет был создан. Вполне возможно, что обсуждение возможностей объединения в указанные советы должно было быть связано с появлением осенью 1944 г. при поддержке СС так называемого Комитета освобождения народов России (КОНР) под руководством бывшего советского генерала Андрея Андреевича Власова. В этой ситуации можно говорить о новых серьезных политических противоречиях как среди германского руководства, так и среди представителей разных народов.

Генерал Власов и национальные представительства

Германская сторона дала добро на создание Русской Освободительной армии только осенью 1944 г. — сказывалось особое недоверие гитлеровской верхушки к славянам. И все же 16 сентября 1944 г. в ставке

[1] BStU-Zentralarchiv, RHE 63—88/SU, Bd. 2, Bl. 330—332.

Гитлера Власова принял Гиммлер и обещал ему свое полное содействие. Это событие и стало решающим толчком в создании власовской армии и антисоветского политического руководства, хотя уже почти два года сам бывший советский генерал проявлял значительную активность в этом направлении. 14 ноября 1944 г. на заседании в Праге было официально объявлено о создании «Комитета освобождения народов России» (КОНР) и был принят так называемый Пражский манифест, а зимой 1944—1945 гг. последовало формирование Русской Освободительной армии (РОА). Я не буду подробно останавливаться на истории генерала Власова и его армии, его военной и политической деятельности, об этом существует уже значительная литература, в том числе и на русском языке[1]. Ниже пойдет речь только о вопросах взаимоотношений русского

[1]Назову только некоторые из новейших публикаций: на русском языке: *Катусев А.Ф., Оппоков В.Г.* Движение, которого не было, или История власовского предательства // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 18—28; № 7. С. 12—20; № 12. С. 31—41; *Катусев А.Ф., Оппоков В.Г.* Иуды: Власовцы на службе у фашизма // Военно-исторический журнал. № 6. 1990. С. 68—81; *Квицинский Ю.А.* Генерал Власов: путь предательства. М., 1999; *Колесник А.Н.* Генерал Власов — предатель или герой? М., 1991; *Коняев Н.М.* Власов. Два лица генерала. М., 2003; *Левин И.И.* Генерал Власов по ту и эту линию фронта: документы, воспоминания, письма. Мурманск, 1995; *Пальчиков П.А.* История генерала Власова // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 123—144; *Раманичев Н.М.* Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М.,1995. С. 292—312; *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты. М., 1996. С. 320—346. Очень любопытно, что по этой проблеме даже существуют учебные пособия (!): *Бахвалов А.Л.* Генерал Власов. Предатель или герой? Учебное пособие Санкт-Петербургской высшей школы МВД. СПб., 1994. Важно отметить, что в современной отечественной историографии складываются два подхода к оценкам власовского движения: одни историки абсолютно безоговорочно воспринимают его как пример масштабного предательства (А.Ф. Катусев, В.Г. Оппоков), другие стремятся к более взвешенным, осторожным и разносторонним оценкам (Н.М. Раманичев, скорее к представителям такой точки зрения можно отнести и А.О. Чубарьяна).

Выделю также две из эмигрантских публикаций, появившихся раньше: *Двинов Б.* Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950; *Поздняков В.В.* Андрей Андреевич Власов. Сиракузы, 1973; а также переведенную на русский язык книгу: *Штрик-Штрикфельд В.* Против Сталина и Гитлера. — М., 1993 (эта книга была на немецком языке опубликована еще в 1970 г., в издательстве «Посев» на русском языке она увидела свет

движения и национальных представительств, которые складывались далеко не просто.

Обратим внимание на то, что власовский руководящий орган в Праге получил название «Комитет освобождения народов России», т.е. изначально претендовал на представительство именно всех народов России (СССР). Именно такое его представление находило понимание и поддержку со стороны Гиммлера и СС, но вызывало противодействие со стороны некоторых чиновников Восточного министерства, которые поддерживали устремления «своих» национальных комитетов к созданию собственных государств.

Генерал-лейтенант А.А. Власов

Уже в октябре 1944 г. ряд национальных лидеров высказали недовольство указанными идеями русского генерала. Одними из первых, фактически от имени большинства «националов», высказались против намерений Власова грузинский представитель Михаил Кедия и Вели Каюм-хан. 13 октября 1944 г. последний обратился к Гиммлеру с заявлением, что Власов имеет право говорить только от имени русских, так как туркестанцы в первую очередь борются за независимый Туркестан, и они крайне обеспокоены. «После того, как все наши права будут признаны Вами, мы готовы принимать участие вместе с Власовым в конференциях по приглашению правительства рейха, имея равные с ним права и обязанности. Боевой дух туркестанских солдат может быть сохранен лишь в том случае, если

в 1981 г.); на немецком языке: *Fröhlich; S.* General Wlassow: Russen und Deutsche zwischen Hitler und Stalin. Köln, 1990; *Hoffmann, J.* Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg, 1986 (Эта книга также переведена на русский язык: *Хоффманн Й.* История власовской армии. Париж, 1990); на английском языке: *Andreyev, C.* Vlasov and the Russian Liberation Movement. Soviet reality and emigre theories. Cambridge University Press, 1987.

туркестанские дела будут вестись и далее на прежнем базисе. Власов же должен вести руководство русскими вопросами и выступать только от имени русских», — заявил Каюм-хан[1]. Почти в том же духе высказался и Шафи Алмас в выше цитированном письме фон Менде от 17 октября 1944 г.: «Исходя из нашей национальной борьбы, для нас невозможно идти вместе с русскими. Русские являются врагами других народов, они постоянно маскируются, чтобы осуществить свои империалистические цели. Власов же русский, весь способ его мышления — русский. Мы не против его стремлений, мы даже приветствуем создание русской армии и его стремление заниматься русскими проблемами, но нашими национальными проблемами он заниматься не должен».

Недоверие национальных сил к генералу Власову проявилось даже в открытом протесте, который был составлен и подан на имя Розенберга 18 ноября 1944 г.[2] Его подписали от народов Идель-Урала Шафи Алмас, от армян — Армик Джамалян, от азербайджанцев — Аббас бей Атам-Алибеков, от грузин — Михаил Кедия, от северокавказских народов — Али Хан Кантемир, от крымских татар — Эдиге Мустафа Кирималь, от среднеазиатских народов — Карими (осторожный Каюм-хан в данном случае, видимо, воздержался), от украинцев — Мельник, от белорусов — Островский. Это был редкий случай политического единодушия — подписавшие протест заявили о своем несогласии с Власовым, когда он выступает от имени всех народов СССР, считая, что в данном случае речь вновь пойдет о «русском господстве». Они предложили германскому правительству: «1. Воспрепятствовать любой попытке генерала Власова руководить

---

[1] *von zur Mühlen, P.* S.161.

[2] BA-Potsdam, NS 31/28, без указания листа. О.В. Романько связывает указанный протест с заседанием представителей разных народов, проведенным 18 ноября 1944 г. именно по инициативе Розенберга, и отмечает, что в нем принимали участие также А. Фаталибейли, В. Саркисян, В. Каюм-хан, чьих подписей, кстати говоря, под документом нет. По его мнению, целью заседания была демонстрация «единой воли всех лидеров национальных комитетов в борьбе за освобождение своих народов…» и обязательство совместной борьбы и поддержки друг друга. Основной же, антивласовский, мотив заседания и документа остался вне внимания О.В. Романько (см. *Романько О.В.* Указ. соч. С. 70—71).

нашими народами; 2. Признать права наших народов на самостоятельные государства и окончательно заявить о признании национальных представительств; 3. Разрешить создание наших национальных формирований под собственным руководством в оперативном подчинении вермахта и передать политическое руководство внутри этих формирований нашим национальным представительствам. В заключении считаем своим долгом заявить как о самом важнейшем моменте: если попытки генерала Власова руководить нашими народами не будут пресечены с полной откровенностью, ни одно из национальных представительств наших народов не берет на себя ответственности за последствия, к которым в результате может привести власовская акция». Как видно, даже ограниченная и почти эфемерная власть и самостоятельность, которыми обладали национальные комитеты, были очень дороги их лидерам.

Со своей же стороны, генерал Власов стремился преодолеть недоверие национальных лидеров и разными способами завоевать их расположение. Очевидно, однако, что во власовском руководстве единства по национальному вопросу не было.

Еще в апреле 1943 г. в Дабендорфе на «первой антибольшевистской конференции» бывших солдат Красной армии один из сподвижников Власова генерал-майор В.Ф. Малышкин заявил: «Освободительное движение декларирует национальную свободу для всех народов», допустив, однако, довольно странную формулировку степени этой «свободы»: «свобода вплоть до самоопределения» и призвав вначале «объединиться в борьбе с общим врагом». Получалось, что самоопределение наций воспринималось не как естественное право, а лишь как допущение, как позволение[1]. И это не было оговоркой, так как точно такую же формулировку избрал и другой сподвижник Власова — редактор «Офицерского бюллетеня РОА» Меандров[2].

Сам же генерал Власов высказывался следующим образом. 18 ноября в интервью газете «Воля народа» он отметил, что «большевизм искусственно разбил народы на группы и натравил их одну на другую. Народы России сознают, что судьба каждого из них зависит

[1] Цит. по публикации: *Поздняков В.В.* Андрей Андреевич Власов // Новое русское слово. 26 декабря 1971 г.

[2] Офицерский бюллетень РОА. № 12. 15 сентября 1944 г.

от общих усилий»[1]. В другом своем интервью официальной национал-социалистической газете «Völkischer Beobachter» Власов заявил, объясняя положения Пражского манифеста: «Движение, возглавляемое КОНР, выражает в первую очередь национально-освободительные стремления. Оно направлено на защиту национальных прав всех народов, на сохранение их самобытности, на уничтожение губительного интернационализма. Манифест, подписанный в Праге, признает за каждым народом право на самостоятельное развитие и на государственную самостоятельность»[2]. То, чего никак не могли произнести германские чиновники разных рангов, громогласно рассуждавшие только о «совместной борьбе против общего врага», открыто произнес русский генерал. Но национальные лидеры в его искренность поверили мало. А Власов же, судя по всему, смотрел на острую проблему национальных взаимоотношений в СССР шире и дальше. Со слов руководителя «Калмыцкого национального комитета» Шамбы Балинова, позиция Власова была такова: «Пусть все народы, которые пожелают, получат независимость, их оскорбленное чувство будет удовлетворено, национальные страсти утихомирятся. Пройдут годы — начнет диктовать свою волю закон истории, географии и экономики. Пусть в процессе расширения своих границ Россия допустила много ошибок, несправедливостей, жестокостей и даже преступлений. Пусть путь русской экспансии был обильно полит кровью покоренных народов. Но после этого прошли века совместной жизни народов под одной крышей. Установилась же за это время между нами какая-то связь — культурная, экономическая, даже родственная? Я верю в притягательную силу этой связи, в силу русского языка, служащего “мостом”, соединяющим все народы “евразийского” простора, в силу

[1] Воля народа. № 3/4. 22 ноября 1944 г. Газета «Воля народа» в эти недели почти постоянно обращалась к сложной проблеме межнациональных отношений: так, например, в № 2 от 18 ноября 1944 г. один из сподвижников Власова, генерал-майор Ф. Трухин, в статье «Вооруженные силы освободительного движения» отмечал, что «национальные силы приняли активное участие в борьбе с большевизмом плечом к плечу с германскими солдатами, а сейчас, в критический момент, мы должны выступить единым фронтом всех народов, населяющих Россию», подчеркивая, что «на нашей стороне симпатии всех народов России».

[2] Воля народа. № 8. 9 декабря 1944 г.

русской культуры. Поэтому со спокойной совестью иду на честное признание права народов на самоопределение, вплоть до отделения, ибо глубоко верю, что в будущем народы России найдут общий язык, общую платформу для совместного братского сожительства на началах права, справедливости, взаимного уважения, добровольного сговора, а не путем принуждения, насилия и нового покорения. В новой России жизнь должна строиться на безусловном признании силы права, а не права силы»[1]. Точка зрения сама по себе весьма примечательная. Демократические высказывания Власова по национальному вопросу исходят из действительно складывавшихся в истории России реалий межнациональных отношений. В то же время, если сравнить мысли генерала Власова и его близких сподвижников, можно косвенно судить о том, что в руководстве КОНР единого подхода к решению национальных проблем не существовало.

И все же в Пражском манифесте 14 ноября 1944 г., своеобразной программе власовского движения, скорее нашла отражение точка зрения самого генерала. В манифесте постоянно подчеркивалось, что он отвечает интересам именно всех народов СССР, и, в частности, отмечалось: «Большевики отняли у народов право на национальную независимость, развитие и самобытность», а одним из главных принципов «новой государственности народов России», поставленным при перечислении на первое место, назван: «Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность»[2]. Несмотря на такие декларации, наиболее авторитетные представители нерусских народов от Комитета освобождения народов России все-таки дистанцировались и в его состав не вошли: из «националов» в него были включены, например, калмыцкий лидер Шамба Балинов, подпоручик А. Джалалов, фельдфебель И. Мамедов, унтер-офицер Г. Саакян, врач

[1] Цит. по публикации: *Поздняков В.В.* Андрей Андреевич Власов // Новое русское слово. 26 декабря 1971 г.

[2] Текст Пражского манифеста опубликован в книге: *Коняев Н.М.* Указ соч. С. 327—332. О нем см. также: *Dallin, A.* S. 647—652. В 1944 г. в пропагандистских целях манифест издавался и в переводе на национальные языки: например, для легионеров Волго-татарского легиона он был параллельно опубликован на русском и чувашском языках в газете «За национальную свободу» (№ 11 от 29 ноября 1944 г.).

Ибрагим Чулик и некоторые другие, которые не играли первой скрипки в среде коллаборационистов.

Сам А. Власов явно считал объединение усилий всех народов СССР в борьбе против сталинской тирании абсолютно необходимым для успеха созданного им движения. Например, 17 декабря на заседании КОНР он вновь повторил: «Идея единения осознана всеми народами России как единственное условие победы». На этом заседании также было объявлено, что КОНР включил в свой состав Русский национальный совет, Украинский национальный совет, Белорусский национальный совет, Национальный совет народов Кавказа, Национальный маслахат народов Туркестана и Главное управление казачьих войск[1]. Из этого можно заключить, что усилия по объединению национальных представительств под крылом КОНР давали определенные результаты. Это становилось возможным и из-за того, что немецкая сторона также проявляла свою заинтересованность в разрешении появившихся противоречий.

1 декабря 1944 г. в газете «Völkischer Beobachter» была опубликована статья капитана фон Гротте о единении народов России и Востока в «общей борьбе». 29 декабря 1944 г. в той же газете увидела свет публикация Р. Крёца «Власовское движение и национальный вопрос», в которой автор воспевал «мудрость» власовского руководства, гарантировавшего право народов на самоопределение, самостоятельность и суверенность. 13 января 1945 г. генерал добровольческих соединений дал «пропагандные указания» по поводу взаимоотношений национальных представительств с генералом Власовым[2]. Главной целью пропагандистской работы в данном вопросе провозглашалось: «...убедить добровольцев нерусской национальности в том, что их национальные представительства (комитеты) не будут затронуты, их национальные части не будут ликвидированы или поставлены под русское командование. Национальные формирования должны воспринимать русское освободительное движение как желанного союзника в борьбе против большевизма». Обратим внимание: немецким журналистам дозволялось писать о будущей государственной самостоятельности и суверенности народов, но немецкий военный

[1] Воля народа. № 11. 20 декабря 1944 г.

[2] BA-MA, RH 2/2728, Bl. 26—27.

руководитель опять-таки ограничивал себя рассуждениями о «борьбе против большевизма».

Довольно легко поменяли свое поначалу отрицательное отношение к Власову некоторые национальные лидеры, например, Вели Каюмхан, — он, очевидно, понял политическую конъюнктуру. 23 ноября 1944 г. он уже приветствовал Пражский манифест, а 14 декабря заявил, что Туркестанский комитет поддерживает КОНР и будет с ним сотрудничать в дальнейшем, сохраняя свою автономность[1].

Кроме чисто пропагандистских заявлений Власов использовал и некоторые другие способы привлечения на свою сторону национальных представительств. В конце октября 1944 г., например, из его штаба был отправлен в Татарское посредничество капитан Габдулла Вафин, который имел обстоятельную беседу с Х. Унглаубе и Г. Султаном. Вафин рассказал о создающемся власовском комитете, который, по его словам, должен был объединить все народы России в борьбе против большевизма; о том, что целесообразнее осуществлять все политическое и военное руководство народами именно через Власова, а также образовать под его командованием «единую армию народов России». Унглаубе же вновь защищал точку зрения Восточного министерства о приоритете национальных посредничеств и комитетов в указанных вопросах. В своей справке об этой встрече, составленной 31 октября, он отметил, что у него «создалось впечатление, будто капитан Вафин имел нечто вроде задания прозондировать настроение среди татар и привлечь их на сторону Власова»[2].

Однако ни пропагандистские призывы, ни практические шаги реально не смогли сблизить позиции русских и нерусских коллаборационистов. Численность «националов» в Русской Освободительной армии Власова была очень невелика (число поволжско-приуральских татар в ней, по неточным данным «Союза борьбы», достигало примерно тысячи человек). Не особенно стремились к сближению национальные представительства, которые декларировали в качестве своей главной цели создание «независимых, самостоятельных государств» и, несмотря на заверения Власова, не видели в нем своего союзника в достижении этой цели. Национальные лидеры воспринимали его в

[1] Ени Туркестан, 23 ноября 1944 г.; 14 декабря 1944 г.

[2] BA-Potsdam, NS 31/31, Bl. 32.

первую очередь как русского военного и политика, который в их понимании мог представлять лишь великодержавную, шовинистическую позицию. Такая традиция недоверия, кстати говоря, имеет даже свои корни — оно ощущалось ясно и в среде политических эмигрантов из СССР в 20—30-е гг.: нерусские эмигранты скорее объединялись между собой (наиболее яркий пример — лига «Прометей»[1]), но никак не с русскими эмигрантскими организациями.

Свою роль во взаимоотношениях Власова с национальными представительствами сыграла, безусловно, и позиция германской стороны. С одной стороны, она подталкивала «националов» к союзу с русским генералом, нацеливая на это деятельность своей пропаганды, но одновременно, как и в военной сфере, сама же и страшилась перспективы объединения народов России. В итоге и в данном случае немецкая политика оказалась непоследовательной, противоречивой и беспомощной.

Исламский фактор

Когда немецкая армия наступала на Восточном фронте, то она уже довольно быстро столкнулась с первыми представителями ислама на оккупированных территориях СССР — с литовскими и крымскими татарами. И уже тогда, а именно 5 декабря 1941 г., были приняты специальные директивы для ведения пропаганды среди татар, в которых под пунктом 4 утверждалось: «Германский рейх дружески и с пониманием относится к потребностям мусульман». Татар призывали не доверять большевистской пропаганде, «которая утверждает, что вы как мусульмане будете подвергаться преследованиям с нашей стороны и расстреливаться»[2]. В январе 1942 г. в Литве было разрешено создать муфтиат под началом Якуба Шинкевича, который, правда, оказался не совсем удовлетворен ограничением географических рамок муфтиата территорией Литвы. Он хотел объединить под своим руководством мусульман Белоруссии

[1] См. об этом: *Гилязов И.А.* Там, в иных краях (Татарская эмиграция в 20—40-е гг.) // Татарстан. № 3—4. 1994. С. 53; *Hostler, Ch. W.* Türken und Sowjets. Die historische Lage und die politische Bedeutung der Türken und der Türkvölker in der heutigen Welt. Frankfurt/Main; Berlin, 1960. S. 193; *von zur Mühlen, P.* S. 161.

[2] PA AA, Pol. XIII, R 105165, N 250840.

и Польши и просил нашего старого знакомого Алимджана Идриси посодействовать в Берлине в разрешении этого вопроса[1]. А. Идриси к этому времени был ответственным сотрудником МИД Германии, но и не отрывался от активного участия в религиозной жизни.

Когда 22 декабря 1941 г. Высшее командование вермахта дало официальный приказ о создании четырех легионов из восточных народов — туркестанского, армянского, грузинского и кавказско-мусульманского (последний впоследствии был разделен на азербайджанский и северокавказский), — оно не могло не учитывать, что два легиона представляли мусульман. В сентябре к ним присоединился и волго-татарский легион. Соответственно этому и должна была строиться работа по созданию и подготовке указанных военных формирований. По запросу Высшего командования вермахта 6 февраля 1942 г. Алимджан Идриси был назначен ответственным при великом муфтии за работу с мусульманскими военнопленными[2]. Он, судя по всему, подключился к этой работе с большим желанием, хотя и сделал вначале некоторые ошибки: Идриси был частым гостем у туркестанских легионеров, выезжал к ним для чтения лекций и раздачи подарков. Так, он побывал в «генерал-губернаторстве» 3 и 13 марта, раздал легионерам сигареты, различные мусульманские издания, в том числе и Коран, приветствовал их в часовой лекции на узбекском языке. В лекции он призывал легионеров активнее сотрудничать с Германией, но одновременно расхвалил и Турцию, которая как будто проявляет заботу о судьбах мусульманских военнопленных, чем, естественно, вызвал недовольство немецких чиновников — руководитель отдела «Политика» Восточного министерства Отто Бройтигам уже 18 марта довольно жестко отписал об этом в МИД, упирая на то, что «если А. Идриси является духовным лицом, то он не должен был особенно явно представлять турецкие интересы»[3].

Зимой—весной 1942 г. германское военное руководство организовало специальные курсы для подготовки пропагандистов из представителей разных народов, и уже тогда было обращено внимание на то, что ислам не играет такой значительной роли в жизни народов СССР,

[1] BA-Potsdam, Auswärtiges Amt, N 61175, Bl.16.

[2] Ibid., Bl.217—218.

[3] Ibid., Bl. 179.

которую ему приписывали некоторые довоенные немецкие теоретики (например, профессор Иоханнес Бенцинг). Представитель МИД при командовании 11-й армии зондерфюрер Леманн сообщал, например, о своем опыте пропагандистской работы среди военнопленных кавказцев: «Религиозные вопросы не так увлекали слушателей, так как мусульмане мало знают о своей религии. Они, хотя и осуждали гонения против религии и священнослужителей в СССР, но ни у кого из них нет персонального опыта, никто из них не чувствовал лично боли за это»[1]. И это, на мой взгляд, является еще одним и довольно своеобразным свидетельством того, как на протяжении всего двух десятилетий большевикам удалось выбить у населения огромной страны не только религиозное мировоззрение, но даже и представление о религии. Ведь большей частью в Красной армии воевали молодые люди, выросшие и получившие образование уже в годы советской власти, когда борьба с «религиозным мракобесием» превратилась в часть общегосударственной политики, поэтому молодое поколение имело очень приблизительное, если не сказать больше, представление о религии предков. И такие свидетельства встретятся нам среди немецких документов периода Второй мировой войны еще не раз, хотя при этом следует соблюдать известную осторожность: подход в оценках религиозности не только разных народов, но и даже отдельных их представителей, должен быть строго дифференцированным — мусульманские народы СССР в 20—30-е гг. были все же несколько в иных политических условиях.

Собственно говоря, практическая работа немцев по формированию кадров мусульманских священнослужителей в вермахте, по разрешению всех вопросов, связанных с ролью исламского фактора для представителей восточных народов, началась параллельно с формированием легионов. 26—27 августа 1942 г. в штабе 162-й тюркской дивизии, о которой уже говорилось выше, состоялось специальное совещание, на котором обсуждались вопросы религиозных потребностей мусульман. На совещании были назначены муллы легионов и отдельных батальонов. Муллы дивизии и легионов приравнивались по своему рангу к командирам рот, а батальонные муллы — к командирам взводов. Был определен и порядок свершения религиозных обрядов военнослужащими: они, например, должны были освобождаться от

[1] PA AA, Pol. XIII, R 105171, N 247916.

Намаз легионеров

службы во время намаза, в праздничные дни, по пятницам любая служба завершалась уже к 16 часам. Были определены и правила захоронения погибших мусульман. Внутренний порядок, который вначале предполагался именно для 162-й тюркской дивизии, по предписанию генерала добровольческих соединений Эрнста фон Кёстринга позднее распространялся и на все иные подобные формирования[1].

В конце 1942—1943 гг. свое отношение к исламу и его роли в формировании Восточных легионов высказали и некоторые высшие руководители Германии, в том числе и сам Гитлер (это совещание также упоминалось выше). 12 декабря 1942 г., когда в Ставке обсуждался вопрос о грузинском батальоне, Гитлер заявил: «Об этих грузинах я ничего не знаю. Только то, что они не принадлежат к тюркским народам. Но только мусульман я считаю благонадежными, всем остальным не доверяю. Создавать в настоящее время эти батальоны из чисто кавказских народов я считаю слишком рискованным, и напротив, я не вижу никакой опас-

[1] *Hoffmann, J.* Die Ostlegionen 1941—1943. S. 138—139.

ности в создании чисто мусульманских соединений»[1]. Трудно сказать, что повлияло на такое мнение Гитлера, уж слишком непредсказуемый это был человек: может быть, недавняя его встреча с великим муфтием оставила у него такое впечатление, а может быть, такое представление о мусульманах у него сложилось давно. Во всяком случае, «ценное указание» было дано, и оно было подхвачено многими инстанциями и нижестоящими военными и чиновниками. В мае 1943 г. министр по делам оккупированных территорий Альфред Розенберг отдал приказ: «Всем подчиненным быть в курсе мусульманских праздников этого года, необходимо поставить в известность об этом и все прочие руководящие инстанции рейха. В оккупированных областях освободить всех мусульманских работников в следующие праздничные дни: Маулюд, Рамазан и Курбан (19 марта, 1 октября и 8 декабря) ». Одновременно Розенберг просил мусульманских священнослужителей учитывать обстановку — «если она не позволит отдыхать, то придется работать»[2].

«Трогательную заботу» о своих мусульманских подчиненных проявил и другой нацистский бонза — рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, который приказом от 6 августа 1943 г. гарантировал всем мусульманским служащим СС, что они «согласно их религиозным предписаниям не будут получать в пищу свинину, свиную колбасу, алкоголь». По мнению Гиммлера, «мусульмане последовали призыву своего руководства, и их объединяет с нами общая ненависть к еврейско-английско-большевистскому врагу». Но этот же документ одновременно косвенно указывает на то, что не все обстояло гладко во взаимоотношениях между представителями «высшей расы» и мусульманскими военнослужащими вермахта и СС, ибо рейхсфюрер замечал: «Я не хотел бы, чтобы вследствие узколобости и ограниченности некоторых из нас нашим бравым добровольцам были причинены неудобства, и они высказывали бы недовольство. Я запрещаю даже в кругу товарищей какие-либо шутки или издевательства над мусульманскими добровольцами. Об особом праве, данном мусульманам, и в кругу товарищей не может быть никаких дискуссий»[3]. Очевидно,

[1] Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942—1945. Hrsg. von *Helmut Heiber*. Stuttgart, 1962. S. 73.

[2] BA-Potsdam, R 58/225, Bl. 271.

[3] BA-Koblenz, NS 19/3285, без указания листа.

Легионеры совершают намаз

что если бы не было конфликтных ситуаций, то не было бы смысла предостерегать от них.

Раз уж речь зашла о взаимоотношениях между немцами и мусульманами в вермахте, то, вероятно, не лишним будет вновь привести конкретные примеры из практики командира Восточных легионов генерала Ральфа фон Хайгендорфа. Он очень старался, чтобы между легионерами из восточных мусульманских народов и их немецкими коллегами царил дух взаимопонимания. Но дело, как мы уже выяснили, часто обстояло как раз наоборот, немецкие военные в целом не смогли преодолеть комплекса «сверхчеловека» и относились, мягко говоря, пренебрежительно к восточным добровольцам. В одной из своих памятных записок, распространявшихся среди немецких офицеров восточных легионов, фон Хайгендорф приводил случаи такого «взаимопонимания», когда именно муллы становились объектами издевательств немецких офицеров (этот пример приводился в третьей главе). Т.е. указания оставались указаниями, а представления людей менялись мало.

1944 год, пожалуй, стал годом наибольшей активности нацистов в попытке практического использования исламского фактора. Среди представителей Восточного министерства, которые курировали создание Восточных легионов, среди высших военных, отвечавших за эти вопросы, имелись к этому времени различные мнения о глубине религиозных убеждений различных восточных народов СССР. Г. фон Менде, например, так выразил свое мнение 12 февраля 1944 г.: «Мусульманская пропаганда среди восточных народов недейственна, особенно среди молодежи. Среди них можно рассчитывать на 5 % действительно верующих и на примерно 20 % имеющих интерес и склонность к исламу». Вывод, сделанный после таких наблюдений, представляется очень трезвым: «Среди мусульман Советского Союза национальный вопрос играет несравненно большую роль, чем религиозный»[1]. Примерно в том же духе, но с гораздо большей долей иронии, на эту тему высказывался

[1] BA-Potsdam, NS 31/42, Bl. 4.

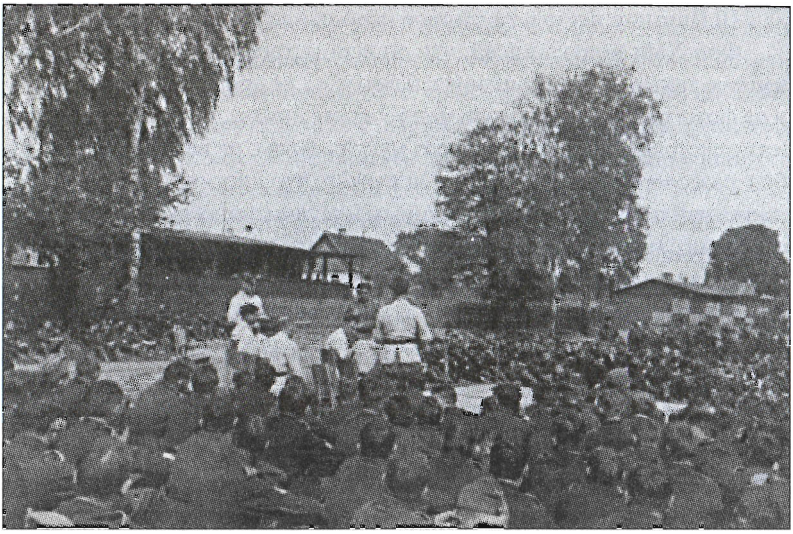
тогдашний руководитель Татарского посредничества граф Леон Стамати. Интересно при этом отметить, что вопросами религиозной пропаганды в Германии занимались чуть ли не до самого конца войны — данный документ датирован 22 марта 1945 г. Стамати писал о религиозном состоянии поволжских татар: «Лишь примерно 20—30 % всех татар имеют религиозное сознание, остальные — индифферентны. (...) Деятельность мулл среди них скорее комична, они олицетворяют собой прошлое. Господа из Президиума (имеется в виду руководство "Союза борьбы за освобождение тюрко-татар Идель-Урала". — *И.Г.*) все абсолютно стоят за религиозное воспитание, но в то же время в их пропагандистской деятельности эти вопросы отступают всегда на второй план. Важнейшим для них является национальный момент. (...) Татарам, рассудительному крестьянскому народу, религиозный фанатизм не присущ вовсе. Панисламизм вряд ли найдет у них широкий отклик, а может, даже вызовет смех. Выступление палестинского великого муфтия как друга и соратника перед татарскими добровольцами будет выслушано, безусловно, с большим вниманием, особенно если оно будет сопровождаться раздачей сигарет и шнапса»[1]. Таково было мнение гражданских чиновников. Их мнения в определенной степени подтверждает и еще один любопытный документ — письмо легионера Волго-татарского легиона Габдуллана[2] Исламскому институту в Берлине от 22 февраля 1944 г. «Мы, по происхождению татары, до 1918 года все были религиозны и признавали нашу исламскую веру. Однако затем, 25 лет находясь под советским господством, мы потеряли веру. Сейчас мы в рядах германской армии и хотели бы вновь стать религиозными, и это было бы в духе нашего военного руководства. Среди нас немало таких, кто знает молитвы, но нет никого авторитетного, кто смог бы теоретически объяснить нам основы мусульманской религии. Я исхожу из того, что ислам мог бы стать организующей силой для нашего народа», — с такой просьбой о помощи обращался легионер в институт[3]. Реакция Исламского института в данном случае неизвестна.

Вероятно, что представления военных были несколько иными, о чем свидетельствуют, например, послевоенные воспоминания того

[1] BA-Potsdam, NS 31/56, Bl. 37.

[2] Его настоящее имя Габдулла Ильяси, проживал в г. Мюнхене.

[3] Ibid., NS 31/44, Bl. 74.



Праздник в легионе, выступает ансамбль

же генерала фон Хайгендорфа: «Добровольцы из восточных народов были последовательными мусульманами, которые не могли быть сторонниками большевизма. Мы поддерживали ислам, и это проявлялось в следующем:

1. Выбор подходящих кадров и подготовка их в школах мулл в Гёттингене и Дрездене-Блаузевице;

2. Создание должностей обер-муллы и муллы при всех штабах, начиная со штаба командира Восточных легионов;

3. Выделение мулл особыми знаками различия (тюрбан, полумесяц);

4. Раздача Корана как талисмана;

5. Выделение времени для молитв (если это было возможно по службе);

6. Освобождение от службы по пятницам и во время мусульманских праздников;

7. Учет мусульманских предписаний при составлении меню;

8. Обеспечение бараниной и рисом во время праздников;

9. Расположение могил мусульман с помощью компаса на Мекку, надписи на могилах сопровождались изображением полумесяца;

10.Внимательное и тактичное отношение к чужой вере».

Фон Хайгендорф писал, что он всегда требовал от подчиненных именно тактичного отношения к исламу: «...не проявлять любопытства и не фотографировать мусульман во время намаза, не употреблять при них алкоголь и не предлагать его мусульманам, не вести при них грубых разговоров о женщинах». Он считал, что «истинный христианин всегда найдет общий язык с истинным мусульманином» и сетовал, что в общении с мусульманами «увы, было сделано очень много ошибок, что порождало в последних недоверие к немецкому народу в целом»[1].

Как раз весной, а особенно летом и осенью 1944 г. к делу религиозной пропаганды активно подключилось руководство СС, что, как уже говорилось выше, в определенной степени было следствием разногласий и конфликтов между различными инстанциями и лидерами Германии того времени. Правда, нельзя однозначно сказать, что до того времени СС стоял в стороне от данных проблем. Шеф СС Гиммлер явно стремился продемонстрировать всем, что в данный критический момент именно он и СС во всех отношениях способны лучше, чем, например, Розенберг и его Восточное министерство, организовать работу с восточными народами, в том числе и лучше использовать в германских интересах и мусульманский фактор. Тем более что из-за границы стали поступать тревожные для Германии сведения о том, что Советский Союз взялся очень активно за религиозную пропаганду среди мусульман Ближнего Востока. «Советское посольство в Каире привлекает многих мусульман тем, что стены его украшены изречениями из Корана. Оно использует общеисламские идеи, связывая их с большевистскими и националистическими идеями. В противовес Высшей исламской школе в Каире (имеется в виду университет Аль-Азхар. — *И.Г.*) большевики вновь открыли исламское учебное заведение в Ташкенте. Они в какой-то мере пытаются возродить идеи Ленина, который уже пытался однажды использовать Энвера-пашу для начала общеисламского штурма под водительством большевиков», — сообщал 15 июня 1944 г. посол Лангманн в МИД[2]. СС взялся за дело вроде бы основательно: уже 18 апреля 1944 г. руководство СС заказало в одной из библиотек Лейпцига 50 экземпляров Корана в переводе на немецкий

[1] IfZ (München), Zs 407/1, Bl. 28.

[2] PA AA, Rußland, R 98818, без указания листа.

язык (по-видимому, для изучения)[1]. В рамках СС предусматривалось создание Восточнотюркского военного соединения во главе с немецким мусульманином штандартенфюрером СС Харуном-эль-Рашидом. А одним из главных средств для подъема религиозного самосознания мусульман виделась деятельность так называемых школ военно-полевых мулл, организованных в это время.

Первые курсы по подготовке мулл (они пока еще не назывались школой) открылись в июне 1944 г. при Гёттингенском университете, поддержку им оказывал Исламский институт. Руководство курсами осуществлял известный ориенталист, профессор Бертольд Шпулер[2], в вопросах ритуала ему помогали упоминавшийся уже выше литовский муфтий Якуб Шинкевич и обер-мулла Туркестанского национального комитета Иноятов. По данным И. Хоффманна, до конца 1944 г. состоялось шесть выпусков слушателей, каждый из них обучался на курсах около трех недель[3]. Профессор Шпулер еще тогда, в 1944 г., составил о каждом курсе свои памятные записки — эти данные используются ниже для краткой характеристики курсов в Геттингене[4].

---

[1] BA-MA, RS 3—39/1, без указания листа.

[2] С. Чуев до неузнаваемости исказил имя Шпулера, передав его как «Шпеер» (хотя сам же заметил, что он был «известным (!) немецким востоковедом» (*Чуев С.* Проклятые солдаты. М., 2004. С. 500).

[3] *Hoffmann, J.* Die Ostlegionen 1941—1943, S.140. Что касается длительности обучения будущих мулл на курсах, в документах можно встретить и другие сведения. В одном из сообщений ОКХ для командиров штабных офицеров Восточных легионов от 5 августа 1944 г. описан порядок зачисления добровольцев на курсы мулл: вначале они должны были подавать заявление на имя генерала добровольческих соединений с указанием своей национальности и религиозного мазхаба (суннит или шиит). Затем они проходили предварительные курсы сроком в две недели, на которых выяснялась их готовность. И только «наиболее отличившиеся» кандидаты затем должны были направляться на курсы длительностью от трех до шести месяцев (BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 4, Bl. 18—20). Но, по-видимому, реальная военная ситуация заставила немецкое руководство сократить время для подготовки мулл. Поэтому цифры, приведенные в книге И. Хоффманна, представляются наиболее точными.

[4] К сожалению, сам текст этих записок, которые многократно цитируются в книге И. Хоффманна, оказался недоступен. Оригинал их или же копии находились в личном архиве доктора Хоффманна во Фрайбурге. По его словам, он передал многие документы из личного архива студентам университета.

Среди учащихся были как лица, уже назначенные муллами в различных военных формированиях, так и только начинавшие свою религиозную карьеру. На курсах изучались Коран и комментарии к нему, жизнь пророка Мухаммеда, некоторые важнейшие вопросы мусульманского учения, история тюркских народов. Выпускники-муллы должны были продемонстрировать во время учебы свою подготовленность проводить богослужение, руководить проведением необходимых обрядов (похороны, религиозные празднества и пр.), а также умение противостоять «враждебным идеологическим происками». Основным языком на курсах был «тюркский в разных его диалектах» (по определению Шпулера), но чаще всего узбекский, частично таджикский и русский. При этом порой возникали сложные ситуации с некоторыми представителями кавказских национальностей (аварцами, чеченцами и др.), которые не понимали русского или какого-либо тюркского языка. Трудности были, по свидетельству Шпулера, и с обеспечением религиозной литературой — для слушателей не было, например, текста Корана в переводе на русский или тюркские языки. Только в конце 1944 г. стараниями генерала добровольческих соединений была организована раздача всем мусульманским легионерам в качестве талисмана миниатюрного Корана, который в жестяной шкатулке можно было носить на груди и который можно было читать разве что с увеличительным стеклом[1]. Сдавшие выпускные экзамены муллы получали соответствующие знаки различия — тюрбаны, украшенные полумесяцем со звездой.

Иоахим Хоффманн считает, что «многосторонние старания немцев по укреплению мусульманской веры в восточных легионах должны были в целом принести свои плоды», что документы свидетельствуют: «муллы, направленные в соединения, как правило, проявляли себя как особенно убежденные противники большевизма»[2]. Эти выводы, по крайней мере в свете известных нам фактов, представляются слишком скоропалительными (вспомним, например, цитированный во второй

В результате многие бумаги оказались утерянными, среди них и документы, составленные Бертольдом Шпулером. Поэтому мне приходится цитировать Шпулера в пересказе Иоахима Хоффманна.

[1] IfZ(München), Zs 399/1, Bl. 45.

[2] *Hoffmann, J.* Die Ostlegionen 1941—1943. S.142.

Намаз легиона «Идель-Урал» в Ле Пюи, Франция

главе документ о 627-м татарском батальоне, в котором указано, что муллы первыми бежали с передовой). Во-первых, абсолютно ясно, что в течении всего трех недель обучения на курсах, даже предполагая интенсивность этого обучения, невозможно получить добротное религиозное образование, стать настоящим религиозным пропагандистом; во-вторых, необходимо учитывать и уровень заинтересованности, уровень подготовленности для восприятия мусульманской пропаганды тех, среди которых предстояло работать будущим муллам (вспомним приведенные выше мнения Г. фон Менде и Л. Стамати).

Можно оспорить и еще одно мнение того же И. Хоффманна, на этот раз по хронологии. Он пишет, что в марте 1944 г. была открыта и школа мулл в городе Дрездене с основным упором по подготовке мулл для Восточнотюркского боевого соединения СС[1]. Однако приведенная им дата просто-напросто неверна, ибо имеющиеся документы упоминают иную дату, а именно 26 ноября 1944 г. Но об этом несколько подробнее.

[1] *Hoffmann, J.* Die Ostlegionen 1941—1943. S.142.

Как уже упоминалось, летом 1944 г. начались активные мероприятия в рамках СС по созданию Восточнотюркского боевого соединения СС (обратим внимание, что вначале обсуждались несколько иных его наименований, например, — Восточномусульманское соединение). Сейчас упомянем лишь те аспекты, которые связаны с темой нашего разговора.

Во время обсуждения проблем духовно-религиозного воспитания мусульманских солдат вермахта и будущего соединения СС на авансцену вновь вышел великий муфтий Амин эль-Хусейни. Основной разговор на эту тему имел муфтий с профессором Г. фон Менде еще 27 июля 1944 г.[1] Тогда он потребовал активизировать германскую поддержку мусульманству в целом в свете того, что Советский Союз усилил свою пропаганду в восточных странах, а мусульмане разных стран в борьбе с большевизмом являются «естественными союзниками Германии». При этом муфтий отверг в корне такие идеи, как панисламизм или пантюркизм, так как они «в настоящее время нереализуемы или недейственны». Он принимал во внимание, что ислам составлял для многих мусульманских народов часть национальной традиции. Поэтому эль-Хусейни предлагал германской стороне активно проводить в жизнь следующие мероприятия:

1. Издавать различные пропагандистские брошюры на языках восточных народов (при этом муфтий в первую очередь предполагал публикации своих трудов);

2. Пропаганду ислама должны проводить назначаемые в войсках имамы и муллы. Вот тут ставился вопрос о создании школы мулл. К муфтию, как оказалось, уже неоднократно обращались разные лица за советом по этому поводу, и у него сложилось впечатление, что речь идет не о какой-то планомерной акции, а о частной инициативе, «так как сами спрашивающие не совсем ясно представляли, в каком направлении будет функционировать эта школа, а на вопросы муфтия о качествах учащихся, о преподавателях для школы, о языках преподавания, о длительности и целях курсов никто не смог дать вразумительного ответа». Поэтому эль-Хусейни счел необходимым сделать ряд предложений для создающейся школы: она должна служить для подготовки священнослужителей как для вермахта, так и для войск

[1] IfZ (München), PS—1111.

СС; для школы должна быть подготовлена специальная программа обучения с учетом имеющихся у учащихся знаний, уровня преподавателей, наличия обучающих средств, языка преподавания. Сам муфтий изъявил согласие принять участие в преподавании арабского языка для учащихся школы. Кроме того, по его мнению, поскольку чисто исламская идея все-таки не имеет всеохватывающего влияния на народы СССР, необходимо было сочетать религиозное обучение с национально-политическим и военным, а учащиеся при этом должны были разделяться по национальному признаку на небольшие группы, с которыми бы занимались наиболее подготовленные представители Восточного министерства. Организация и политическое руководство школой должны были осуществляться именно через указанное министерство. Амин эль-Хусейни предлагал обязательно учитывать при создании школы опыт курсов в Геттингене, временных учебных курсов при Тюркской рабочей бригаде в городе Радоме, а также контактировать с гауптштурмфюрером СС Райнером Ольшей, который возглавлял в Главном управлении СС отдел «Туран-Кавказ», отвечая одновременно за создание школы мулл в Дрездене.

3. Чтобы успешно «противостоять большевистской пропаганде, которая использует открытие муфтиата в Ташкенте», муфтий предлагал как контрмеру создание германской стороной муфтиата, в котором бы главную роль играли крымские татары, проживавшие в Румынии. Что любопытно — вопрос о муфтиате муссировался разными немецкими чиновниками и представителями самих мусульман еще со времени оккупации Крыма и вплоть до конца войны, чуть ли не до начала апреля 1945 г, но он никогда так и не был решен[1].

---

[1] 6 ноября 1944 г. свое мнение о возможном создании муфтиата выразил в беседе с Р. Ольшей профессор Хартманн: «Если бы был назначен муфтий для всех суннитских мусульман СССР, это несомненно сыграло бы важную политическую роль, но только при наличии у всех единого мнения об этом. Существует опасность, что создаваемый муфтиат может повести не совсем подходящую политическую линию». Хартманн обратил также внимание на отсутствие авторитетного религиозного лидера у мусульман СССР, которого можно было бы видеть на посту муфтия. (BA-Potsdam, NS 31/28, Bl.12). А. Идриси дал информационную справку для различных инстанций по поводу создания муфтиата 25 марта 1945 г. (!) Он писал в ней: «Большинство мусульманских военнопленных из России, которых я здесь много встречал во время войны,

Почти тогда же муфтий дал «ценные советы» и по поводу создания Восточнотюркского соединения СС: в начале августа 1944 г. предполагаемый командир соединения Харун эль-Рашид имел специальный разговор с муфтием о кандидатуре на пост «шеф-имама». При этом муфтий предложил три кандидатуры: 1. Алимджан Идриси (муфтий при этом учитывал, правда, необходимость этого человека в своих настоящих функциях — а Идриси был активно занят в деле радиопропаганды на восточных языках и выполнял работу в МИДе); 2. по выбору СС одного из крымских татар (имя не было названо); 3. Абдул-Гани Усман, который уже давно был призван Восточным министерством для проведения работы с татарскими военнопленными. Харун эль-Рашид хорошо знал, что взаимоотношения между Усманом и Идриси очень напряженные, что они друг друга не переваривают, но полагал, что в данный момент на это не стоит обращать внимания. Сам он остановился на кандидатуре Абдул-Гани Усмана. «Гани Усман мне представляется очень надежным человеком, мне

относятся к этому вопросу равнодушно, целью их думающей части является не закрытый муфтиат, а независимость и национальное единство всех тюркских народов. И они выступают против назначения с немецкой стороны одного или нескольких муфтиев для Крыма, Идель-Урала или Туркестана. К великому муфтию Иерусалимскому все военнопленные российские тюрки относятся с большой симпатией, так как он желает не создания единого исламского государства, а союза мусульманских народов. Если тюркские народы к концу войны не сумеют добиться общенационального единства, а должны будут и далее существовать, как и до сих пор, в отдельных республиках, что невыгодно как для них самих, так и для Германии, тогда они по крайней мере должны создать единую религиозную организацию. Если все сложится именно так, то лидер этой организации должен быть избран из среды самих мусульманских ученых» (BA-Potsdam, NS 31/60, Bl. 14). Очень любопытную параллель мы можем провести с событиями периода Первой мировой войны: тот же А. Идриси, будучи имамом Вюнсдорфского лагеря мусульманских военнопленных, выступая с проповедью перед обитателями лагеря в сентябре 1918 г., вещал о больших успехах ислама в войне, которая стала для мусульман «сигналом для пробуждения» и высказывал полную уверенность в победе Германии, — и это говорилось за несколько недель до краха Германии в первой мировой войне! Как видим, история ничему не научила А. Идриси (см.: *Хёпп Г.* Вюнсдорфская мечеть. Эпизод исламской жизни в Германии, 1915—1930 гг.// Гасырлар авазы — Эхо веков. 1997. № 1—2. С. 183.)

знакомы его усилия по работе с татарами в Германии. По политическим и человеческим качествам он самая подходящая фигура», — писал Харун эль-Рашид 7 августа 1944 г. Райнеру Ольше[1]. Ольша, после некоторых раздумий, 15 августа, также положительно отозвался об Абдул-Гани Усмане, дав ему характеристику для Главного управления СС[2]. В настоящий момент мне трудно утверждать, что Усман и стал главным имамом Восточнотюркского соединения, для этого в моем распоряжении нет необходимых документов, но по крайней мере косвенно свидетельствует об этом другой документ, выданный тем же Ольшей Абдул-Гани Усману 24 октября 1944 г. Это справка, подтверждающая, что предъявителю дано право посещать все предприятия рейха и оккупированных территорий, где работают восточные рабочие, с целью их духовного руководства и вербовки в СС[3].

26 ноября 1944 г. в Дрездене торжественно была открыта школа мулл. С большой речью на церемонии выступил бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг. Он пространно рассуждал о традиционной поддержке Германией ислама и исламских стран, которые эксплуатируются «империалистическими силами», о последовательном характере политики Германии, которая еще в годы Первой мировой войны выделила мусульман среди всех военнопленных и создала для них «привилегированные» условия в Вюнсдорфском лагере. «Начало Второй мировой войны, — по словам Шелленберга, — показало, что национальные силы в Советском Союзе еще не сломлены окончательно, но распад традиций в сфере религии и культуры принял уже угрожающие формы». Поэтому нерусские народы СССР, по его мнению, и проявили готовность сражаться с большевизмом на стороне Германии. Германия же «тепло приветствует» такие устремления и будет оказывать им всестороннюю поддержку. Шелленберг назвал ислам «важнейшим бастионом против национального и культурного обезличивания восточных тюрков, против инфекции большевизма» и в конце своей речи заявил: «Для восточных тюрков важно обеспечить молодому поколению связь с традициями прошлого, чтобы строить

[1] BA-Potsdam, NS 31/45, Bl.151.

[2] Ibid., NS 31/31, Bl.70.

[3] Ibid., Bl.72.

свое будущее собственными руками, а не с опорой на костыли большевистских идеологов, вглядываясь в мир только русскими глазами»[1].

Здесь же выступил и великий муфтий Амин эль-Хусейни. Он говорил в основном о задачах, поставленных перед будущими имамами. По словам муфтия, они должны были быть ответственными за такое «моральное руководство, которое по своей действенности может быть сравнимо с самым современным оружием в мире и даже превосходить его»[2].

Одним из сложных вопросов, с которыми пришлось столкнуться организаторам школы в Дрездене, был вопрос об ее руководстве, который до конца так и не был решен (по крайней мере, это позволяют предполагать имеющиеся документы). В Главном управлении СС надеялись, что руководителем школы станет Алимджан Идриси. Райнер Ольша просил Идриси возглавить школу, но тот отказался под предлогом, «что он практически один руководит всей немецкой пропагандой на тюркские народы и к тому же ведет важную работу в МИДе». Однако А. Идриси, подчеркнув, что школа еще не имеет настоящего руководства, выразил согласие один-два раза в неделю ездить в Дрезден, чтобы контролировать деятельность школы и проводить там занятия. Идриси поставил условие, что в школе будут готовиться не только туркестанские муллы, но и представители всех остальных мусульманских народов. Подготовка мулл, по его мнению, была начата очень запоздало, «ибо время сейчас критическое, и отрывать мулл от отрядов было бы неправильно»[3]. Хотя Министерство пропаганды резко протестовало против отвлечения Идриси (он «является душой наших передач», — писал о нем в Главное управление СС государственный секретарь министерства Науманн 9 января 1945 г.)[4], по-видимому, он так и стал основным наставником, неофициальным руководителем Дрезденской школы мулл[5].

---

[1] BA-Potsdam, NS 31/60, Bl.2—3.

[2] Цит. по.: *Heine, Peter.* Die Mullah—Kurse der Waffen —SS, in: Fremdeinsätze: Afrikaner und Asiaten in europäischen Kriegen; 1914—1945. Berlin, 2000. S.183.

[3] Ibid., NS 31/30, Bl. 52.

[4] Ibid., NS 31/40, Bl. 38.

[5] Однако вполне вероятно, что кандидатура А. Идриси вызывала сомнения даже у Р. Ольши, в целом благоволившего к нему. В 1944 г. в одной из своих

К сожалению, конкретные сведения о деятельности школы довольно отрывочны.

Можно только полагать, что программа обучения была схожа с программой Гёттингенских курсов. Слушатели школы делились на два класса: в январе 1945 г., согласно списку того же Алимджана Идриси, в 1-м классе было 16 человек, во 2-м — 21, большинство среди них составляли представители среднеазиатских народов, хотя были и азербайджанцы, дагестанцы, поволжские и крымские татары[1]. На деятельность школы наложили, естественно, отпечаток и ощущение близкого военного краха, атмосфера агонии, в которой находилась гитлеровская Германия в конце 1944 — начале 1945 г. 23 февраля 1945 г. школа мулл вместе с «Рабочим объединением Туркестан» эвакуировались в Вайсенфельс — небольшой город между Лейпцигом и Веймаром[2]. И, по всей вероятности, в начале марта 1945 г. школа прекратила свое существование. Об этом свидетельствует следующий документ. Когда 6 марта 1945 г. А. Идриси отправил в Главное управление СС на имя оберштурмфюрера Северина Шия список пяти сотрудников газеты

записей, которые им были переданы в РСХА (Имперскую службу безопасности), Р. Ольша подробно описал сложившуюся ситуацию: «Личность профессора Идриса была в высшей степени спорной. (...) Против Идриса годами шла борьба, прежде всего со стороны татарской и туркестанской эмиграции. Его обвиняли в том, что он был советским агентом. (...) Кроме того, во время заседаний Имперского военного суда над татарской группой (речь идет о суде над группой М. Джалиля. — *И.Г.*) ему вменялось в вину, что его жена сыграла весьма неясную роль. Поэтому в этих условиях мне было очень тяжело доверить профессору Идрису роль шеф-учителя в школе мулл. Тем не менее я пошел на это, поскольку он в основном должен был вести только занятия по изучению Корана и арабскому языку (чтение и письмо). Кроме того, должны были обсуждаться исторические проблемы, и любая политическая дискуссия в школе была исключена. Профессор Идрис согласился на такие условия, так что не было никакой опасности того, что он мог бы вести конспиративную работу. (...) Вполне возможно, что Идрис не был другом Германии, для того он был слишком критически настроен по отношению к германской политике. Но он казался убежденным мусульманином и, исходя из этого, а также из-за своих знаний и своего возраста, особенно подходящим для школы». (BA-Berlin-Zehlendorf, ZR 920 A.54, Bl. 82).

[1] IfZ(München), MA—366, A 2699233—2699234.

[2] *Брентьес Б.* Указ. соч. С. 173.

СС «Тюрк бирлиги» с просьбой командировать их в Дрезден в школу мулл, то получил ответ, что «вопрос о командировке в школу может быть поставлен только тогда, когда она вновь будет открыта»[1].

Завершившие свое обучение на курсах и в школе муллы прикреплялись к различным боевым или рабочим соединениям (ротам, батальонам, бригадам), получив чин «муллы» или «обер-муллы». Здесь они, конечно, не были предоставлены самим себе — руководство школы, в особенности А. Идриси, старались не терять связей с ними. Так, в середине января 1945 г. А. Идриси совершил поездку в город Ченстохов в расположение тюркской рабочей бригады, где прочитал восемь лекций перед священнослужителями соединения — по подсчетам Идриси, всего присутствовали 62 человека (16 узбеков, 16 казахов, 14 поволжских татар, 10 азербайджанцев, 6 представителей северокавказских народов)[2]. В выступлениях лектор рассказывал о «правильном понимании веры, о важнейших ее запретах и заповедях, о споре между шиизмом и суннизмом, который является спором чисто политическим и ни в коем случае не религиозным». Не обойдены были вниманием и политические сюжеты: Идриси осветил «суть исламофобской политики» США, Англии и СССР и пояснил, что в случае военной победы союзников все исламские народы окажутся в полном рабстве. В конце своего отчета А. Идриси высказал и ряд предложений: организовать курсы немецкого языка для всех мулл, по пятницам с 12 до 14 часов выделять мусульманам время для свершения молитв, «чтобы они хотя бы раз в неделю могли молиться, а это в течении последних 25 лет было им запрещено большевиками».

В функционировании Дрезденской школы имелись и довольно курьезные моменты. Так, ее организаторы в начале 1945 г. ломали голову над такими «серьезными» проблемами: какой титул должны получить закончившие школу лица — «имам» или «мулла»; какой формы и вида должны быть нарукавные нашивки священнослужителей. Споры вызывали и двуязычные формуляры свидетельств, выдававшихся выпускникам школы[3]. Как будто в той военно-политической ситуации не было для руководства школы более важных проблем!

---

[1] BA-Potsdam, NS 31/40; Bl.19.

[2] Ibid., Bl. 8—9.

[3] *Heine, Peter.* Die Mullah—Kurse der Waffen — SS. S.185.

Да, курсы в Геттингене и школа в Дрездене некоторое время действовали, они выпустили определенное количество священнослужителей для восточных легионов вермахта и мусульманских соединений СС, мусульманским военнослужащим раздавали миниатюрные Кораны, лидеры СС рассуждали о преемственности традиций, режим пытался «сохранить хорошую мину при плохой игре», но все эти мероприятия и слова в условиях конца войны имели очень малый эффект. Цитировавшееся выше мнение графа Л. Стамати — наглядное тому свидетельство. И активное вмешательство великого муфтия в дело «исламского воспитания» восточных «добровольцев» на протяжении 1944 и в 1945 г. не имело в целом практического результата.

Уже упоминавшееся выше мнение о том, что для многих восточных народов СССР, представленных в вермахте и СС, абстрактные мусульманские идеи все же не стали привлекательнее идеи национальной, подтверждают в какой-то мере и материалы их периодических изданий, в частности материалы еженедельной газеты Волго-татарского легиона «Идель-Урал». Эта газета, на мой взгляд, весьма точно отражает указанные выше реалии — материалов чисто религиозного содержания в газете публиковалось относительно мало (в особенности если сравнивать их количество с материалами на темы роста национального сознания, политического воспитания, истории и культуры). Многие из подобных материалов были чисто информативными, например, о праздновании различных религиозных праздников. В номере 42 от 17 октября 1943 г. в статье Шихапа Нигмати сообщалось о праздновании Ураза-байрама в одном из домов отдыха легиона, о том, как в гости к легионерам приехали Герхард фон Менде и руководитель Татарского посредничества Хайнц Унглаубе. О другом празднике, Курбан-байраме, писал Абдул-Гани Усман в № 47 (104) от 25 ноября 1944 г. В номере 3 (60) от 23 января 1944 г. помещен материал «Основы исламской веры» упоминавшегося выше Габдуллана (видимо, он действительно имел большой интерес к вопросам религии, так как и на курултае татар Идель-Урала, состоявшемся 3—5 марта 1944 г. в Грайфсвальде, тот же Габдуллан выступил с речью о роли ислама в жизни татарского народа). В программе «Союза борьбы за освобождение тюрко-татар Идель-Урала», принятой на указанном курултае и опубликованной с сокращениями в газете «Идель-Урал» (№ 10/11 (67/68) от 19 марта 1944 г.), вопросы религии хотя и затронуты («свобода религии будет

охраняться государством», — было заявлено в программе), но занимают далеко не главное место.

Итак, мы проследили вкратце за тем, как во время Второй мировой войны нацистский режим пытался разыграть исламскую карту, использовать религию в своей деятельности в отношениях с мусульманскими народами СССР. Думаю и надеюсь, что заинтересовавшемуся читателю стало понятно, что заигрывание нацистов с исламом было чистой воды лицемерием, подчиненным прагматическим военно-политическим целям. Эта «религиозная» политика учитывала и состав населения государств, противостоящих Германии (в частности, большой процент мусульманского населения в Советском Союзе), и, вероятно, пыталась взглянуть дальше в будущее, в перспективу, надеясь на поддержку всего исламского мира (в этом, пожалуй, суть заигрывания нацистов с великим муфтием). И совершенно прав Александр Даллин, который отметил, характеризуя в целом контакты гитлеровского режима с исламом: «Не имеется ни малейшего основания считать, что в какое-либо время (в нацистской Германии. — *И.Г.*) существовала настоящая симпатия по отношению к исламской вере»[1]. Нельзя не согласиться и с мнением Герхарда Хёппа, наиболее полно изучавшего данную проблематику в последние годы. Поставив вопрос «Существовала ли вообще в годы Второй мировой войны германская “исламская политика”?» — исследователь отвечает на него так: «Если под этим иметь в виду компактную, дифференцированную концепцию и соответствующий ей инструментарий ее осуществления, а также убедительные свидетельства ее реализации, то таковой вообще не существовало. Если же под этим определением понимать использование функций ислама для своей политики, а прежде всего для достижений военных целей, то таковая, конечно, имела место»[2].

Таким образом, политическое сотрудничество нацистского режима с представителями восточных народов, организационно оформившееся позднее, чем сотрудничество военное, не могло привести и не привело к результатам, которые так ожидались немецкой стороной. Так же как и контакты в военной сфере, политические взаимоотношения с восточными народами отличались противоречивостью и непоследо-

[1] *Dallin, A.* S. 282.

[2] *Höpp, G.* Der Koran als «Geheime Reichssache». S. 437.

вательностью. Очень явственно проявились разность подходов национального движения и немецкой стороны к различным политическим проблемам, в особенности в оценках перспектив государственного развития, национальной государственности. Многие из политических табу и стереотипов, сложившихся изначально у ответственных немецких чиновников и военных, так и не были преодолены. Германское руководство, очевидно, постоянно опасалось зайти слишком далеко в политическом сотрудничестве с восточными народами. Свою роль при этом опять-таки играли «подводные течения» — соперничество между инстанциями и личностями. Допущенные немецкими функционерами ошибки почти всегда использовались их конкретными политическими противниками. Такая противоречивость, понятно, не оставалась незамеченной и вызывала естественное недоверие у национальных представителей. В то же время это открывало известный простор для политических импровизаций, по крайней для сравнительно свободного обсуждения насущных политических проблем различных народов (наиболее яркий для нас пример — курултай в Грайфсвальде). Сами национальные представительства в Германии по своему составу оказались весьма пестрыми. И здесь также не обходилось без противоречий и конфликтов, как между отдельными народами, так и внутри отдельных национальных движений. Поэтому и деятельность их в сфере политической, социальной и культурной оказалась не столь масштабной и результативной, как того ожидали наиболее активные из националистов. Татарское национальное движение в Германии к тому же не имело настоящего, авторитетного лидера, что, естественно, очень ослабляло его. И все же политическая деятельность татарского национального представительства в Германии в годы Второй мировой войны, несмотря на ее слабость, замкнутость, даже аморфность, представляет очень важную страницу истории татарского национального движения в XX в.

ПОЧЕМУ ЖЕ ВСЕ ТАК ЗАКОНЧИЛОСЬ? (Вместо послесловия)

Итак, мы проследили, насколько это было возможно, историю Восточных легионов вермахта и Восточнотюркского боевого соединения СС, более подробно остановившись на сюжетах, связанных с соедине-

ниями поволжских татар, а также рассмотрели вопросы политического сотрудничества представителей нерусских народов СССР с Германией в это время. Хочу заметить, что этим самым история сотрудничества представителей народов Кавказа, Средней Азии, Поволжья и Приуралья с национал-социалистическим режимом не исчерпывается, такая задача в этой книге не ставилась изначально. В немецких архивах же хранится еще немалое количество документов, например, из истории туркестанских и кавказских соединений, имевших, бесспорно, свою специфику по сравнению с формированиями поволжско-приуральских татар.

Почему же военные формирования вермахта и СС из нерусских народов СССР оказались «недееспособными», почему идея их использования в войне на стороне национал-социалистической Германии провалилась?

Советская историческая литература и публицистика, как уже указывалось, объясняла неуспех германских планов по привлечению на свою сторону представителей советских народов исключительно чувством патриотизма, верности Родине и результативной деятельностью коммунистических групп Сопротивления в среде восточных добровольцев.

Для поиска более точного и взвешенного ответа на поставленный вопрос обратимся к конкретным источникам военного и послевоенного времени.

Вопрос «Почему же все мероприятия по созданию Восточных легионов имели столь малый эффект и фактически закончились для немецкой стороны провалом?» — задавался уже в ходе войны и после ее завершения, когда продумывались и обсуждались ее последствия. Если для твердолобых нацистских фанатиков крах идеи создания Восточных легионов мог быть лишь еще одним аргументом, говорящим о «неполноценности» восточных народов, то некоторые из крупных немецких военных и гражданских чиновников выдвигали довольно любопытные суждения по этому поводу, которые вполне могут быть если не приняты, то хотя бы упомянуты.

Одним из первых обратил внимание на издержки германской политики и пропаганды в отношении восточных народов СССР высокопоставленный чиновник Восточного министерства Отто Бройтигам — 25 октября 1942 г. он предлагал своему руководству дать «восточным

народам успокаивающие обещания насчет их судьбы», поскольку «народам Востока необходимо сказать что-то конкретное об их будущем». Бройтигам сетовал по поводу того, что «все предложения такого рода были отклонены»[1]. Эти наблюдения можно рассматривать как очень осторожную критику ошибок германской политики в отношении восточных народов.

В декабре 1943 г. на вопрос, почему же привлечение тюркских военнопленных на германскую службу дает такой слабый эффект, попытался ответить майор А. Майер-Мадер, который также был непосредственно подключен к этим мероприятиям[2]. Докладная записка, составленная германским экспертом, является одним из первых и довольно серьезных аналитических документов, посвященных поставленному вопросу, поэтому вполне уместно будет остановиться на его содержании подробнее.

В качестве основных причин неуспеха немецкой политики в формировании Восточных легионов в записке Майер-Мадера назывались: контрмеры со стороны СССР (создание национальных соединений и активизация пропаганды), грубые ошибки самих немцев в работе по организации восточных легионов — слабое представление вообще о тюркских народах, а особенно непонимание их менталитета; отсутствие подготовленных военных кадров для весьма специфической службы в Восточных легионах (по словам Майер-Мадера, «не бралась в расчет добровольность, офицеров просто командировали в легионы, а тот, кто работает с азиатами, должен принести с собой любовь к такой работе»); пренебрежительное отношение немцев к представителям восточных народов («немцы воспринимали мусульман не как таковых, а как большевиков, как бывших военнопленных»; «назначенные тюркские офицеры не воспринимались как равные, в худшем случае

[1] Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сборник материалов в трех томах, т. 2: Военные преступления. Преступления против человечности. М., 1966. С. 234—235.

[2] Текст этой докладной записки хранится в Федеральном архиве в Потсдаме (BA-Potsdam, NS 31/43, Bl.28—30). Вполне возможно, что именно такое критическое «особое мнение» сыграло роковую роль в судьбе самого майора А. Майер-Мадера — как уже упоминалось выше, он погиб в феврале 1944 г. в Белоруссии (по мнению П. фон цур Мюлена, обстоятельства его гибели остались неясными — *von zur Mühlen, P.* S. 148—149).

им даже не давали высказывать свое мнение»); причины конфликтных ситуаций немецкой стороной по-настоящему не изучались. Если при этом учитывать и то, что немцы не знали восточных языков, и не все легионеры в достаточной степени овладели немецким языком, то не случайно то, что в легионах, по мнению Майер-Мадера, фактически сложилось два лагеря, «пропасть между которыми до осени 1943 г. стала такой глубокой, что недовольство тюркских легионеров начало проявляться активно, и они стали беспомощны перед лицом вражеской пропаганды». Немецкий эксперт предложил и свои меры по исправлению сложившегося положения. Только активизировать пропагандистскую работу среди тюркских народов — этого, по его мнению, уже было недостаточно для создания атмосферы «доверия» между сторонами. Следовало обязательно заняться формированием национальных офицерских кадров, приравненных по статусу к немецким; в качестве конечной цели военных мероприятий Майер-Мадеру виделось объединение всех тюркских легионеров в одну дивизию. Эта дивизия должна была стать своеобразным домом для всех тюркских военнопленных. Автор записки считал: «Каждый человек должен знать, что есть в Германии место, где он будет иметь все права, где он не будет чувствовать себя чужим в чужой стране. Тогда он не станет рассматривать Германию с точки зрения врага, как это было до сих пор, когда он знал, что в этой стране он не имеет никаких прав, кроме одного — права проливать за нее кровь».

Майер-Мадер был глубоко убежден, что путь «сотрудничества» Германии с восточными народами был правилен, что это «сотрудничество» при соответствующей корректировке германской политики даст свои плоды.

Когда закончилась война, многие из официальных лиц — военные и гражданские, которые в Германии были связаны с восточными народами, попытались вновь оценить это «сотрудничество» и осмыслить допущенные национал-социалистическим режимом «ошибки». Скажем, тот же Бройтигам в своих воспоминаниях высказался намного более определенно, чем в 1942 г.: «Трагедия всего восточного похода в том, что не было выработано никаких политических подходов. Гитлер вообще считал, что сначала нужна победа, что только потом можно заняться политическими вопросами. До конца войны он так и не понял, какую важную роль играет политика в ведении войны, что военный

Строевые занятия легионеров

успех не может прийти без успеха политического. (...) Германия должна была сразу заявить о праве народов свободно решать свою судьбу»[1].

Петер Кляйст, также один из сотрудников Восточного министерства, в своих воспоминаниях назвал в качестве одной из главных ошибок Гитлера отрицание им идеи политической войны и надежды его на чисто военные методы. По мнению Кляйста, вместо призыва к национально-освободительной войне на Востоке прозвучала солдафонская идея «колониального статуса» территорий СССР[2].

Вторили гражданским чиновникам и генералы, командовавшие Восточными легионами. Фон Хайгендорф в своих мемуарах отмечал: «Национальные комитеты были своего рода правительствами в изгнании. В этом отношении при политической поддержке нашего руководства они могли бы достичь многого. (...) Если бы им четко и ясно сказали: все будет так и так, их деятельность была бы на-

[1] IfZ- München, Zs 400/II — Bräutigam, Bl. 19, 21.

[2] *Kleist Peter.* Zwischen Hitler und Stalin. 1939—1945. Bonn, 1950. S. 133—134, 137.

много активнее. А неясность в результате порождала недоверие»[1]. Задним числом и генерал Кёстринг критиковал позицию высшего германского руководства: «Ошибка Гитлера — его недоверие к народам СССР. Русские и украинские соединения не были созданы вовремя, вначале только кавказские и туркестанские части, при этом наиболее крупной единицей оставался батальон. (...) У Гитлера был только один пароль — борьба с большевизмом. Идея Розенберга о разделении России на несколько национальных государств была абсурдной. Он создал несколько "национальных комитетов", а у них тем временем была большей ненависть к сталинской системе, чем ненависть к русским»[2]. В том же духе высказывался в своих мемуарах и Райнхардт Гелен — в годы войны руководитель учреждения «Fremde Heere Ost», а в 50—60-е гг. президент БНД (разведки ФРГ): по его мнению, немцы могли умело использовать политические мотивы и военные акции, чтобы привлечь на свою сторону народы СССР и создать » свободное от коммунизма и дружественное Германии государство», для немцев была возможность всесторонне поддержать идеи «освобождения от сталинского ига», «осуществления национальных надежд», идеи свободы, права, собственности, и в итоге развязать «освободительную борьбу». Тогда, по мнению Гелена, стала бы реальной «вероятность успеха нашего похода». Как и многие другие современники, Гелен осуждает Гитлера за то, что он сделал войну исключительно «актом насилия» и не сделал действенным политический элемент[3].

Итак, приведенные выше мнения германских специалистов, которые в годы войны осуществляли на практике идеи воённого и политического сотрудничестве Германии с тюркскими, мусульманскими народами СССР, сводятся в основном к тому, что такое сотрудничество было вполне реальным, и лишь стойкое нежелание Гитлера изменить свою позицию помешало Германии привлечь на свою сторону народы СССР. Однако при более внимательном отношении к фактам такое толкование может быть поставлено под серьезное сомнение.

---

[1] IfZ- München, Zs 497/I — Heygendorff, Bl. 52.

[2] Ibid., Zs 85 — Köstring, Bl.35, 37, 42.

[3] *Gehlen, Reinhardt.* Der Dienst. Erinnerungen 1942—1971. Mainz-Wiesbaden, 1971. S. 99, 100—101.

Легионеры в г. Штрела на Эльбе, 11 марта 1945 г.

Прежде всего, при ответе на поставленный вопрос необходимо учитывать само значение слова «сотрудничество». Оно безусловно предполагает **равноправие** сотрудничающих сторон. О каком равноправии может идти речь в случае с представителями народов СССР, которые в большинстве своем были военнопленными и оказались на германской службе в годы войны в основном под давлением сложившихся обстоятельств? Приведенные в тексте этой книги факты свидетельствуют как раз об обратном: немцы никак не смогли преодолеть идеологические установки национал-социализма и увидеть в «неожиданных союзниках» равноправных партнеров. На эти реалии обращал внимание еще Борис Двинов в своей публикации 1950 г., характеризуя «союз» генерала Власова и Гитлера и называя власовцев в сложившейся ситуации «прислужниками»[1].

В данном случае следует также учитывать и саму природу учения Гитлера: с самого начала настроенный исключительно расистски режим не мог изменить своим постулатам. Увидеть в других, тем более восточных, народах «равноправных союзников» режим Гитлера не мог по своей природе. Попытки отдельно взятых лиц (вроде фон Штауффенберга или Майер-Мадера) иначе оценить представителей восточных народов общей картины не меняли. Совершенно справедливым представляется мнение М. Геллера и А. Некрича, которые замечали: «Можно лишь гадать о том, какой оборот приняли бы события, если бы нацисты проводили не политику геноцида, репрессий, подавления национальных и просто человеческих чувств, а более умеренную, приемлемую для большинства населения, как русского, так и нерусского. Но такая политика была абсолютно исключена, ибо нацисты не были

[1] Б. Двинов, например, замечал: «“Союз” Власова с Гитлером был “тоже союзом”, из коих один — Гитлер — обладал всей технической, военной и финансовой мощью, а другой — Власов — ничем, а был просто в плену и жил, и дышал, и действовал, пока то было Гитлеру угодно. (...) И Власов, и КОНР (Комитет освобождения народов России. — *И.Г.*) хорошо знали, что они — пленники, что они в лапах Гитлера, который может их в любой момент прикончить, но что “отступления нет” и “мосты сожжены”. (...) Они были не союзники, а прислужники (выделено автором. — *И.Г.*)» (Двинов Б. Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950. С. 59). Точка зрения примечательная и, на мой взгляд, вполне точно подходящая и для случая «сотрудничества» с Германией представителей восточных народов.

бы нацистами, да и мировой войны, вероятно, не было бы. Гитлеровская Германия стремилась к порабощению и частичному истреблению народов Советского Союза, Польши, других восточноевропейских государств»[1].

Исходя из сказанного, можно вполне обоснованно полагать, что германская политика по отношению к народам СССР изначально была тупиковой, поскольку национал-социалистической верхушкой перед ней была поставлена исключительно колониальная цель — завоевать «восточное пространство» и эксплуатировать его народы. Парадокс ситуации с представителями восточных народов, которые в период Второй мировой войны оказались на стороне Германии, заключается в том, что немецкая сторона **не могла** открыть перед ними реально демократичную перспективу, ибо в таком случае это уже была бы не Германия Гитлера. Германия являлась жестко тоталитарной страной, и наивно полагать, что такой режим поддержит самостоятельное и демократическое развитие других народов, которые к тому же были покорены силой оружия. Поэтому все попытки использовать восточные народы в «борьбе против большевизма» оказались даже чисто теоретически обречены на провал. Национал-социалистическая политика в отношении восточных народов, все лицемерные попытки привлечь их к военному и политическому сотрудничеству оказались масштабным блефом. Особо это стало заметным в последние годы войны, когда наметился перевес сил антигитлеровской коалиции. В таких условиях, как было показано выше, стремление использовать восточные народы на своей стороне становилось все более настойчивым. Режим упорно пытался найти выход из положения любой ценой, в том числе используя в качестве пушечного мяса советских военнопленных, представлявших разные народы. Это очевидный пример грандиозного политического лицемерия, которое, как правило, свойственно всем империям. И такая лицемерная политика не могла не иметь иного финала.

[1] *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. London, 1989. С. 474—475.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава 1
КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 7

Глава 2
ФАКТОРЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ СОТРУДНИЧЕСТВА
ГЕРМАНИИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ТЮРКСКИХ
НАРОДОВ 17

Глава 3
ТЮРКСКИЕ ВОЕННЫЕ СОЕДИНЕНИЯ
ВЕРМАХТА И СС 37

Глава 4
ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ТЮРКСКИХ НАРОДОВ
С НАЦИСТСКИМ РЕЖИМОМ 205

ПОЧЕМУ ЖЕ ВСЕ ТАК ЗАКОНЧИЛОСЬ?
(Вместо послесловия) 291

Научно-популярное издание

Враги и союзники

Гилязов Искандер Аязович

ЛЕГИОН «ИДЕЛЬ-УРАЛ»

Выпускающий редактор *М.К. Залесская*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*
Верстка *И.В. Левченко*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000452.01.09 от 27.01.2009 г.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 24.09.2009. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 9,5. Тираж 3000 экз. Заказ В-1389.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Почтовый адрес:
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Фактический адрес:
127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-4871, (499) 940-48-72, 940-48-73
Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (499) 940-48-70
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва,
2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labirint-shop.ru
В Санкт-Петербурге:
ЗАО «Диамант» СПб.
г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 105.
Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.
Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)
В Нижнем Новгороде:
ООО «Вече-НН»
603141, г. Нижний Новгород, ул. Геологов, д. 1.
Тел.: (831 2) 63-97-78
E-mail: vechenn@mail.ru
В Новосибирске:
ООО «Топ-Книга»
630117, г. Новосибирск, ул. Арбузова, д. 1/1.
Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33
www.top-kniga.ru
В Киеве:
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 2б, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20,(380 44) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский Дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ, ГОСПОЖА РАЗЛУКА

Вече

СЕРИЯ КНИГ

Бѣлогвардейскій романъ

Генералъ-Лейтенантъ

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

Баронъ ВРАНГЕЛЬ.

- Продолжение традиций русской классической литературы.
- Легендарные (Краснов, Куприн, Шмелев) и забытые (Раевский, Давату, Мамонтов) имена.
- 20 томов произведений Русского Белого Зарубежья.

Вече

БЕСТСЕЛЛЕР 2006 ГОДА!

СЕРИЯ КНИГ

ЗАРУБЕЖНЫЕ ВОЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

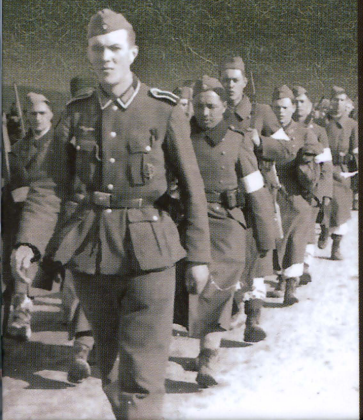
Ужасная изнанка Второй мировой войны и трагические судьбы воевавших на ней солдат многократно отражены в мировой и отечественной литературе. Но не так много произведений описывало тяжкий путь бойцов, сражавшихся в штрафных подразделениях. Были такие части и в германской армии. И, как обычно, им доставалась самая грязная и трудная работа — наступать первыми, а отступать последними. Лишь немногим удалось выжить в аду Восточного фронта...

Этот роман — первый из серии книг датского писателя С. Хасселя, воевавшего в рядах штрафного танкового полка германского вермахта. Автобиографический по форме, он обличает преступность этой войны и тех, кто ее развязал.

Общий тираж книг Свена Хасселя, выпущенных в разных странах мира, — 53 миллиона экземпляров!

Враги И союзники

Книга рассматривает феномен советского коллаборационизма на примере представителей тюрко-мусульманских народов. Она стала результатом работы в архивах и библиотеках Германии. Особый интерес представляют документальные материалы различных учреждений национал-социалистической Германии, как военных, так и гражданских: материалы Министерства иностранных дел, Министерства по делам оккупированных восточных территорий (Восточного министерства), Главного управления СС, командования Восточных легионов и различных военных соединений вермахта. Имеющийся материал позволяет с достаточной точностью воспроизвести одну из масштабных военно-политических афер Третьего рейха — попытку организовать военное и политическое сотрудничество с представителями тюрко-мусульманских народов СССР. Ее результаты весьма любопытны.



ISBN 978-5-9533-4272-8

Вече